ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 (42) 2010. Издается с 1999 г.

Журнал теоретических и прикладных исследований
Выходит 1 раз в квартал

Члены редакционной коллегии:

Координатор:
Свиридова И. А. – ректор КемГУ, канд. мед наук

Главный редактор:
Афанасьев К. Е. – проректор по научной работе и информатизации, д-р физ.-мат. наук, профессор.

Зам главного редактора:
Садовой А. Н. – д-р ист. наук, профессор

Отв. секретарь – Григорьева О. С.

Редакционная коллегия:
Зеленин А. А. – проректор по социальным вопросам и молодежной политике, д-р полит. наук, доцент;
Семенкова Т. Н. – проректор по учебно-организационной работе, канд. пед. наук;
Шадрин А. В. – начальник научного управления, д-р техн. наук, доцент;
Захаров Ю. А.. – член-корр. РАН, д-р хим. наук, профессор;
Араева А. А. – д-р филол. наук, профессор;
Бобров В. В. – д-р ист. наук, профессор;
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, профессор;
Желтов В. В. – д-р филос. наук, профессор;
Казин Э. М. – д-р биол. наук, профессор;
Карташов В. Я. – д-р техн. наук, профессор;
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, профессор;
Курбатова М. В. – д-р экон. наук, прфессор;
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, профессор;
Осадчий М. А. – канд. филол. наук;
Пименов Е. А. – д-р филол. наук, профессор;
Поварич И. П. – д-р экон. наук, профессор;
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, профессор;
Шер Я. А. – д-р ист. наук, профессор
Щенников В. П. – д-р филос. наук, профессор;
Юркевич Н. А. – канд. юрид. наук, доцент;
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, профессор.

Редактор выпуска – **З. А. Кунашева.**
Компьютерная верстка – **В. А. Шерина.**

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЯ

Калягин Ю. С., Зубко К. С., Ефремова Г. В. Иксодовые клещи г. Кемерово и пути их проникновения в городскую черту: опыт теоретического исследования **5**

ИСТОРИЯ

Макарчева Е. Б. Участие православного духовенства в развитии светского образования и формировании социокультурной среды дореволюционного сибирского города **10**

Михайлов Ю. И., Губкина Л. М. Искусство Древней Руси: к проблеме формирования особенностей национального художественного мышления **15**

Трубина А. А. Исторические и социально-политические условия формирования европейской анархической мысли XIX века **19**

МАТЕМАТИКА

Зеленский Е. Е., Воротилов А. А. Влияние пористости и проницаемости угольного пласта на критические условия его воспламенения **21**

Корнев Е. С. Твисторные расслоения на сфере S^4 **25**

ПЕДАГОГИКА

Бобнихов А. Н. Некоторые аспекты подготовки офицеров запаса на военных кафедрах в гражданских вузах **28**

Булгакова О. Н., Халфина П. Д., Шрайбман Г. Н., Иванова Н. В. Из опыта применения мультимедийных технологий в преподавании химических дисциплин **32**

Ильичева Н. И., Галаганова Л. Е., Лежнина Г. В. Воспитание гражданской компетентности будущих специалистов в вопросах интеркоммуникации средствами иностранного языка **36**

Костюченко Т. Я. Информационная культура и электронные обучающие ресурсы **44**

Семенкова Т. Н., Леухова М. Г., Лесникова С. Л., Блинова Н. Г., Васина Е. В., Кошко Н. Н., Варич Л. А. Особенности психофизиологической адаптации студентов первого курса к условиям обучения в вузе **47**

ПСИХОЛОГИЯ

Балабаева Н. А., Порхачева Л. В., Маслова Е. А., Михайлова В. П. Исследование влияния обучения в вузе на изменение психоэмоциональных характеристик личности студентов механического факультета КемТИПП **53**

Марченкова Е. Г., Белогай К. Н. Внутрифирменное обучение как фактор повышения стандартов производства и качества работы сотрудников розничной сети **60**

Устюганов А. А. Исследование смысловой сферы военнослужащих переживших боевой стресс **69**

Фалилеев В. В. Ролевое поведение родителей как фактор профилактики жестокого обращения с детьми **74**

Черева Т. Н. «Студенческий» невроз: причины возникновения **79**

Журнал теоретических и прикладных исследований

Печатается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Выходит 1 раз в квартал.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 650043, ул. Красная 6, к. 1225, редакция журнала «Вестник Кемеровского государственного университета».
Телефон: (3842)58-28-39,
факс (3842)58-38-85,
E-mail: keafa@kemsu.ru

Журнал зарегистрирован в Сибирском окружном межрегиональном территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ ФС77–40023

Со второго полугодия 2004 г. на «Вестник КемГУ» открыта подписка. Подписные индексы: Объединенный каталог «Пресса России» – 42150, Каталог российской прессы «Почта России» –51944.

© ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2010.

Подписано к печати _____
Формат А 4.
Печать офсетная.
Бумага Sveto Copy.
Усл. печ. л. – 21,75.
Уч.- изд. л. – 19,5.
Тираж 500 экз.
Заказ № _____
Отпечатано в ООО «ИНТ».
650003, Кемерово,
пр. Химиков, 43а.

ФИЗИКА

Николаева Е. В., Поплавной А. С., Силинин А. В. Подрешетки в кристаллах со структурой кубического перовскита и особенности их фононных спектров **83**

ФИЛОЛОГИЯ

Блинова О. И. Светлой памяти Алевтины Николаевны Ростовой **87**
Антипов А. Г. Морфонологические модели русского словообразования (на материале метаязыковой фантазии коммуникантов) **89**
Булгакова О. А. Полисемантическое слово как комплексная когнитивная структура **93**
Бушев А. Б. Языковая личность современного россиянина **96**
Кишина Е. В., Пыхтина Т. Л. Речевой портрет регионального журналиста (по материалам кузбасских СМИ) **99**
Кочетова И. В. Цветовая символика как отражение творческого метода А. Белого и его метаязыкового сознания **103**
Осборн О. К вопросу о разграничении языковых норм и языковых правил (на примере сочинительных конструкций в русском языке) **107**
Ревенко И. В. Интенсивы как средство экспликации многослойности концепта в военной прозе В. П. Астафьева **111**
Ростова А. Н. Рецензия на монографию О. И. Блиновой «Мотивология и ее аспекты» **114**
Ростова Н. Н. Философия надежды в поэтическом дискурсе **117**
Сарамотина Л. Х. Метаязыковая деятельность при осознании иноязычных незнакомых сложных слов **122**
Тиунова С. П., Рабкина Н. В. Долгая дорога Британии к правде: trust, truth and twist **124**
Щитова Н. В. Образная характеристика адресатов в письмах М. Цветаевой к Б. Пастернаку и Р. М. Рильке как отражение языковой личности автора **128**

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Коротких Г. И., Коротких Гал. И. Формирование инновационных компетенций студентов при обучении иностранным языкам в университете **131**

ФИЛОСОФИЯ

Красиков В. И. Фокусные дискуссии в отечественной мысли начала XX в. **135**

ХИМИЯ

Денисов В. Я., Мурышкин Д. Л., Ткаченко Т. Б., Чуйкова Т. В. Внедрение инновационных образовательных технологий в процесс преподавания курса органической химии **141**
Денисов В. Я., Стукалова Е. В., Чуйкова Т. В. Получение и свойства алкенилзамещенных антрахинонов **144**

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

Ковтун Л. О., Овчарова Л. Г. Роль знаний о безопасности жизнедеятельности человека в сохранении здоровья **147**
Хорошилова Л. С., Табакаева Л. М., Трофимова И. В. Влияние экологической ситуации на заболеваемость и демографические показатели Кузбасса **150**

ЭКОНОМИКА

Зобова Л. Л., Мухамедиева С. А. О корректности использования экономических терминов в экономических исследованиях **155**
Лысенко Е. А. Формирование модели компетенций выпускника экономического профиля с учетом кризисных явлений **159**
Саблин К. С. Формирование региональных «институтов развития» в экономике России: постановка исследовательской проблемы **162**
Авторы выпуска **167**
Правила оформления статей в «Вестник КемГУ» **174**
Подписка на «Вестник КемГУ» **176**

CONTENT

BIOLOGY

Kalyagin Yu. S., Zubko K. S., Efremova G. V. Ixodidae ticks in Kemerovo and the ways of their entry to the city territory: experience of theoretic research **5**

HISTORY

Makarcheva E. B. Orthodox clergy participation in the development of society education and the socio-cultural environment forming of pre-revolutionary Siberian town **10**

Mikhaylov Yu. I., Gubkina L. M. Art of the Ancient Russia: to the problem of the peculiarities forming of the national art mind **15**

Trubina A. A. Historic and social-political conditions of European anarchic idea forming of XIX century **19**

MATHEMATICS

Zelenskiy E. E., Voroshilov A. A. Influence of coal porousness and permeability on the critical conditions of its inflammation **21**

Kornev E. S. Twistor exfoliation on the sphere S^4 **25**

PEDAGOGICS

Bobnichov A. N. Some aspects of the reserve officers preparation on the military chairs in civil universities **28**

Bulgakova O. A., Halfina P. D., Shrayban G. N., Ivanova N. V. From the experience of multi-media technologies using in the teaching of chemical disciplines **32**

Ilyicheva N. I., Galaganova L. E., Lejnina G. V. Educating ciricnundcdness as competency of future specialists while intercommunicating by means of foreign languages **36**

Kostuchenko T. Ya. Information culture and electronic educational devices **44**

Semenkova T. N., Leukhova M. G., Lesnikova S. L., Blinova N. G., Vasina E. V., Koshko N. N., Varich L. A. Peculiarities of the first-year students' psycho-physiological adaptation to educational conditions in the university **47**

PSUCHOLOGY

Balabaeva N. A., Porhacheva L. V., Maslova E. A., Mikhaylova V. P. Investigation of the influence of studying in the University on psycho-emotional characteristics changes of students' personality for mechanical department KemTIFI **53**

Marchenkova E. G., Belogai K. N. Transfer training as factor of increase of standards of production and quality of work of retail network **60**

Utuganov A. A. Investigation of the sense sphere of servicemen experienced the battle stress **69**

Falileev V. V. The parents role behavior as a factor of prevention of cruel treatment with children **74**

Chereva T. N. "Student neurosis": reasons of the origin

PHYSICS

Nikolaeva E. V., Poplavnoy A. S., Silinin A. V. Sublattices in crystals with the structure of cubic perofskite and peculiarities of its background spectrum **79**

PHILOLOGY

Blinova O. I. Kind memories of Alevtina Nikolaevna Rostova **87**

Antipov A. G. Morphonological models of Russian word-building (on the material of meta-language fantasy communicants **89**

Bulgakova O. A. Polysemantic word as a complex cognitive structure **93**

Bushev A. B. Language personality of modern Russian **96**

Kishina E. B., Pihtina T. L. Speech portrait of the regional journalists (by the materials of Kuzbass mass media) **99**

Kochetova I. V. Colour symbolic as a reflection of creation method of A. Beliy and his meta-language mind **103**

Osborn O. To the question of language norms and language rules divisions (on the example of coordinative constructions) **107**

Revenko I. V. Intensives as the source of laminated concept explication in the military prose of B. P. Astafjev **111**

Rostova A. N. Review on the monograph of O. I. Blinova " Motivology and its aspects" **114**

Rostova N. N. Philosophy of hope in the poetic discourse **117**

Saramotina L. H. Meta-language activity at the realization of loan complex words **122**

Tiunova S. P., Rabkina N. V. Long way of Britain to the truth: trust, truth and twist **124**

Shcitova N. V. Figurative characteristic of addressees in letters of M. Tsvetaeva to B. Pasternak and R.M. Rilke as a reflection of the author's language personality **128**

PHILOLOGY. LINGUADIDACTICS

Korotkikh G. I., Korotkikh Gal. I. Innovative competences forming of the students while teaching foreign languages at the University **131**

PHILOSOPHY

Krasikov V. I. Focus discussions in patriotic idea of the beginning XX century **135**

CHEMISTRY

Denisov V. Ya., Murishkin D. L., Tkachenko T. B., Chuykova T. V. Involvement of innovative educational technologies into the teaching of the course "organic chemistry" **141**

Denisov V. Ya., Stukalova E. V., Chuykova T. V. Getting and properties of ethylene-mixed anthraquinones **144**

ECOLOGY. HEALTH

Kovtun L. O., Ovcharova L. G. The role of knowledge about human's vital activity in health safety **147**

Horoshilova L. S., Tabakaeva L. M., Trofimova I. V. The influence of ecological situation on morbidity and demographic indexes of Kuzbass **150**

ECONOMICS

Zobova L. L., Mukhamedieva S. A. About correctness of economic terms usage in economic investigations **155**

Lisenko E. A. Competence model forming of graduating student with economic profile taking into account the crisis phenomenon **159**

Sablin K. S. Forming of regional "institutes of development" in economics of Russia: putting of researching problem **162**

БИОЛОГИЯ

УДК 595.421(571.17)

ИКСОДОВЫЕ КЛЕЩИ Г. КЕМЕРОВО И ПУТИ ИХ ПРОНИКНОВЕНИЯ В ГОРОДСКУЮ ЧЕРТУ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. С. Калягин, К. С. Зубко, Г. В. Ефремова

IXODIDAE TICKS IN KEMEROVO AND THE WAYS OF THEIR ENTRY TO THE CITY TERRITORY: EXPERIENCE OF THEORETIC RESEARCH

Yu. S Kalyagin, K. S. Zubko, G. V. Efremova

Фауна иксодид Кемеровской области насчитывает 11 видов. Самыми многочисленными и распространенными являются 4 вида: Ixodes persulcatus, Ixodes pavlovskyi, Dermacentor pictus и Haemaphysalis concinna. В черте города Кемерово встречаются только 3 вида: Ixodes persulcatus, Ixodes pavlovskyi, Dermacentor pictus, куда они постоянно заносятся домашними собаками и могут заноситься мышевидными грызунами только в годы их максимальной численности. Наибольшую опасность для человека в черте города представляют напитавшиеся нимфы, способные линять в имаго.

There are 11 species of Ixodidae in fauna of Kemerovo region. Most numerous and wide-spread from them are 4 species: Ixodes persulcatus, Ixodes pavlovskyi, Dermacentor pictus and Haemaphysalis concinna. Only 3 species are finds within Kemerovo city boundaries: Ixodes persulcatus, Ixodes pavlovskyi, Dermacentor pictus, where they are constantly brought by pet dogs and also can be brought by mouse-like rodents only in the years of their maximal quantity. A most danger for a man is presented by nymphs, witch can grow up to imago.

Ключевые слова: иксодовые клещи, таежный клещ, яйцо, личинка, нимфа, имаго, клещевой энцефалит, клещевой иксодовый боррелиоз.

Key words: ixodidae ticks, taiga tick, egg, maggot, nymph, imago, tick-borne encephalitis, tick ixodidae borreliosis.

Конец прошлого и начало текущего столетий характеризовались появлением в научных публикациях и средствах массовой информации описания фактов нападения самок иксодовых клещей на человека в черте не только крупных городов Западной Сибири, таких как Омск (Федоров, Нестерова, Гордиенко, 1999), Новосибирск (Сапегина, Доронцова, Телегин и др., 1985), Томск (Романенко, 1999, 2002; Романенко, Чекалкина, 2004), Кемерово (Мухопад, Лопаева, Кемаева, 2002), но и других городов России: Воронеж (Гапонов, Федорук, Будаева, 2009), Миасс (Ткачев В. А., Ткачев И. В., Бабушкина, 1997), Иркутск (Коротков, Никитин, Антонова и др., 2007).

При этом нападения отмечались в самый разгар эпидемиологического сезона клещевого энцефалита и клещевого иксодового боррелиоза на людей, которые совершенно не контактировали с природой и с предметами, занесенными из клещевых очагов в черту города (букеты цветов, колба, папоротник и прочее). Как могло случиться, что такие опасные членистоногие, как иксодовые клещи могли переселиться из клещевых очагов, находящихся в природных условиях, в городскую черту и угрожать здоровью людей?

Подобного рода вопросы постоянно задаются работникам Госсанэпиднадзора и университетским преподавателям-биологам. Зачастую ответ сводился к тому, что в черту города клещей заносят птицы. Это заключение складывалось исходя из способности птиц к далеким и быстрым миграциям. Однако это возможно только в том случае, если различного рода миграции птиц (перелеты, сезонные, кормовые и др.) по времени совпадают с периодом наибольшей активности (агрессивности) клещей в природе. Кроме этого, места даже временного обитания птиц должны совпадать или соприкасаться с биотопами иксодовых клещей.

На территории Кемеровской области возможно обитание 10 – 11 видов иксодовых клещей, из которых самым многочисленным является таежный клещ (*Ixodes persulcatus*), встречающийся повсеместно, где есть только древесная или кустарниковая растительность (Калягин, 1963; Померанцев, 1950; Попов, 1962; Сердюкова, 1962). С таежным клещом викарирует другой иксодовый клещ – *Ixodes pavlovskyi*, уступающий таежному по численности и разнообразию биотопической приуроченности. В лесостепной зоне в настоящее время активно расширяет свой ареал на восток и увеличивает численность *Dermacentor pictus*. В этой же ландшафтной зоне обитают редкие *D. marginatus* и *D. silvarum*, а также был найден редчайший, заносный *D. nuttali*. Среди норно-гнездовых обитателей следует отметить *Ix. apronophorus* и *Ix. trianguliceps*, поселяющихся в гнездах мышевидных грызунов. *Ix. plumbeus* – обитатель гнездовых камер береговых ласточек (*Riparia riparia*) и временный эктопаразит этих же птиц. Следует отметить специфического норового клеща – *Ix. crenulatus*, обитающего в норах лесостепного сурка (*Marmota kastschenkoi*) и паразитирующего на этом крупном грызуне.

Несколько обособленно в списке иксодовых клещей стоит *Haemaphysalis concinna*, имеющий мо-

заичное распространение на юге Кемеровской области и тяготеющий к сырым кочкарникам с разреженным кустарником.

Таким образом, имеют эпидемиологическое значение и представляют реальную опасность для людей 4 вида иксодовых клещей: *Ixodes persulcatus, Ixodes pavlovskyi, Dermacentor pictus* и *Haemaphysalis concinna*, которые могут нападать на человека в природной обстановке, а также оказаться в городской черте, будучи туда занесенными. Оставшиеся виды иксодид в силу их биологических особенностей (норно-гнездовой образ жизни), а также редкости и ничтожной численности из списка эпидемиологически опасных животных должны исключиться, даже в том случае, если их местообитания расположены в непосредственной близости от городской черты.

Для всех 4 видов упомянутых выше иксодовых клещей характерен треххозяинный тип развития, а схема жизненного цикла складывается из четырех фаз: яйцо, личинка, нимфа, имаго (взрослая особь). Только одна фаза – яйцо – является пассивной, остальные же фазы активны и нуждаются в питании кровью различных теплокровных позвоночных (птицы и млекопитающие). Все активные фазы развития хорошо различаются между собой по линейным размерам и морфологическим признакам. Какой-либо видоспецифичностью в выборе прокормителя каждая активная фаза развития иксодовых клещей не отличается, но для каждой из них свойственен определенный круг животных-прокормителей, которые должны быть соответствующей величины, а биотопы их должны совпадать с биотопами клещей (Наумов, Шилова, Чабовский, 1957; Филиппова, 1985; Чабовский, Долгов, Эфрон, 1967). Так, личинки выкармливаются на животных мелкого размера (многочисленные мелкие птицы из отряда воробьиных, серые полевки, красные лесные полевки, мыши, насекомоядные млекопитающие и многие другие). Нимфы предпочитают прокормителей среднего размера (различные виды дроздов, рябчики и другие птицы среднего размера, а из млекопитающих – бурундуки, белки, мелкие и крупные куньи, зайцеобразные и др.) В то же время нимфы довольно часто встречаются на мелких млекопитающих, уступая, однако, личинкам по индексам встречаемости и обилия. Имаго, как правило, паразитируют на крупных диких и домашних млекопитающих (крупный и мелкий рогатый скот, собаки), а также на птицах средней и большой величины, которые гнездятся и кормятся на земле. Следует отметить, что присосавшихся самок клещей довольно часто можно встретить на животных средней величины, где они паразитируют совместно с нимфами, уступая им по индексам встречаемости и обилия. Подобно исключению из правил, можно встретить самок клещей, присосавшихся к покровам мелких млекопитающих, на которых массово выкармливаются личинки. Из обследованных нами 10000 мелких млекопитающих, отловленных в клещевых очагах, только на 4 зверьках были обнаружены единичные присосавшиеся имаго клещей, которые находились в очень угнетенном состоянии. Гистологические исследования покровов зверьков в месте раневого дефекта (место присасывания самки клеща) показали, что воспалительная реакция в этом месте носит бурный характер, делающий процесс кровососания очень затруднительным, а порой невозможным (Калягин, 1969). Покровы мелких млекопитающих, как показали наши исследования, являются слишком нежной субстанцией для паразитирования взрослых иксодовых клещей. Присасывающиеся клещи являются настолько сильным раздражающим фактором, что у прокормителей включается механизм самоочищения (вычесывание и выгрызание клещей). Таким образом, взрослые клещи могут присасываться к покровам только в местах недоступных для когтей и зубов зверьков (межлопаточная область).

В период активизации подстерегающие свою жертву иксодовые клещи стараются занять самый верхний уровень травянистой растительности, в то время как личинки подстерегают своего прокормителя на земле. Это обстоятельство в немаловажной степени способствует механическому распределению активных свободноживущих фаз развития иксодид по определенным кругам животных-прокормителей.

Среди птиц-прокормителей самок *Ixodes persulcatus* и *Ixodes pavlovskyi* особое место занимает рябинник (*Turdus pilaris*), на котором в массе выкармливаются клещи в разгар эпидемиологического сезона (до 5 – 8 самок на одной особи). А если учесть, что рябинники – стайные птицы и гнездятся колониями, то становится очевидным, какое огромное значение они имеют в становлении, поддержании и процветании клещевых очагов, а следовательно, и таких опасных природно-очаговых инфекций, как клещевой энцефалит и клещевой иксодовый боррелиоз (Калягин, 1985; Калягин, Муравский, Деменков, 1973).

Все активные фазы развития иксодовых клещей после нападения на хозяина, в том числе и на человека, очень скоро, отыскав подходящее место на теле, начинают присасываться, то есть погружать свои ротовые органы (колюще-сосущий аппарат) в покровы прокормителя. Этот процесс занимает 2 – 3 часа, поэтому людям, находящимся на территории клещевого очага, рекомендуется производить взаимный осмотр одежды и тела через каждые полтора-два часа. Процесс присасывания клеща к покровам прокормителя сложный, длительный (продолжительность его 8 – 10 часов) и сопряжен с формированием фиксаторного аппарата, который надежно удерживает паразита на покровах хозяина в течение всего многодневного кровососания. В литературе фиксаторный аппарат называется по-разному: «цементный футляр» (Балашов, 1982; Калягин, 1985; Калягин, Зубко, Кононец, 2001), «соединительно-тканный конус» (Григорьева, 2007), но остается очевидным, что он формируется в результате взаимодействия слюны клеща и соединительной ткани хозяина. Вот почему присосавшихся и находящихся в состоянии многодневного активного кровососания клещей не так-то просто удалить с покровов. Активное кровососание обычно занимает время у ли-

чинок 3 – 5, у нимф 5 – 7, а у самок 7 – 8 суток (неоплодотворенные самки сосут кровь 10 – 12 суток). Из сказанного следует, что присосавшиеся клещи сами себя надежно фиксируют на весь многодневный период кровососания, не могут сменять место присасывания, а также прекращать кровососание и переползать на другого хозяина.

Утверждение, что в черту города клещи заносятся с букетами цветов, колбой, папоротником и прочим, следует признать несостоятельным, так как за время транспортировки этих предметов из клещевых очагов в городскую черту клещи успеют переползти на сборщиков и начать присасывание к их покровам.

В условиях Кемеровской области у 4 видов наиболее широко распространенных и многочисленных иксодовых клещей весь жизненный цикл от яйца до имаго занимает период от 3 до 5 лет.

В черте крупного промышленного города, даже при стечении самых благоприятных обстоятельств, полностью жизненный цикл иксодового клеща осуществиться не может. Любая активная фаза развития иксодового клеща может быть занесенной в городскую черту только на животном-прокормителе и способна покинуть его самостоятельно, лишь полностью насосавшись или приняв значительные количества крови. Если предположить, что насосавшаяся личинка окажется в черте города и через некоторое время метаморфизируется в нимфу, которая благополучно перезимует, то весной следующего года перед голодной нимфой возникнет серьезнейшая проблема, заключающаяся в поисках прокормителя. Скорей всего, жизненный цикл на этом прекратится.

То же самое следует сказать и о насосавшихся самках, которые, отвалившись от покровов прокормителя, должны отыскать подходящее место для откладки яиц. В природных условиях клещевого очага насосавшиеся самки откладывают яйца в расщелины почвы, хорошо защищенные лесной подстилкой из прошлогодней травы и листьев. Даже в условиях клещевого очага откладывание яиц осуществляется не всегда в хорошо защищенные места из-за большой ограниченности передвижения насосавшихся самок и кладки погибают. В условиях крупного города подходящих мест для откладки яиц вообще может не найтись, но даже если кладка состоится и из яиц вылупятся личинки, то перед перезимовавшими личинками вновь возникает неразрешимая проблема – поиск прокормителя.

Что же касается насосавшихся нимф, оказавшихся в городской черте, то они, перелиняв в имаго, впадают в диапаузу и, в случае благополучной зимовки, весной становятся активными (Белозеров, 1991). Перезимовавшие голодные самки способны переползать на десятки метров и нападать на человека. Такой вариант теоретически возможен и практически вполне допустим. Таким образом, насосавшиеся нимфы иксодовых клещей, занесенные в черту крупного города, являются как раз тем источником, который дает голодных самок, способных нападать на людей, не контактирующих с природой и не пользующихся объектами, принесенными из клещевых очагов.

Птицы из-за своей способности к полету сразу же обращают на себя внимание как форезийный фактор, благодаря которому может осуществляться занос насосавшихся нимф иксодовых клещей в черту крупного города. Однако при рассмотрении биологических особенностей птиц в период максимальной активности иксодовых клещей в природе, то есть в разгар эпидсезона, приходится сомневаться в правомерности этого утверждения. Именно в этот отрезок времени, именуемый гнездовым периодом, жизнь птиц носит строго оседлый характер. Как оседлые, так и перелетные воробьиные птицы, разбившись на пары, занимают гнездовые участки и приступают к постройке гнезда. Затем следует откладка яиц, их насиживание, вылупление птенцов, их выкармливание, вылет птенцов из гнезда, обучение слетков самостоятельной жизни, послегнездовые миграции, подготовка к отлету у перелетных птиц и сам отлет на места зимовок. Из этих периодов складывается очень напряженная и беспокойная жизнь птиц, занимающая весенне-летне-осенние сезоны. Следует подчеркнуть, что жизнь птиц в весенне-летний сезон протекает в пределах гнездового участка, масштабы которого сильно колеблются в зависимости от видовой принадлежности, и только в период послегнездовых миграций птицы покидают свои гнездовые участки, но не залетают в городскую черту. Даже гнездящиеся в городе птицы после становления птенцов на крыло покидают городскую черту и совершают послегнездовые миграции за ее пределами. Перелетные птицы в массе могут появиться в городе осенью. В этот же период в черте города появляются оседлые и оставшиеся на зимовку перелетные птицы, которые остаются там до весны. Таким образом, обитающие постоянно или временно в городе птицы в осенне-зимний сезон совершенно стерильны по отношению ко всем активным фазам развития иксодовых клещей и как форезийный фактор рассматриваться не должны. Этот вывод распространяется на всех других птиц, то есть птицы никакого отношения к заносу иксодовых клещей в черту крупных городов, в том числе Кемерова, не имеют.

Из диких млекопитающих следует обратить внимание на мышевидных грызунов, принимающих большое участие в выкармливании личинок и несколько меньшее в выкармливании нимф иксодовых клещей. Мышевидные грызуны являются самой многочисленной группой среди млекопитающих, распространены повсеместно и заселяют самые разнообразные биотопы. Динамика их численности подвержена периодическим подъемам до определенных максимальных величин (мышиная напасть), и спадом (депрессия) до минимальных. В период пика своей максимальной численности мышевидные грызуны начинают стремительно расселяться в поисках новых местообитаний и корма. Можно вполне допустить, что отдельные особи различных видов мышевидных грызунов в период максимальной численности могут оказаться в черте большого города. Они, конечно, не пополнят список синантропных грызунов и жизнь их обречена, но они могут занести на себе насосавшихся нимф, которые, отвалившись

от покровов прокормителя, линяют в имаго, впадают в диапаузу, и в случае благополучной зимовки, весной активизируются. Голодные самки в этот период активны и очень опасны для человека. Описанный вариант появления голодных самок иксодовых клещей в черте большого города маловероятен, но теоретически возможен.

Резкое увеличение частного автомобильного транспорта привело к усилению контакта человека с природой, то есть с клещевыми очагами. Случаи заноса самок иксодовых клещей людьми и собаками стали явлением обычным и довольно частым. Но если присосавшиеся самки иксодовых клещей к покровам человека и собак представляют собой тупиковый вариант развития, то присосавшиеся к покровам собак нимфы могут получить дальнейшее развитие. Насосавшиеся нимфы могут отвалиться от покровов собак во время их выгуливания и, в случае попадания в благоприятные условия, перелинять в самку, которая после диапаузы и благополучной зимовки весной наступившего года нападет на первого же попавшегося человека. Этот вариант не только теоретически возможен, но и практически очень реален.

Заслуживают самого пристального внимания естественные древесные насаждения лесопаркового типа, находящиеся в черте города или соприкасающиеся с ним. В черте города Кемерово таковым является Рудничный сосновый бор, занимающий довольно обширную площадь и служащий постоянным местом отдыха горожан в течение всего года. Несмотря на мощное антропическое воздействие, в бору достаточно много участков с хорошим древостоем, кустарниковым ярусом, пышным травянистым покровом и хорошо развитой лесной подстилкой, состоящей из хвойно-листового опада и прошлогодней травянистой растительности. Следовательно, в Рудничном сосновом бору достаточно подходящих стаций для длительного существования свободноживущих фаз развития *Ixodes persulcatus* и *Ixodes pavlovskyi* от яйца до имаго включительно. Что же касается животных-прокормителей для личинок и нимф, то они представлены здесь в достаточном количестве мышевидными грызунами и насекомоядными, чего нельзя сказать о крупных и среднего размера млекопитающих, на которых выкармливаются имаго клещей. Однако полный жизненный цикл указанных видов иксодовых клещей вполне возможен, так как недостающих прокормителей для имаго в некоторой степени заменяют дрозды (рябинник и другие виды) (Калягин, 1985). Таким образом, Рудничный сосновый бор совмещает в себе зону отдыха и клещевой очаг, эпидемиологическая напряженность природно-очаговых арбовирусных инфекций в котором колеблется по годам, но не бывает значительной и никогда не исчезает полностью. Аналогичные ситуации наблюдаются в г. Томске, в лесопарковой зоне которого из отловленных иксодовых клещей выделены возбудители клещевого энцефалита и клещевого иксодового боррелиоза (Кондратьев, Истраткина, Антонова и др., 2001; Романенко, Панкова, 2001).

В черте крупных городов располагаются парки отдыха с древесными насаждениями и кустарником, в которых как редкое спорадическое явление появляются голодные самки иксодовых клещей. К таким местам в городе Кемерово относятся Комсомольский парк, городской сад и др. Появившихся на их территории клещей следует рассматривать как результат случайного заноса, а не как результат функционирования постоянного клещевого очага, что не исключает, однако, эпидемиологическую опасность этих мест.

Попытки объяснить нахождение иксодовых клещей на территории крупных промышленных городов как возможный процесс синантропизации иксодид (Богданова, 2006, 2007) или представить природный очаг инфекции в виде антропо-экологической системы определенного иерархического уровня (Болотин, 2002), в сущности, противоречат основным положениям учения акад. Е. Н. Павловского о природно-очаговых инфекциях.

Из вышеизложенного следуют краткие ***выводы***.

1. Иксодовые клещи Кемеровской области имеют большое медико-ветеринарное значение. Их фауна включает, с учетом как широко распространенных и многочисленных видов, так и редких и завозных 11 видов: *Ixodes persulcatus, Ix. pavlovskyi, Ix. apronophorus, Ix. triangulicеps, Ix. plumbeus, Ix. crenulatus, Haemaphysalis concinna, Dermacentor pictus, D. marginatus, D. silvarum, D. nuttali*. В черте города Кемерово встречаются 3 вида: *Ixodes persulcatus, Ix. pavlovskyi, Dermacentor pictus.*

2. Голодные самки иксодовых клещей в городской черте метаморфизируют от занесенных из клещевых очагов насосавшихся кровью нимф, которые, отвалившись от покровов прокормителей и попав в благоприятные условия, превращаются в самок, способных после благополучной зимовки нападать на людей. Все другие фазы развития клещей (яйцо, личинка, сытая самка) в черте крупного города обречены на гибель и для человека опасности не представляют.

3. Птицы как форезийный фактор, благодаря которому мог бы осуществиться занос иксодовых клещей в черту крупного города в разгар эпидемиологического сезона природно-очаговых заболеваний, никакого значения не имеют и рассматриваться не должны.

4. Насосавшихся нимф иксодовых клещей в черту города Кемерово могут заносить мелкие млекопитающие, обитающие в его зеленой зоне и расселяющиеся на значительные расстояния в годы достижения своей максимальной численности. Домашние собаки, вывозимые на природу, зачастую в клещевые очаги, также являются реальным фактором занесения в городскую черту голодных, а через несколько дней становящихся сытыми нимф.

5. Крупные насаждения лесопаркового типа в черте промышленного центра могут рассматриваться как постоянно функционирующие, но незначительные по своей эпидемиологической напряженности клещевые очаги. Появление иксодовых клещей в других местах городской черты следует рассматривать как случайные заносы.

Литература

1. Балашов, Ю. С. Паразито-хозяинные отношения членистоногих с наземными позвоночными / Ю. С. Балашов. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1982. Тр. зоол. ин-та. – Т. 97. – 319 с.

2. Белозеров, В. Н. Поведенческая диапауза у иксодовых клещей / В. Н. Белозеров // Ориентация членистоногих. – Томск: ТГУ ,1981. – С. 93 – 95.

3. Богданова, Е. Н. Синантропизация иксодовых клещей как фактор увеличения их эпидемиологической значимости / Е. Н. Богданова // Дезинф. дело. – 2006. – № 3. – С. 50 – 53.

4. Богданова, Е. Н. Научные основы интегрированной медико-биологической системы регуляции численности синантропных членистоногих / Е. Н. Богданова: автореф. дис. … д-ра биол. наук. – М., 2007. – 48 с.

5. Болотин, Е. Н. Функциональная организация природных очагов зоонозных инфекций (на примере очагов клещевого энцефалита юга Российского Дальнего Востока) / Е. Н. Болотин. – Владивосток: ДВГТУ, 2002. – 150 с.

6. Гапонов, С. П. Иксодовые клещи (Ixodidae) в Воронеже / С. П. Гапонов, С. А. Федорук, И. А. Будаева // Вестник Мордовского ун-та. – Саранск, 2009. Сер. «Биологические науки». – № 1. – С. 18 – 19.

7. Григорьева, Л. А. Морфологические изменения в организме питающихся клещей иксодин (Ixodinae), взаимодействия клещей с организмом хозяина и патогенами / Л. А. Григорьева: автореф. дис. … д-ра биол. наук. – СПб, 2007. – 39 с.

8. Калягин, Ю. С. Некоторые данные по биологии клеща *Ixodes persulcatus* – переносчика клещевого энцефалита в Кузбассе / Ю. С. Калягин // V науч. конф. – Кемерово, 1963. – С. 193 – 195.

9. Калягин, Ю. С. О реактивности покровных тканей мышевидных грызунов при паразитировании личинок и взрослых форм клеща *Ixodes persulcatus* P. Sch. / Ю. С. Калягин // Ученые записки. – Кемерово, 1969. – Вып. 10. – С. 87 – 89.

10. Калягин, Ю. С. Реактивность покровных тканей птиц при паразитировании имаго таежного клеща как фактор, определяющий его численность в условиях антропургических очагов клещевого энцефалита при недостаточной численности млекопитающих-прокормителей / Ю. С. Калягин // VIII науч. конф., посвящ. теоретич. и практич. вопр. общей биологии и паразитологии. – Кемерово, 1985. – С. 72 – 76.

11. Калягин, Ю. С. Эколого-морфологические адаптации в системе «паразит-хозяин» при паразитировании таежного клеща на мелких млекопитающих и птицах в природных биоценозах / Ю. С. Калягин, К. С. Зубко, Ю. А. Кононец // Актуальные проблемы инфектологии и празитологии. – Томск, 2001. – С. 113.

12. Калягин, Ю. С. Особенности реактивности покровов дроздов-рябинников – основных прокормителей взрослых форм *Ixodes persulcatus* в условиях антропургических и переходных очагов клещевого энцефалита в Кемеровской области / Ю. С. Калягин, Н. Н. Муравский, А. Г. Деменков, М. А. Марьенко // Вопросы морфологии и физиологии. – Кемерово, 1973. – Вып. 1. – С. 65 – 67.

13. Кондратьев, В. Г. Оценка территорий рекреационной зоны г. Томска в отношении риска заражений клещевым энцефалитом и иксодовыми клещевыми боррелиозами / В. Г. Кондратьев, С. В. Истраткина, Л. А. Быкова, Г. Г. Адамович // Актуальные проблемы инфектологии и паразитологии. – Томск, 2001. – С. 110 – 111.

14. Коротков, Д. С. Временная структура численности таежного клеща в пригородной зоне Иркутска / Д. С. Коротков, А. Я. Никитин, А. М. Антонова, Д. Б. Вержуцкий, А. Е. Вершинин, В. М. Корзун, О. В. Мельникова, Ю. А. Козлова // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. – 2007. – № 3 (35). – С. 126 – 130.

15. Мухопад, Е. Клещ: охота на людей началась / Е. Мухопад, Н. Лопаева, М. Кумаев // Наша газета. – 2002. – 24 мая.

16. Наумов, Н. П. Роль диких позвоночных в природных очагах клещевого энцефалита / Н. П. Наумов, А. С. Шилова, В. И. Чабовский // Зоол. журн. – 1957. – Т. 36. – С. 444 – 452.

17. Померанцев, В. И. Фауна СССР. Паукообразные. Вып. 2 / В. И. Померанцев. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. IV. – 219 с.

18. Попов, В. М. Иксодовые клещи Западной Сибири / В. М. Попов. – Томск, 1962. – 258 с.

19. Романенко, В. Н. Особенности распространения таежного клеща (Ixodidae) в Томске / В. Н. Романенко // Паразитология. – 1999. – Т. 33. – Вып. 1. – С. 61 – 65.

20. Романенко, В. Н. Экологические условия обитания таежного клеща на территории крупного города / В. Н. Романенко // Экология, биоразнообразие и значение кровососущих насекомых и клещей России. – Великий Новгород, 2002. – С. 108 – 110.

21. Романенко, В. Н. Зараженность таежного клеща боррелиями на территории Томска / В. Н. Романенко, Т. Ф. Панкова // Актуальные проблемы инфектологии и паразитологии. – Томск, 2001. – С. 111 – 112.

22. Романенко, В. Н. Видовой состав иксодовых клещей на территории г. Томска / В. Н. Романенко, Н. Б. Чекалкина // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2004. – № 11. – С. 132 – 134.

23. Сапегина, В. Ф. Особенности распределения *Ixodes persulcatus* P. Sch. в лесопарковой зоне г. Новосибирска / В. Ф. Сапегина, В. А. Доронцова, В. И. Телегин, Н. Г. Ивлева, А. К. Добротворский // Паразитология. – 1985. – Т. 19. – № 15. – С. 370 – 373.

24. Сердюкова, Г. В. Иксодовые клещи фауны СССР / Г. В. Сердюкова. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. – 122 с.

25. Ткачев, В. А. О существовании природных очагов клещевого энцефалита на административной территории г. Миасса / В. А. Ткачев, И. В. Ткачев, С. Н. Бабушкина // Леса Башкортостана: современное состояние и перспективы. – Уфа, 1997. – С. 204 – 205.

26. Федоров, В. Г. Иксодовые клещи в Омске и пригородах. Экологический анализ / В. Г. Федоров,

И. А. Нестерова, Л. Н. Гордиенко // Зоогигиена, профилактика и терапия болезней с.-х. и мелких домашних животных. – Новосибирск, 1999. – С. 31 – 32.

27. Филиппова, Н. А. (отв. редактор) Таежный клещ *Ixodes persulcatus*. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. – 313 с.

28. Чабовский, В. И. Дополнения к списку хозяев таежного клеща *Ixodes persulcatus* P. Sch / В. И. Чабовский, В. М. Долгов, К. М. Эфрон // Бюллетень МОИП. – 1967. – Отд. биол. – Т. 72. – № 4. – С. 5 – 11.

ИСТОРИЯ

УДК 930.85(571.1) «19»

УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В РАЗВИТИИ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА

Е. Б. Макарчева

ORTHODOX CLERGY PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY EDUCATION AND THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT FORMING OF PRE-REVOLUTIONARY SIBERIAN TOWN

E. B. Makarcheva

В статье рассматривается роль духовного сословия в развитии светского образования в Сибири, его место в социальной и культурной жизни провинциального сибирского города второй половины XIX – начала XX вв. на примере Тобольска, Омска, Кузнецка.

The article disccribes the participation of clergy estate in the development of the secular education in Siberia. It characterises the role, that the clergy estate plaied in social and cultural life of the provincial Siberian town in the 2nd holf of XIX centery and the beginning of XX centery as in example of Omsk, Tobolsk, Kuznetsk.

Ключевые слова: история, общественные отношения, образование, культура.

Key words: history, social relations, education, culture.

Формирование в провинциальном сибирском городе дореволюционной эпохи той социальной группы, которая может быть условно названа интеллигенцией – тема для обширного и многолетнего исследования. Очевидно, что в Сибири этот процесс, по сравнению с общероссийским, запаздывал на многие десятилетия, при том, что и в самой России он разворачивался относительно поздно. Речь не идет даже о людях творческих профессий – писателях, художниках, актерах. Ранее XIX в. невозможно, по-видимому, говорить и о сколько-нибудь значительной прослойке образованных людей, способных занять места на государственной службе. Одной из причин такого положения было почти полное отсутствие учебных заведений даже общеобразовательного уровня. Попытки открытия малых народных училищ в маленьких уездных городках типа Кузнецка в екатерининскую эпоху, как правило, оканчивались неудачей. Хорошее домашнее образование, бывшее традицией в передовых дворянских семьях, в Сибири также развития не получило ввиду отсутствия этого самого дворянства. Люди, получившие образование в Европейской части России, в Сибири оказывались в единичных случаях и не по доброй воле (за исключением высших чиновников сибирской администрации – и то не всегда). При этом их влияние на социальную и культурную жизнь тех сибирских городов, куда их забросила судьба, конечно же, было огромным, что хорошо известно на примере ссыльных декабристов.

С другой стороны, до определенного момента и потребность в образованных людях в сибирском городе была небольшой. Росту этой потребности способствовало усложнение и расширение функций сибирской администрации, развитие торгового и промышленного предпринимательства, активная деятельность государства по созданию в провинции системы народного образования. И, как следствие, на протяжение первой половины XIX в. востребованной становится профессия домашнего учителя и, особенно, учителя начальной школы, училища, гимназии. Из каких же сословий формировалась эта новая и пока малочисленная для Сибири социальная группа? Свой ответ на этот вопрос применительно к европейской части России еще в начале XIX в. дал М. М. Сперанский, представляя разработанный им устав духовной семинарии: «Математическая Московская школа, первая гимназия Санкт-Петербургской академии наук и первый круг учения в Московском университете составлены были из воспитанников духовных училищ. Учительская семинария народных школ, нынешний Педагогический институт, все прежние врачебные училища, обе Медико-хирургические академии, ныне соединенные, наполнялись и доселе большей частью наполняются питомцами духовной семинарии. Сверх сего знатное

их число при учреждении губерний и при других случаях поступило в разные части государственной службы» [6]

Для более позднего времени – скажем, середины века – картина социального происхождения интеллигенции значительно усложнилась, что хорошо отражает укоренившееся понятие «разночинцы». Однако для Сибири значение духовного сословия в формировании слоя образованных людей и в этот период, по-видимому, оставалось заметным. Система профессионального сословного образования для духовенства сложилась на полстолетия раньше системы светского образования и уже успела подготовить сотни образованных священнослужителей. Тобольская духовная семинария начала функционировать с 1743 г. и была первым учебным заведением в Сибири. В 1775 г. к ней добавилась Иркутская. Начальные духовные школы на территории Западной Сибири, относящейся к Тобольской епархии, действовали с конца XVIII в.

Естественно, что с учреждением начальных школ для крестьянских и мещанских детей задача их организации и преподавания возлагалась на духовенство. «Предварительные правила народного просвещения» (24 января 1803 г.), являвшиеся фундаментом александровской школьной реформы, вводимой рядом указов 1802 – 1805 гг., предполагали при устройстве низшей ступени – начальной народной школы – возложить на духовенство, помимо естественной обязанности преподавания Закона Божьего, еще и осуществление общего надзора за ее деятельностью. 27 января 1803 г. императорским указом Св. Синоду было предписано принять соответствующие меры во исполнение этого пункта «Правил» [1, 5]. В ноябре 1804 г. был утвержден «Устав учебных заведений, подведомственных университетам», который также предусматривал создание приходских училищ с годичным циклом обучения на 1 – 2 прихода и поручение общего надзора за ними в казенных деревнях местному священнику. Далее своим указом от 31 января 1805 г. Св. Синод довел эти правила до подведомственного ему приходского духовенства, распорядившись открыть церковно-приходские школы с бесплатным обучением и возложить заботу о них на местных священников [2].

Поскольку никакого финансирования приходской школы из государственного бюджета не производилось, подобный подход принес не слишком обильные плоды: по самым завышенным подсчетам, одно училище приходилось на 60 – 70 приходов [17, с. 183 – 184; 20, с. 64]. Но важен сам факт, что с самого начала существования начальной светской школы организующую роль государство возлагало на духовенство. Новый «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» (8 декабря 1828 г.), ознаменовавший очередную реформу светской школы в устройстве начальной народной школы ничего не изменил: училища по-прежнему поручались надзору духовенства, которое, таким образом, должно было участвовать в развитии народного образования на тех же условиях, что и в начале столетия.

Далее высочайшим повелением специально по духовному ведомству 19 октября 1836 г. было предписано открывать школы для крестьянских детей при церквях и монастырях. Судя по активности, с которой под руководством Св. Синода было развернута их организация, им придавалось государственное значение: за 5 лет их было открыто 2700, спустя 10 лет после выхода Указа насчитывалось уже 4308, а за 1840-е – 1850-е гг. их количество, по подсчетам Преображенского, увеличилось в 7 раз (в 1861 г. – 18587 школ и 320350 учеников). Учитывая, что к концу 50-х гг. в стране насчитывалось чуть больше тридцати тысяч приходов, достигнутые результаты выглядят очень внушительно [14, с. 16; 15, с. 4]. В 1842 г. церковные школы для крестьянских детей были преобразованы в приходские училища, подведомственные Министерству государственных имуществ. Началось финансирование училищ из средств этого ведомства.

Впервые десятилетия XIX в. попытки организовать в Тобольской епархии сельские школы силами духовенства, как свидетельствуют отчеты местных светских властей, были в основном безрезультатны. На основании указа Синода здесь действовало всего несколько школ при церквях и монастырях, в которых священники обучали крестьянских детей бесплатно [7, с. 403]. В конце 20-х гг. было задумано обучение при церквях силами духовенства крестьянских мальчиков для подготовки в писари. Инициатива в данном случае принадлежала светским властям в лице Главного управления Западной Сибири, для обеспечения школ ими был организован сбор средств с крестьянских обществ. Но в 1834 г., т. е. незадолго до выхода синодального указа, предписывающего клирикам взять на себя организацию приходских школ, местное начальство решило, что тобольское приходское духовенство не имеет возможности обучать крестьянских детей. Сельские священники были слишком заняты обязанностями церковной службы, а причетники не обладали необходимым уровнем знаний. В результате открытие школ так и не состоялось, а набранные в них крестьянские дети были приписаны к городским училищам.

До начала 50-х гг., дальнейших усилий по организации приходских школ, по-видимому, не предпринималось. Поворотным стал 1852 г., когда на часть территории Западной Сибири было распространено образцовое управление на принципах реформы П. Д. Киселева. Таким образом, открытие училищ началось уже под эгидой Министерства государственных имуществ. Было решено открыть 20 школ: 12 в Тобольской губернии и 8 – в Томской. Как и в других регионах, школы должны были создаваться под руководством священников, получавших жалование в размере 85 – 100 руб., хотя местные светские власти отрицательно отнеслись к привлечению духовенства к преподаванию в сельских школах. Только в 1856 г. вопреки этой позиции, затягивавшей решение вопроса, школы были открыты, причем по настоянию Министерства государственных имуществ под руководством священников [7, с. 405 – 408; 9, с. 248 – 250].

Информация об участии западносибирского духовенства в деятельности церковно-приходских школ с середины столетия отразилась в отчетах из епархий, собранных Св. Синодом в 1861 г. Данные о количестве школ отрывочны и противоречивы: в 1858 г. в Тобольской и Томской губерниях вместе взятых было открыто 16 школ, в 1859 г. их было уже 19, а в 1860 – 23. По сведениям Синода, учитывающим, очевидно, все приходские училища, как созданные с 1858 г., так и существовавшие ранее, в одной Томской епархии к 1861 г. было уже 37 школ. По ведомости за 1865 г. в ней на 340 приходов действовало уже 73 школы, а в Тобольской епархии - на 390 приходов 173. Однако Сибирские епархии явно отставали от европейских по количеству организованных духовенством приходских школ. По сведениям, полученным от архиереев, в Архангельской епархии было открыто к 1861 г. 203 школы, в Тульской – 419, в Орловской – 888. Даже если предположить некоторую завышенность этих данных (некоторые школы могли существовать только формально), все равно разница между европейской частью страны и Сибирью была значительной [18, с. 176].

Управление школами Тобольской и Томской епархий целиком осуществлялось духовенством, и оно не получало за свой труд никакого вознаграждения, что в сочетании с бедностью самого духовенства являлось препятствием для распространения школ. В связи с этим Тобольский епархиальный комитет, в числе прочих предложений, считал необходимым назначить учителям из духовенства вознаграждение за труд в размере 5 – 7 руб. за каждого ученика за счет приходского общества и с него же собирать деньги на учебные пособия. Таким образом, сибирское духовенство при отсутствии государственной финансовой поддержки в возрастающих масштабах привлекалось к выполнению задачи по обучению населения начальной грамоте.

Одновременно с организацией сельских школ под руководством священников, и даже несколько ранее соответствующего указа – 19 мая 1836 г. – появляется еще один законодательный акт, разрешающий священникам и дьяконам давать частные уроки по общеобразовательным предметам, таким как арифметика, древние и новые языки и др. Причем на основании правил, утвержденных Св. Синодом в 1834 г., выпускники духовных семинарий допускались к преподаванию без особого экзамена [3; 4]. Таким образом, власти открывают духовенству доступ и в сферу частного образования. И если преподавание Закона Божьего в сельской школе еще не превращало приходского священника в представителя интеллигенции, то, давая частные уроки в семьях купцов, мещан, чиновников, он уже входил в слой образованных людей провинциального города. Необходимо учитывать и то, что благодаря проводимой политике развития сословного образования к середине XIX в. большинство городских священнослужителей даже в Сибири окончили полный курс семинарского обучения. Таким образом, духовные лица были едва ли не самой образованной частью городского населения, не говоря уже о сельском. Особенно это касается настоятелей городских соборов, которые чаще всего были и законоучителями местных светских училищ, и благочинными церковных округов, и членами различных благотворительных учреждений, поскольку последние существовали под опекой церкви.

При недостатке массовых источников эти выводы все же вполне подтверждаются биографическими сведениями об отдельных сибирских священниках, почерпнутыми из клировых ведомостей и некрологов, размещаемых в церковной периодике.

Так, среди тобольского духовенства XIX столетия выделялся Петр Андреевич Фелицын (1783 – 1879), прибывший в тобольскую епархию вместе с новым архиереем Антонием (Знаменским) из Вологды. С 1826 г. он занял должность Тобольского кафедрального протоиерея и из 96 лет своей жизни 66 прослужил в Софийском соборе – главном храме епархии. Служив при 11 архиереях, он практически был вторым лицом в иерархии после преосвященного, занимал множество общественных и церковных должностей, будучи на виду и епархиального начальства, и местного общества. Свою общественную известность Фелицын приумножил яркими проповедями, особенно во время Отечественной войны 1812 г. Благодаря европейской образованности протоиерея и умению вести себя в обществе высокопоставленных особ, именно Фелицын был рекомендован архиепископом в законоучители дочерям генерал-губернатора [12].

Выдающейся личностью среди тобольского белого духовенства был Степан Яковлевич Знаменский (1806 – 1877 гг.). Он окончил тобольскую семинарию в 1824 г. в первый выпуск, набранный после реформы, считавшийся лучшим за всю историю семинарии (шестеро из его однокурсников стали уездными протоиереями). Начав службу священником в Барнауле, через 5 лет был переведен в Курган, затем в Тобольск, Ялуторовск (уже в сане протоиерея) и Омск, где служил до конца своей жизни и стал наиболее известен. При том, что его административные должности также были многообразны, С. Я. Знаменский стал известен не столько успешной церковной карьерой, сколько тем местом, которое он занимал в обществе прогрессивной сибирской интеллигенции. Будучи близко знакомым с членами сибирской колонии декабристов в Кургане, Ялуторовске и Тобольске, Знаменский пользовался среди них уважением и как человек высокой личной нравственности, и как религиозный мыслитель. В своих записках, сохранившихся в личном архиве, он оставил глубокие размышления о вере, самопознании, христианской любви и смирении. Репутацию праведника и образцового пастыря Знаменский заслужил и в глазах тобольского архиерея, и в обществе, и среди своих сельских прихожан. Так, в Кургане он был настолько почитаем, что прихожане выстроили ему хороший дом и снабжали хлебом в таком количестве, что он мог продавать его в значительных масштабах. По мнению декабриста М. И. Муравьева-Апостола, Знаменский очень выделялся среди тобольского духовенства тем, что, имея шестерых детей, жил в доб-

ровольной нужде, не пользуясь теми возможностями к обогащению, которые открывались благодаря надзору за раскольниками. Он отличался широтой интересов, выписывая до 15 духовных журналов, занимаясь гальванопластикой, гомеопатией, сельским хозяйством, и это не в последнюю очередь обеспечивало его общественную известность. Особенно близкие дружеские отношения Знаменский поддерживал с семьей декабриста М. А. Фонвизина, являясь духовником его жены Натальи Дмитриевны. В семье Фонвизиных и под их опекой воспитывались сыновья Знаменского, старший из которых Николай на их средства обучался в Казанской духовной академии [11; 13, с. 89 – 93].

К тому же кругу церковных деятелей, что и Знаменский, принадлежал протоиерей Александр Иванович Сулоцкий, историк-краевед, автор нескольких биографий представителей тобольского духовенства. Окончив тобольскую семинарию в 1833 г., он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил со степенью кандидата богословия в 1837 г. В родную семинарию он вернулся уже в качестве профессора церковной истории и греческого языка. До своего увольнения из семинарии в 1845 г. Сулоцкий преподавал весь цикл специальных и церковно-исторических дисциплин: библейскую историю, историю русской церкви, церковные древности и обряды, церковные законы и каноническое право, катехизисные поучения. Его научный интерес к церковной истории и краеведению первоначально нашел свое выражение в преподавании им по собственной инициативе истории сибирской церкви и тобольской епархии. Вместе со своим коллегой Г. А. Варлаковым он занимался изучением семинарских и консисторских архивов, чему способствовала и занимаемая им должность библиотекаря.

Известность своими статьями по местной церковной истории Сулоцкий получил уже после увольнения из семинарии и рукоположения священником в Омск. В общей сложности им было опубликовано более 20 статей в церковной периодике. И хотя он после себя «не оставил цельных и особенно капитальных трудов, ...это зависело от того, что... протоиерей был одним из первых в полном смысле самостоятельных тружеников по разработке родных письменных архивов и других памятников сибирской старины. Ему привелось... первому пролагать путь к занятиям сибирской церковной историей».

Другая сторона деятельности А. Н. Сулоцкого связана с его должностью законоучителя в Омском кадетском корпусе. По воспоминаниям Г. Н. Потанина, бывшего воспитанником корпуса, для кадетов он был одним из самых авторитетных преподавателей, у которого они «учились думать». Лекции и проповеди Сулоцкого были столь популярны, что собирали всю омскую знать. Как проповедник Сулоцкий отличался независимостью, и даже некоторым радикализмом суждений, по словам Потанина, «он был искренне убежден, что Бог выше земных царей». О степени влияния Сулоцкого на умы слушателей свидетельствует тот факт, что под впечатлением его уроков некоторые из воспитанников кадетского корпуса выбрали духовную карьеру. В круг общения Сулоцкого входили жившие в Тобольске декабристы, некоторые выходцы из духовенства, игравшие заметную роль в общественной и культурной жизни – П. П. Ершов, П. А. Словцов (известный историк Сибири), Н.А. Абрамов (краевед, писатель, член Географического общества). Особую страницу в его биографии составляет знакомство с Ф. М. Достоевским, содержавшимся в Омском остроге по делу петрашевцев [13, с. 106 – 109; 19].

Примеры Знаменского и Сулоцкого свидетельствуют о том, что в среде сибирской прогрессивной интеллигенции достойное место занимали и представители духовенства, следовательно, неправомерно говорить, по крайней мере, как о всеобщем явлении, об отчуждении просвещенной светской общественности от духовенства и о презрении, которое она к нему испытывала. В Сибири, где круг образованных и активных людей был особенно узок и малочисленен, деятельное участие в развитии местной культуры широкообразованных, прогрессивно и независимо мыслящих священнослужителей особенно заметно. Естественно, что наиболее важно было служение духовенства на поприще народного образования, где участие священнослужителей зачастую не ограничивалось только должностью законоучителя. К сожалению, просветительская деятельность, связанная с открытием приходских школ для населения, слабо отразилась в источниках. Одним из немногих, но ярких примеров участия духовных лиц в развитии народного образования является инициатива протоиерея С. Я. Знаменского, который, помимо преподавания Закона Божьего в светских училищах городов, в которых он служил, принимал деятельное участие в организации бесплатной ланкастерской школы в Ялуторовске.

Идея создания школы принадлежала жившему в Ялуторовске декабристу И. Д. Якушкину. Знаменский, переведенный туда на службу из Тобольска в 1839 г., не только поддержал идею, но и предложил для ее практической реализации опереться на синодальный указ 1836 г., обязывавший духовенство открывать для крестьянских детей церковно-приходские училища. Знаменский же, поскольку священный сан давал ему, в отличие от Якушкина, такое право, организовал для этой цели привлечение пожертвований от горожан (дом и учебные пособия). Вслед за мужским было открыто женское отделение, в них обучались дети всех сословий из различных городов и сел чтению, письму, русскому языку, арифметике, истории, географии, Закону Божьему. Поскольку деятельность школы выходила за рамки, предписанные синодальным указом, она вызывала недовольство местной власти в лице генерал-губернатора. С переводом Знаменского на службу в Омск его участие в работе школы прекратилось [13, с. 88 – 89; 10, с. 416 – 418; 11].

Масштаб общественной и культурной жизни Кузнецка второй половины XIX в. был, конечно, скромнее, чем в Омске или Тобольске, но и здесь представители городского духовенства занимали заметное место. Благодаря знакомству с Ф. М. Дос-

тоевским, выходящему за рамки простого участия в обряде венчания, хорошо уже известна в научной и популярной литературе личность протоиерея Евгения Исааковича Тюменцева, настоятеля Одигитриевской церкви. Окончив Тобольскую духовную семинарию с аттестатом первого разряда, он, по-видимому, выделялся в кузнецком обществе образованностью и широтой интересов. Его стараниями при храме комплектуется библиотека, доступная для прихожан. С произведениями начинающего Достоевского «Бедные люди», «Записки из мертвого дома» он был знаком уже в середине 1850-х, только начав свою священническую службу. Как страстный «цветовод и плодовод», увлекающийся селекцией редких и полезных растений, Тюменцев был известен и за пределами родного Кузнецка, являясь членом-корреспондентом императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, переписываясь с известными садоводами, в том числе алтайским краеведом С. И. Гуляевым [8, с. 5; 22, с. 51, 89 – 90, 95].

Число священников, участвовавших в общественной и культурной жизни провинциального Кузнецка и входящих в круг городской интеллигенции, невелико. Это в подавляющем большинстве священники и протоиереи главных городских церквей – Одигитриевской и соборной Спасо-Преображенской, – награжденные орденами и знаками отличия, учрежденными для белого духовенства, отмеченные благодарностями Св. Синода и епархиального начальства. Кроме вышеупомянутого о. Евгения Тюменцева, это протоиереи Спасо-Преображенского собора Павел Трофимович Стабников, Захарий Матвеевич Кротков, Виссарион Тихонович Минераллов, соборные священники Михаил Алексеевич Любимцев, Иван Васильевич Торопов и Николай Никифорович Рудичев. Все они назначались законоучителями народных училищ, уездных и приходских, при этом некоторые были талантливыми проповедниками (о. Захарий Кротков, автор 41 катехизического поучения, о. Виссарион Минераллов, проповеди которого привлекали прихожан сначала в Преображенский, а затем в Одигитриевский храм). Так что их влияние на нравственный облик и образ мыслей кузнечан сопоставимо с влиянием Сулоцкого на омичей и тоболяков. Как и повсюду, в сибирских епархиях кузнецкие священники заведовали церковно-приходскими школами (о. Николай Рудичев, Иван Торопов), участвовали в общественных и благотворительных организациях: оспенном комитете (Павел Стабников), Кузнецком тюремном отделении и попечительном обществе о тюрьмах (директорами были Павел Стабников, Захарий Кротков, Михаил Любимцев, Иван Торопов, Виссарион Минераллов), училищных советах, как светских так и церковных (Захарий Кротков, Виссарион Минераллов, Николай Рудичев), [16, с. 418 – 424; 21, с. 5; 22; 23, с. 1]. Особенно многообразна была общественная деятельность о. Виссариона Минераллова – член Попечительства о народной трезвости, Попечительства о детских приютах ведомства учреждения Императрицы Марии, правления школьного общества, общественной библиотеки, пожарного общества, Томского окружного суда, уездного комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Являясь по своим общественным должностям постоянным участником Общественного собрания, протоиерей Минераллов был близок кругу наиболее влиятельных лиц города, иногда позволяя себе играть с ними в вист и бильярд (хотя и крайне редко, что следует из материалов следственного дела 1909 – 1912 гг.). С другой стороны, – был регентом прекрасного церковного хора, позволяя его певчим вместе с соборными псаломщиками участвовать в светских любительских спектаклях: пьеса Островского «Бедность не порок», в которой церковный хор был задействован в исполнении «бытовых песен», давалась в Народном доме « в пользу учащихся начальных школ г. Кузнецка». Таким образом, при значительной общественной активности протоиерей не был чужд светским увлечениям и интересам, что, в сочетании с проповедническими способностями, делало его в провинциальном кузнецком обществе личностью влиятельной и заметной [21, с. 5; 23, с. 1].

Роль духовенства в развитии системы народного образования и формировании образованного слоя населения (условно говоря, интеллигенции) сибирских городов не сводилась только к непосредственному участию духовных лиц в деятельности светских школ. Штат учителей гражданских предметов в народных училищах различного уровня в немалой степени комплектовался выходцами из духовного сословия, как, впрочем, и штат чиновников и служащих гражданских ведомств. Об этом свидетельствуют и многочисленные прошения семинаристов об увольнении их из духовного звания для поступления в училищное ведомство, отложившиеся в фонде Тобольской духовной консистории; и требования различных ведомств и учебных заведений направить им семинаристов. Наконец, сами фамилии учителей зачастую выдают в них выходцев из больших семейных кланов духовенства, служащего при церквях Тобольской и Томской епархий. В Кузнецке это, к примеру, упоминаемые в литературе Вергунов, Наумов, Окороков, Тюшев. Учитывая тот факт, что духовенство обособилось в замкнутое сословие уже к концу XVIII в., а в середине XIX в. выход из него был относительно свободным именно для лиц, имеющих семинарское образование, то, что предки многих светских учителей были священно- и церковнослужителями вполне вероятно. Дальнейшее исследование этих процессов требует привлечения большого объема массовых источников и выходит за рамки данной статьи.

Литература

1. ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). – Т. 27. – № 20671.
2. ПСЗ-1. Т. 28. №21501, 21610.
3. ПСЗ-П. Т.9. № 7240.
4. ПСЗ-П. Т. 11. №9185.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп.84. Д. 55. Л. 141об.-142.
6. РГИА. Ф. 796. Оп. 84. 1803 г. Д. 432. Л.2об.-3).

7. Бочарникова, В. И. Политика царизма в отношении школы и церкви [Текст] / В. И. Бочарникова // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Бахрушинские чтения 1969 г. – Новосибирск: Наука, 1973. – 349 с.

8. Волчек, В. Письма иерея Тюменцева [Текст] / В. Волчек, В. Тогулев // Кузбасс. – 1992, 22 мая.

9. Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева [Текст] / Н. М. Дружинин. – М.; Л., 1958. – Т. 2. – 354 с.

10. Дружинин, Н. М. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа [Текст] / Н. М. Дружинин // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. – М., 1985. – 421 с.

11. Сулоцкий, А. И. Биография омского протоиерея С. Я. Знаменского [Текст] / А. И. Сулоцкий // Иркутские епархиальные ведомости. – 1884. – № 29. – С. 382 – 387; № 31. – С. 407 – 409; № 32. – С. 422 – 424; № 36. – С. 473 – 475.

12. Сулоцкий, А. И. Бывший тобольский кафедральный протоиерей П. А. Фелицын [Текст] / А. И. Сулоцкий // Тобольские епархиальные ведомости. – 1883. – № 13-14. – С. 282 – 289; № 17. – С. 352 – 364; № 18. – С. 363 – 374.

13. Громыко, М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского [Текст] / М. М. Громыко. – Новосибирск, 1985. – 196 с.

14. Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1847 г. [Текст]. – СПб., 1848. – 91 с.

15. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1856 г. [Текст]. – СПб., 1857. – 115 с.

16. Кушникова, М. М. Загадки провинции. Кузнецкая орбита Ф.М. Достоевского в документах сибирских архивов [Текст] / М. М. Кушникова, В. В. Тогулев. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996. – 471 с.

17. Милюков, П. Н. Очерки истории русской культуры [Текст] / П. Н. Милюков. – М.: Прогресс, 1994. – Т. 2. – Ч. 1. – 416 с.

18. Начальные народные училища и участие в них православного духовенств. Извлечение из сведений, доставленных в Присутствие по делам православного духовенства. – СПб., 1886. – 193 с.

19. Некролог по случаю смерти А. И. Сулоцкого [Текст] // Тобольские епархиальные ведомости. – 1884. – № 10. – С. 218 – 230.

20. Отчет обер-прокурора Св. Синода за 1825-1850 гг. [Текст] // Российское историческое обозрение. – 1896. – Т. 98. – С. 458.

21. Тогулев, В. В. Священники Кузнецка [Текст] / В. В. Тогулев // Кузбасс. – 1992. – 30 сентября.

22. Шадрина, А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского [Текст] / А. С. Шадрина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 158 с.

23. Шадрина, А. С. Кузнецкие священнослужители [Текст] / А. С. Шадрина // Православные вести. – 1999. – № 20.

УДК [7.032:008](471)

ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

Ю. И. Михайлов, Л. М. Губкина

ART OF ANCIENT RUSSIA: TO THE PROBLEM OF FORMING PECULIARITIES OF NATIONAL ART MENTALITY

Y. I. Mikhailov, L. M. Gubkina

В статье рассматриваются культурно-исторические предпосылки формирования системы православной символики русского искусства. Авторы предлагают комплексный подход к анализу артефактов, раскрывающих иконографическую связь языческих и христианских символов.

The article considers culture – historical conditions of forming the system of orthodoxy simbolics in Russian art. The authers suggest complex approach for analyzing the recognized artefacts, describing icon – typical paganist and christian symbols.

Ключевые слова: символ, диалог культур, образ, идентификация, этнокультурные контакты, славянское язычество, икона, универсализм.

Key works: symbol, dialog of cultures, image, identification, ethnocultural contacts, slavenic paganism, icon, universalism.

В исследовании истоков формирования художественной традиции ключевой становится проблема определения иконографических источников и образцов. В тех случаях, когда непосредственным предметом изучения выступают особенности художественного мышления, анализ культурной традиции в целом и обращение к широкому контексту межкультурных взаимодействий выступают непременными условиями исследования. На современном этапе изучения древнерусской культуры определяющее значение процессов этнокультурного синтеза безоговорочно признается специалистами. Во всяком случае, это справедливо по отношению к работам, которые посвящены изучению культурных процессов, времени религиозных реформ князя Владимира. В сложной картине этнокультурных контактов этого периода особое внимание уделяется византийской, скандинавской и хазарской традициям,

а также проблеме иранского наследия в русской духовной культуре.

В рамках данной работы отправной точкой исследования являются художественные особенности ритона из кургана, получившего название Черной могилы. Его сооружение относят ко времени княжения Святослава, когда Чернигов входил в состав великокняжеского домена, а в городе сидел воевода киевского князя. Оставляя в стороне вопрос об этнической принадлежности и социальном статусе погребенного в этом кургане, примем как данное то, что неоднократно отмечалось исследователями – определенные детали обряда и предметы сопроводительного инвентаря указывают на скандинавские и «восточные» связи этого культурного комплекса.

Интересующий нас ритон – один из двух, найденных в кургане турьих рогов для питья, украшен серебряной оковкой и золотыми чеканными накладками. История изучения этого изделия получила всесторонний анализ в одной из специальных работ [10], поэтому ограничимся лишь краткими ссылками на наблюдения, имеющие непосредственное отношение к нашей теме. Считается, что мастера, создавшие украшения рога, продолжали степные традиции в изготовлении поясных и конских наборов, а также других предметов дружинного быта [9]. «Восточные» мотивы специалисты усматривают в растительных и тератологических мотивах, указывая на иранские и византийские параллели. Особое внимание было уделено композиции изображений. Принцип их художественной компоновки Б. А. Рыбаков соотнес с композиционными приемами на сасанидских блюдах [11, с. 287 – 288]. Реконструктивный подход к содержанию изображений породил многочисленные трактовки, в которых акцентировался как сюжетный [11; 14], так и эмблематический [4, с. 66] характер сцен.

Не просто симметричное, но и продуманное расположение изображений на устье ритона особо и многократно подчеркивалось исследователями. Как считается, изображения двух лучников, размещенных между двумя симметрично развернутыми птицами – «петухом» и «орлом», соответствуют космологической схеме «мирового дерева» (в христианстве – Древа жизни). На наш взгляд, постулирование этой космологической схемы – результат научной интерпретации художественной композиции. Маловероятно, чтобы она определяла идейно-художественный замысел мастеров. Скорее всего, прав был М. В. Алпатов, который отмечал, что растянутый по круглому ободу рельеф никогда не воспринимался весь сразу [3, с. 25].

Гораздо существеннее то, что фигурки лучников непоследовательно симметричны, так как они бегут в одну сторону. Тем не менее их руки разведены и луки находятся по разные стороны этой парной композиции, как если бы они были обращены друг к другу спиной. Эта особенность, неоднократно отмечавшаяся исследователями, имеет для нас существенное значение, как, впрочем, и то, что они выполнены более схематично по сравнению с другими изображениями оковки.

В упоминавшихся выше исследованиях, в изображении пары лучников усматривали: Кощея и Анастасию; скандинавских богов; Даждьбожьих внуков; тюркских небесных охотников – братьев. Особо акцентировалось то, что рядом с левым стрелком имеются изображения трех стрел, причем одна из них направлена в затылок. Эта художественно-семантическая особенность позволила Б. А. Рыбакову увидеть здесь былинный мотив о стреле, поражающей выпустившего ее Кощея [13, с. 346]. В исследовании В. Я. Петрухина весьма тщательно рассмотрены все иконографические детали фигур лучников в евразийском культурном контексте. Ретроспективный анализ позволил исследователю увидеть истоки этой сцены в скифской архаике. По его мнению, среднеднепровский мастер X века перенес на оковку рога хазарский эпический мотив поражения кагана – культурного героя в борьбе с соперником. Этот же мотив многократно дублирован сценами борьбы – терзания зверей на ритоне [10, с. 216].

На наш взгляд, ближе к истине интерпретация образов лучников, основанная на культурном арсенале славянского язычества, в широком контексте близнечного культа и связанного с ним мотивного репертуара. В данном случае необходимо лишь учитывать специфику этих представлений в славянской традиции. Возможно, ключом к разгадке сюжета являются результаты анализа заговорных текстов, которые, как известно, восходят к глубокой древности. В андрогинном комплексе русской заговорной традиции представлены образы разнополых и, как правило, демонических, или злокозненных, существ, обязательно повернутых друг к другу спинами. В непосредственной связи с андрогинным комплексом находится близнечный культ, который в восточнославянских заговорах манифестировался исключительным обилием злокозненных персонажей, образующих пары и находящихся в отношениях брат – сестра и / или муж – жена [15, с. 303].

Возможно интерпретация лучников как былинных образов Кощея и Анастасии – не вполне оправданная конкретизация, предложенная Б. А. Рыбаковым. Однако в методологическом отношении она приемлема с учетом широкого круга славянских персонажей близнечной мифологии. В пользу именно этого свидетельствует симметричное расположение луков при условной передаче позиции спиной друг к другу. Здесь же отметим реконструированный исследователями «вредоносный» характер стрельбы (стрела, направленная в затылок) и предполагаемую разнополость персонажей (коса – борода). Последнее допущение необходимо оговорить особо. Коса и борода в конкретном историко-культурном контексте могут маркировать новое содержание пары.

В конце XII – начале XIII в., когда на Руси большой популярностью стал пользоваться культ Богородицы, ее изображение появилось на лицевой стороне энколпионов, а изображение Иисуса переместилось на оборотную сторону изделий. Изображение Глеба также находилось на лицевой стороне энколпионов, а Бориса – на оборотной. Показательно то, что на поздних образцах фигура Бориса со-

провождалась именем Глеб и соответственно с изображением Глеба соседствовало имя Борис. Более того, в некоторых случаях на изображение Глеба наводили резцом усы и бородку Бориса, а на изображение Бориса – длинные волосы Глеба [2, с. 88].

В целом в эмблематической композиции оковки ритона сцена с лучниками выглядит сюжетной вставкой. В пользу этого говорит и более высокий уровень исполнения звериных образов. Можно допустить, что сцена с лучниками была инкорпорирована в самостоятельную художественно-смысловую композицию, у которой имелся иконографический образец. Что же касается особенностей изображений лучников, то для них, вероятно, можно обнаружить «восточные» иконографические источники на уровне композиции и сюжета, но мастер, судя по всему, не имел перед глазами иконографического образца. Это может служить косвенным аргументом в пользу того, что «восточные» (хазарские?) мотивы с зооморфными и растительными образами фриза были дополнены сюжетом из славянской языческой традиции.

Искусство рельефа Древней Руси, на новом этапе развития, может быть проанализировано на примере четырех рельефов из Киево-Печерского и Дмитриевского монастырей, которые, вероятно, относятся к началу XI века. Предполагается, что рельефы, выполненные на крупных прямоугольных плитах красного шифера, украшали фасады храмов. Рельефы изначально составляли две пары, которые отличают сюжетные и стилистические особенности. На плитах одной из пар представлены два античных сюжета: схватка Геракла с немейским львом и Дионис на колеснице, которую влекут лев и львица [7]. На второй паре плит выполнены изображения конных воинов: Георгий и Федор Стратилат; Нестор и Дмитрий [12].

По мнению Г. К. Вагнера, рельефы с мифологическими сюжетами являются более ранними, поскольку ближе к тому времени, «когда язычество еще пыталось продлить свое существование». Он также считает, что местный материал (шифер) и анатомические вольности, свидетельствуют в пользу местных мастеров, которые работали по византийским моделям. Таковыми могли быть произведения мелкой пластики. Вместе с тем исследователь допускает влияние и фольклорных источников [5, с. 39 – 41]. Идентификация античных мифологических сюжетов с христианскими не вызывает сомнений, как, впрочем, и попытка связать изображение Геракла с образом новой церкви, а фигуру льва – с язычеством со ссылкой на библейскую традицию представляется вполне продуктивной.

Однако, на наш взгляд, мастер, который копировал на свой лад античные мифологические сюжеты, не ставил перед собой концептуальных задач. Во всяком случае, не задавался целью создать образ «нового человека». В иконографических образцах его могли привлекать те сюжетные особенности и иконографические детали, которые вдохновляли древнерусское искусство дохристианского периода. Схватка человека и зверя, образ повозки-колесницы с «чудесной упряжкой». Вполне возможно, что колеса со спицами повозки Диониса ассоциировались с языческой идеограммой «крест в круге». Парность сюжетов (победа над зверем – противником и его использование в качестве упряжного животного) позволяет обнаружить не только симметрию художественных образов. Эти рельефы могут быть развернуты в виде сюжетной последовательности, которая известна в русской фольклорной традиции. В качестве примера можно привести образ побежденного Змея, которого использовали для вспашки.

Применительно к интересующей нас паре рельефов можно привести большое количество вариантов «прочтения» этих изображений современниками. Что же касается людей книжной культуры, то, с учетом их склонности мыслить библейскими аллегориями, можно допустить следующее. Рельефы составляют единый сюжетный ряд и симметричны с точки зрения содержания. Судя по тексту Повести временных лет в XI в., это условие идейно-художественного восприятия, вероятно, было определяющим и может рассматриваться в качестве ведущего приема художественной организации изобразительной композиции. Приведем следующий пример: «И, сказав это, философ показал Владимиру завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева» (пер. Д. С. Лихачева).

Таким образом, если эти рельефы могли использоваться для оформления храма, то сами изображения могли осмысляться в контексте противопоставления образов праведника и грешника. В этом случае между расслабленной фигурой Диониса на колеснице и мощной фигурой Геракла, побеждающего льва, снимается героическая антитеза. Праведник, победивший зло в душе своей, свободно отправляется в рай. Грешник обречен на муки адские. Образ льва – один из центральных образов древнерусского (и всего средневекового) бестиария. Обратим внимание на рельефы церкви Покрова на Нерли, где птицы и львы с «процветающими» хвостами симметрично расположены по обе стороны от фигуры сидящего царя Давида. Аналогичные изображения этих зверей представлены в гуще стилизованных изображений на фасаде Дмитриевского собора во Владимире.

Образ царя – князя, восседающего на троне, находит свое объяснение в широком контексте русско-византийских связей. Княгиня Ольга, прибывшая с посольством в Константинополь, была принята императором, который сидел на золотом троне Соломона в окружении золотых поющих птиц и золотых рычащих львов, под звуки музыки. Этот трон по желанию императора мог подниматься вместе с ним вверх [1, с. 12 – 20]. Под этим углом зрения весьма показательны прижизненные изображения князя Владимира на монетах. Златники Владимира были прежде всего образцами политической пропаганды и воспроизводили византийские образцы. Однако, в отличие от византийских образцов с погрудным

изображением императора, Владимир был изображен сидящим на княжеском троне.

Особо следует отметить индивидуализацию образов, связанных с формированием устойчивых иконографических деталей, которые служили средством идентификации того или иного изображения. На монетах кн. Владимира его изображали с пышными усами и гладко выбритым подбородком. Вспомним про бородку Бориса и длинные волосы Глеба. Весьма возможно, что иконографическая стандартизация образа осмыслялась в контексте канонизации этих русских князей.

Искусство всегда сосредоточено на человеке. Природа, мировоззрение, общество, политика, история – фон, на котором изображается человек. Искусство всегда волновали человеческие страсти, эмоции, духовные потрясения, особенно те, которые вечны, свойственны всем эпохам, понятны всем временам. Искусство пытается преодолеть скованность человека сегодняшним днем, проблемами преходящими; стремится подняться от человека к Человеку и ответить на вопрос «Что есть человек?» Поэтому наиболее известные произведения искусства трагичны и глубоко символичны.

Искусство не изменяет мир, но помогает ему измениться. В искусстве человек ищет возможности вырваться за пределы собственного несовершенства, преодолеть грань между реальностью и ее образами, между образом и символом, между бытием и экзистенцией. Феномен преображения всегда привлекал христианство в искусстве, его способность минимальными средствами решать нравственные задачи, поднимать человека на уровень понимания подлинной и высокой трагедии нравственного выбора между добром и злом. Эта центральная проблема отечественной мысли и «если из русской философии убрать ее высокий нравственный тонус, эмоциональную взволнованность, стремление пропустить проблемы бытия через горнило собственных переживаний, – мы потеряем едва ли не единую сущностную ее характеристику» [6, с. 25].

Русская культура синтетична, она родилась на многонациональной почве [8, с. 33]. Немаловажным является и тот факт, что в древней Руси произошла встреча двух культур – византийской и скандинавской. С юга на Россию воздействовала культура высокой духовности, а с севера – военного опыта. Византия дала России христианство, Скандинавия – род Рюриковичей. Разряд колоссальной силы произошел между этими двумя культурами в конце X века, от которого и следует вести отчет существования русской культуры. Общим для двух направлений русской культуры являются напряженные и постоянные размышления над судьбой России, над ее предназначением. Глубокое, принципиальное различие между византийской духовной культурой и примитивной, практической скандинавской вынудило обе культуры отстаивать себя идеологически: «Главной святыней Московского государства всегда являлся Успенский собор Московского Кремля – усыпальница московских митрополитов, а не Архангельский собор Московского Кремля – усыпальница московских великих князей и царей» [8, с. 37].

Приглашение греков сказалось на всей русской культуре, это проявилось прежде всего в примате философского момента над эстетическим. Появление православной иконы – феномен, преобразивший русскую культуру. В иконе преломляется античная философия (платонизм, неоплатонизм) и приобретает новую символистскую интерпретацию. Образ как подобие первообраза, «истина, прошедшая через сердце, место встречи между Творцом и людьми». Икона – это «умозрение в красках», единение мира Горнего и Дольнего.

С церковью связывал единство Руси Андрей Рублев, он пишет «Троицу» «дабы воззрением на Святую Троицу уничтожался страх розни мира сего», а Дмитрий Донской начинает не с объединения территории, а с объединения национально-нравственного. И Москва от этого выиграла в глазах всей Руси, потому, что в этой сложнейшей ситуации возглавила политику объединения русских земель и выиграла духовно. Она не была экономически сильней Твери или Новгорода, она оказалась духовно сильней [8, с. 62 – 63]. Митрополит Илларион в своей речи «Слово о Законе и Благодати» попытался указать на роль России в мировой истории, считая Русь преемницей Константинополя и Иерусалима, а псковский старец Елеазар сформулировал идею Москвы как «Третьего Рима». Россия всегда устремлялась в будущее по этому пути и тогда, когда она принимала христианство, и тогда, когда искала единства, освобождения от иноземного ига, осуществления вечного Третьего Рима, приобщения к Европе.

Русская культура формировалась как культура европейская с ее отличительными особенностями связанными с христианством: личностное начало, универсализм, стремление к свободе как общей цели. Самопогружение личности в индивидуальные переживания не было уходом от сопереживания с другими людьми, от чувства сострадания, от чувства материнства, отцовства, чувства ответственности за грехи других людей [4, с. 114].

Не случайно в философско-мировоззренческой концепции символизма отчетливо присутствует острый интерес к прошлому, к истории, литературе, искусству допетровской Руси. Представители этого течения, члены Абрамцевского художественного кружка (В. М. Васнецов, Е. Д. Поленова, В. Д. Поленов, М. А. Врубель, М. В. Якунчикова), с огромным увлечением погружаются в стихию русского народного творчества, стремясь познать его прошлое, найти, сохранить, развить настоящее, опираясь на отечественную историю и отечественную культуру. Вместе с тем они не отстранялись от культуры европейской, сочетая ее опыт с народным искусством, которое продолжало культурные традиции Древней Руси.

Литература

1. Айналов, Д. В. Св. княгиня Ольга в Царьграде / Д. В. Айналов // Труды XII Археологического съезда.– М., 1905. – Т. III. – С. 12 – 20.

2. Алешковский, М. Х. Повесть временных лет / М. Х. Алешковский. – М., 1971. – 134 с.

3. Алпатов, М. В. Всеобщая история искусства / М. В. Алпатов. – М., 1995. – Т. III. – 426 с.

4. Вагнер, Г. К. Искусство Древней Руси / Г. К. Вагнер, Т. Ф. Владышевская. – М., 1993. – 255 с.

5. Вагнер, Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве / Г. К. Вагнер. – М., 1974. – 237 с.

6. Громов, М. Н. Типология русской философии / М. Н. Громов // История философии; под. ред. Н. В. Мотрошиловой. – М.: Наука, 2001. – С. 25.

7. Даркевич, В. П. О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре / В. П. Даркевич // Славяне и Русь. – М., 1968. – С. 412 – 424.

8. Лихачев, Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. – М., 2000. – 439 с.

9. Орлов, Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки X – XI вв. / Р. С. Орлов // Культура и искусство средневекового города. – М., 1984. – С. 33 – 46.

10. Петрухин, В. Я. К начальной истории русского искусства / В. Я. Петрухин // Этноязыковая и этнокультурная истории Восточной Европы. – М., 1995. – С. 201 – 230.

11. Рыбаков, Б. А. Прикладное искусство и скульптура / Б. А. Рыбаков // История культуры Древней Руси. – М.; Л., 1951. – Т. 2. – С. 399 – 456.

12. Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1948. – 470 с.

13. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – 540 с.

14. Чернецов, А. В. О языческой дружинной культуре Черниговщины / А. В. Чернецов // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. Киев. – 1988. – С. 21 – 30.

15. Шиндин, С. Г. К общей характеристике восточнославянских заговоров / С. Г. Шиндин // Этноязыковая и этнокультурная истории Восточной Европы. – М., 1995. – С. 303 – 318.

УДК [94:321.02](4)"18"

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ АНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

А. А. Трубина

HISTORIC AND SOCIAL-POLITICAL CONDITIONS OF EUROPEAN ANARCHIC IDEA FORMING OF XIX CENTURY

A. A. Trubina

В статье идет речь об истории формирования европейской анархической мысли XIX века, которая была особенно распространена во Франции, Германии, Италии, России. Несмотря на широкое распространение анархической мысли, ни в одной стране Европы анархистам не удалось захватить и удержать власть.

The article reveals the ideas of historical forming of European anarchic ideas XIX century which is especially popular in France, Germany, Italy, and Russia. In spite of the fact that anarchic ideas have not been spread over any country of Europe, anarchists didn't manage to take and hold the power.

Ключевые слова: анархизм, анархические мысли, анархические идеи, анархисты.

Key words: anarchism, anarchic ideas, anarchists.

Без сомнения, история анархических идей и взглядов имеет глубокую и долгую историю. «Анархисты видели своих предшественников среди восставших рабов Рима и во всех последующих волнениях угнетенных»[1]. Но в данной работе мы рассмотрим XIX век, так как именно в этот исторический период анархизм обрел свои теоретические рамки и практический опыт.

Однако, прежде чем рассматривать XIX век, стоит упомянуть основоположника анархических идей. Оформленная и развитая теоретическая система анархизма была создана английским писателем У. Годвином[2]. На него произвела огромное впечатление Французская революция 1789 года, которую писатель воспринял как шаг к свободе и равенству людей. Также на него оказала влияние работа Э. Бёрка[3] «Размышления о Французской революции 1790 года». Бёрк придерживался консервативных взглядов, поэтому критично и с некоторым осуждением анализировал последствия революции во Франции. Можно предположить, что «Исследование о политической справедливости» – это противопоставление Годвина Бёрку. В этой работе У. Годвин сформулировал основные постулаты анархизма, а именно: необходимость уничтожения государства, децентрализации общественной жизни и производства, противоположность интересов общества и государства.

Как более оформленное идейно-политическое течение анархизм сложился в середине XIX века. Его основоположниками и теоретиками были не-

[1] Вард, К. Анархизм / К. Вард. – М., 2009. – 20 с.

[2] Годвин У. (1756-1836) – английский писатель, историк и публицист, автор «Исследования о политической справедливости». Теоретически оформил анархические идеи в своей концепции «общества без государства».

[3] Бёрк Э. (1729- 1797) – английский мыслитель и политический деятель, идеолог консерватизма.

мецкий философ Макс Штирнер[4], француз Пьер Жозеф Прудон[5], русские мыслители Михаил Александрович Бакунин и Петр Алексеевич Кропоткин[6].

XIX век был очень насыщен политическими событиями: революции, перевороты, свержения прежних устоев и построение новых, возникновение сильных политических идеологий, таких, как марксизм[7], а также подъем социалистических настроений. Не было ни одной Европейской страны, на которую так или и иначе не оказала влияние Французская революция 1789 года. В такой непростой социально-политический период начал формироваться анархизм.

Именно во Франции в XIX в. появился один из самых известных идеологов анархизма – Пьер Жозеф Прудон (1809-1865). Он выражал стремление мелкой буржуазии защитить свою небольшую собственность от давления крупного капитала. Прудон выдвигал проекты организации безденежного обмена и дарового кредита, которые должны были избавить мелких производителей от эксплуатации и угрозы разорения со стороны крупного капитала и разрешить все социальные противоречия. Прудон выступал против коммунизма, утверждая, что он якобы представляет собой насилие над свободой личности. Его идеалом было общество, состоящее из независимых крестьян и ремесленников, в котором фабрики и заводы находятся в собственности рабочих ассоциации, а весь общественный механизм объединяется системой взаимного кредита на основе народных банков. Связь между людьми должна основываться на взаимных выгодах[8]. Централизованное государство Прудон предлагал заменить федерацией автономных местных общин и промышленных ассоциаций, связанных договорными отношениями. Наиболее ярко анархические идеи он изложил в таких произведениях, как: «Что такое собственность» (1840), «Система экономических противоречий и философия нищеты» (1846). Также Прудон предпринимал практические действия по воплощению в жизнь своих идей. Вместе с Пьером Леру[9] они организовали «Народный Банк», посредством которого попытались ввести альтернативную пролетарскую валюту. Но в 1849 году банк был уничтожен властями.

Анархическое учение Прудона находило отклик в рабочей среде. Это объяснялось присутствием недовольных существующим политическим строем среди ремесленных рабочих, а также среди части фабрично-заводских рабочих – недавних выходцев из деревни, мечтавших вновь стать самостоятельными хозяевами. Поддерживая среди рабочих эти иллюзии, прудонизм играл реакционную роль.

На рубеже XIX – XX веков по всей Европе стали распространяться анархические настроения. Это было результатом не только политической, но и экономической нестабильности. Важнейшей предпосылкой революционных выступлений было значительное ухудшение положения широких народных масс, особенно в результате неурожая, поразившего в 1845 – 1846 гг. Францию, Ирландию, ряд германских государств, Австрию и многие другие страны Европы. Затем прибавились последствия торгово-промышленного и финансового кризиса, серьезно затронувшего экономику всей Европы. Всюду кризис способствовал резкому ухудшению положения трудящихся масс.

Во Франции широкое распространение получили восходящие к Прудону идеи анархо-синдикализма. Приверженцы этого течения считали профсоюзы высшей формой организации рабочих и основным рычагом их социального освобождения, требовали полного перехода средств производства в собственность синдиката. В качестве главного средства борьбы с существующим строем рассматривались такие акции, как бойкот, саботаж, стачка.

Анархистская традиция в Италии началась с переселения туда в 1863 году Бакунина, которого рекомендовали своим товарищам революционерам Гарибальди и Мадзини. Ученик Бакунина Эррико Малатеста[10] положил начало развитию анархизма в Италии и Америке.

В Англии оживилось чартистское движение, происходили массовые митинги. Правительство жестоко расправлялось с участниками этих выступлений, которые содержали резкую критику существующего общественного строя и требовали предоставления национальной свободы Ирландии.

---

[4] Штирнер М. (1806-1856) – немецкий мыслитель, основатель анархо-индивидуализма. Согласно анархо-индивидуализму, индивид должен быть полностью независим и освобожден от всех социальных институтов (от государства, права, собственности и т. д.).

[5] Прудон П. Ж (1809-1865) – французский мыслитель, основатель анархо-синдикализма. Главная роль отводилась революционным профсоюзам, они, после победы анархизма, должны стать прообразом независимого, эгалитарного общества.

[6] Бакунин М. А., Кропоткин П. А. являются представителями русской анархической мысли. Их причисляют к основателям анархо-коллективизма. Центральная идея анархо-коллективизма – полное разрушение государственности и установление безгосударственного общественного самоуправления на базе рабочих ассоциаций.

[7] Создание теории научного коммунизма явилось бессмертной заслугой немецких мыслителей, великих революционеров Карла Маркса (1818-1883) и Фридриха Энгельса (1820-1895).

[8] Одним из элементов анархической концепции Прудона был мютюэлизм. Мютюэлизм предполагал организацию общества на началах равенства и взаимности.

[9] Леру П. (1797-1871) – французский философ и социалист-утопист, один из основателей христианского социализма. Последователь Сен-Симона.

[10] Малатеста Э.(1853 -1932) – итальянский анархист. Его анархическая позиция передана посредством диалогов между людьми с разными политическими позициями в произведении «Краткая система анархизма в десяти беседах».

В Германии, так же как и во всей Европе, в ряде городов произошли стихийные выступления народных масс. Особенно серьезными были волнения в Берлине.

Наибольшим влиянием анархистское движение пользовалось в странах южной Европы, но страной, где анархизм пустил корни глубже, где бы то ни было, оказалась Испания, в которой в 1930 году было 2 периодически выходивших из подполья массовых анархо-синдикалистских профсоюза. В годы гражданской войны в этой стране анархисты даже попытались осуществить социальную революцию. Возможно, тем самым косвенно способствуя победе генерала Франко.

Несмотря на такое широкое распространение анархической мысли, ни в одной стране Европы анархистам так и не удалось захватить и удержать власть.

МАТЕМАТИКА

УДК 517.958:536.2

ВЛИЯНИЕ ПОРИСТОСТИ И ПРОНИЦАЕМОСТИ УГОЛЬНОГО ПЛАСТА НА КРИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЕГО ВОСПЛАМЕНЕНИЯ

Е. Е. Зеленский, А. А. Воротилов

INFLUENCE OF COAL POROUSNESS AND PERMEABILITY ON THE CRITICAL CONDITIONS OF ITS INFLAMMATION

E. E. Zelenskiy, A. A. Voroshilov

С помощью пакета прикладных программ Femlab численно исследована двумерная задача о воспламенении и горении макропористого углеродного топлива

The bidimensional problem of ignition and burning macroporous carbon fuel has been investigate numerically with the help of Femlab a package of applied programs.

Ключевые слова: подземная газификация угля, недеформируемая реагирующая пористая среда, горение, макропористое топливо.

Key words: underground coal gasification, undistorted reacting porous environment, burning, macro-porous fuel.

Одной из актуальных задач развития угледобывающей отрасли является глубокая переработка угля, и, в частности, его подземная газификация [1, 2]. Поскольку физическое моделирование этого процесса и натурный эксперимент требуют больших материальных затрат, то все большее значение приобретает метод математического моделирования [3].

В [4] на основе уравнений механики недеформируемой пористой реагирующей среды [5] численно решена одномерная сопряженная задача о зажигании угля высокотемпературным газовым очагом.

В данной работе исследовано влияние краевых эффектов (конечной толщины угольного пласта) на характеристики процесса. Найдено что воспламенение имеет место лишь при $H \geq H_*$, где H_* – критическая толщина пласта, и установлено влияние пористости и интенсивности газовыделения при реакции разложения угля на величину H_*. Полученные выводы могут быть использованы на практике при расчёте зажигания угля в начальном огневом штреке подземного газогенератора [1], когда процесс лимитируется реакцией разложения топлива.

Угольный пласт длиной L и толщиной H с начальной пористостью m_0, проницаемостью k_0, давлением газа в порах P_0 и температурой T_0, окруженный слабопроницаемым грунтом (например глиной), нагревается с левого торца тепловым потоком, падающим по закону Ньютона

$$q_T = \alpha_1 \left(T_* - T\big|_{x=0} \right),$$

где $T_* = T_*(t)$, $T = T(t, x, y)$ – температуры нагревателя и топлива соответственно $\alpha_1 = \alpha_1(t)$ – коэффициент теплоотдачи между нагревателем и топливом. Ось OX декартовой системы координат совпадает с нижней границей топлива и направлена вправо, ось OY— по вертикали вверх, начало взято на левом торце. На остальных границах задаются условия III рода с коэффициентом теплоотдачи $\alpha_2 = \alpha_2(t)$.

При нагреве в топливе происходит гомогенная экзотермическая реакция разложения, протекающая по схеме $\nu_1 A_1 = \nu_2 A_2 + \nu_3 A_3$, где A_1, A_2, A_3 – символы исходного топлива, конденсированного продукта реакции (кокса) и газообразных продуктов соответственно; ν_i – стехиометрические коэффициенты.

Массовая скорость реакции определяется законом Аррениуса [5]: $R_1 = \rho_1 k_1 \phi_1 e^{(-E/RT)}$, где ρ_1, ϕ_1 – плотность и объёмная доля топлива; k_1 – предэкс-

понент; E – энергия активации; R – универсальная газовая постоянная; T – абсолютная температура пористой среды.

Газовую фазу будем считать смесью идеальных газов с близкими значениями молярных масс $M_i = M$.

Вследствие малости среднестатистического радиуса пор, принята однотемпературная модель пористой среды [5].

При определенных условиях происходит воспламенение угля, и фронт горения вместе с фронтом фильтрации движется по топливу слева направо. Необходимо найти H_* и её зависимость от основных критериев подобия задачи.

Математическая постановка задачи сводится к совместному решению безразмерных уравнений сохранения энергии пористой среды, неразрывности исходного вещества, конденсированного продукта реакции и газовой фазы в порах, уравнений движения и уравнения состояния.

$$C_{эф}\partial\theta/\partial\tau + \pi_1\rho\left(u\partial\theta/\partial x + \upsilon\partial\theta/\partial y\right) =$$
$$= \partial/\partial x\left(\lambda_{эф}\partial\theta/\partial x\right) + \partial/\partial y\left(\lambda_{эф}\partial\theta/\partial y\right) + R_1$$

$$C_{эф} = \phi_1 + \pi_2\pi_3\phi_2 + \pi_3\phi_3\rho,$$

$$\lambda_{эф} = \phi_1 + \pi_4\phi_2 + \pi_5\phi_3,\ R_1 = \delta\phi_1 e^{\theta/(1+\beta\theta)} \quad (1)$$

$$\partial\phi_1/\partial\tau = -\gamma_1 R_1, \quad (2)$$

$$\partial\phi_2/\partial\tau = \gamma_2 R_1, \quad (3)$$

$$\partial/\partial\tau\left(\rho\phi_3\right) + \partial/\partial x\left(\rho\phi_3 u\right) + \quad (4)$$
$$+\partial/\partial y\left(\rho\phi_3\upsilon\right) = \gamma_3 R_1,$$

$$\rho\phi_3\left(\partial u/\partial\tau + u\partial u/\partial x + \upsilon\partial u/\partial y\right) = \quad (5)$$
$$= -\phi_3\left(E_U\partial P/\partial x + u\right) - \gamma_3 R_1 u,$$

$$\rho\phi_3\left(\partial\upsilon/\partial\tau + u\partial\upsilon/\partial x + \upsilon\partial\upsilon/\partial y\right) = \quad (6)$$
$$= -\phi_3\left(E_U\partial P/\partial y + \upsilon\right) - \gamma_3 R_1\upsilon,$$

$$P = \rho\left(1+\beta\theta\right), \quad (7)$$

где $\theta = E/RT_*^2\left(T_* - T\right)$ – безразмерная температура;

ρ, P, υ, u – безразмерные плотность давление и компоненты вектора скорости газа в порах;

ϕ_2, ϕ_3 – объёмные доли кокса и газовой фазы пористой среды;

τ, x, y – безразмерные время и координаты; критерии подобия: $\pi_1 = C_{p3}/C_{p1}$; $\pi_2 = C_{p2}/C_{p1}$; $\pi_3 = \rho_2/\rho_1$; $\pi_4 = \lambda_2/\lambda_1$; $\pi_5 = \lambda_3/\lambda_1$; $\beta = RT_*/E$; $\gamma_1 = C_{p1}RT_*^2/\left(qE\right)$; $\gamma_2 = \pi_3^{-1}\nu_2 M_2\gamma_1/\left(\nu_1 M_1\right)$; $\gamma_3 = \nu_3 M_3\gamma_1/\left(\nu_1 M_1\right)$; $E_u = P_*/\left(\rho_*\upsilon_*^2\right)$ – число Эйлера;

$\delta = t_{мех}/t_{хим}$; q – тепловой эффект реакции;

$t_{мех} = \rho_1 k/\mu$ – характерное «механическое время»;

$t_{хим} = \gamma_1/k_0 e^{1/\beta}$ – характерное «химическое» время;

M – молярная масса,

λ – коэффициент теплопроводности,

C_p – удельная изобарная теплоёмкость,

индексы 1, 2, 3 относятся к топливу, коксу и газовой фазе.

В качестве масштабов времени τ_*, длины $x_* = y_*$, скорости $u_* = \upsilon_*$, плотности ρ_* и давления P_* взяты: $t_* = t_{мех}$; $x_* = \sqrt{\lambda_1/\left(\rho_1 C_{p1}\right)t_*}$; $\upsilon_* = x_*/t_*$; $\rho_* = \rho_1$; $P_* = \rho_1 RT_*/M$.

При записи (1) – (7) для упрощения постановки считалось, что молярные массы воздуха и газообразных продуктов отличаются незначительно. Это позволило опустить уравнения диффузии и упростить уравнение состояния (7). Кроме того, пренебрегалось влажностью и зольностью угля.

К (1) – (7) добавим граничные условия:

x = 0: $-\lambda_{эф}\partial\theta/\partial x = Bi_1\left(\theta_* - \theta\right)$, $u = \upsilon = 0$ (8)

x = L $-\lambda_{эф}\partial\theta/\partial x = Bi_2\left(\theta + \theta_H\right)$, $u = \upsilon = 0$, $\rho = \rho_0$ (9)

y = 0 $-\lambda_{эф}\partial\theta/\partial y = Bi_2\left(\theta + \theta_H\right)$, $u = \upsilon = 0$, $\rho = \rho_0$ (10)

y = H $-\lambda_{эф}\partial\theta/\partial y = Bi_2\left(\theta + \theta_H\right)$, $u = \upsilon = 0$, $\rho = \rho_0$ (11)

где $Bi_1 = \alpha_1 x_*/\lambda_1$,

$Bi_2 = \alpha_2 x_*/\lambda_1$ - числа Био;

$\theta_* = \left(T_* - T_0\right)E/RT_*^2$.

Начальные условия запишутся следующим образом:

$$\tau = 0:\ \theta = -\theta_H,\ \phi_1 = \phi_{10},\ \phi_2 = \phi_{20},\ \rho_3 = \rho_{30}. \quad (12)$$

Для решения (1) – (12) применялся метод конечных элементов, реализованный в пакете прикладных программ Femlab [6]. Тестирование программы осуществлялось путем сравнения решения задачи (1) – (12) при $\upsilon = u = \gamma_3 = 0$ и $\pi_1 = \pi_2 = \pi_3 = \pi_4 = \rho = 1$ с результатами расчетов по твердофазной модели [5].

Расчеты проводились для предельного случая $Bi_1 \to \infty$, $Bi_2 \to \infty$ (граничные условия I рода). В качестве постоянной температуры T_* была взята адиабатическая температура горения, т. е. $\theta_* = 0$. Для согласования граничных условий, температура на левом торце задавалась в виде параболы $\theta_*\left(\tau, x, y\right) = \theta_H[-1 + 4y/H\left(1 - y/H\right)]$ с мак-

симумом $\theta_*(\tau, x, H/2) = 0$ на оси симметрии $y = H/2$.

При проведении расчетов полагалось $\pi_1 = 0.975$, $\pi_2 = 0.88$, $\pi_3 = 1.5$, $\pi_4 = 1.64$, $\pi_5 = 0.178$, $\beta = 0.1$, $\theta_H = 6$, $\delta = 2$, что соответствует осредненным по различным маркам угля значениям теплофизических параметров. Начальная пористость m_0, проницаемость Eu и термокинетические параметры γ_i изменялись в интервалах $m_0 = 0.1-0.6$, $Eu = 1-100$, $\gamma_1 = 0.1-0.2$, $\gamma_3 = 0.0001-0.001$, $\gamma_2 = \gamma_1 - \gamma_3$.

В результате численного решения задачи было получено, что пространственно-временные распределения θ, ϕ_i, ρ, u, P на оси симметрии $y = H/2$ в качественном отношении схожи с соответствующими одномерными графиками [4], что отражено на рисунке 1. Сравнение температурных кривых (рис. 1а) и соответствующего одномерного решения [4] показывает, что в первом случае за счёт оттока тепла в поперечном направлении температура за фронтом реакции существенно ниже адиабатической температуры горения.

На рисунке 2 приведены профили θ, P, u, υ в сечении x = 40 в зависимости от переменных τ и y. Из рисунка следует, что максимумы температуры и давления возникают на оси симметрии y = 30, поэтому газ движется из центра области в обоих направлениях оси y, имея нулевое значение скорости υ при y = 30.

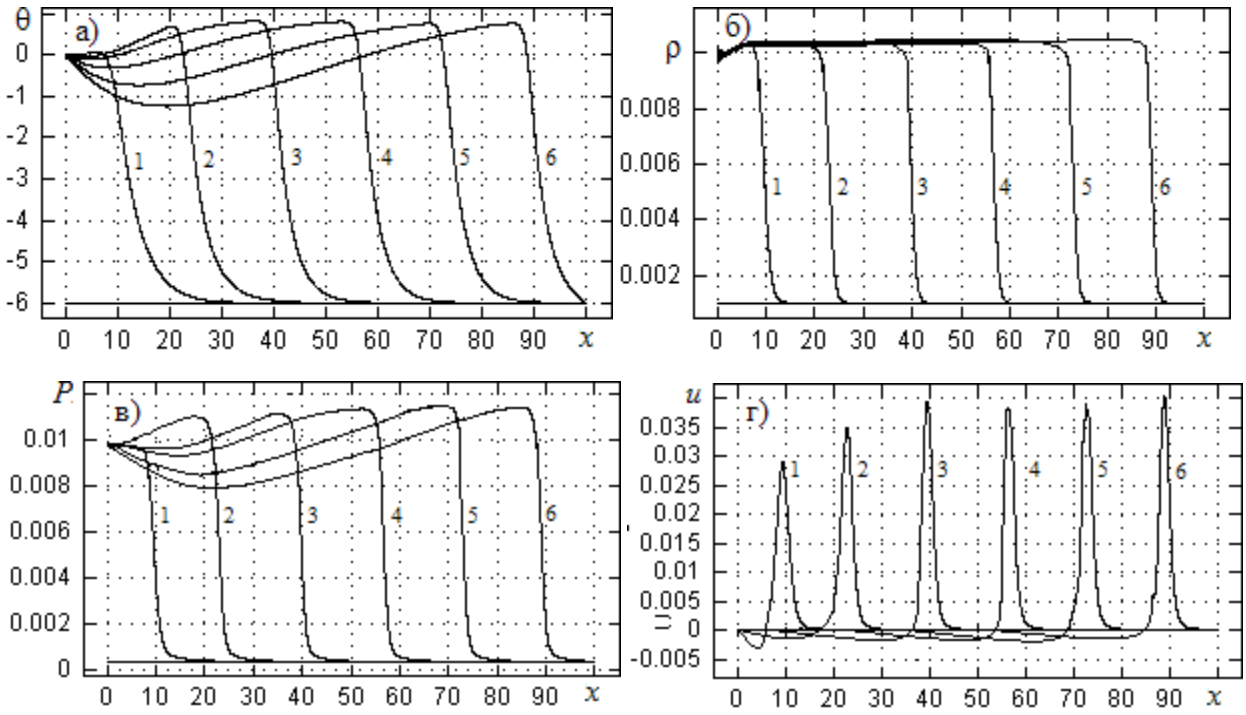


Рис. 1. ***Распределения температуры (а), плотности (б), давления (в), и х компоненты скорости газа (г) в сечении y = 30 в моменты времени 1 -*** $\tau = 50$, ***2 -*** $\tau = 100$, ***3 -*** $\tau = 150$, ***4 -*** $\tau = 200$, ***5 -*** $\tau = 250$, ***6 -*** $\tau = 300$. ***H = 60, L = 100,*** $Eu = 10$, $m_0 = 0.3$, $\gamma_1 = 0.13$, $\gamma_2 = 0.129$, $\gamma_3 = 0.001$

Решение показало, что при одинаковых с одномерным случаем условиях нагрева зажигание топлива происходит далеко не всегда: существует критическая толщина пласта H_*, такая, что при $H > H_*$ имеет место зажигание реагента, а при $H < H_*$ реагирующая система не воспламеняется, что согласуется с выводами счёта по твердофазной модели [5]. В результате расчетов было установлено, что при реальных значениях параметра интенсивности газовыделения $\gamma_3 < 0.001$ (в этом случае давление в порах топлива не превышает 30 бар, максимальная скорость движения газа 2.5 м/с) величина H_* и время зажигания слабо зависят от проницаемости, т. е. в диапазонах $Eu = 1-100$, $m_0 = 0.1-0.6$ основное влияние на теплообмен оказывает процесс теплопроводности по скелету топлива и газу в порах. В то же время выявлено существенное влияние пористости m_0 на значение H_*, что показано на рисунке 3.

Последний результат является следствием роста эффективного коэффициента температуропроводности $a_{эф} = \lambda_{эф} / C_{эф}$ при увеличении начальной пористости топлива m_0. При этом возрастает интенсивность отвода тепла из центральной прогретой области топлива во внешнюю холодную среду в направлении оси y, что ухудшает условия воспламенения топлива и увеличивает H_*.

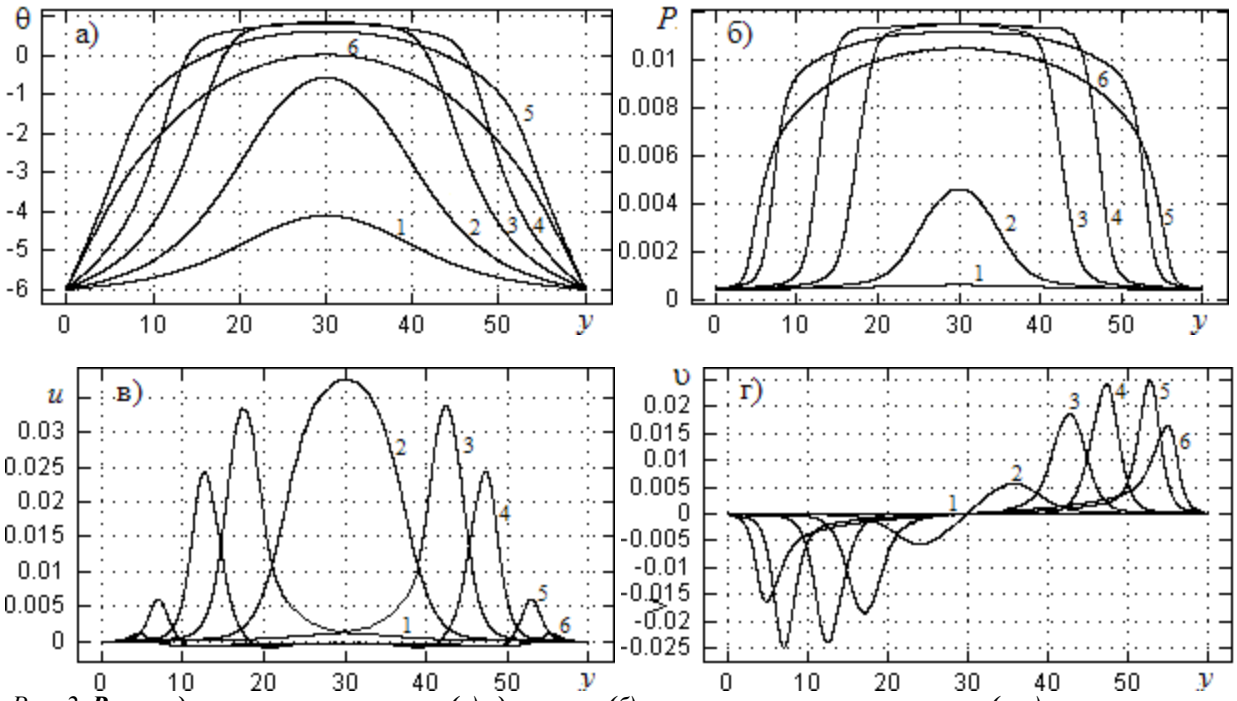


Рис. 2. ***Распределения температуры (а), давления (б), и компонент скорости газа (в, г) в поперечном сечении в моменты времени 1 -*** $\tau = 140$, ***2 -*** $\tau = 150$, ***3 -*** $\tau = 160$, ***4 -*** $\tau = 170$, ***5 -*** $\tau = 200$, ***6 -*** $\tau = 300$. ***x = 40.. H = 60, L = 100,*** $Eu = 10$, $m_0 = 0.3$, $\gamma_1 = 0.13$, $\gamma_2 = 0.129$, $\gamma_3 = 0.001$

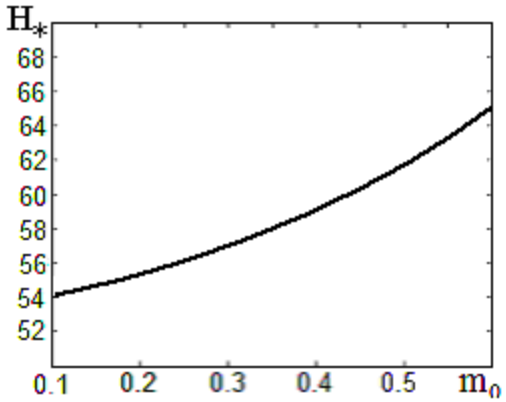


Рис. 3. ***Зависимость критической толщины пласта топлива от начальной пористости*** m_0

Литература

1. Крейнин, Е. В. Подземная газификация углей [Текст] / Е. В. Крейнин, М. К. Рева.– Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966.– 85 с.

2. Крейнин, Е. В. Нетрадиционные термические технологии добычи трудноизвлекаемых топлив: уголь, углеводородное сырьё [Текст] / Е. В. Крейнин.– М.: ИРЦ Газпром, 2004.– 302 с.

3. Zakharov, Y. N. About One Model of Underground Coal Gasification [Текст] / Y. N. Zakharov, E. E. Zelensky, V. P. Potapov, E. L. Schastlivsev, M. A. Tolstykh // Mathematical an Informational Technologies (MIT-2009), Kopaonik, Serbia, Budva, Montenegro, Abstracts, p. 115-116.

4. Зеленский, Е. Е. Тепломассообмен при воспламенении и горении макропористого углеродного топлива [Текст] / Е. Е. Зеленский, А. А. Воротилов // Сборник трудов XXII Международной научной конференции «Математические методы в технике и технологиях-ММТТ-22». – Псков: Издательство Псковского политехнического института, 2009. – Т. 3. – С. 97 – 100.

5. Алексеев, Б. В. Физическая газодинамика реагирующих сред [Текст] / Б. В. Алексеев, А. М. Гришин.– М.: Высшая школа, 1985.– 464 с.

6. Femlab 2.3. Руководство пользователя (перевод с английского с редакторской правкой В. Е. Шмелёва). – Электронный ресурс. – Режим доступа: URL: http://matlab.exponenta.ru.

УДК 514.576

ТВИСТОРНЫЕ РАССЛОЕНИЯ НА СФЕРЕ S^4

Е. С. Корнев

TWISTOR EXFOLIATION ON THE SPHERE S^4

E. S. Kornev

В работе исследуются твисторные расслоения на четырехмерной сфере. Показано, что трехмерное комплексное проективное пространство можно рассматривать как твисторное расслоение на четырехмерной сфере и что любое твисторное расслоение диффеоморфно этому расслоению. Предъявлен явный вид ортогональных почти комплексных интегрируемых и неинтегрируемых структур и дан способ параметризации таких структур. Также в работе приводятся некоторые факты, связанные с геометрией и топологией трехмерного комплексного проективного пространства.

In this work the twistor fibrations on a four-dimensional sphere are investigated. It is shown, that the three-dimensional complex projective space can be considered as twistor fibration on a four-dimensional sphere and that any other twistor fibration is diffeomorphic to one. The explicit view of orthogonal almost complex integrable and non integrable structures on twistor fibration is provided, and the parametrization way for such structures is given. Also, in work some facts related to geometry and topology of three-dimensional complex projective space are mentioned.

Ключевые слова: четырехмерная сфера; трехмерное комплексное проективное пространство; твисторное расслоение; ортогональная почти комплексная структура.

Key words: four-dimensional sphere, three-dimensional complex projective space, twistor exfoliation, orthogonal structure.

Рассмотрим четырехмерную сферу S^4 в пространстве $\mathbb{R}^5$ и обозначим через g_0 каноническую метрику на S^4, индуцированную из $\mathbb{R}^5$. Множество ортогональных относительно метрики g_0 почти комплексных структур – это множество всех почти комплексных структур, сохраняющих данную метрику.

Сфера S^4 является компактным ориентируемым римановым многообразием. Пусть S^2 – двумерная сфера в пространстве $\mathbb{R}^3$ переменных a,b,c. Каждая точка $(a,b,c)\in S^2$ в фиксированном базисе касательного пространства к сфере S^4 в точке x определяет две почти комплексные структуры в точке x:

$$J^+=\begin{pmatrix} 0 & a & b & c \\ -a & 0 & c & -b \\ -b & -c & 0 & a \\ -c & b & -a & 0 \end{pmatrix},$$

и

$$J^-=\begin{pmatrix} 0 & a & b & c \\ -a & 0 & -c & b \\ -b & c & 0 & -a \\ -c & -b & a & 0 \end{pmatrix}.$$

Обе эти почти комплексные структуры сохраняют метрику g_0, причем J^+ сохраняет ориентацию на S^4, а J^- меняет ориентацию.

Твисторным расслоением называется расслоение (P,π,M), где M – риманово многообразие четной размерности с метрикой g, π – проекция $P\mapsto M$, а P – дифференцируемое многообразие, такое, что каждая точка u из P является ортогональной относительно метрики g почти комплексной структурой в $T_xM, x=\pi(u)$, сохраняющей ориентацию на M. Слоем твисторного расслоения над точкой x является множество всех ортогональных почти комплексных структур в пространстве T_xM, согласованных с выбранной ориентацией на M. Глобальное сечение твисторного расслоения называется ортогональной почти комплексной структурой на многообразии M.

Пусть g – произвольная риманова метрика на S^4. В каждой точке $x\in S^4$ существует невырожденное линейное преобразование A_x касательного пространства в точке x, такое, что $a^*g_0=g$. Если J – почти комплексная структура, сохраняющая метрику g, то для любых X и Y из T_xS^4 имеем:

$$g_0(AX,AY)=g(X,Y)=$$
$$=g_0(A\circ JX,A\circ JY)=g_0(J_A\circ AX,J_A\circ AY),$$

где $J_A=A\circ J\circ A^{-1}$. Таким образом, отображение A индуцирует взаимнооднозначное соответствие между множествами почти комплексных структур, ортогональных относительно метрик g_0 и g соответственно.

Поскольку множество согласованных с ориентацией ортогональных почти комплексных структур в каждой точке сферы S^4 диффеоморфно сфере S^2, а $S^2 \cong \mathbb{C}\mathrm{P}^1$, то множество сохраняющих ориентацию ортогональных почти комплексных структур в $T_x S^4$ изоморфно пространству $\mathbb{C}\mathrm{P}^1$, и слоем твисторного расслоения в точке x можно считать $\mathbb{C}\mathrm{P}^1$.

Теперь каждую согласованную с ориентацией ортогональную почти комплексную структуру в точке сферы S^4 можно отождествить с парой (x, z), где $x \in S^4, z \in \mathbb{C}\mathrm{P}^1$. Однако тривиальное расслоение $S^4 \times \mathbb{C}\mathrm{P}^1$ не является твисторным. Действительно, если расслоение $S^4 \times \mathbb{C}\mathrm{P}^1$ является твисторным, то, поскольку оно допускает глобальное сечение, это сечение задает ортогональную почти комплексную структуру на S^4. Но известно, что сфера S^4 не допускает почти комплексных структур.

Рассмотрим пространство $\mathrm{H}\mathbb{C}\mathrm{P}^1$ всех комплексных прямых в кватернионном пространстве H^2. Каждый кватернион $q = t + xi + yj + zk$ можно отождествить с парой комплексных чисел $(t + ix, y + iz)$. Такое отождествление задает взаимнооднозначное соответствие между пространствами $\mathbb{C}\mathrm{P}^3$ и $\mathrm{H}\mathbb{C}\mathrm{P}^1$. А именно каждой прямой в $\mathbb{C}^4$ с направляющим вектором (z_1, z_2, z_3, z_4) сопоставляется комплексная прямая в H^2 с направляющим вектором $(q_1, q_2), q_1 = z_1 + z_2 j, q_2 = z_3 + z_4 j$. В дальнейшем будем отождествлять комплексную прямую из $\mathrm{H}\mathbb{C}\mathrm{P}^1$ с ее направляющим вектором (q_1, q_2).

Пространство $\mathbb{C}\mathrm{P}^1$ можно рассматривать как пространство ненулевых кватернионов, профакторизованное относительно умножения на ненулевые комплексные числа. Будем обозначать класс эквивалентности кватерниона q через $[q]$ и отождествлять его с элементом из $\mathbb{C}\mathrm{P}^1$.

Определим действие $\mathbb{C}\mathrm{P}^1$ на $\mathbb{C}\mathrm{P}^3$ следующим образом:

$$[q](q_1, q_2) = (q_1 q, q_2 q), (q_1, q_2) \in \mathrm{H}\mathbb{C}\mathrm{P}^1.$$

Зададим проекцию $\pi : \mathbb{C}\mathrm{P}^3 \to \mathbb{C}^5$ следующим образом:

$$\pi(q_1, q_2) = \left(2\frac{q_1 \bar{q}_2}{|q_1|^2 + |q_2|^2}, \frac{|q_1|^2 - |q_2|^2}{|q_1|^2 + |q_2|^2}\right),$$

считая, что каждый кватернион определяет точку вещественного пространства $\mathbb{C}^4$, а $\bar{q} = t - ix - jy - kz$ если $q = t + ix + jy + kz$. Прямое вычисление показывает, что норма элемента $\pi(q_1, q_2)$ равна 1. Следовательно, образом пространства $\mathbb{C}\mathrm{P}^3$ при этой проекции является сфера S^4. Если q – ненулевой кватернион, то

$$\pi(qq_1, qq_2) = \pi(q_1, q_2).$$

Относительно введенного действия $\mathbb{C}\mathrm{P}^1$ на $\mathbb{C}\mathrm{P}^3$, слоем над точкой сферы S^4 является пространство $\mathbb{C}\mathrm{P}^1$.

Введем открытые множества

$U_1 = \{(q_1, q_2) \in \mathbb{C}P^3 : q_1 \neq 0\}$ и

$U_2 = \{(q_1, q_2) \in \mathbb{C}P^3 : q_2 \neq 0\}$.

Отображения $\phi_1(q_1, q_2) = (\pi(q_2 / q_1, 1), [q_1])$ и $\phi_2(q_1, q_2) = (q_1 / q_2, 1), [q_2])$.

Задают локальные диффеоморфизмы $U_1 \mapsto \pi(U_1 \times \mathbb{C}\mathrm{P}^1$ и $U_2 \mapsto \pi(U_2) \times \mathbb{C}\mathrm{P}^1$ соответственно. Таким образом, $\mathbb{C}\mathrm{P}^3$ является расслоением над S^4 со слоем $\mathbb{C}\mathrm{P}^1$.

Сфера S^4 изометрична кватернионному проективному пространству HP^1 с метрикой $h(q, q) = \mathrm{Re}(q\bar{q})$.

Касательное пространство в точке $u \in \mathrm{HP}^1$ изоморфно кватернионному пространству H. Известно (см. [3], том 1), что группа всех ортогональных преобразований пространства H состоит из отображений вида:

$f(x) = pxq, |p| = |q| = 1,$

и изоморфна $SO(4)$. Обозначим через W множество кватернионных преобразований вида:

$$J_q(x) = xq, q = ai + bj + ck, a^2 + b^2 + c^2 = 1.$$

Каждое такое преобразование сохраняет метрику h и ориентацию пространства H. Кроме того, $J_q \circ J_q = -id$. Заметим, что преобразование $J_q(x) = qx$ также сохраняет метрику h, но меняет ориентацию пространства H. Группа $U(2)$ изоморфна $SU(2) \times U(1)$, а следовательно, диффеоморфна $S^3 \times S^1$. Отсюда следует, что множество отображений вида:

$f_q(x) = px\exp(i\varphi)q, |p| = |q| = 1, q =$

$= ai + bj + ck = \mathrm{Const}$

диффеоморфно $U(2)$, а множество W диффеоморфно $SU(4)/U(2)$, т. е. является множеством ортогональных, сохраняющих ориентацию, почти комплексных структур (подробнее см. [2], том 2, глава 9). Получаем, что множество всех ортогональных, сохраняющих ориентацию, почти комплексных структур в $T_u \mathrm{HP}^1$ параметризуется кватернионами вида $q = ai + bj + ck, a^2 + b^2 + c^2 = 1$.

Каждой комплексной прямой (q_1, q_2) из $\mathbb{CP}^3$ можно сопоставить кватернионную прямую из $\mathbb{HP}^1$ с направляющим вектором (q_1, q_2). Каждый элемент $[q], q = z_1 + z_2 j$ слоя $\pi^{-1}(q_1, q_2)$ определяет ортогональную, сохраняющую ориентацию на $\mathbb{HP}^1$, почти комплексную структуру:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \mathrm{Re}(z_1 / z_2) i + \mathrm{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \dfrac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases}$$

Получаем, что $\mathbb{CP}^3$ является твисторным расслоением над $\mathbb{HP}^1$, а следовательно, и над S^4.

Каждый элемент (q_1, q_2) кватернионного пространства $\mathbb{H}^2$, такой, что $|q_1|^2 + |q_2|^2 = 1$ можно отождествить с точкой единичной сферы S^7 в пространстве $\mathbb{C}^8$. Если $z = \exp(ix), x \in \mathbb{C}$, то элементы $(q_1 z, q_2 z)$ и (q_1, q_2) определяют одну и ту же комплексную прямую в пространстве $\mathbb{CP}^3$. Отсюда получаем, что пространство $\mathbb{CP}^3$ диффеоморфно однородному пространству S^7 / S^1. Поскольку сфера S^7 односвязна, а окружность S^1 связна, пространство S^7 / S^1 является компактным и односвязным. Следовательно, $\mathbb{CP}^3$ является компактным и односвязным.

На $\mathbb{CP}^3$ существует естественная комплексная структура $J_0 : J_0 X = iX$ и каноническая метрика Фубини-Штуди h_0, относительно которой комплексная структура J_0 является ортогональной. Это превращает твисторное расслоение $\mathbb{CP}^3$ в эрмитово многообразие. Обозначим через D_u подпространство, ортогональное касательному пространству к слою $\mathbb{CP}^1$ твисторного расслоения над сферой S^4 относительно метрики h_0 в каждой точке $u \in \mathbb{CP}^3$. Касательное пространство $T_u \mathbb{CP}^3$ раскладывается в ортогональную сумму $D_u \otimes T_u \mathbb{CP}^1 = \mathbb{C}^2 \otimes \mathbb{C}$. Отсюда, любая ортогональная почти комплексная структура на $\mathbb{CP}^3$, инвариантно действующая на касательном пространстве к слою $\mathbb{CP}^1$, в точке u действует инвариантно на D_u.

На слое $\mathbb{CP}^1$ существует единственная, с точностью до знака ортогональная комплексная структура $J : JX = \pm iX$. Поскольку дифференциал проекции π задает изоморфизм подпространства D_u на $T_x S^4, x = \pi(u)$, то множество ортогональных, инвариантно действующих на слоях твисторного расслоения почти комплексных структур в каждой точке u из $\mathbb{CP}^3$ полностью определяется пространством ортогональных почти комплексных структур в точке $\pi(u)$ сферы S^4. Как было показано выше, каждый кватернион $q = ai + bj + ck, a^2 + b^2 + c^2 = 1$ определяет две ортогональных почти комплексных структуры в точке x сферы S^4, одна из которых сохраняет, а другая меняет ориентацию касательного пространства $T_x S^4$. Поскольку любое векторное поле X на $\mathbb{CP}^3$ в любой точке u можно разложить в сумму $X = Y + Z, Y \in D_u, Z \in T_u \mathbb{CP}^1$, то любая ортогональная, инвариантно действующая на слоях твисторного расслоения почти комплексная структура на $\mathbb{CP}^3$ имеет либо вид: $J^+ : J^+ X = J_q^{\pm} Y + iZ$, либо вид: $J^- : J^- X = J_q^{\pm} Y - iZ$.

В [1] доказано, что почти комплексные структуры вида J^+ интегрируемы, а почти комплексные структуры вида J^- не интегрируемы.

Матричное представление ортогональной, инвариантно действующей на слоях твисторного расслоения, почти комплексной структуры в каждой точке $\mathbb{CP}^3$ в группе $Sp(2)$ имеет вид:

$$\begin{pmatrix} \pm(ai + bj + ck) & 0 \\ 0 & \pm i \end{pmatrix} \mid a^2 + b^2 + c^2 = 1,$$

а в группе $SU(3)$ имеет вид:

$$\begin{pmatrix} \pm \begin{pmatrix} ix & -y + iz \\ y + iz & -ix \end{pmatrix} & 0 \\ 0 & \pm i \end{pmatrix} \mid x^2 + y^2 + z^2 = 1.$$

Литература

1. Hitchin, N. Kahlerian twistor spaces / N. Hitchin // Proc. Lond. Math. Soc. (3) 43, 133 – 150, 1981.

2. Кобаяси, Ш. Основы дифференциальной геометрии. В 2 т. / Ш. Кобаяси, К. Намидзу. – М.: Наука, 1981.

3. Дубровин, Б. А. Современная геометрия. Методы и приложения. В 2 т. / Б. А. Дубровин, С. П. Новиков, А. Т. Фоменко. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.035.7

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА НА ВОЕННЫХ КАФЕДРАХ В ГРАЖДАНСКИХ ВУЗАХ

А. И. Бобнихов

SOME ASPECTS OF THE RESERVE OFFICERS PREPARATION ON THE MILITARY CHAIRS IN CIVIL UNIVERSITIES

A. N. Bobnichov

В статье рассмотрены вопросы подготовки офицеров запаса для Вооруженных сил Российской Федерации из числа студентов, обучающихся на военных кафедрах гражданских вузов. Сделан выборочный сравнительный анализ обучения студентов на военных кафедрах и курсантов военных вузов, даны некоторые рекомендации по повышению уровня профессиональной подготовки офицеров запаса на основе передовых педагогических технологий, внесены определенные требования по профессиональной подготовке, педагогическому мастерству офицерского состава.

The article considers the questions of the Army Forces reserve officers training among the students studying in the military departments of the civil educational establishment. The selective comparative analysis of the student and cadet training in the military departments and institutions has been done. Reasoning has also been given as to the improvement of the reserve officers professional training level on the basis of the advanced pedagogical techniques and methodologies.

Ключевые слова: профессионализм, компетентность, педагогика, творчество, методика, система, компетенция.

Key words: professionalism, competence, pedagogic, creation, methodic, system.

В настоящее время перед вузами, занимающимися подготовкой офицеров запаса для формирования резерва Вооруженных сил Российской Федерации, стоит задача подготовки специалистов узкого профиля, высокой профессиональной компетентности с развитым творческим мышлением. Эта задача может быть решена только при тесной взаимосвязи учебного процесса и получаемых знаний по основной – гражданской специальности, получаемой на факультете, и дополнительных знаний, получаемых на военных кафедрах при гражданских вузах. Можно выделить следующие составляющие, влияющие на подготовку высокопрофессиональных офицеров запаса в гражданских вузах:

1. Эффективное планирование и организация учебного процесса, увязывание гражданской и военной составляющих.

2. Успешное овладение студентами учебных программ основного и дополнительного обучения, мотивация получения студентами дополнительных знаний по профессиональной военной подготовке.

3. Профессиональный уровень, педагогическое мастерство профессорско-преподавательского состава военной кафедры.

4. Состояние учебно-материальной базы вуза, военной кафедры, ее эффективность в учебном процессе.

Планирование учебного процесса на военных кафедрах осуществляется на основании учебных программ для каждой военно-учетной специальности из расчета 450 часов на пять семестров обучения. В вузе запланировано не менее 8 тысяч часов для обучения основной гражданской специальности. В военном вузе за те же пять лет курсант осваивает то же количество часов обязательной программы. Говорить о «лучшем» или «худшем» качестве образования нет смысла, так как у военного и гражданского вузов совсем разные задачи по подготовке специалистов. Для увязывания военной и гражданской составляющих на военных кафедрах составляются структурно-логические схемы по каждой военно-учетной специальности, используя которую преподаватель-офицер представляет весь процесс обучения в вузе. Кроме того, при разработке структурно-логической схемы учитывается и увязывается тематика военных дисциплин, изучаемых на военных кафедрах.

Содержание обучения определяется учебно-планирующей документацией военной кафедры, вуза: учебными планами, программами, учебниками, учебно-методическими материалами.

Основными формами занятий на военной кафедре являются: лекции, семинары, групповые занятия, практические занятия, самостоятельная работа под руководством преподавателя, самостоятельная работа, консультации.

На лекции студент достигает определенного уровня понимания, т. е. у него устанавливаются известные связи и отношения к изучаемым явлениям

или предметам реального мира, формируются еще непрочные ассоциации и аналогии.

Групповые занятия – наиболее распространенная форма занятий на военной кафедре. Они имеют цель по углублению и закреплению теоретических знаний, привитие студентам умений и практических навыков.

Главная цель практического занятия заключается в закреплении теоретических знаний и формировании необходимых будущему специалисту умений и навыков.

«Практическое умение» предполагает формирование у студентов умственных и двигательных навыков, а также умение целеустремленно и творчески использовать знания и навыки в своей практической деятельности. Дальнейшее развитие и совершенствование умений позволит повысить профессиональную подготовку выпускников. Таким образом, глубина и прочность знаний определяют качество навыков и умений, которые, в свою очередь, углубляют знания. Только взаимообогащая друг друга процессы овладения знаниями и формирование навыков и умений способствуют становлению высококвалифицированного специалиста.

С этой целью на кафедре преподаватели стремятся проводить занятия по следующей методике:

– содержание практических занятий базировать и согласовывать с теоретическим материалом;

– предварительно готовить помощников преподавателя из числа специалистов отделения учебной и тренировочной аппаратуры факультета или наиболее подготовленных студентов;

– практические занятия обеспечивать учебной и методической литературой, наглядными пособиями, техникой;

– контролировать самостоятельную подготовку студентов, обеспечивая их военно-техническим имуществом и техникой;

– на занятиях постоянно поддерживать объективную и доброжелательную требовательность, воинскую дисциплину.

Семинары – одна из активных форм углубления и закрепления знаний студентов, эффективное средство контроля результатов их самостоятельной работы. Проводятся они, как правило, со взводом.

Самостоятельная работа под руководством преподавателя является одним из видов учебных занятий. Она проводится в целях активного поиска и приобретения обучаемыми новых знаний, расширения и углубления знаний, полученных на других видах занятий, разработки рефератов, проведения моделирования и выполнения других творческих заданий, а также для обучения методам самостоятельной работы.

Самостоятельная работа – одна из важнейших форм учебной работы. Она является одним из элементов активности обучающихся и является основой усвоения ими знаний, умений и навыков. Самостоятельная работа студентов складывается из самоподготовки в специально отведенные часы на военной кафедре и выполнения домашних заданий.

Консультации проводятся преподавателями по наиболее сложным темам или перед экзаменами. Они могут быть индивидуальными или групповыми. В процессе консультации преподаватель стремится выяснить слабые места в знаниях студентов и затем восполняет пробелы методом беседы.

Грамотное планирование учебных занятий позволяет значительно повысить качество подготовки офицеров запаса.

Одним из путей обеспечения тесной связи процесса обучения с будущей профессиональной деятельностью является внедрение игровых методов обучения. К разновидностям игровых методов можно отнести: метод разыгрывания ролей; деловая игра; военные игры и др.

Чтобы перейти от технологии запоминания учебного материала к технологии творческого обучения, необходимо перенести центр тяжести на развитие активного мышления обучаемых, их умение самостоятельно решать нестандартные задачи, использовать знания для творческого рассмотрения социальных, военных, моральных, психологических и других процессов.

Известно, что элементы педагогической системы взаимосвязаны и находятся в определенной функциональной зависимости: изменение хотя бы одного из них неизбежно ведет к изменению других элементов педагогической системы.

Так, например, широкое и системное внедрение в учебный процесс методов активного обучения как наиболее эффективных повлечет за собой сокращение необходимого учебного времени для усвоения обучаемыми заданного минимума знаний и умений на требуемом уровне обученности. Высвободившееся время можно использовать для повышения уровня обученности или улучшения содержания за счет увеличения объема профессионально-ориентированной информации.

Внедрение методов активного обучения, изменение существующих средств, форм и содержания обучения невозможны без основного звена педагогической системы преподавателя. Поэтому уже сейчас возникает проблема переориентации преподавателя традиционной школы, его психологии на активное обучение. Перед каждым преподавателем стоит задача – уметь активизировать творческое мышление обучаемых.

Фактически возникает система интенсивного обучения, основанная на всестороннем рассмотрении и комплексном использовании современных достижений в сфере образования, науки и производства и обеспечивающая планируемое количество обучения путем его интенсификации.

Какая же мотивация получения студентами дополнительных знаний по профессиональной военной подготовке, получения ими офицерского звания? В первую очередь, – это конкурентоспособность выпускника вуза на рынке труда. Полученные знания по основной, гражданской специальности позволяют ему реализовать полученные знания, получить достойную работу в солидной фирме, организации, предприятии. Звание офицера запаса по-

зволяет существенно увеличить сферу применения полученным знаниям, навыкам. Служба в Вооруженных силах Российской Федерации из года в год становится престижней. Часто офицеры, отслужившие установленные сроки службы по призыву, остаются служить либо в своих частях, либо после увольнения в запас – в войсковых частях или в силовых структурах в тех населенных пунктах, где они сами желают. Нельзя умалчивать и о том, что Указом Президента Российской Федерации офицеры запаса, окончившие военные кафедры гражданских вузов, не призываются в Вооруженные силы Российской Федерации, что позволяет некоторым выпускникам вузов спокойно продолжить обучение в аспирантуре, некоторым подыскать достойную работу, устроить личную жизнь, не боясь быть оторванным от семьи для прохождения службы по призыву. У них остается возможность добровольно служить не только в Вооруженных силах, но и в различных силовых структурах, имея значительно больше шансов поступить туда.

Успешное овладение студентом учебных программ основного и дополнительного обучения неразрывно связаны между собой. Студент, успешно обучающийся в вузе, как правило, успешно постигает и военные науки. Студент, постоянно имеющий задолженности после сдачи очередной сессии, как правило, не может освоить дополнительные предметы, изучаемые на военной кафедре. Перед таким студентом даже выбора нет – какому образованию отдать предпочтение, так как для обучения на военной кафедре ему необходимо быть студентом этого вуза, поэтому он прикладывает титанические усилия для сдачи задолженностей, пропускает занятия на военной кафедре и, как следствие, – отчисление с военной кафедры по неуспеваемости. Пропуски занятий особенно губительны при подготовке военных связистов, в программе которых по военно-специальной подготовке предусмотрено изучение азбуки Морзе. Даже при наличии компьютерной программы в собственном компьютере, учебных пособий студент не может освоить военно-специальную подготовку, являющуюся основным предметом обучения.

Профессиональная подготовка и педагогическое мастерство профессорско-преподавательского состава военной кафедры зависит от нескольких основных факторов:

1) профессиональная подготовка офицера;

2) опыт службы в Вооруженных силах Российской Федерации;

3) мотивация службы на военной кафедре.

Рассматривая вопросы, связанные с профессиональной подготовкой офицера, необходимо вернуться к истокам подготовки офицера в военном или гражданском вузе, в случае, если офицер остался на контрактной службе после службы в Вооруженных силах по призыву. Военный вуз готовит кадрового офицера, в основе обучения лежат общевоенные дисциплины – строевая подготовка, физическая подготовка, огневая подготовка, позже, на старших курсах – технические, специальные дисциплины. Вуз дает систему знаний, методологию, применяя которую можно осваивать и не изучаемую ранее технику. Опыт службы в Вооруженных силах, в первую очередь, дает умение работать с личным составом, принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность перед старшим начальником. Офицер в войсках не только руководитель, но и воспитатель. От его умения применять полученные знания на практике при работе с личным составом зависит успех в служебной деятельности офицера, его карьерный рост, выполнение подразделением поставленных задач, а в некоторых случаях – жизнь его и подчиненных. На военных кафедрах гражданских вузов физическая подготовка не предусмотрена, система физического воспитания в военном вузе значительно отличается и превосходит систему организации занятий по физической подготовке в гражданском вузе. Такое же положение дел по строевой подготовке, которая придает офицеру молодцеватый вид и подтянутость. На строевую подготовку на военной кафедре отводится плановых 13 часов, в военном вузе – 66 часов. Если учесть, что курсант военного училища передвигается только строем во все время обучения, то к окончанию вуза достигается определенная молодцеватость и подтянутость. Большая разница в часах по техническим и специальным дисциплинам на военных кафедрах и военных вузах. Эти факторы влияют на профессиональную подготовку офицеров-педагогов, занимающихся подготовкой офицеров запаса.

Перед преподавателем военной кафедры стоит задача формировать творческих, знающих специалистов, способных самостоятельно, творчески решать сложные профессиональные и научные проблемы, не уступающим в профессиональной подготовке выпускникам военных вузов. От уровня педагогического мастерства преподавателя, его умения педагогически правильно, интересно проводить занятия зависит качество преподавания, эффективность усвоения учебного материала студентами, их познавательная активность, заинтересованность. «В действительности же нас слушают гораздо охотнее, когда мы сами увлекаемся делом обучения; наша радость окрашивает всю словесную ткань нашей речи: нам легче говорить, нас лучше воспринимают» (Аврелий Августин) [1].

«Педагогическая технология представляет собой совокупность психолого-педагогических установок, определяющих специальный подбор и компоновку форм, методов, способов, приёмов, воспитательных средств» [2]. Технологическими образованиями обеспечивается возможность достижения эффективного результата в усвоении обучаемыми знаний, умений и навыков, развития их личностных свойств и нравственных качеств. Под педагогической технологией понимается педагогический процесс, при котором происходит качественное изменение педагогического воздействия на обучаемого.

Предметом педагогической технологии являются конкретные практические взаимоотношения педагога и обучаемых в любой области деятельности,

организованные на основе четкой систематизации, стандартизации способов и приемов обучения, с использованием компьютеризации и технических средств обучения. В результате достигается устойчивый позитивный результат в усвоении студентами знаний, умений и навыков.

Технология не существует в педагогическом процессе в отрыве от его общей методологии, целей и содержания. Она есть организационно-методический инструментарий педагогического процесса.

Ведущая задача современных педагогических технологий – развитие личности обучаемого, отработка глубины и прочности знаний, закрепление умений и навыков, развитие технологического мышления, умений самостоятельно планировать, алгоритмизировать свою учебную самостоятельную деятельность,

Чтобы педагогическая технология заработала, ожила, была результативной – она должна реализовать в своей деятельности требования ведущих принципов обучения, дидактических принципов.

К ведущим относятся следующие принципы обучения: принцип целенаправленности; научности; связи обучения с жизнью; систематичности и последовательности; сознательности и активности; наглядности обучения; доступности; воспитывающего и развивающего обучения; принцип прочности.

Руководствуясь принципами обучения при организации учебного процесса, каждый преподаватель должен знать, что его требования направляют всю его деятельность: они помогают определить содержание обучения, методы и формы обучения, они же диктуют и поведение преподавателя во время занятия.

Преподавателю необходимо не только просто знать эти принципы, но и реализовать их требования при организации педагогических технологий.

Огромную роль в становлении офицера-преподавателя играет мотивация перевода его на военную кафедру. Опыт показывает, что офицер, придя на военную кафедру без ярко выраженного желания стать педагогом, слабо понимающего свою роль в обучении и воспитании офицеров запаса, редко становится сильным педагогом. Такой педагог не совершенствует свое педагогическое мастерство, не повышает профессиональный уровень, не вникает в систему подготовки студента в вузе, не работает на конечный результат. Перспектива роста – важный, но не единственный стимул службы офицера на военной кафедре. При нехватке офицерского состава, наличии вакантных вышестоящих должностей или перспектива наличия таких должностей – дает возможность проявить себя, сделать рывок в педагогическом, профессиональном мастерстве, в выполнении служебного долга с тем, чтобы занять вышестоящую должность. Видя перспективу, офицер прилагает усилия в совершенствовании знаний по педагогике, психологии, поступает в гражданский педагогический или иной вуз, аспирантуру, повышает педагогический потенциал. Принято считать, что педагогом может быть любой офицер, прослуживший некоторое время в войсках. Мотивация простая – он работал с личным составом, он практически применял полученные в военном вузе знания по педагогике, психологии, одним словом, он – офицер. Но офицер и педагог все же не одно и то же, задачи, стоящие перед офицером и педагогом вообще разные. Офицер во время службы отвечает за боевую и мобилизационную готовность своего подразделения, части, а офицер-педагог – за обучение и воспитание будущих офицеров запаса, проходящих обучение на военной кафедре при гражданском вузе. Совершенствование педагогического мастерства на военной кафедре гражданского вуза проходит в системе командирской подготовки, на курсах повышения квалификации, на стажировке в войсках, при проведении открытых, показательных занятий, методических заседаниях и т. д. В последнее время стало хорошей тенденцией обучаться в педагогических вузах, аспирантурах.

В подготовке специалиста важную роль играет состояние учебно-материальной базы вуза, военной кафедры. Чем выше процент укомплектованности военными образцами техники, тем эффективнее учебный процесс. Теория и практика взаимно увязываются, гармонично дополняют друг друга. Студент не только теоретически изучает образец техники, но и практически работает на ней, отрабатывает нормативы и учебные задачи. При переходе обучения студентов на новые военно-учетные специальности существует значительное отставание в комплектации военной кафедры более современными видами техники и вооружения. На помощь педагогам приходит компьютерная техника. Использование мультимедийного оборудования позволяет неоднократно показать обучаемым порядок подготовки и настройки аппаратуры в различных режимах. При этом преподаватель может акцентировать внимание студентов на наиболее сложных моментах настройки. Но никакие компьютерные технологии не смогут заменить навыков работы на «живой» технике. Необходимо укомплектовывать военные кафедры гражданских вузов современными образцами вооружения и техники, внедрять новые педагогические технологии, что позволит значительно повысить уровень подготовки высококлассных специалистов для Вооруженных сил Российской Федерации.

Литература

1. Безрогова, В. Г. Антология педагогической мысли христианского Средневековья / В. Г. Безрогова, О. И. Варьяш. – М.: Аспект Пресс, 1994. – Т. 1. – 161 с.

2. Современные педагогические технологии в военном вузе: материал межвузовской научно-методической конференции. – Новочеркасск, 24 апреля 2008 года.

УДК 378.146:543

ИЗ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ХИМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

О. Н. Булгакова, П. Д. Халфина, Г. Н. Шрайбман, Н. В. Иванова

FROM THE EXPERIENCE OF MULTI-MEDIA TECHNOLOGIES USING IN THE TEACHING OF CHEMICAL DISCIPLINES

O. A. Bulgakova, P. D. Halfina, G. N. Shrayban, N. V. Ivanova

В статье обсуждается опыт применения мультимедийных технологий при изучении химических дисциплин, обобщен материал, выявляющий достоинства и недостатки применения презентаций в воспитательно-образовательном процессе, представлены результаты опроса студентов всех курсов химического факультета КемГУ, выявляющие факторы, влияющие на эффективность внедрения презентационного представления учебной и научной информации. Особое внимание уделено формам самостоятельной работы студентов, а именно – разработанным на кафедре аналитической химии многоуровневым индивидуальным заданиям в электронном варианте. Подробно рассматривается объективность применения АКК (автоматизированного контроля качества) по аналитической химии в учебном процессе. Обсуждается возможность внедрения разработанных тестов по аналитической химии в АСТ оболочке для контроля качества знаний студентов.

In article experience of application of multimedia technologies at studying of chemical disciplines is discussed, the material revealing merits and demerits of application of presentations in educational process is generalised, results of interrogation of students of all courses of the chemical faculty KemGU, the revealing factors, influencing efficiency of introduction of presentation representation of the educational and scientific information are presented. The special attention is given forms of independent work of students, namely, developed on chair of analytical chemistry to multilevel individual tasks in an electronic variant. Efficiency of application AKK (the automated quality assurance) in analytical chemistry in educational process is in detail considered. Possibility of introduction of the developed tests in analytical chemistry in nuclear heating plant to a cover for quality assurance of knowledge of students is discussed.

Ключевые слова: высшее образование, информационные технологии, мультимедийные средства, методика преподавания химии.

Key words: higher education, information technologies, electronic educational devices, methodic of chemistry teaching.

Развивающимся наукоемким производствам необходимы специалисты, обладающие общими и специальными компетенциями, учитывающими специфику профессиональной деятельности. Это требует высокой подготовленности специалистов, основанной на фундаментальных естественнонаучных знаниях.

В настоящее время возникает противоречие между быстро растущим объемом профессионально значимой информации, сложностью образовательных программ профессиональной подготовки и ограниченными информационными возможностями традиционного лекционного процесса в вузе. Внедрение новых образовательных технологий способствует оптимизации учебного процесса, что, в свою очередь, улучшает качество подготовки специалистов. Чаще всего компьютерные и мультимедийные технологии применяются при изучении информатики, математики, физики и ряда других дисциплин физико-математического профиля. Применение мультимедийных технологий в изучении химических дисциплин имеет ряд особенностей, связанных как со спецификой предметов, так и с профессиональной подготовкой преподавателей.

В преподавании химических дисциплин используются все известные традиционные формы: лекции, семинары и лабораторные работы. Несмотря на то, что при изучении химии велика роль лабораторных работ и практических занятий, в качестве ведущего звена всего курса обучения выступает лекция, которая должна давать систематизированные основы научных знаний по дисциплине, раскрывать состояние и перспективы развития соответствующей области науки и техники, концентрировать внимание обучающихся на наиболее сложных, узловых вопросах, стимулировать их активную познавательную деятельность и способствовать формированию творческого мышления. Однако традиционная вузовская лекция имеет ряд недостатков (приучает к пассивному восприятию чужих мнений, тормозит самостоятельное мышление обучающихся, отбивает стремление к самостоятельным занятиям, одни слушатели успевают осмыслить получаемую информацию, другие – только механически записать слова лектора).

Указанные недостатки в значительной степени могут быть преодолены правильной методикой изложения учебного материала и рациональным внедрением его презентационного представления. Перевод части информационной нагрузки в визуальную область, возможность демонстрации оригинального материала способствует расширению воз-

можностей лектора. Созданию лекции, обладающей структурированностью, информативностью, научной новизной, всегда предшествует самообразование лектора. Оперативное получение новой информации достигается в результате использования ресурсов электронных библиотек, Интернета, электронных учебников и пособий. Чем лучше ориентируется преподаватель в мире электронной информации, тем более современными научными и интеллектуальными окажутся его лекции. Существенен и другой момент: чем больше внимания уделяет преподаватель изучению механизмов поиска и исследования электронных ресурсов, тем выше его информационная культура и научная информированность в предметной области [1].

Структурирование содержания дисциплины на основе технологии визуализации позволяет уплотнять материал, пакетировать и создавать экономные и рациональные конструкции научных знаний, вычленять обобщенные способы познавательных действий, характерных для данной научной дисциплины [2]. Однако следует отметить, что использование презентаций на лекциях увеличивает нагрузку на преподавателя-предметника в целом, т. к. предполагает дополнительный анализ содержательной части предмета; владение преподавателем мультимедийными средствами представления учебного материала; знакомство с особенностями восприятия для манипуляций с цветом, фоном, анимационными эффектами, хронометражем и т. д.

Знание методов проектирования электронных дидактических средств должны включать в себя понимание специфики и возможностей медиасообщений, понимание специфики и возможностей медиатекстов, знание психологических особенностей восприятия художественно-графического представления аудиовизуальной информации, оптимального и пространственного предъявления медиатекстов, умение сценарного и остросюжетного построения медиасообщений [3]. Так, например, обилие текста в визуальном поле аудиторного дисплея затрудняет студентам запись излагаемого материала в виде обычного конспекта, психологически утомляет и создает противоречие между устной и опосредованной речью преподавателя. В таком варианте передачи «знаний» лекция теряет смысл основного аудиторного вида занятий в вузе [4]. Кроме того, применение мультимедийных средств в значительной степени определяется спецификой преподаваемой дисциплины (например, практически исключается вывод сложных математических выражений и приветствуется представление структурных преобразований с применением анимационных эффектов, демонстрация схем, фотографий, графиков и т. п.).

Таблица 1

Некоторые достоинства и недостатки применения презентаций в воспитательно-образовательном процессе

	Для студента	***Для преподавателя***
Достоинства	- получение большего объема информации; - расширение кругозора; - привлекательность передачи знаний через демонстрации; - получение материала в систематизированном, классифицированном виде; - облегчение запоминания материала через визуализацию.	- увеличение объема передаваемой информации; - возможность представления оригинального материала (фотографии, рисунки, схемы); - структурирование материала; -реализация взаимозаменяемости преподавателей с сохранением заданного ранее темпа изложения.
Недостатки	- получение иногда «чрезмерного» объема информации за короткое время; - несоответствие сформированных навыков самостоятельной познавательной деятельности студентов требованиям преподавателей (не успевают записать, понять…); - снижение потребности в развитии мыслительной деятельности (перестают самостоятельно систематизировать, классифицировать, анализировать учебный материал); - опасность снижения роли устной и письменной речи, так как в новых технологиях во многом преобладает звук и изображение.	- увеличение времени на подготовку лекции; - необходимость владения мультимедийными средствами представления материала; - необходимость учета психологических особенностей восприятия художественно-графического представления аудиовизуальной информации.

При оценке эффективности применения презентаций в лекционном материале авторы обычно отмечают изменение качества обучения студентов (повышение успеваемости). На наш взгляд, на процесс обучения оказывают влияние многие факторы, и прямой корреляции между внедрением в образовательный процесс мультимедийных средств и повышением успеваемости студентов может и не быть.

Для выявления факторов, влияющих на эффективность внедрения презентационного представления учебной и научной информации, нами был проведен опрос студентов всех курсов химического факультета КемГУ. В опросе приняли участие 99 сту-

дентов (40 человек – студенты второго курса, остальные – старшекурсники).

Большинство из всех опрошенных студентов считают, что презентации лишь в некоторой степени помогают воспринимать новую информацию. Студенты старших курсов полагают, что применение презентаций эффективно, независимо от характера изучаемой дисциплины. Второкурсники в равной степени допускают использование презентаций на лекциях по основным дисциплинам, дисциплинам специализации и дисциплинам по выбору. Вынос на слайды текстовой информации приветствует лишь 30 % опрошенных студентов. Остальные студенты, вне зависимости от того, на каком курсе они обучаются, считают рациональным представление на слайдах графиков, таблиц, схем, рисунков. Большинство студентов предпочитают получать знания по общепрофессиональным предметам «вживую» от лектора, а дополнительную информацию, помогающую усвоить основную, в виде презентаций. Многие студенты предлагают использовать презентации только при закреплении и обобщении материала.

Таблица 2

Результаты опроса студентов ХФ КемГУ о внедрении презентаций

Мнение	***Второкурсники (%)***	***Старшекурсники (%)***
Презентации лишь в некоторой степени помогают воспринимать новую информацию.	73	75
Применение презентаций эффективно, независимо от характера изучаемой дисциплины.	63	55
Рационально представление на слайдах графиков, таблиц, схем, рисунков.	70	85
Знания по общепрофессиональным предметам лучше получать «вживую» от лектора, а дополнительную информацию – в виде презентаций.	65	78
Надо использовать презентации только при закреплении и обобщении материала.	27	32
Презентации вообще не нужны.	23	16

Те студенты, которые негативно относятся к применению презентаций на лекциях (23 %), отмечают недостатки как в содержании и форме представляемой учебной информации, так и в способе ее подачи. Они считают, что: «Преподаватели перестают преподавать и лишь щелкают мышью. Главная цель – понять – не достигается, если преподаватель быстро листает слайды. Основной целью работы студента на лекции становится – записать. Большинство презентаций содержат избыточный объем информации на одном слайде, в том числе и текст. Текстовую информацию легче воспринимать на слух, в форме классической лекции».

Студентами химического факультета были отмечены учебные дисциплины, где, по их мнению, лекторы наиболее удачно представляли информацию в виде презентаций: общие курсы «НИТ», «Химические основы жизни», спецкурс «Анализ конкретных объектов», курс по выбору «Современные проблемы аналитической химии». Мнение студентов ХФ и наш опыт преподавания показывают, что эффективность применения презентаций определяется профессионализмом преподавателя, особенностями предмета и спецификой учебной дисциплины.

Создание электронных учебно-методических комплексов, компьютерных учебников и других электронных изданий восполняет недостаток учебно-методической литературы по предмету, позволяет вести непрерывный контроль усвоения материала, способствует активизации самостоятельной познавательной деятельности студентов. На кафедре аналитической химии Кемеровского госуниверситета разработан учебно-методический комплекс «Аналитическая химия» для направления «Химия» в режиме HTML с обширной навигацией между компонентами комплекса и внутри каждого из них.

В комплекс включены:

- рабочая программа;
- учебное пособие;
- лабораторный практикум;
- сборник многоуровневых индивидуальных заданий;
- контрольные задания;
- АСТ – тесты.

Индивидуальные задания по аналитической химии, являющиеся одной из форм контроля оценки знаний по рейтинговой системе, представлены в виде массива задач по 17 темам, скомпонованных согласно календарному плану в 5 заданий. Причем в каждом индивидуальном задании содержатся задачи разной степени сложности: типовые, нетиповые и нестандартные задачи. Многоуровневость заданий позволяет выполнить задания студентам с разной подготовкой. Студент может набрать (получить) соответствующее количество баллов, выбирая большее количество простых задач или эквивалентное (по баллам) меньшее количество более сложных. В заданиях дана таблица оценки в баллах каждого задания в целом и задач разного уровня сложности по темам. Сборник содержит необходимую справочную информацию, список литературы и. примеры решения типовых задач. Алгоритмы решения усложненных задач приведены в рекомендуемой литературе. Использование такой формы контроля по-

зволит учесть индивидуальные особенности (мышления, поведения) студентов и учесть их довузовскую подготовку, имея в виду тот факт, что предмет изучается на втором курсе, а компьютерная обработка результатов позволяет упростить подсчет баллов в рейтинге. Как показывают первые исследования, студенты, имеющие доступ к компьютерам (это в основном кемеровчане) предпочитают пользоваться электронными учебно-методическими пособиями, чем бумажными. По их мнению, это «несравнимо интереснее, удобнее, позволяет рациональнее распределять время и силы».

На протяжении многих лет на кафедрах неорганической и аналитической химии практические занятия проводятся с использованием АКК (автоматизированного контроля качества) в компьютерном классе. АКК позволяет объективно оценить знания студентов. Это подтверждается результатами выборки за три года. Студенты, получившие на экзамене 2, по АКК получили самый низкий балл (0,64). Студенты, получившие на экзамене 3, уже лучше справлялись с заданиями АКК и получили 1,38. Студенты, получившие на экзамене 4, по АКК имели балл 1,85. А те, чьи знания были оценены высокими баллами по АКК (2,20 в среднем), сдали экзамен на «отлично». Оценки, полученные студентами по различным темам по АКК, помогают объективно выделить наиболее сложные для восприятия темы. Это позволяет более эффективно планировать учебный процесс.

Применение мультимедийных средств в преподавании химических дисциплин оправданно не только на лекциях, но для проведения допуска к лабораторным работам, защит отчетов по выполненным работам, для оценки текущей успеваемости, при проведении коллоквиумов и зачетов. Для контроля и аттестации знаний и умений студентов на кафедре аналитической химии разработаны тесты в АСТ-оболочке. Общий массив составляет 500 тестовых заданий, скомпонованных в 6 блоков, каждый из которых содержит от 60 до 100 заданий разного уровня сложности. Один блок предназначен для пропедевтического (входного) контроля знаний и выполняется всеми студентами в полном объеме. Алгоритм тестирования в этом тесте может быть случайного выбора, так как задания предназначены для выявления остаточных знаний. По результатам этого тестирования можно выбрать траекторию выполнения индивидуальных заданий.

Для тематического (текущего) контроля предназначены три блока, которые посвящены основным разделам аналитической химии. Эти тесты можно выполнять как в фиксированной последовательности заданий, так и задавая случайный выбор. При фиксированной последовательности заданий (от простого к сложному) легче оценить степень восприятия материала и определиться с тематикой вопросов, выносимых на консультацию. Эти же три блока можно использовать для самоконтроля и в режиме тренажера и самообучения, сообщая сразу правильно или неправильно отвечено на вопрос. Для итогового тестирования предназначен блок, состоящий из 100 тестов, включающих материал всех тем. Этот блок применяется только рубежного контроля знаний. Его нельзя использовать для самоконтроля и самообучения. Шестой блок тестов предназначен для защиты лабораторного практикума и включает вопросы, связанные с техникой работ, приготовлением растворов и расчетами в анализе. Особо следует отметить электронные материалы, авторами которых являются студенты. На всех кафедрах химического факультета защита всех практик, курсовых и дипломных работ, а также рефератов по дисциплинам специализации принимаются при представлении докладов с презентациями. Применение такого вида представления материала позволяет закреплять учебный материал в процессе неоднократного редактирования, воспитывает привычку и потребность использования в повседневной жизни компьютерных технологий, создает экземпляр для электронной библиотеки студента и его преподавателя. По результатам опроса все студенты старших курсов предпочитают такой способ представления результатов их самостоятельной познавательной деятельности.

Таблица 3

Результаты опроса студентов ХФ КемГУ о способах проведения занятий

	2 курс	*Ст. курс*	*2 курс*	*Ст. курс*	*2 курс*	*Ст. курс*
Способ / *Вид*	*с применением мультимедийных технологий*		*в традиционной форме*		*все равно*	
Практические занятия	5	8	87	70	8	22
Лекции	62	76	15	12	23	12
Лабораторные работы	45	55	20	16	35	29
Другие виды (защита практик, рефераты, доклады)	-	100	-	-	-	-

Совершенствование информационной среды вузов, разработка и внедрение в педагогическую практику передовых информационно-коммуникационных технологий обучения сегодня является важнейшей стратегической задачей развития и модернизации высшего профессионального образования. В настоящее время широко используются дидактические комплексы, которые проектируются и соз-

даются как целостные системы педагогических программных средств, интегрированных с целью сбора, организации, хранения, обработки и представления учебной информации их конечным пользователям. Использование ИКТ позволяет улучшить качество обучения, в случае, если все элементы дидактических комплексов взаимосвязаны между собой, имеют единую информационную основу и программно-аппаратную среду. При проектировании и создании таких дидактических комплексов необходимо предусматривать возможность их использования как в локальных компьютерных сетях, так и при дистанционной форме профессионального образования.

Литература

1. Норенков, И. П. Информационные технологии в образовании / И. П. Норенков, А. М. Зимин. – М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2004. – 351 с.

2. Попов, Ю. В. Повышение эффективности учебно-познавательной деятельности студентов технического вуза средствами визуализации / Ю. В. Попов // Ползуновский вестник. – 2006. – № 3. – С. 190 – 199.

3. Стародубцев, В. А. Компьютерные и мультимедийные технологии в естественнонаучном образовании / В.А. Стародубцев. – Томск: Дельтаплан, 2002. – 224 с.

4. Стародубцев, В. А. Использование современных компьютерных технологий в инженерном образовании: уч. пособие / В. А. Стародубцев. – Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2008. – 70 с.

УДК 378.017.4:[378.016:81’243]

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВОПРОСАХ ИНТЕРКОММУНИКАЦИИ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Н. И. Ильичева, Л. Е. Галаганова, Г. В. Лежнина

EDUCATING CIRICNUNDCDNESS AS COMPETENCY OF FUTURE SPECIALISTS WHILE INTERCOMMUNICATING BY MEANS OF FOREIGN LANGUAGES

N. I. Ilyicheva, L. E. Galaganova, G. V. Lejnina

Статья рассматривает проблему гражданственности будущих специалистов гуманитарного профиля и возможностей профессионально значимых ситуаций на уроках иностранного языка как потенциала продуктивной профессиональной интеркоммуникации.

The article considers the problem of civicmindedness of future specialists – humanitarians and possibilities of didactic vocationally significant situations within classes as some potential of productive professional communicating in foreign languages.

Ключевые слова: компетентность, интеркоммуникация, гражданственность, профессионально значимые ситуации деятельности студентов на уроках иностранного языка.

Key words: competency, intercommunication, ciricnundcdness, didactic, vocationally important situations, productive activity in classes of foreign languages.

Тенденции в организации профессионального образования интенсифицируют процесс формирования новой модели специалиста, ориентированный на современный уровень его функциональных социокультурных компетенций, реализуя их и через коммуникативные компетенции, связанные с владением иностранными языками.

Новые возможности, виды и формы профессионального общения с использованием иностранных языков, главным условием эффективности которых, с нашей точки зрения, являются компетентность, инициативность, адекватное прогнозирование последствий деятельности, готовность к продуктивному взаимодействию; устойчивая мотивация к защите интересов кооперации с учетом взаимопонимания, уважения к культуре деловых партнеров по интеркоммуникации, учитывая и осознавая ценности, проблемы и достояния как своего государства, своей Родины, так и позитивные возможности конструктивной кооперации. Воспитание культуры интернациональных отношений и гражданственности вновь является частью государственной политики современной России [10; 5]. Условия жизни радикально изменили и расширили часть задач, стоящих и перед современным образованием. Перед высшей школой, например, встает задача подготовить будущих специалистов к культурному, профессиональному и личному общению с представителями стран с иными социальными традициями, общественным строем и языковой культурой, демонстрируя свою принадлежность к инициативной конструктивной деятельности профессионалов своей страны и государства.

Считается, что конкурентоспособность любой страны мира в ближайшие десятилетия будет определяться ее умением интегрироваться в глобальное мировое социально-экономическое пространство, представляя в этом мире интересы своего государства экспертами и креативными профессионалами с их технологиями продуктивной деятельности, knowhow (ноу хау) и проектами по кооперации.

С начала 90-х годов российское общество живет в условиях перехода от одной социально-

экономической системы к другой. Данный переход связан как с изменениями привычного уклада жизни, так и с изменениями в духовной сфере, связанными с переоценкой ценностей. В непрерывно изменяющейся современной России значима профессиональная компетентность специалистов, актуален вопрос о реальной самореализации конкурентоспособного специалиста с учетом его личностных карьерных амбиций и задач государства и общества в условиях интеркооперации рынка труда.

Показателями значимости компетентности являются изменения в сфере общественного сознания в различные периоды истории, которые свидетельствуют о том, что именно в компетентности заключены большие возможности развития и стабильности общества, поскольку они могут служить основанием для снятия конфликтов между поколениями и способствовать адаптации для эффективности процесса социализации личности и т. п.

Современная ситуация общественного развития актуализировала понятия «компетентность специалиста», «компетентность» и «компетенции». Среди подходов к определению этого понятия можно выделить у зарубежных исследователей – «углубленное знание», «состояние адекватного выполнения задачи», «способность к актуальному выполнению деятельности» и т. д. В отечественной науке профессиональную компетентность рассматривают, например, как «психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно», как обладание человеком «способностью и умением выполнять определенные трудовые функции» [13]; как «наличие специального образования, широкой общей и специальной эрудицией и как постоянное повышение своей научно-профессиональной подготовки» [12]; как «профессиональную подготовленность и способность субъекта труда к выполнению задач и обязанностей повседневной деятельности» [15]; как «потенциальную готовность решать задачи со знанием дела» [14]. В качестве показателей профессиональной компетентности выделяют: общую совокупность объективно необходимых знаний, умений, навыков; умение правильно распорядиться ими при исполнении своих функций; знание и программирование возможных последствий определенных действий; практический позитивный опыт эффективной деятельности в избранной сфере или смежных сферах; результаты труда специалиста; способность к композиционности и гибкость используемых технологий и методик; критичность и креативность мышления; профессиональная позиция в решении социально и личностно значимых проблем; индивидуально-психологические качества.

А. К. Маркова выделяет следующие виды компетентности: специальная, социальная, личностная и индивидуальная [13].

Е. В. Попова, исследуя компетентность как «интегральную характеристику», подчеркивает «большую значимость психологических качеств личности», которые «дополняются умениями («техниками»)» и, соответственно, на этапе формирования компетентности главная роль принадлежит задачам и технологиям совершенствования самой личности [14].

Н. В. Кузьмина расширяет этот перечень и в качестве отдельных видов педагогической компетентности выделяет следующие компоненты:

1) специальная компетентность в области преподаваемой дисциплины;

2) методическая компетентность в области способов формирования знаний, умений и навыков у обучающихся;

3) психолого-педагогическая компетентность в сфере обучения;

4) дифференциально-психологическая компетентность в области мотивов, способностей, направленности обучаемых;

5) рефлексия педагогической деятельности или аутопсихологическая компетентность [11].

Для нас этот подход важен в связи с тем, что это – модель деятельности преподавателей вуза, что важно для формирования компетентности будущих специалистов.

Как видим, исследуя компетентность, одни ученые отдают предпочтение общим и специальным знаниям, другие – усвоению профессиональных умений, третьи – дополняют необходимые знания и умения определенными психологическими качествами, четвертые подчеркивают в содержании профессиональной компетентности личностные свойства [10].

К. А. Абульханова придает большое значение конкретно-предметным знаниям специалиста, ибо, по ее мнению, «именно они выступают первоосновой формирования всей профессиональной компетентности», и поэтому система подготовки специалиста должна обеспечивать, прежде всего, освоение соответствующих знаний, поскольку они являются необходимой предпосылкой для реализации процесса труда [15].

Анализ существующих научных исследований вопросов воспитания культуры интернациональных отношений показывает, что эта проблема при преподавании дисциплин гуманитарного цикла рассмотрена в научной литературе в достаточной степени. Однако потенциал занятий иностранного языка в воспитании культуры интернациональных отношений (у нас – составляющая гражданственности) не получил всестороннего рассмотрения [3]. Учителя иностранного языка испытывают затруднения по реализации возможностей своего предмета в воспитании гражданственности и культуры интернационального общения [19; 9].

Важнейшим средством формирования гражданского общества, укрепления единства и целостности многонациональной Российской Федерации сегодня выступает компетентность молодежи в вопросах гражданственности. Постсоветский период в истории России привел к серьезным изменениям в ценностных ориентациях всех слоев населения. В сознание части молодых людей стали проникать эгоцентризм, цинизм, агрессивность, нравственный релятивизм; распространилось ощущение неполно-

ценности статуса россиянина, укрепилось мнение, что в современной России пока гордиться нечем.

Современные специалисты с гуманитарным образованием в век высоких информационных технологий (по их собственной оценке) обладают качественными знаниями и широким кругозором. Необходимо также указать, что студенты проявляют себя как прагматики, реализуя свои амбиции, отодвигая на перспективу тот опыт, который традиционно относился к категории общественно-полезного и целесообразного с позиции государства и его структур на местах, так как проблемы, где возможна и нужна их гражданская позиция, выходят за рамки их личных интересов. Многие из них пассивны и равнодушны к общественно-политическим проблемам, критически оценив их как ошибки и просчеты конкретных специалистов и номенклатурных работников, а что касается социокультурного опыта, как опыта конструктивного общения, то часть студентов часто испытывают затруднения при выборе как окружения, так и способов поведения в той или иной социально значимой ситуации.

Разрушение отлаженной системы воспитания стало одной из причин популярности в некоторых регионах РФ воззрений националистического, шовинистического и даже фашистского толка; искаженного толкования понятий «Отечество», «гражданственность как жизненная позиция», «патриотизм», «интернационализм», «национализм», «космополитизм» и т. п. В столь непростой ситуации в социуме новой страны необходимо поэтапное формирование «российской гражданственности», где должны гармонично сочетаться конструктивные традиции героического прошлого и сегодняшние реалии жизни с учетом перспектив развития нашего и мирового социумов.

Возвращение государства к проблемам системообразующих качеств личности через специально организованное воспитание связано с обозначением его приоритетных направлений – показатель, что это – главное средство укрепления единства и целостности РФ. Важным этапом на пути возрождения стала разработка государственных программ на 2001 – 2005 годы и на 2006 – 2010 годы, где фундаментом выделены, например, социо- и национально-культурная идентификация личности как гражданина РФ, осознание своей принадлежности к определенной культуре и интериоризация ее ценностей, что важно и для высшей школы.

Важнейшими механизмами, обеспечивающими адекватные параметры культурной и гражданской идентификации, обозначено многое, в т. ч. иностранный язык и такие параметры, как бережное отношение к богатствам и ценностям своей страны как Родины; и те ситуации, когда фиксируются ограничения личных пристрастий для обуздания собственной страсти к благополучию. В совокупности – это часть средств духовно-интеллектуального восстановления величия России.

Сегодня гражданская компетентность идентифицируется с такими личностными качествами, как позитивное отношение к проблемам большой и малой Родины, готовность выполнить конституционный долг, социальная толерантность (религиозная и национальная), общественно значимое гражданское поведение в преобразующей профессиональной деятельности.

Воспитательный потенциал курсов гуманитарных дисциплин как части высшего образования опирается на нормативно-правовую базу, представленную Законом РФ «Об образовании», федеральными программами развития образования, документами государственных органов управления образования (Национальная доктрина образования в Российской Федерации, Концепция модернизации образования на период до 2010 г., Программа развития воспитания в системе образования до 2004 г., государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 – 2005 годы», программы «Дети России» (2003 – 2006 гг.), «Молодежь России» (2001 – 2005 гг.) и др.), где «воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье» определены доминантными.

Современные стратегии гуманитарного образования выдвигают иностранный язык на одно из первых мест в развитии интеркоммуникации в системе социокультурных компетенций будущих специалистов. Многие педагоги и методисты сходятся во мнении, что не всегда реализуют возможности учебных предметов (в данном случае – иностранных языков) по формированию гражданской компетентности, поэтому мы специально останавливаемся на языковом образовании на гуманитарном факультете.

Как свидетельствуют результаты проведенных исследований, передовая педагогическая практика в реализации задач воспитания гражданственности и патриотизма с использованием потенциала всех учебных курсов, иностранные языки имеют специфические аспекты в дидактике и методике.

Анализ исходных материалов, определяющих на сегодня требования к уровню и набору компетенций в работе будущих специалистов гуманитарного цикла («историк») с материалами на иностранном языке показывает, что в наши дни дифференциация дидактических материалов становится своего рода акцентуацией в построении ситуаций деятельности студентов на занятиях. Основной социальный посыл к таким специалистам сегодня оформляется в терминологии компетенций и компетентности, чтобы подчеркнуть комплекс слабо реализуемых возможностей вуза и самой личности, которые позволяют быть адекватным требованиям рынка труда для осуществления результативной профессиональной коммуникации (через устные и печатные средства). Задачи высшей школы определены новым стандартом 2010 по специальности «историк» уровня «бакалавр», где при необходимости учета всего комплекса требований для преподавателей иностранного языка значимыми в их специфичности, в частности, признаются многие направления работы, а вот компетенции социокультурного порядка, связанные с развитием личности специалиста и гражданина своей Родины, не обозна-

чены ни в прямом директивном варианте, ни подтекстом.

Все, что касается гражданской компетентности, куда и входят компетенции как составляющие системообразующих компонентов для специалистов гуманитарного цикла (в нашем случае историка или специалиста в общественно-политической сфере, в системе референтной деятельности, в образовании, в менеджменте международных связей и т. п.), то ее, на наш взгляд, и следовало бы в современном сложном мире определить доминантной.

Мы подчеркиваем, что эти, маркированные для развития компетенций студентов, указатели в государственном документе и потенциал вуза сегодня позволяют преподавателям иностранного языка сосредоточиться на супердоступных источниках информации в подготовке специалистов этих профилей.

В содержании основного учебного материала как спецдисциплин, так и общепрофессиональных зафиксированы: социокультурный опыт человечества, образцы подлинной нравственности, духовности, гражданственности, гуманизма, творческого мышления и т. п.; и при условии овладения теоретическими основами гуманитарных дисциплин можно говорить о воспитании таких базовых личностных и профессиональных качеств: современного научного мировоззрения, убеждений, гражданской позиции, нравственного сознания, общей культуры и др. По нашему мнению, изучение гуманитарных дисциплин стимулирует и обеспечивает результативность в виде важных качественных изменений в социально-нравственном и общекультурном развитии, освоении основных методик саморазвития и самореализации.

Получается, что и качество содержания учебников, в особенности с точки зрения реализации их воспитательных функций, нейтрализация негативного влияния на молодежь СМИ стали составляющими и проблем высшей школы в целом и занятий по иностранному языку, в частности.

Нами сделана попытка раскрыть потенциальные возможности уроков иностранного языка в воспитании гражданской компетентности в высшей школе.

Мы провели анализ ряда УМК, используемых для преподавания английского языка, чтобы выявить их воспитательные возможности по формированию гражданственности и культуры интеркоммуникации. Мы рассматривали аутентичные материалы учебников издательств Longman, Macmillan, Oxford University Press. Эти учебники на российском рынке получили широкое распространение благодаря своим многочисленным лингвистическим и дизайнерским достоинствам и как альтернатива отечественным учебникам. Однако, несмотря на свою привлекательность, эти УМК обладают недостатками, которые не оказывают позитивного влияния на воспитание требуемых качеств в структуре гражданственности средствами иностранных языков.

Учитывая дефицит методических аутентичных материалов в наших УМК, учителя иностранного языка для работы по развитию чувства гражданственности и культуры интернациональных отношений реализуют такие рекомендации экспертов:

– дополнять аутентичные материалы учебников российскими реалиями за счет материалов из истории (обычаи, традиции, праздники, динамику политических систем, достопримечательности, выдающихся людей и пр.), показывающих роль и значение России на мировой арене, например, материалы зарубежных авторов из «Moscow News»;

– обсуждать особенности культурных, расовых, национальных отличий во взаимодействии народов России и всего мира;

– подбирать задания-проекты на сопоставление культурных отличий России и стран изучаемого языка, когда можно сравнивать зарубежные и российские проблемы, и реалии для совершенствования технологии интеркоммуникации;

– наполнять фактами о жизни сверстников в других странах, их увлечениях, проблемах, используя предлагаемый аутентичный материал учебников; позитивным материалом о разных сторонах жизни в России и за рубежом;

– включать материалы об общечеловеческих ценностях; морально-нравственные проблемы, обсуждая актуальность проблемы для современного мира и нашей страны;

– создавать ситуации для тренировки и формирования навыков межкультурного диалога.

Для понимания важности интеграции России в мировое сообщество используется анализ опыта специалистов других стран на благо своей страны, когда, например, традиции воспитания лучшей части молодежи в России и за рубежом через почитание государственных символов могут обретать характеристики методических материалов (знание отечественной истории, сохранение своих обычаев и традиций, гордость за свою страну, готовность к диалогу с другими нациями и государствами) позволяют обеспечить, например, акции, проекты для развития потребности студентов в активной деятельности по решению социальных вопросов, стоящих перед нашим обществом, интереса к проблемам страны, их системному анализу, поиску решений, прогнозов на выходы из разных ситуаций через взаимодействие специалистов.

Такие формы, как сюжетно-ролевые, познавательные, соревновательные игры реализуются через конференции, саммиты, встречи «представителей разных специальностей из разных стран» и т. д.

Например, работа с текстами для самостоятельного чтения из учебника «Английский язык для историков» по теме «Russia as a Great Power» с последующей подготовкой и проведением диспута по теме «Cultural rise in Russia during the reign of Peter the Great»; тема «Moscow, the Capital of Russia» с последующим проведением конкурса на лучшее сочинение по теме «Moscow is the cradle of the Russian state», по теме “Portrait of the Empress” с последующей презентацией докладов по темам:

1. Catherine’s contribution to the development of Russia.

2. The consequences of Catherine’s rule.

3. Russia accepted Catherine as its Empress.

4. The struggle of the Russian people against the army of the French invaders.

5. Russia as Napoleon's golden dream.

6. The significance of the Borodino battle.

Тема «Histories Pages» с последующими эссе по темам:

1. Causes of the Decembrists' uprising.

2. The influence of the Decembrists' uprising on the subsequent history of Russia.

3. Heroic devotion of women who left a monument to Russian womanhood.

Тема «the Great Patriotic War» с конкурсом на лучшего переводчика аутентичного текста по данной тематике.

На уроках немецкого языка мы стараемся помочь студентам трансформировать их интерес и позитивное отношение к опыту нашего Отечества в актуальную деятельность. На I-II курсах факультета истории и международных отношений мы, исходя из ценностных ориентаций студентов по отношению к историко-культурному наследию России, их форм проявления уважения к своей истории, культуре, традициям, их стремления сохранять при этом значимость бесспорных общечеловеческих ценностей – родителей, семьи, дома.

На занятиях используются: отбор материала – в исторических источниках (на латыни, на европейских языках), зафиксированный на пленках и фото, на дисках и дискетах; коллективное чтение первоисточников, написание эссе, монологов, планов и программ проектов и просмотр видео и TV фрагментов, их обсуждение с экспертной оценкой, индивидуальные доклады, авторские фильмы, конференции, дискуссии, беседы.

На начальном этапе обучения (I семестр) мы работаем со студентами-историками над темами: «Meine Familie», «Meine Heimatstadt», «Russland», «Unsere Hauptstadt», «Meine Hochschule», «Ich bin Student der Fakultat fiir Geschichte und Internationale Beziemmgen» с просмотром видеофильмов: «Moskau – Hauptstadt unseres Landes», «Meine Heimatstadt Kemerovo», «Unsere Universitat».

Работа с профессионально-ориентированными текстами начинается во II семестре (военная история российского государства, история русской армии). Примерная тематика текстов: «Geschichte Russlands», «Russland vor der Revolution», «Sowjetische und postsowjetische Erinnerung an den Krieg 1941 – 1945 гг.», «Stalin-Kult lebt wieder auf» [20].

Со студентами II курса мы обсуждаем вопросы, связанные с фактами фальсификации отечественной истории. Студенты приводят фактический материал об исторических событиях, публикации архивных документов и средств массовой информации, подтверждающие достоверность исторических событий. Эта форма работы имеет значение для осмысления судьбы изменившегося Отечества, его прошлого, настоящего, будущего.

На уроках, посвященных проблемам современной России, нами используются материалы периодической печати. Тематика текстов: Jugend soil patriotisch erzogen werdenf [21].

История и победы российского народа в войнах и многонационального советского народа в Великой Отечественной войне (ВОВ) всегда остаются для университета и кафедр источником отбора материала, чтобы чувство сопричастности и гордости за величие русского народа, сохраняемые традиции российского государства обогащали эмоциональный опыт студентов.

Ко Дню Победы нашей Родины, как знаковому событию, студенты исторического факультета традиционно проводят конференции, посвященные этой дате, событиям этого периода, местам и людям родного края, пережившим и участвовавшим в этих великих для Родины событиях, например: политические события Германии и СССР накануне ВОВ (планы, стратегия, вооружение); два тирана одного времени; кузбассовцы на фронтах ВОВ; герои ВОВ; герои – кузбассовцы; Кузбасс – фронту; победа советского народа в ВОВ; фальсификация истории Второй мировой и ВОВ; историки и версии о ВОВ; задачи историков; история России, Советского Союза в измышлениях псевдоисследователей и определенной части населения; правдивая история – главная задача специалиста-историка.

На ежегодные конференции, посвященные Дню Победы, студенты приглашают тех ветеранов войны, с которыми работают в течение курса и более, собирая и систематизируя материалы о них, о тяготах жизни на войне и их семьях. Ветераны делятся своими воспоминаниями о войне в целом и деталях (эпизоды из их военной жизни и их военных подразделений). Такова одна из методик развития чувства сопричастности к героическому прошлому страны для получения репродуктивного и (одновременно) продуктивного опыта будущими специалистами-историками.

Для этого, как показывает опыт, необходимо, работая с молодежью, использовать все потенциально результативные формы: актуальная помощь ветеранам ВОВ, тыла, участникам боевых действий; организация встреч, бесед, общение о нелегком прошлом; встречи с участниками ВОВ и участниками боевых действий в Афганистане и Чечне для общения в обсуждении фильмов и фрагментов выставок и TV материалов; акции и проекты, связанные с Днями Памяти защитников и сынов Отечества; тематические вечера, круглые столы; посещение музеев, выставок, экскурсий, театров; проведение торжественных мероприятий, посвященных профессиональным праздникам, вечеров отдыха, сопровождаемых концертами и чествованием ветеранов и юбиляров; возрождение и развитие военно-спортивных игр и соревнований.

В воспитании культуры интернациональных отношений как составляющей гражданственности мы разработали следующие задачи по направлениям работы в группах:

1) акцентуировать обобщенность в знаниях по вопросам политики, права, экономики, культуры;

2) анализировать материалы СМИ для прогнозирования явлений и событий в стране и во всем мире;

3) создавать условия для реализации толерантного отношения к поведению представителей других культур в процессе межкультурной коммуникации как на уровне суждений, так и действий;

4) показать важность изучения иностранного языка как средства профессионального разрешения многих проблем межкультурного общения и повышения престижа, усиления роли России и россиян-специалистов в мире.

Встречи студентов в форме пресс-конференции или интервью с представителями иных культур важны для процесса формирования языковой компетенции, культуры интернациональных отношений через обсуждение принятых правил и норм поведения, прогнозируя пути развития отношений своих государств.

Соответствующий подбор видео- и аудиоматериалов о культурных особенностях разных стран, отрывки новостей, репортажей, ток-шоу предшествуют таким встречам.

Интернет, как один из главных источников информации о культуре интернациональных отношений, используется в качестве источника информации (тексты, записи, энциклопедии, словари, пресса) и в качестве средства коммуникации (чаты, электронная почта).

Телевидение и его технологии продолжают играть важную роль в жизни вузов на уровне дидактики через телепроекты, телешоу, телесюжеты, оказывают положительное влияние на психологический климат в группах, на межличностные отношения студентов (общие интересы, знания об индивидуальных и государственных сверхинтересах, об особенностях друг друга), на взаимоуважение и это, в целом, стимулирует познавательные процессы в освоении программных курсов истории России и других стран, политических, экономических, культурных событий в мире, используя СМИ как источник этих знаний; способствует улучшению качества знаний иностранного языка, стимулируя его изучение.

В программах иностранный язык рассматривается как средство коммуникации и приобщения к опыту и культуре народов других стран с анализом таковых в культуре своей страны и других стран; к культуре и традициям стран изучаемого языка (Германия, Австрия, Великобритания, США, Канада, Австралия); к опыту выдающихся личностей стран (ученые, исследователи, писатели); к особенностям речевого этикета в деловой сфере; к технологиям письменной речи (деловое, резюме, заявление-письмо, письмо-запрос), что в совокупности реально выступает материальной базой в реализации гражданской компетенции.

С нашей точки зрения, важнейшие возможности и условия развития коммуникативных компетенций в работе с материалами на иностранном языке заложены в учебном материале, в его связи с общепрофессиональными и специальными предметами, чтобы активизировать опыт конструктивно анализировать социально-политический потенциал гражданского общества для повышения у будущих специалистов уровня компетенций в той работе, где гражданственность – составляющая социокультурной компетентности.

Позитивная динамика в развитии у студентов опыта осмысления особенностей социально-политической деятельности в государстве, обществе, стране – результат такой практики. Наряду с задачей дальнейшего развития коммуникативных компетенций студентов – будущих специалистов, ставится задача формирования основ языка профессиональной коммуникации через навыки перевода для аннотирования и реферирования текстов по специальности в рамках диалога культур. Большое значение имеют тексты, рассказывающие о профессиональной деятельности выдающихся личностей, о специалистах, о жизни студентов, их окружении, учебе, работе на производстве независимо от страны.

Точкой отсчета в реализации связей дидактических единиц как компонентов системы компетенций и компетентности личности будущего специалиста являются специальные предметы (содержание труда и его структура), точнее, – способы соотнесения каждого элемента, входящего в структуру общеобразовательных и общеспециальных предметов. Общеобразовательные предметы, к коим относился когда-то и иностранный язык, подготавливают сегодня студентов к изучению в литературе на иностранных языках содержания труда и средств реализации профессиональных задач для прогноза динамики спроса и отношений на современном рынке труда.

На наш взгляд, направлениями воспитательно-образовательной деятельности для развития всего комплекса компетенций студентов, включая гражданственность как синтез компетенции как результат обучения иностранному языку являются: а) репродуктивная и продуктивная работа с печатной информацией по специальности различных видов и типов в т. ч. net системах; б) изучение профессионально направленных лексико-грамматических тем в системе видео- и аудиовариантов восприятия материала для репродуктивной и продуктивной работы; в) внеаудиторная работа.

Мы разрабатываем технологию организации уроков и его фрагментов в виде профессионально-значимых ситуаций (ПЗС) и проектов как их составляющих: а) выступления-презентации; б) презентации модели деятельности рисунками, фотографиями; в) презентации всех этапов проекта и т. п.

Проекты выполняются индивидуально, в парах или в группах, обычно в рамках самостоятельных заданий по различным темам: реализация прав, экология, достопримечательности, исторические события, политические новости, особенности гражданственности и интеркультуры, образование, спорт, медицина, национальные кухни и культура консервативности народов мира, семья и брак.

В начале осуществления заданий, проектов преподаватель-эксперт – это инициатор в регулятивно-организаторской функции, консультант по отдельным вопросам, координатор действий между отдельными микрогруппами и участниками проекта, член экспертной группы.

Важно заметить, что именно в ходе работы над проектами студенты развивают общекультурную и

речевую компетентность, реализуют диалог культур, развивают и реализуют свою гражданскую позицию.

Результаты опроса и бесед со студентами показали, что будущие специалисты сфер общественной деятельности, историки (92 %) осознают значимость компетенций в работе с материалами на иностранном языке для реального продвижения по карьере. Амбициозность последних просматривается в их готовности работать дополнительно во всех видах речевой деятельности на иностранном языке для развития этих компетенций, которые, конечно, и есть тот продуктивный потенциал чувства принадлежности к опыту своей страны, ее системных отношений в мире, как составляющий гражданственности.

Большое значение имеет и методическая готовность специалиста, что является и критерием сформированности профессионально-коммуникативных компетенций и важным показателем успешной рациональной деятельности специалиста – гражданина своей страны.

За основу в анализе необходимых изменений в процессе подготовки специалиста мы взяли сформулированные особенности процесса подготовки специалиста на современном этапе развития вузовского образования и критерии сформированности профессиональных компетенций как значимые отправные моменты при разработке технологии профессиональной подготовки специалистов, чтобы обеспечить их рациональную позитивную динамику к успеху в производственной деятельности [8].

Технология включает в качестве функциональных структур педагогической доминанты: мотивацию студентов на овладение иностранными языками и сформированность коммуникативных умений; квазипрофессиональную деятельность студентов как содержательно-функциональную базу их лингвокоммуникативных компетенций и поведенческих в плане гражданственности; систему теоретических курсов по всем компетентностным направлениям модели специалиста и обеспечивающих содержание профессионального образования в плане развития профессиональной идентификации как гражданина России и методической готовности; поэтапную экспертизацию уровня профессиональной подготовки студентов на основе критериев; конкурсный подбор преподавателей в качестве профессионалов-экспертов, с точки зрения их профессионально-коммуникативных и социокультурных компетенций; современные дидактические интерактивные средства коммуникации; лингвокоммуникативную активность студентов, обеспечивающую им результативность, самостоятельность и успех в выборе средств коммуникации на иностранных языках (в нашем случае – английский и немецкий языки) в качестве основы их профессионально-коммуникативных компетенций, где гражданственность и социализация – системообразующие; их индивидуальные творческие решения о проектах в плане успешности и их конкурентной валидности.

Мы рассматривали самостоятельную деятельность студентов с языковым материалом как результат проявления их умений соотносить языковые средства с конкретными ситуациями и задачами аналитической продуктивной деятельности.

Например, в рамках модульной организации материала программ мы попытались разработать технологию подготовки специалистов-гуманитариев (специальность 030701), у которых иностранные языки – доминантная составляющая компонента социокультурных компетенций в их будущей профессиональной деятельности.

Квазипрофессиональная деятельность студентов рассматривалась и рассматривается нами как необходимое условие эффективного овладения знаниями и способами получения практического успеха в предполагаемой профессиональной сфере. Поэтапное развитие опыта профессиональной активности специалиста – гражданина средствами иностранного языка означает в нашем случае – воспитание у студентов таких профессиональных качеств личности как инициативность в поиске информации, путей и средств для решения социальной проблемы, в подборе и смене способов решения ситуативных задач в связи с проблемой; а также самостоятельность и гражданственность в анализе всех составляющих своей проблемы, с одной стороны, и коммуникабельность в процессе поиска партнеров при затруднении или необходимости решать проблему на основе индивидуально разработанных компонентов проекта, с другой стороны.

По нашим наблюдениям, для обеспечения результативности в творческой самостоятельной деятельности на этапе профессиональной подготовки студентов вышеуказанной специальности оказалось необходимым:

– четкое выполнение требований программы с учетом разных уровней подготовленности студентов по иностранному языку «на старте»;

– положительная динамика в развитии умений студентов анализировать события и факты в области общественной и социально-экономической жизни с позиций гражданственности и проявляя толерантность;

– мотивация студентов на самореализацию потенциала;

– опыт и мотивация оценивать результаты индивидуальной деятельности по различным критериям, включая гражданскую позицию;

– интерес к неординарным социально значимым поступкам и действиям, равно как и суждениям людей.

При наличии таких исходных данных реализация нашей программы по развитию творческой самостоятельной деятельности студентов (как граждан РФ) через ПЗС на занятиях и проекты обеспечивают положительный результат к выпускному курсу на специальности «Международные отношения». Студенты принимают участие в конкурсах проектов по ряду направлений, связанных с их гражданской позицией в анализе действительности, и проектах для совершенствования таковой:

– общественно-политическое: «Гражданское общество и национальное самосознание», «Что значит быть гражданином России», «Твоя малая Родина», «Проблема международных отношений», «Анг-

лийский язык как средство межкультурной коммуникации»;

– глобальность проблем планеты и социальных институтов: «Глобальные проблемы планеты и Кузбасс», «Природные и техногенные катастрофы», «Терроризм и угроза терроризма»;

– условия самореализации специалиста и траектория социально-личностного развития: «Как я могу организовать свою жизнь и карьеру на пользу себе и своей малой Родине», «Публичные выступления», «Карьера и дипломатия в практике менеджеров разных уровней», «Создание предприятий малого бизнеса для развития региональной экономики», «Совершенствование системы управления процессами развития социально-экономической инфраструктуры в Кузбассе».

Традиционные заключительные конференции по модулю, по секциям экспертов, аналитиков, репортеров, стажеров и т. п. позволяют продемонстрировать уровень компетенций будущих специалистов с учетом критериев таковых.

Программа позволяет реализовать принцип функциональности дидактического материала в процессе подготовки специалиста нового профиля для Кузбасса. Функциональность обеспечивается связью материала с современными тенденциями в социально-экономической жизни государства, Кузбасса и мультифункциональностью лингвистических форм и их коммуникативной направленностью.

На этапах подготовки к работе по социально-значимым проектам арсенал методических приемов преподавателя включал: аутентичные газетные и журнальные тексты на носителях (дисплей, интерактивная доска, принтированный и ксерокопированный материал из Интернет систем т. п.); упражнения; методики, предваряющие и обеспечивающие корректность анализа материала социально-политических текстов; фразы-стимулы преподавателя для методически правильной самоорганизации работы студентов с оценкой их успеха; индивидуальные личностно-ориентированные консультации для студентов с учетом их уровня умений, интереса и мотивационной готовности к самостоятельной работе с предложенным материалом; личностно-ориентированные, профессионально значимые комментарии преподавателя результатов индивидуальной продуктивной деятельности; создание ВТК (временных творческих коллективов) будущих специалистов – микрогрупп (4-5 человек) для разработки мини-, миди- и максисоциально-экономических, суггестивных, виртуальных проектов; демонстрация модели (или фрагментов) взаимодействия в процессе будущей профессиональной деятельности; использование интерактивной доски как компонента профессиональной работы, в том числе и на этапе презентации проектов студентами.

Социальная позиция и речевая деятельность преподавателя на иностранном языке «выступает» как бы методическим приемом, как эталон будущей профессиональной деятельности данных студентов.

Методика создания ПЗС уже на этапе проектов позволяет преподавателям обеспечить, а студентам получить полноценные фрагменты квазипрофессиональной работы для тренировки ведущих профессиональных умений как составляющих компетенций будущих специалистов, как: анализировать материал или социальнозначимую ситуацию по методике «Мозговой штурм»; подготовить коллективную версию решения данной ситуации социально-экономического, виртуального, суггестивного, парламентского, консульского уровня; подготовить рабочий вариант создания модели деятельности специалистов разного уровня в данной ситуации; разработать методику презентации модели или ее фрагментов; обеспечить текст или схему ролевой презентации материала на иностранном языке; обеспечить коммуникацию с членами экспертной комиссии и «потребителями» и т. п.

Это выглядит, как правило, так: ВТКР предлагает, например, проекты социально-экономической направленностям, «Менеджмент туркомплекса в Междуреченске» (лыжная база, горные лыжи, конные маршруты, сплав по горным рекам разной степени трудности, альпинизм, райвер, хайкинг, клубы) с полным сервисом (прачечная, кухня разных уровней; адверт-офис, гостиница, кемпинг, домики, маршруты групповые и индивидуальные, коттеджи для специалистов) для реализации задач области по развитию инфраструктуры.

«Менеджмент этнографического Кузбасского музея под открытым небом в местах компактного проживания малочисленных народов» для воссоздания их уклада жизни и быта (мастерские, арт-цеха по производству поделок, национальная кухня, фольклор и т. п.) при условии, что они нашли пути экономического сотрудничества с «туристическим комплексом». «Местные лесные ресурсы» для стимулирования производства по переработке всех продуктов природы при лесозаготовках.

Экология Кузбасса стала предметом внимания группы «специалистов», и два проекта «Новый Кировский» и «Река Искитимка» защищались на «совете экспертов». Получилось так, что именно такие проекты коснулись «болевых» социально-экономических проблем малого бизнеса в Кузбассе.

Сформулированные критерии оценки социально-профессиональной коммуникативной компетенции позволили конкретизировать востребуемые качества личности, которые, как нам представляется, наиболее адекватно, с позиции гражданственности, отражают аспекты деятельности специалистов в условиях социально-экономической мобильности и расширения межкультурных контактов.

Литература

1. Аминов, А. М. Формирование основ межнационального и межконфессионального согласия на уроках граждановедения / А. М. Аминов // Воспитание патриотизма, дружбы народов, гражданственности. – М., 2003.

2. Быков, А. Патриотическое воспитание школьников при преподавании дисциплин гумани-

тарного цикла / А. Быков // Воспитание школьников. – М., 2005. – № 10. – С. 2 – 6.

3. Гальперин, П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / П. Я. Гальперин. – М.: Наука, 1966.

4. Гасанов, З. Т. Цель, задачи и принципы патриотического воспитания граждан / З. Т. Гасанов // Педагогика. – М., 2005. – № 6.

5. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 – 2010 годы». – М., 2005.

6. Зеер, Э. Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: учеб. пособие / Э. Ф. Зеер, А. М. Павлов, Э. Э. Сыманюк. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2005.

7. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5.

8. Зникина, Л. С. Связь компетентностного подхода и дискретности в обучении иностранному языку [Текст] / Л. С. Зникина // Профессиональное лингвообразование: обучение иностранному языку в вузе и прикладная лингвистика. – М. – С. 233.

9. Кадыкова, А. В. Воспитание патриотизма и культуры межнациональных отношений на уроках иностранного языка / А. В. Кадыкова // ИЯШ. – М., 2009. – № 5. – С. 19 – 23.

10. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М.: ФПКиПРО, 2002.

11. Кузьмина, Н. В. Актуальные проблемы профессионально-педагогической подготовки учителя / Н. В. Кузьмина, В. И. Гинецинский // Советская педагогика. – 1982. – № 3. – С. 63 – 66.

12. Логова, И. П. Психологические условия эффективности профессиональной деятельности работников социальных служб / И. П. Логова. – М.: Союз, 1999. – 127 с.

13. Маркова, А. К. Психологический анализ профессиональной компетентности учителя / А. К. Маркова // Советская педагогика. – 1990. – № 8.

14. Попова, Е. В. Психолого-педагогическая компетентность как научно-педагогическая проблема / Е. В. Попова // Известия Южного отделения Российской академии образования. Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 127 – 136.

15. Психология и педагогика: учебное пособие / под ред. К. А. Абульхановой, Н. В. Васиной, Л. Г. Лаптева и др. – М.: Совершенство, 1998. – 320 с.

16. Путин, В. В. Россия на рубеже веков / В. В. Путин // Независимая газета, 30.12.1999.

17. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Дж. Равен. – М.: Когито-Центр, 2002.

18. Тамбовкина, Т. Ю. Развитие профессиональной автономии у будущих учителей иностранного языка с использованием метода проектов / Т. Ю. Тамбовкина // Иностр. языки в школе. – 2000. – № 5. – С. 63.

19. Юнусова, К. А. Патриотическое воспитание молодежи средствами этноязыковой идентификации / К. А. Юнусова // Педагогика. – М., 2007. – № 10. – С. 47 – 53.

20. http:/www.focus.de/politik/ausland/in russland/aid 94306.html.

21. http://www.aktuell.ru/.

22. http:/www.weltbild.de/3/15629013-/buch/jugend-Bildung und Globalisierung.html.

УДК 37.016:004.9

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБУЧАЮЩИЕ РЕСУРСЫ

Т. Я. Костюченко

INFORMATION CULTURE AND ELECTRONIC EDUCATIONAL DEVICES

T. Ya. Kostuchenko

Рационализация интеллектуальной деятельности за счет использования новых информационных технологий способствует реализации проблемы информатизации высшего образования и является показателем уровня информационной культуры. Методы и приёмы, используемые при подаче учебного материала в форме мультимедийных презентаций, показывают, что данный электронный обучающий ресурс способствует более эффективному усвоению теоретических основ, формированию и развитию общих и профессиональных компетенций.

Implementing modern educational technologies shows the level of information-oriented culture in the society. Efficient and effective computer-based instructional strategies and active learning techniques, including multimedia presentations (PPT format), help faculty and students sharpen their cognitive and professional skills.

Ключевые слова: образовательные технологии, информационная культура, электронные обучающие ресурсы, мультимедийная презентация.

Key words: educational technologies, information culture, educational electronic devices, multi-media presentation.

Развитие средств коммуникации, глобализация средств массовой информации и информационных сетей, информатизация все более широкого спектра человеческой деятельности и, как следствие, изменение культурной среды современного человека ставит перед вузовской педагогикой задачу разработки учебных средств и методов обучения, адекватных новым условиям.

Главная задача понимания и реализации проблемы информатизации высшего образования со-

стоит в том, что в результате должна быть достигнута глобальная *рационализация интеллектуальной деятельности* в обществе за счет использования новых информационных технологий с целью повышения эффективности и качества подготовки специалистов до уровня информационной культуры, достигнутого в развитых странах. Должна быть обеспечена подготовка кадров с новым типом мышления, соответствующим требованиям постиндустриального общества.

Показателем соответствия или адекватности человека современным социокультурным изменениям выступает *информационная культура* личности – одна из составляющих общей культуры, обеспечивающая удовлетворение индивидуальных информационных потребностей с использованием новейших информационно-коммуникативных и образовательных технологий.

Система научных и инженерных знаний, а также методов и средств, которые используются для создания, сбора, передачи, хранения и обработки информации в предметной области высшей школы, понимаемая как *образовательные технологии*, формирует прямую зависимость между эффективностью выполнения учебных программ и степенью интеграции в них соответствующих информационно-коммуникационных технологий.

В Докладе ЮНЕСКО об основных направлениях деятельности в области образования и информатики указано, что важна не сама технология, а ее взаимодействие с обучением и ее роль в контексте системы образования в целом.

Информационные, коммуникационные и аудиовизуальные технологии необходимо рассматривать в совокупности, как подчиненные решению более важной задачи – созданию новой *образовательной среды,* где эти технологии органично включаются в учебный процесс для реализации новых образовательных моделей.

Развитие сетевых информационных технологий дало новый толчок в процессе использовании компьютерных технологий в образовании, когда происходит объединение информации в единстве ее вербальной, визуальной и звуковой составляющих. Результатом такого объединения является другой тип информационных ресурсов – *мультимедиа*.

Огромный объем информации вызвал в практике обучения потребность обращаться не только к полным текстам, но и к их фрагментам, содержащим информацию по заданным темам. Особенно важным это становится при разработке *электронных обучающих ресурсов* (ЭОР) и объединяющей их *медиаобразовательной среды* с максимальным привлечением для целей обучения современных средств медиа. Но необходимо дать не только методику использования мультимедиа на занятиях или проектной деятельности с подключением Интернет-технологий, важно изменить сам образ мышления учителя, сделать его открытым для общения и использования новой информации, так как видоизменяется сама деятельность преподавателя.

Мультимедийная презентация - это программа, которая может содержать текстовые материалы, фотографии, рисунки, слайд-шоу, звуковое оформление и дикторское сопровождение, видеофрагменты и анимацию, трехмерную графику. Основным отличием презентаций от остальных способов представления информации является их особая насыщенность содержанием и интерактивность (наличие обратной связи), т. е. способность определенным образом изменяться и реагировать на действия пользователя.

Одним из видов мультимедиа является *компьютерная презентация*, которая достаточно просто создаётся с помощью многофункциональной программы Power Point и которая представляет собой возможность работы с текстом, создания последовательных слайдов, содержащих текст, графику, анимацию, видеофрагментов и аудиофайлов. Все вместе это обеспечивает максимальную эффективность восприятия информации – излагаемый материал подкрепляется зрительными образами и воспринимается на уровне ощущений, а информация закрепляется подсознательно на уровне интуиции. Готовность педагога к воплощению в мультимедийном образовательном продукте *принципа культуросообразности*, который конкретизируется в гармонии и мере построения экранных форм, культуре устной и письменной речи в мультимедийной разработке, целостности текста, визуального и аудио-ряда, говорит о *методической компетенции* преподавателя.

Необходимо отметить большие *преимущества презентации в формате PPT*. Прежде всего, презентации логично вписываются в *лекционно-семинарско-зачётную систему* обучения. На занятии преподаватель решает множество различных задач: сообщить необходимые сведения по изучаемой теме, проверить качество усвоения материала, поддержать внимание в течение занятия, задействовать чувственное и эмоциональное восприятие, сообразительность студентов. В зависимости от темы и содержания учебного материала, образовательных задач технические возможности формата PPT могут сделать мультимедийную лекцию интересной, наглядной, интерактивной, будь это лекция – дискуссия, вводная, обобщающая либо какой-то другой вид лекции.

Презентации дают возможность показать структуру занятия: в начале урока можно показать или раздать распечатки плана лекции или урока, а затем с помощью заголовков на каждом слайде дать возможность следить за ходом изложения материала. Также выносятся на слайды все ключевые слова и непонятные термины, что позволяет облегчить их восприятие и написание слушателями. Четкое структурирование лекционного курса дает возможность довести до студента каждое определение.

Во время семинарского занятия, при необходимости, можно вернуться к любой части информации, не боясь, что это может отвлечь внимание студентов. Напротив, можно воспользоваться ситуацией и усилить внимание студентов к какой-то важной мысли. Студент может сделать это самостоятельно,

при подготовке к семинару или зачету. По завершению курса тестовые задания, заранее предложенные студентам для выполнения, можно проверить совместно на последнем занятии, также с помощью PPT технологии. В ходе подготовки к зачету или экзамену учащиеся получают задания на карточках. После этого во время теста на слайд выводятся правильные ответы, и студенты могут проверить результаты своей работы.

Все вышеуказанное позволит упорядочить и сохранить наглядный материал, необходимый для конкретного занятия, и облегчит труд преподавателя.

Несомненно, креативным моментом в данной работе является то обстоятельство, что преподаватель выступает в роли дизайнера курса. У него есть возможность задавать единый стиль и проявлять гибкость при выборе контента согласно базовой концепции. Создавая презентации PPT, можно использовать разнообразный текст и изображения любых форматов. Многофункциональность стандартного инструментария Power Point позволяет включать в презентацию анимационные ролики и видеофрагменты, сопровождать визуальный ряд музыкой, звуковыми эффектами и дикторским текстом.

Формат PPT позволяет создавать многостраничные презентации. Чтобы продолжать работу с уже существующей наглядностью и размещать на нем новые материалы, каждому преподавателю необходимо иметь банк дополнительных изображений, анимаций и видеофрагментов. Это существенно повышает мотивированность и результативность обучения. Нужно помнить, что в учебных презентациях желательно свести текстовую информацию к минимуму, заменив ее схемами, диаграммами, рисунками, фотографиями, фрагментами фильмов. Текст может быть представлен в виде *основополагающих моментов сообщения*.

Безусловным преимуществом мультимедийных презентаций является быстрота и удобство воспроизведения всех фотографий, графиков, таблиц. Обычная доска, конечно, не может обеспечить все указанные преимущества, информация не будет столь наглядной, на изображение схем, рисунков и графиков уйдет значительно больше времени. То есть, обобщая преимущества презентаций, можно выделить *наглядность, удобство и быстроту*. Для усиления остроты восприятия можно включать в презентацию забавные сюжеты и факты, которые, безусловно, оживят занятие и создадут положительный эмоциональный настрой.

Наиболее важную информацию на слайде можно выделить, придав ей эффект анимации. Анимация – очень важный элемент в презентации. В связи с этим представляется немаловажным то, что возможность задавать параметры смены слайдов и анимаций заложена в среде PPT. Движение отдельных частей слайда, оптимальный для восприятия темп смены слайдов привлечёт внимание студента, и он заострит свое внимание на анимированной части информации. Таким образом, все тезисы сообщения преподавателя будут услышаны и увидены студентом. Всё это повышает интерес к обучению и способствует более качественному усвоению нового материала, а это и является целью работы преподавателя.

Для приобретения опыта использования информационных технологий в индивидуальной и коллективной учебной деятельности и повышения качества образования презентации могут быть созданы также в ходе самостоятельной работы учащихся по выполнению презентации в формате PPT как индивидуального творческого задания.

Говоря о *проблемных аспектах* использования презентаций, необходимо подчеркнуть следующее.

Информация по теме только на слайдах, быстрый темп чтения лекции и смены слайдов, непродуманный шрифт и излишнее количество анимационных эффектов снижают уровень восприятия. Специалистами в области образовательных информационно-коммуникативных технологий рекомендуется использовать так называемые рубленые шрифты (варианты Arial или Tahoma), продумывать правильное сочетание цветов для фона и шрифта с учетом тематики занятия.

Слайдов не должно быть много, иначе они будут слишком быстро меняться, и времени для записи у слушателей не останется. Слайды не должны быть перегружены ни текстом, ни картинками, хотя всегда трудно удержаться от желания продемонстрировать как можно больше картинок и представить значительную часть лекции на слайды. Лучше не располагать на одном слайде более 2 – 3 рисунков, так как иначе внимание слушателей будет рассеиваться. Для развития логики можно вставлять в презентации единичные большие таблицы, но в качестве дополнительного иллюстративного материала, а не для запоминания, так как они трудны для восприятия.

Преподавателю всегда необходимо помнить, что презентация PPT должна дополнять, иллюстрировать то, о чем идет речь на занятии, но при этом она не должна полностью дублировать материал урока. Наилучшим вариантом является такое сочетание текста лекции и презентации, когда слушатель, упустив какую-то зрительную информацию, мог бы восполнить ее из того, что говорит лектор, и, наоборот, увидеть на демонстрируемых слайдах то, что он прослушал.

Выбор анимационных средств и музыкального сопровождения, если они не несут смысловую нагрузку, должен быть тщательно продуман. Можно увлечься чисто внешним эффектом, и тем самым желаемая цель – привлечение внимания – не сможет быть достигнута за внешней красивостью. Чаще всего, на наш взгляд, быстро появляющиеся и сразу исчезающие надписи не вызывают ничего, кроме раздражения. Как в любом дизайне, здесь необходимо чувство меры. Немаловажную роль играют цветовые сочетания и выдержанность стиля в оформлении слайдов, музыкальное сопровождение. В конечном итоге выбор средств на занятии всегда остается за преподавателем.

Методы и приёмы, используемые при подаче учебного материала в форме презентаций PPT, практика обучения, анализ результатов показывают,

что данная методика способствует формированию и развитию общих и профессиональных компетенций: овладение приемами анализа и синтеза; проведение сравнительного анализа; умение работать с мультимедийными материалами в рамках ИТ-компетенции, умение эффективно осуществлять самостоятельное обучение.

Так как мы живём в *переходную эпоху от текстовой к экранной культуре*, технологическая основа образования будет меняться еще более стремительно, нежели в предыдущие годы. Для ориентации в сложных информационных системах важно формирование компетенций, которые являются ключевыми для будущего успеха выпускников, какой бы путь они не избрали в жизни, просто необходимо освоение практических навыков диалога через средства массовой коммуникации и развитое образное мышление.

Интеграция новейших информационных технологий в современную информационную культуру приносит не только возможность и необходимость изменения самой модели учебного процесса: переход от *репродуктивного обучения* — «перелива» знаний из одной головы в другую, от преподавателя к студентам – к *креативной* модели, позволяющей им проявить индивидуальные творческие способности. Освоение информационной культуры предполагает формирование базовой *культурной грамотности*, как минимума знаний, позволяющих человеку постигать целостность современной культуры.

Литература

1. Аналитический обзор № 14. «Университетское образование в условиях инновационного развития экономики: трансформация целей и содержания». Центр проблем развития образования, Белорусский государственный университет. – Минск, 2007.

2. Васенин, В. А. Российский Интернет и новые технологии в образовании: доклад на Втором Международном конгрессе ЮНЕСКО "Образование и информатика" / В. А. Васенин. – М., 1996.

3. Корчажкина, О. М. Возможности создания интерактивных учебных материалов по иностранному языку / О. М. Корчажкина // Вести Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №. 3.

4. Крылова, Н. Б. Культурные модели образования с позиции постмодернистской педагогики / Н. Б. Крылова // Новые ценности образования. – М.: Инноватор-BENNETT COLLEGE-M, 1997. – Вып. № 7.

5. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии: учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998.

6. Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – № 1. – Дек., 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // www.grani.vspu.ru.

7. American Library Association Presidential Committee on Information Literacy. 1989. Final report. Quoted in A Progress Report on Information Literacy: an Update on the American Library Association Presidential Committee on Information Literacy: Final Report. March? 1998.

8. Chickering, Arthur "Implementing the Seven Principles: Technology as Lever" // AAHE Bulletin, October (1996). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.tltgroup.org/seven/ home.htm.

9. Doherty, J. J. Teaching Information Skills in the Information Age: The Need for Critical Thinking / J. J. Doherty, M.-A. Hansen, K. K. & Kaya // Library Philosophy & Practice. – 1(2), 1999.

10. National Committee of Inquiry into Higher Education. Higher Education in the Learning Society: Report. – London: NCIHE, 1997.

УДК 37.062-057.875

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Т. Н. Семенкова, М. Г. Леухова, С. Л. Лесникова, Н. Г. Блинова, Е. В. Васина, Н. Н. Кошко, Л. А. Варич

PECULIARITIES OF THE FIRST-YEAR STUDENTS' PSYCHO-PHYSIOLOGICAL ADAPTATION TO EDUCATIONAL CONDITIONS IN THE UNIVERSITY

T. N. Semenkova, M. G. Leukhova, S. L. Lesnikova, N. G. Blinova, E. V. Vasina, N. N. Koshko, L. A. Varich

Процесс адаптации к началу обучения в вузе требует значительных физиологических затрат. Изучались особенности психофизиологической адаптации студентов первого курса разных факультетов к началу обучения в вузе. Выявлены явные различия показателей психофизиологической адаптации у первокурсников разных факультетов, обусловленные спецификой обучения. Полученные результаты позволяют учитывать их при организации дифференцированного подхода в обучении, преодолению дезадаптации и здоровьесберегающему сопровождению учебного процесса вузов.

Process of adaptation to the training beginning in HIGH SCHOOL demands considerable physiological expenses. Features of psychophysiological adaptation of first-year students of different faculties to the training beginning in HIGH SCHOOL were studied. Obvious distinctions of indicators of psychophysiological adaptation at first-year students of the different faculties, caused by specificity of training are revealed. The received results allow to consider them at the organisation of the differentiated approach in training, to overcoming дезадаптации and здоровьесберегающему to support of educational process of high schools.

Ключевые слова: психофизиологическая адаптация; функциональное состояние; психоэмоциональное состояние; студенты первого курса; вуз; факультеты.

Key words: psycho-physiological adaptation, functional condition, psycho-emotional condition, first-year students, university, departments.

Проблема адаптации студентов вуза к условиям обучения представляет собой одну из важных общетеоретических проблем, исследуемых в настоящее время на психофизиологическом, индивидуально-психологическом, социально-психологическом уровнях, и до настоящего времени является традиционным предметом дискуссий (Яницкий М. С., 1995).

Актуальность проблемы определяется задачами оптимизации процесса адаптации студентов к учебной деятельности в условиях перестройки системы высшего образования. Ускорение процессов адаптации первокурсников к новому для них образу жизни и деятельности, исследование психологических особенностей психических состояний, возникающих в учебной деятельности на начальном этапе обучения, а также выявление психолого-педагогических условий оптимизации данного процесса – чрезвычайно важные задачи. От того, как долго по времени и по различным затратам происходит процесс адаптации, зависят текущие и предстоящие успехи студентов, процесс их профессионального становления (Сластенин В. А., 1992).

Специфика процесса адаптации в вузах определяется различием в методах обучения и в его организации в средней и высшей школах, что порождает своеобразный отрицательный эффект, называемый в педагогике дидактическим барьером между преподавателем и студентом. Новая дидактическая обстановка во многом обесценивает приобретенные в школе способы усвоения материала. Первокурсникам недостает различных навыков и умений, которые необходимы в вузе для успешного овладения программой. Попытки компенсировать это усидчивостью не всегда приводят к успеху. Проходит немало времени, прежде чем студент приспособится к требованиям обучения в вузе. Многими это достигается слишком большой ценой. Отсюда зачастую возникают существенные различия в деятельности, особенно в ее результатах, при обучении одного и того же человека в школе и вузе. Кроме того, слабая преемственность между средней и высшей школой, своеобразие методики и организации учебного процесса в вузе, большой объем информации, отсутствие навыков самостоятельной работы вызывают большое эмоциональное напряжение, что приводит к разочарованию в выборе будущей профессии. У первокурсников (особенно иногородних) кардинально меняется образ жизни, значительно увеличиваются учебные нагрузки, режим обучения, формируется новый коллектив и новые межличностные отношения. Все эти факторы, с учётом индивидуально-типологических личностных особенностей студентов, будут определять характер психофизиологической и психосоциальной адаптации к условиям выбранного направления профессионального обучения в вузе, а также эффективность обучения. Показатели адаптации к учебной деятельности будут отражать цену этой деятельности для каждого индивида, функциональные затраты организма, его резервные возможности (Вербицкий А. А., 1991).

В этой связи своевременная оценка показателей адаптации студентов становится наиболее значимой при организации обучения на первом курсе высшей школы, так как на более поздних этапах обучения устранить нарушения механизмов адаптации сложнее, а иногда становится невозможным.

Объект и методы исследования

С целью изучения особенностей психофизиологической адаптации первокурсников к условиям обучения в вузе было проведено обследование 212 студентов разных факультетов Кемеровского государственного университета (КемГУ): биологического (n=26), юридического (n=50), филологического (n=21), социально-психологического (n=14), математического (n=14), физического (n=15), химического (n=20), исторического (n=22), экономического (n=25).

Обследование проводилось во II полугодии 2008-2009 учебного года на базе лаборатории развития личности Центра довузовской подготовки КемГУ и включало оценку уровня психосоциальной адаптации, ситуативного и личностного стресса по 8 цветовому тесту Люшера с использованием автоматизированной программы «status» (Иванов В. И. и др., 2000); самочувствия, активности, настроения с использованием теста – САН [3] и оценку функционального состояния организма с использованием автоматизированной кардиоритмографической программы [2; 6].

Результаты исследования

Успешность учебной деятельности в процессе адаптации студентов к образовательной среде высшего учебного заведения в значительной степени зависит от выраженности формы реакции, набора личностных, нейродинамических и вегетативных характеристик, вовлеченных в процесс психофизиологической адаптации [6].

Анализ результатов самооценки студентами самочувствия, настроения и активности на начальном этапе обучения в вузе с помощью теста САН показал, что большинство первокурсников 9-и факультетов КемГУ оценивают положительно данные показатели (рис. 1, 2, 3). От 63 до 78 % студентов юридического, исторического, химического и экономического факультетов оценивали своё самочувствие высоко. В то же время 60 % «филологов» и 50 % «физиков» отличались низким уровнем данного показателя (рис. 1).

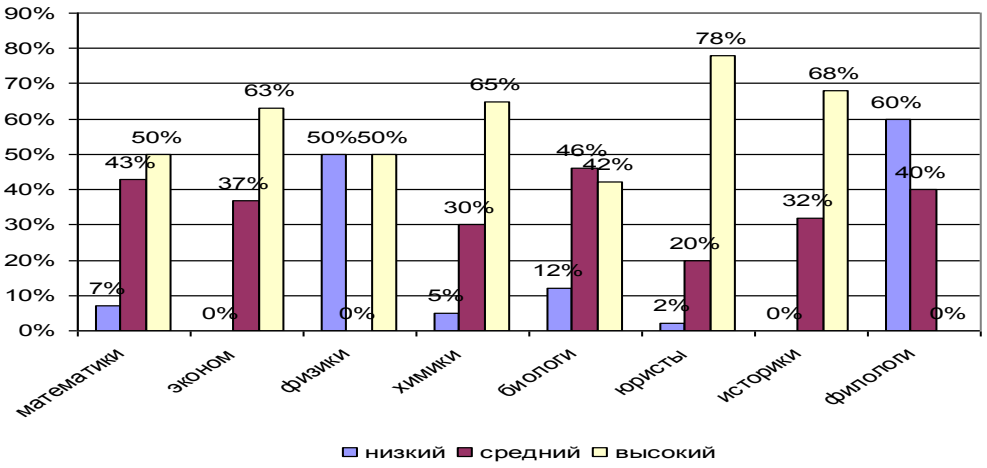


Рис. 1. ***Сравнительный анализ уровня самочувствия студентов 1-го курса факультетов КемГУ***

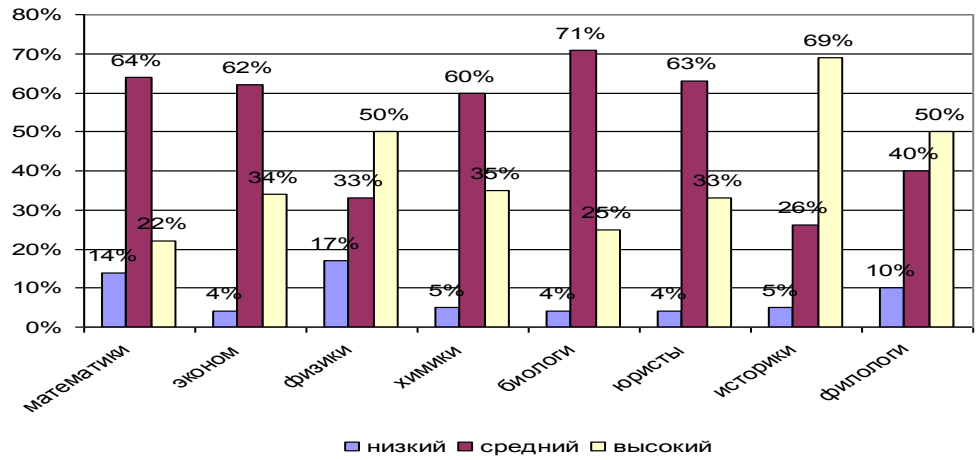


Рис. 2. ***Сравнительный анализ уровня активности студентов 1-го курса факультетов КемГУ***

Начало обучения в вузе связано с действием на студентов комплекса факторов: новые условия проживания (для иногородних), новый коллектив, новый образ и режим жизни, новая система обучения и увеличения объёма и сложности учебной деятельности. Возможно, поэтому 60 % первокурсников филологического факультета отмечают ухудшение самочувствия, а 85 % – настроения, хотя активность у них не снижается (рис. 1, 2, 3).

Половина первокурсников физического факультета также отличаются низким самочувствием и настроением, что может быть вызвано сложностью изучаемого материала. Среди студентов этого факультета больше всего представителей с низким уровнем активности по сравнению с другими.

Больше всего активных юношей и девушек было выявлено среди первокурсников факультетов истории и МО, филологии и журналистики. Преобладающее большинство первокурсников экономического, химического, юридического и исторического факультетов отмечают у себя отличное настроение (рис. 3).

При изучении показателей личностного, ситуативного стресса и психосоциальной адаптации по тесту Люшера было выявлено, что основная масса обследованных студентов характеризовались низким и средним уровнем личностной тревожности. Наибольшее количество первокурсников с низким уровнем личностного стресса (по 60 %) наблюдалось у студентов экономического и филологического факультетов (рис. 4). Первокурсники физического факультета отличались отсутствием лиц с высоким уровнем личностного стресса, тогда, как у студентов биологического факультета отмечался самый большой процент обучающихся с высоким уровнем как личностного, так и ситуативного стресса (рис. 4, 5). Относительно меньшее количество учащихся с высоким уровнем ситуативного стресса было выявлено у студентов первого курса исторического и математического факультета (рис. 5). У юношей и девушек экономического факультета процент лиц с низким уровнем ситуативного стресса, так же как и личностного, был наибольшим, что свидетельствует о высокой стрессоустойчивости данного контингента (рис. 4, 5).

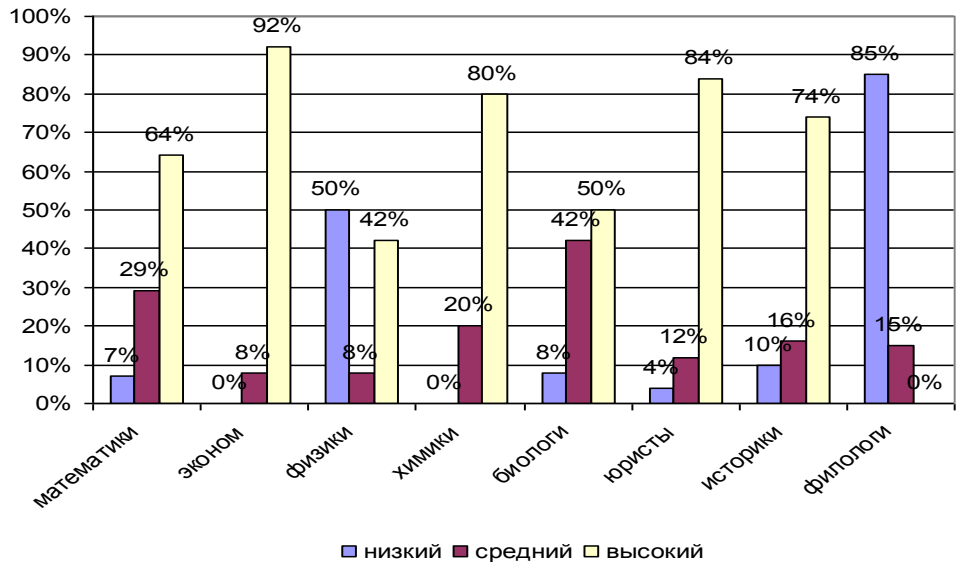


Рис. 3. ***Сравнительный анализ уровня настроения студентов 1-го курса факультетов КемГУ***

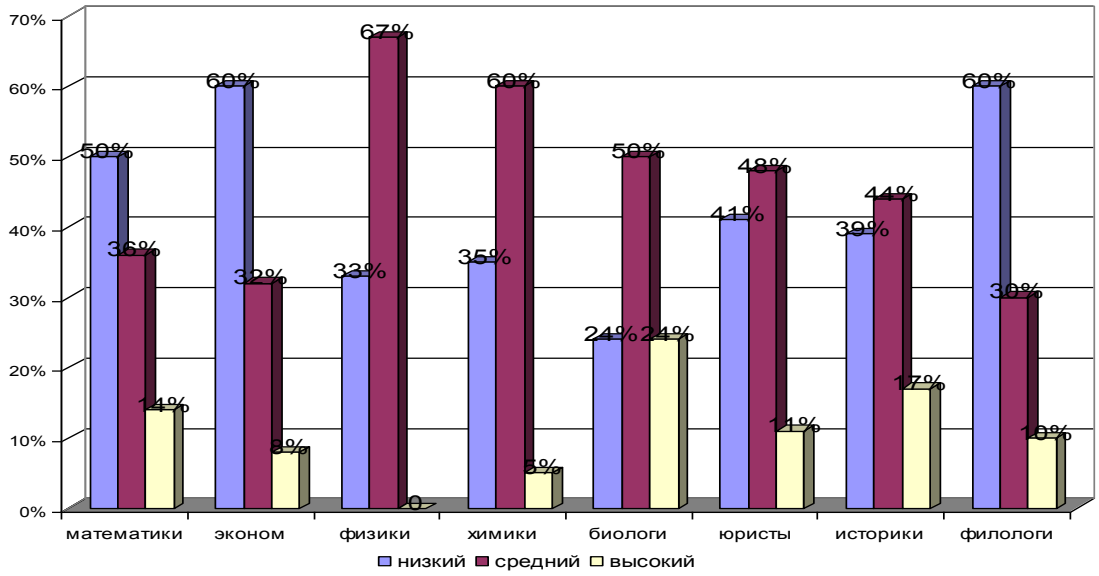


Рис. 4. ***Сравнительный анализ показателя личностной тревожности студентов 1-го курса факультетов КемГУ***

Большее количество с низкой психосоциальной адаптацией наблюдалось у студентов первого курса биологического и юридического факультетов (по 24 %), а также студентов филологического и химического факультетов (по 20 %) (рис. 6). Количество первокурсников экономического и физического факультетов с низким уровнем данного показателя было наименьшим и составляло по 8 %. При этом около половины студентов филологического, физического, химического и экономического факультетов характеризовались высоким уровнем психосоциальной адаптации, что отражает благоприятное психоэмоциональное состояние и отсутствие напряжения во взаимоотношениях с социумом. Таким образом, по результатам проведенного теста, наименее благоприятная картина складывается у первокурсников биологического факультета. Низкая стрессоустойчивость и психосоциальная адаптированность данных студентов может усиливаться в период сессии и не лучшим образом сказываться на результатах экзаменов при достаточном уровне знаний. Следовательно, необходимо учитывать данные результаты при организации учебного процесса.

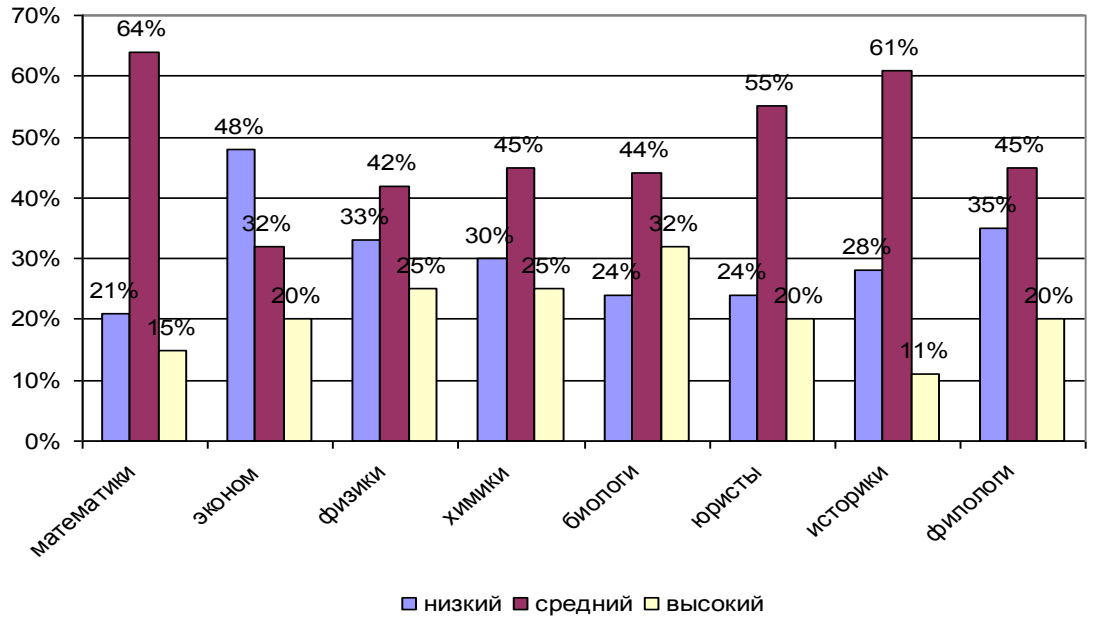


Рис. 5. ***Сравнительный анализ показателя ситуативной тревожности студентов 1-го курса факультетов КемГУ***

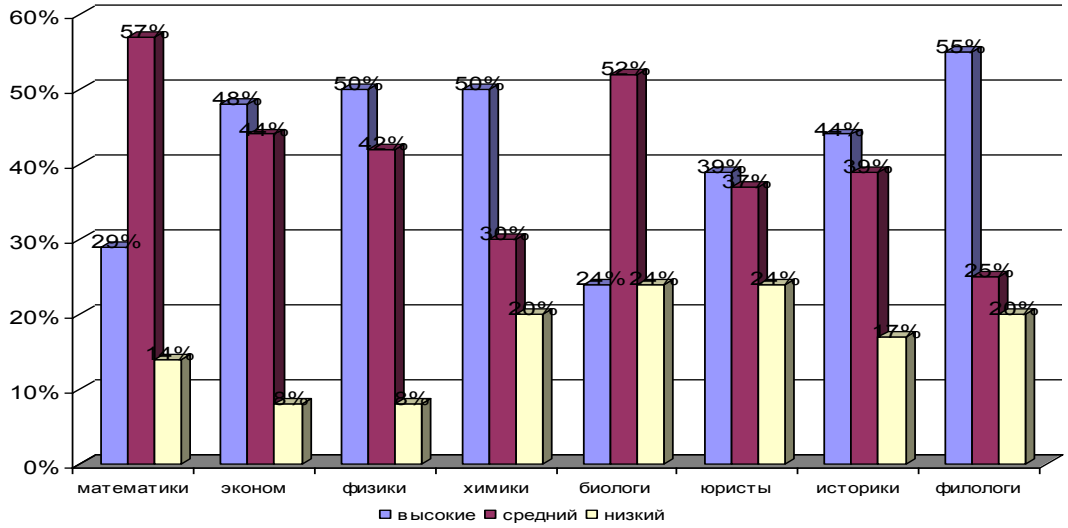


Рис. 6. ***Сравнительный анализ показателя психосоциальной адаптации студентов 1-го курса факультетов КемГУ***

Оценка уровня функционального состояния организма студентов 1-го курса факультетов КемГУ выявила, что большинство обследованных студентов (всех факультетов) характеризовались средним уровнем напряжения систем вегетативной регуляции ССС, что напрямую связано с адаптацией к новым условиям и форме обучения.

Наибольшее число студентов с резко выраженным напряжением систем вегетативной регуляции ССС было выявлено среди учащихся факультета филологии и журналистики (48 %), физического (42 %) и математического (36 %) факультетов (рис. 7). Полученные результаты можно связать с высокой степенью сложности обучения на физическом и математическом факультетах, что требует от учащихся данных факультетов высоких физиологических затрат. Цена физиологической адаптации к обучению у студентов факультета филологии и журналистики также высока, так как им приходится сталкиваться с обработкой большого количества новой информации в режиме дефицита времени. Ещё одним из факторов, влияющих на подобное распределение степени напряжения систем вегетативной регуляции ССС на перечисленных выше факультетах, может являться то, что среди обследованных студентов данных факультетов отмечалось наибольшее количество иногородних представителей, адаптация к обучению у которых протекает с большим напряжением, в отличие от студентов, проживающих в г. Кемерово.

Высокий процент представителей с оптимальной степенью функционирования систем вегетативной

регуляции отмечался на историческом, экономическом и юридическом факультетах. Полученные данные в значительной степени могут являться результатом случайности выборки, но именно на эти факультеты приходится наибольшее число представителей, обучавшихся ранее в профильных гимназиях г. Кемерово, что положительным образом влияет на протекание адаптации у данных студентов к началу обучения в вузе.

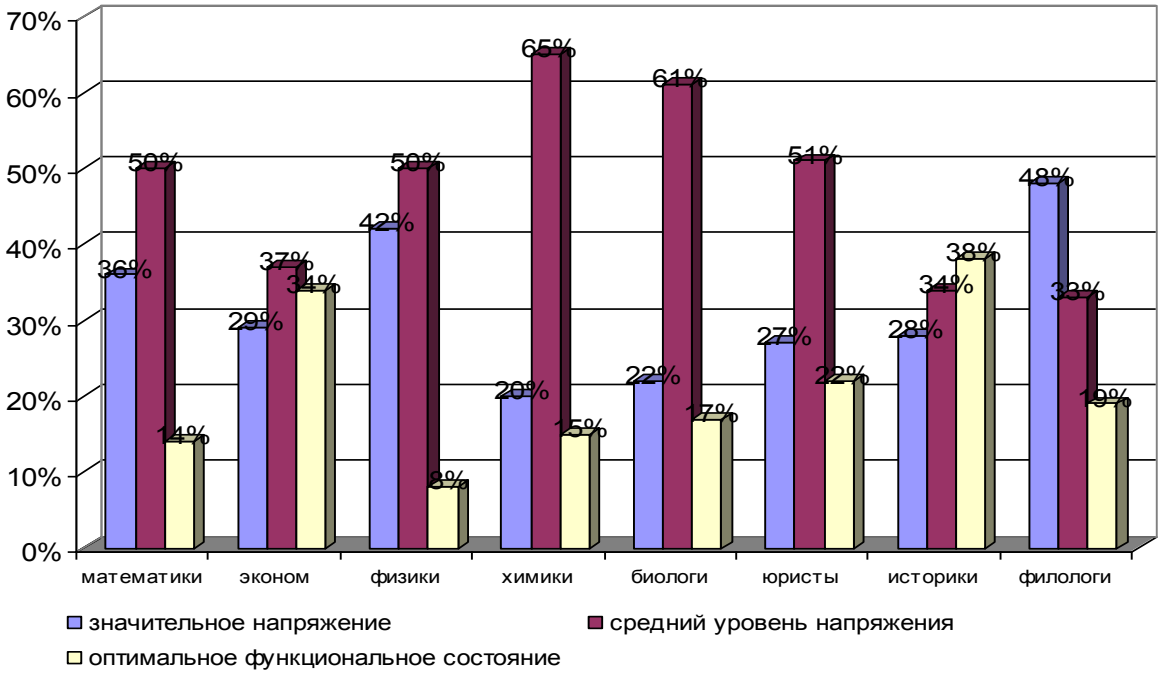


Рис. 7. ***Процентное распределение студентов-первокурсников разных факультетов по функциональному состоянию организма***

В результате можно сказать, что высокий уровень тревожности, низкая психосоциальная адаптация, низкие показатели самочувствия, активности и настроения являются следствием дезадаптивных процессов, вызванных рядом факторов, связанных с началом бучения в вузе, индивидуальными особенностями студентов и состоянием их здоровья. Поэтому учащиеся, отнесённые к «группе риска», нуждаются в квалифицированной консультации специалистов, оптимизации образа жизни и разработке индивидуальной стратегии учебной деятельности.

Литература

1. Адаптация и здоровье: учебное пособие / отв. ред. Э. М. Казин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003.

2. Баевский, Р. М. Анализ вариабельности сердечного ритма при использовании различных электрокардиографических систем: методические рекомендации / Р. М. Баевский, Г. Г. Иванов, Л. Д. Черейкин и др. – М., 2002.

3. Барбараш, Н. А. Оцените свое здоровье сами / Н. А. Барбараш, В. И. Шапошникова. – СПб.: Питер, 2003.

4. Вербицкий, А. А. Психология мотивации студентов / А. А. Вербицкий, Н. А Бакшаев. – М.: Логос, 2007.

5. Иванов, В. И. Автоматизированные методы психодиагностики: методические рекомендации / В. И. Иванов, Н. А. Литвинова, М. Г. Березина. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002.

6. Казин, Э. М. Практикум по психофизиологической диагностике / Э. М. Казин. – М.: Владос, 2000.

7. Серый, А. В. Динамика смысложизненных ориентаций и интернализация локуса контроля в процессе обучения в вузе / А. В. Серый, М. С. Яницкий // Психолого-педагогические проблемы образования. – Кемерово, 1998.

8. Сластенин, В. А. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – М.: Школа-Пресс, 1997.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.92

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ МЕХАНИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КЕМТИПП

Н. А. Балабаева, Л. В. Порхачева, Е. А. Маслова, В. П. Михайлова

INVESTIGATION OF THE INFLUENCE OF STUDYING IN THE UNIVERSITY ON PSYCHO-EMOTIONAL CHARACTERISTICS CHANGES OF STUDENTS' PERSONALITY FOR MECHANICAL DEPARTMENT KEMTIFI

N. A. Balabaeva, L. V. Porhacheva, E. A. Maslova, V. P. Mikhaylova

В статье рассматривается проблема изменения некоторых личностных характеристик студентов в процессе обучения в вузе в зависимости от качества их обучения (отличники, эффективные, троечники и неэффективные).

This article deals with the problem of changing some personal characteristics of students during the process of study of higher educational institution according to the quality of theirs studying efficient, inefficient.

Ключевые слова: интеллект, волевая регуляция, рефлексия, саморегуляция, эмпатия.

Key words: intellect, will regulation, reflection, self-regulation, empathy.

Изменения жизненных условий ведёт к существенным переменам личности человека, особенно молодого. Поэтому меняются и студенты по сравнению со студентами «прошлых лет».

Изначально процесс выбора профессии многих молодых людей стал более прагматичным, целенаправленным и соответствующим переменам в обществе. Ценность образования, имеющего когда-то социокультурную, личностную и статусную привлекательность, осталась в прошлом. Соответственно и у студентов сформировались качества, позволяющие им легче адаптироваться к сложностям жизни в условиях рынка. Но при этом утратились важные качества, такие как эрудированность, студенты стали менее интеллигентными, менее трудолюбивыми (в учёбе), менее требовательными к себе и жёсткими к другим [6, с. 122].

Термин «студент» латинского происхождения, означает «усердно работающий», занимающийся, т. е. усердно овладевающий знаниями [4].

Для студенческого возраста характерны оптимальные уровни развития личностных способностей. Нарастающие интеллектуальные и физические силы скрывают в себе иллюзии, что это будет длиться вечно, лучшая жизнь ещё впереди и всего задуманного можно легко достичь.

Но специалисты по психологии отмечают (Б. Г. Ананьев, А. В. Дмитриев, В. Т. Лисовский и др.) [1], что способность человека в 17 – 19 лет к социальной регуляции своего поведения развита не в полной мере. Этот возраст бескорыстных жертв и полной самоотдачи, нередко сопровождается отрицательным проявлением, немотивированным риском, неумением предвидеть последствия своих поступков, в основе которых могут быть не всегда достаточные мотивации. Юношеский возраст, по Эриксону, строится вокруг кризиса идентичности, одной из линий которого является формирование «негативной идентичности», отказ от самоопределения и выбор отрицательных образцов для подражания [9].

Поступление в вуз укрепляет веру молодого человека в собственные силы и способности, надежду на полноправную и интеллектуальную жизнь. Но одновременно на II-III курсах возникает вопрос о профессиональном самоопределении. В то же время некоторые студенты принимают решения в общем избежать работы по специальности, наблюдаются сдвиги в настроении - от восторженного в первые месяцы учёбы до скептического при оценке вузовского режима, системы преподавания, отдельных преподавателей и т. п.

Часто профессиональный выбор человека определяется случаем. Такие ошибки дорого обходятся личности и обществу. Но тем не менее за время обучения в вузе, у студентов происходит развитие всех уровней психики. Они определяют направленность ума человека, т. е. формируют склад мышления, который формирует профессиональную направленность личности.

В целом развитие личности студента как будущего специалиста с высшим образованием идёт в направлении [4]:

– укрепляется идейная убеждённость, профессиональная направленность, развиваются необходимые способности;

– совершенствуются, «профессионализируются» психические процессы;

– повышаются чувство долга, ответственность за успех профессиональной деятельности, рельефно выступает индивидуальность студента;

– растут притязания студента в области своей будущей профессии;

– растёт общая зрелость и устойчивость личности молодого человека;

Таковы общие тенденции развития личности студента.

Успешность обучения студентов зависит от многочисленных факторов. Одними из важнейших является его интеллектуальное развитие и волевые качества личности.

Исследования российских учёных доказывают, что первокурсники не всегда успешно овладевают знаниями не потому, что получили слабую базовую подготовку в школе, а потому, что у них не сформированы такие черты личности, как готовность к учению, способность самостоятельно обучаться, контролировать и оценивать себя, владеть своими способностями познавательной деятельности, умение правильно распределять рабочее время для самостоятельной подготовки. Приученные к ежедневной опёке и проверке в школе, первокурсники не умеют принимать элементарные решения. У них не развиты навыки самообразования и самовоспитания. Переступив порог вуза, студент попадает в иную обстановку: лекции, лекции, а если семинар, к нему тоже не всегда нужно готовиться. Не надо каждый день учить, решать, запоминать. Возникает мнение о кажущейся лёгкости обучения в первом семестре, формируется уверенность в возможности всё наверстать и освоить перед сессией. Расплата же наступает на сессии.

Можно выделить три типа деятельности и поведения студентов в сфере обучения и познания [5].

1. Первый тип личности отличается комплексным подходом к целям и задачам обучения. Этот тип ориентирован на широкую специализацию, на разностороннюю профессиональную деятельность.

2. Второй тип личности склонен к узкой специализации. Его познавательная деятельность не выходит за рамки учебной программы. Система духовных подходов сужена рамками околопрофессиональных интересов.

3. Для третьего типа личности характерна деятельность, которая предполагает минимум усвоения знаний и приобретения навыков. Это тип менее творческий, менее активный и характерен для 30 % студентов.

По отношению к учёбе определяют пять групп студентов [5]:

– к первой группе относятся студенты, которые стремятся глубоко овладеть знаниями, методами самостоятельной работы. Интересы их затрагивает широкий круг знаний. Они активны во всех сферах учебной деятельности;

– ко второй группе относятся студенты, которые стремятся приобрести знания во всех сферах учебной деятельности. Но они нередко ограничиваются поверхностными знаниями. Их основной принцип – «лучше всё понемножку»;

– к третьей группе относятся студенты, которые проявляют интерес к знаниям только по отношению к своей профессии, не проявляя должного интереса к смежным дисциплинам;

– к четвёртой группе относятся студенты, которые могут неплохо учиться, но к своей учебной программе относятся избирательно. Лекции посещают только те, которые им нравятся, соответственно часто пропуская как лекции, так и практические занятия. Их профессиональные интересы ещё не сформированы;

– к пятой группе относятся студенты, которые пришли в вуз по наставлению родителей или «за компанию», чтобы не идти работать или не попасть в армию. К учёбе они равнодушны, постоянно пропускают занятия и имеют «хвосты». Стремление «учиться не уча» формируют психологию «тройки», которая создаёт настрой на уверенность, что «троечник» может стать хорошим специалистом. Так кратко выглядит типологический профиль студента из литературных источников.

Ведущие компоненты умственных способностей будущих специалистов – высокий уровень пространственных представлений и сообразительность, а также необходимость иметь высокий уровень невербального, т. е. действенно-практического интеллекта.

Пространственные представления, как правило, зависят от природных свойств индивида, в отличие от других умственных способностей (понятливости, сообразительности т. д.), которые позволяют стимулировать умственную эффективность. Однако будущим инженерам свойственна узость познавательных процессов. Их меньше увлекают философские проблемы, снижено внимание к политической жизни страны.

Целью нашего исследования было изучение становления и изменения личности студента за время обучения в вузе с момента поступления до его окончания. Метод исследования – тест Кеттелла в компьютерной версии А. Г. Шмелёва, который позволяет выявить 16 психологических характеристик личности в интеллектуальной, психоэмоциональной и коммуникативной сферах. Объект исследования - студенты механического факультета, которые были первоначально протестированы при поступлении, затем этих же студентов протестировали на 5-м курсе в количестве 146 человек.

На рис. 1 и 2 представлены результаты – типологические профили первокурсников и пятикурсников в зависимости от качества обучения: «отличники» – студенты, имеющие только отличные оценки на трёх последних экзаменационных сессиях; «эффективные» студенты имеют средний балл на экзаменационных сессиях 4 – 4,7 балла; «троечники» студенты имеют средний балл – 3,9 – 3,5 балла; «неэффективные» студенты имеют максимальный средний балл 3,4. За 5 лет обучения произошла дифференциация: по каждому фактору наблюдается большой разброс величин, таким образом, можно говорить об индивидуализации.

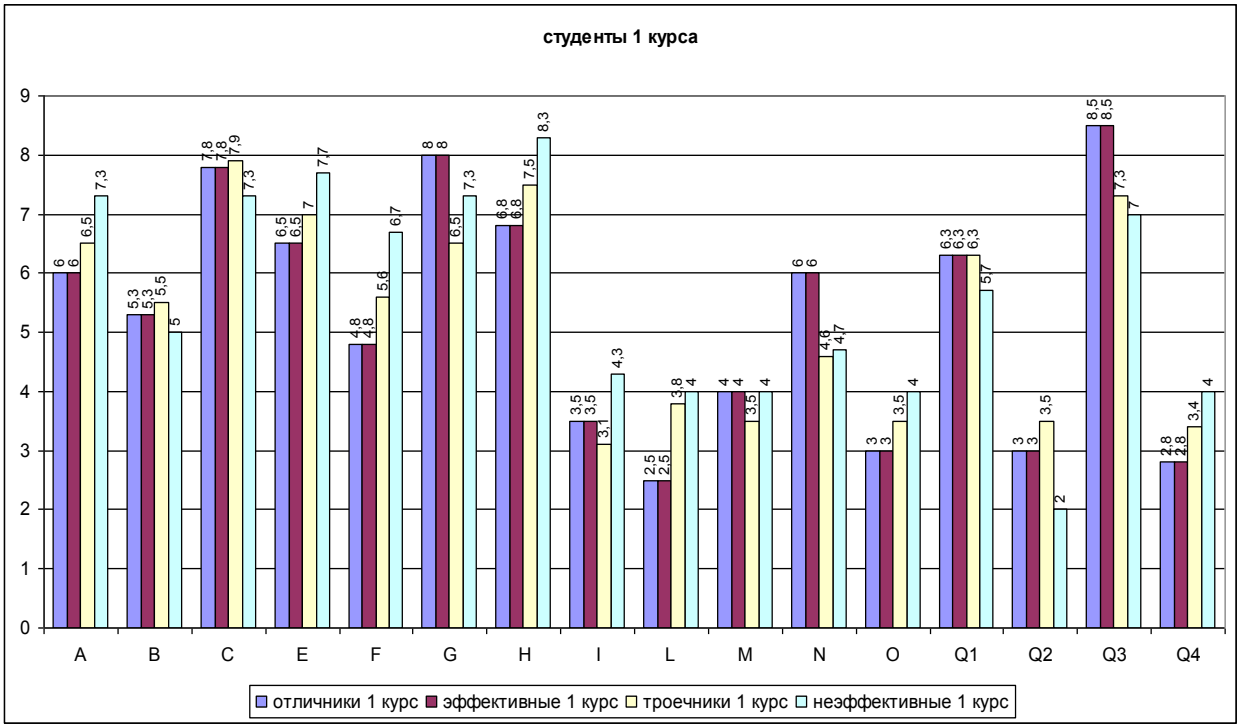


Рис. 1. ***Типологические профили первокурсников***

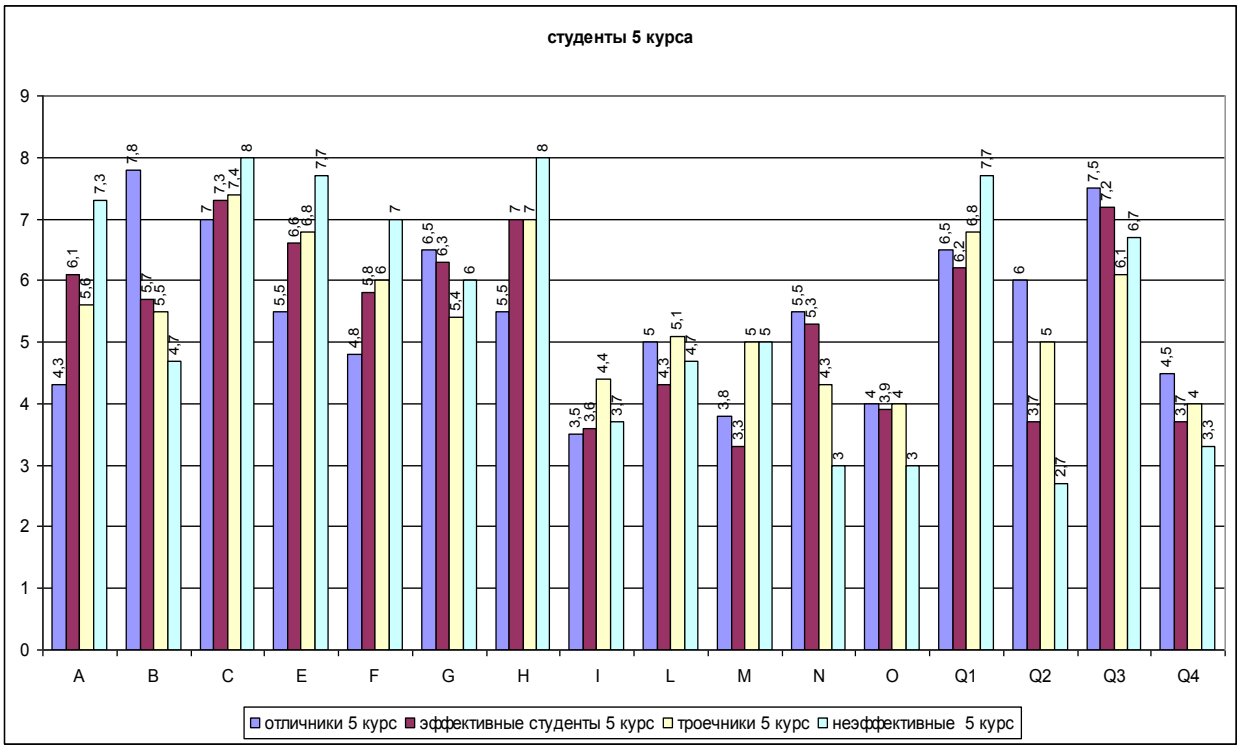


Рис. 2. ***Типологические профили пятикурсников***

Можно отметить, что наибольшие изменения произошли в психике студентов-«отличников» (рис. 3), наименьшие у «эффективных» студентов (рис. 4), типологический профиль которых наиболее стабилен.

Наибольшие изменения в их профиле наблюдается по фактору N (социальный интеллект, тактичность, рационализм в общении; $\Delta = 0,6$). Можно отметить, что факторы психоэмоциаонального статуса «эффективных» студентов наиболее гармоничны. Они отличаются открытостью, дружелюбием без излишней легковесности в общении, или критичности и замкнутости (A = 6 у первокурсников и 6,1 у пятикурсников), хорошей стрессоустойчивостью (C = 7,6 – 7,3), умением отстаивать свою точку зрения без давления на других людей (E = 6,5 – 6,6). Они оптимистичны без легкомыслия (F = 5,9 – 5,8), хорошо адаптированы (H = 7,4 – 7,0), уверены в себе (O = 3,6 – 3,9), демократичны (Q2 = 3,6 – 3,7), нефрустрированы (Q4 = 3,4 – 3,7).

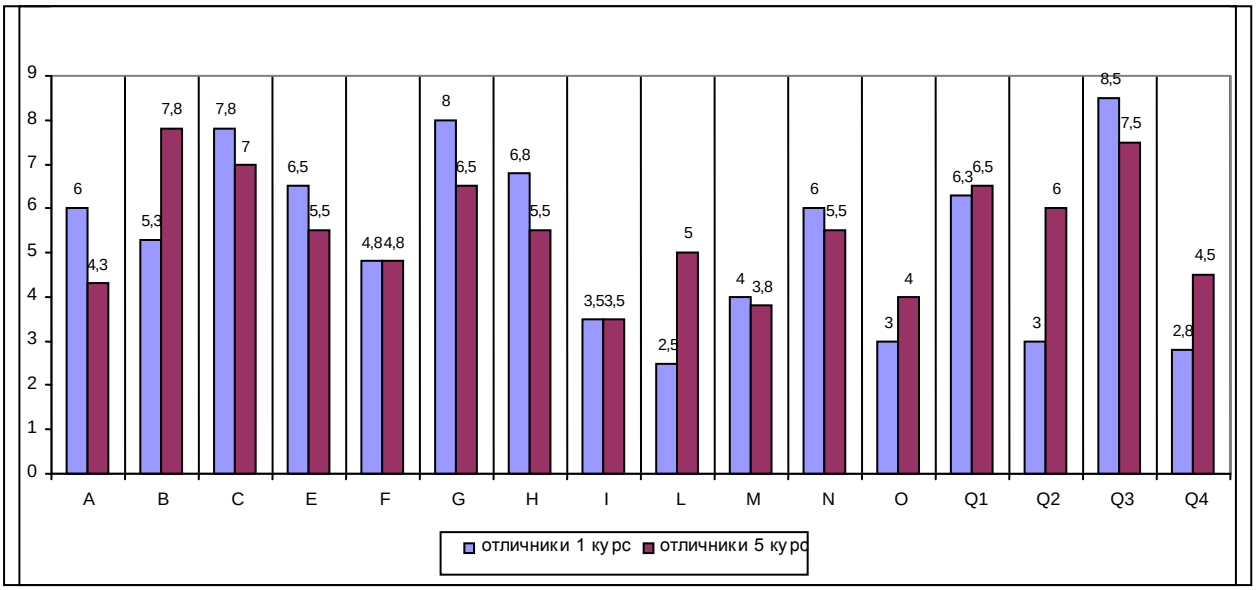


Рис. 3. ***Сравнительная диаграмма студентов-отличников на 1 курсе и они же на 5 курсе***

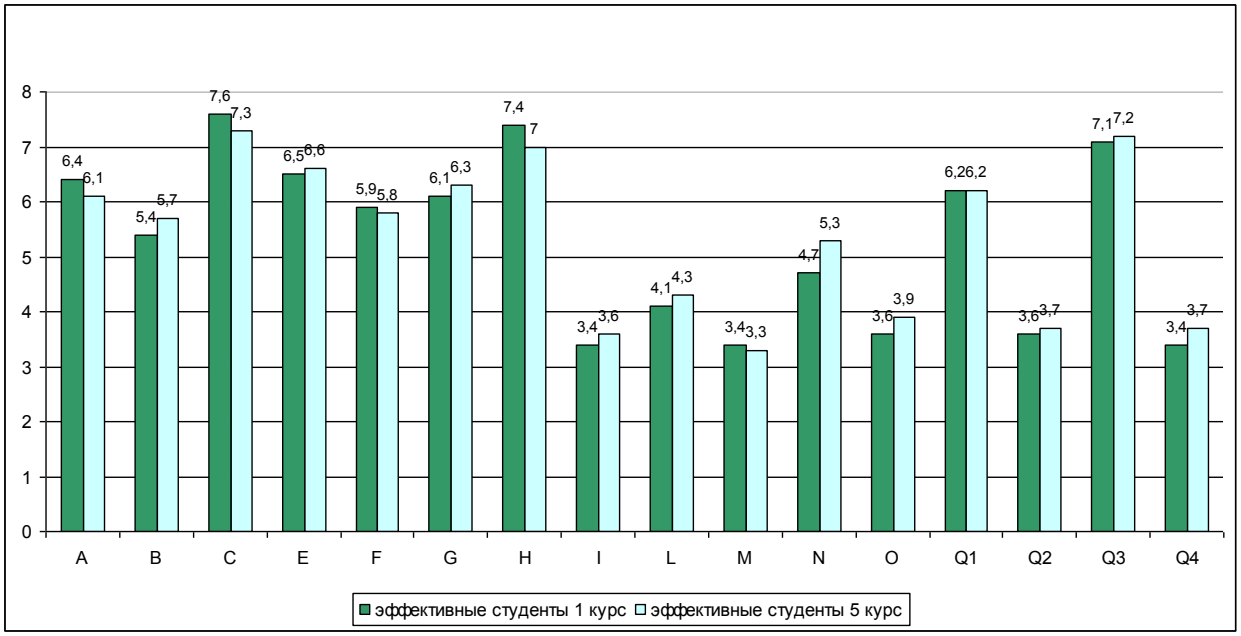


Рис. 4. ***Сравнительная диаграмма эффективных студентов на 1 курсе и они же на 5 курсе***

«Отличники» демонстрируют за время обучения значительное увеличение фактора интеллекта, способности к абстрактному мышлению, обучаемости (фактор B = 5,3 на первом курсе, и 7, 8 на пятом курсе). Но при этом наблюдается некоторая невротизация личности. Студенты-отличники становятся более замкнутыми (A = 6 у первокурсников, и 4,3 у пятикурсников), снижается стрессоустойчивость (C изменяется от 7,8 до 7), снижается умение отстаивать свою точку зрения (E = 6,5 – 5,5), снижается способность к социальной адаптации и способность выдерживать эмоциональные нагрузки (H = 6,8 – 5,3), повышается тревожность, и фрустрированность (O = 3 – 4, Q4 = 2,6 – 4,5). Напротив, у «неэффективных» студентов (рис. 5) усиливается стрессоустойчивость (C = 7,3 у первокурсников, и 8 у пятикурсников), снижается тревожность (O = 4 – 3) и фрустрированность (Q4 = 4 – 3,3).

На 5 курсе «неэффективные» студенты становятся ещё более оптимистичными (F = 6,7 – 7), при этом фактор интеллекта B снижается (5 – 4,7), а воображение и склонность к новому повышается (M = 4,0 – 5,0 и Q1 = 5,7 – 7,7).

Наши исследования показали, что личность студента за время обучения меняется. Влияние вуза на процесс изменения сложно и многообразно.

В заключение следует отметить:

– наиболее перспективными специалистами являются студенты из группы «эффективных»;

– студенты с отличными оценками часто нуждаются в коррекции психоэмоционального состояния, чтобы реализоваться как «эффективному специалисту»;

– из группы «неэффективных» студентов при определённых условиях мотивации;

– возможно, получаются «эффективные» специалисты, несмотря на низкие оценки при обучении.

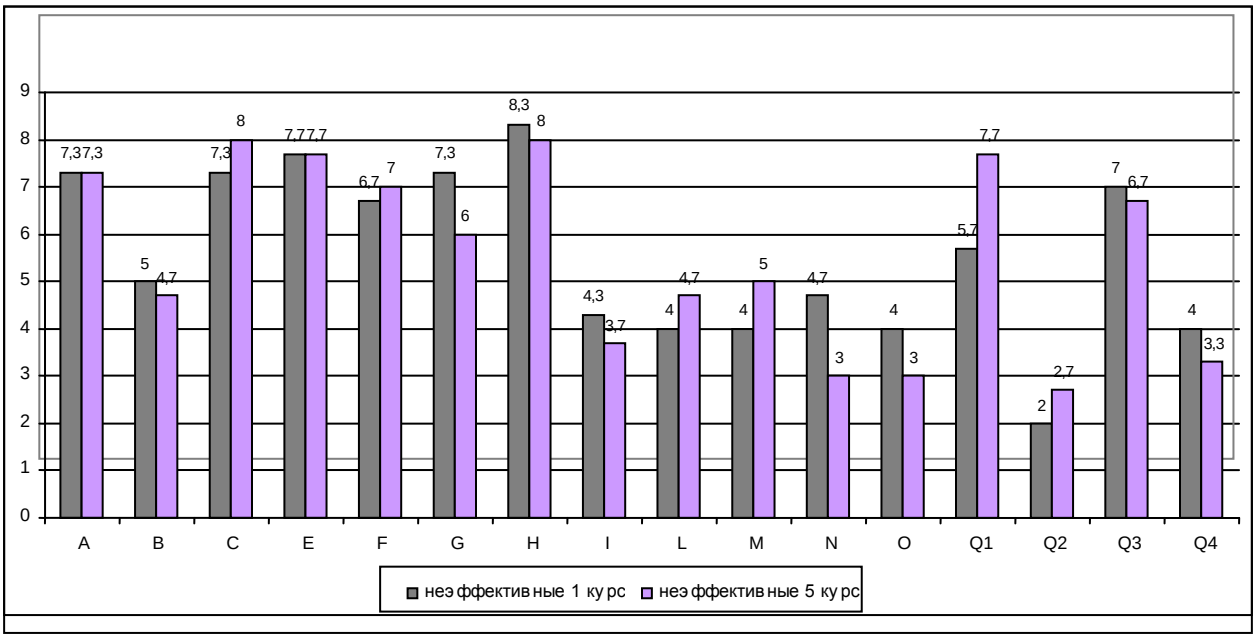


Рис. 5. ***Сравнительная диаграмма неэффективных студентов на 1 курсе и они же на 5 курсе***

Большие резервы для повышения качества подготовки специалистов кроются в совершенствовании контроля за знаниями студентов. Система проверки знаний на сессиях порождает «штурмовщину» перед экзаменами и зачётами, а часть студентов за пять лет так и не научились работать с книгой.

Особое внимание следует обратить на совершенствование работы кураторов, которые должны оказывать помощь в адаптации студентов в переходный период от школьной системы обучения к вузовской.

Могут ли черты характера личности выступать в качестве прогноза успешности в учебной и коммуникативной деятельности.

По данным М. Д. Дворяшиной (с. 118), успешность в учебной деятельности по интеллекту можно прогнозировать у 56 % женщин, тогда как у мужчин – только у 35 %. Нам известны случаи, когда гении науки и литературы плохо учились в школе. К ним можно отнести А. Эйнштейна, А. П. Чехова, который 8 классов закончил за 10 лет, а потом без экзаменов поступил в Московский университет. Л. Н. Толстой по неуспеваемости был отчислен из Казанского университета и т. д.

О. М. Анисимова, Н. В. Владимирова, Н. С. Копеина изучали успешность в учебной деятельности студентов в зависимости от их направленности:

– направленности на приобретение знаний (интерес к процессу учения, к научным проблемам в той или иной области знаний);

– направленности на получение профессии (общественная значимость профессии, стремление освоить специальность);

– направленности на получение диплома о высшем образовании.

Мотивацию студентов ученые изучали с помощью специального опросника, а личностные характеристики с помощью теста Кеттелла. Оказалось, что успешность обучения студентов-вечерников находится в прямой зависимости от направленности. Студенты, нацеленные на получение знаний, характеризуются чувством долга, ответственностью за порученное дело, сильной волей, умением мобилизовать свои физические и психические силы на учебу, высокой регулярностью учебной деятельности. Комплекс этих качеств в сочетании с познавательной направленностью и обеспечивают высокую успешность в обучении. С успешностью в обучении не коррелирует направленность студента на получение диплома. Это связано со слабой самоорганизацией студентов, стремлением к оценке, чтобы «сдать» экзамен [2, с. 116].

На высоком уровне значимости у студентов естественных факультетов направленность потребностей связана с фактором Q_4 (напряженность).

Но успешность в учебной деятельности зависит и от свойств нервной системы. Исследователи показали, что в учебной деятельности учащимся со слабой нервной системой свойственны постоянная самопроверка своих действий, тщательное конспекти-

рование, продумывание и проговаривание своих выступлений и ответов, регулярность, ритмичность в работе, широкое использование дополнительной литературы, стремление и желание работать одному [3, с. 230, 290].

Студенты с сильной нервной системой более спокойные, выносливые, мало утомленные, работающие от случая к случаю, по тесту Кеттелла имеют сниженные показатели по фактору С, эмоциональной устойчивости, эмоциональной стабильности, но более высокий показатель тревожности.

Авторы этого исследования объясняют высокую тревожность студентов, принадлежащих к сильному типу нервной системой тем, что они находятся в зоне повышенного риска, так как не являются лидерами в учебе, порой имеют пересдачи и даже вынуждены покинуть вуз из-за академической задолженности. Но группа студентов физиков-теоретиков, сочетающих регулярную работу с высоким интеллектом, имели высокую мотивацию и были сосредоточены на учебе. Таким образом, важным условием, обеспечивающим успешность в обучении, является наличие не только высокого интеллекта, но и систематические занятия по избранной профессии.

Как связаны между собой качества личности, выявленные опросником Кеттелла? Фактор эмоциональной нестабильности связан с фактором Q_4 (напряженность потребностей) у студентов-первокурсников математико-механического факультета (r = 0,31). По мнению ученых, состояние эмоциональной нестабильности, тревожности, неуравновешенности характерно для лиц студенческого возраста, они снижают общий жизненный тонус, работоспособность и успешность обучения. Сами студенты заявляют о том, что они хотели бы получить консультации о том, как бороться с неуправляемыми колебаниями эмоций и невротическими состояниями в периоды подготовки и сдачи экзаменов. Как известно, уровень тревожности зависит от уровня развития навыков общения. Если мы будем усовершенствовать навыки и способы общения у студентов, мы тем самым будем снижать уровень тревоги. А повышать чувство уверенности в себе можно через обучение ролевому поведению в различных жизненных ситуациях, через овладение своими эмоциональными ситуациями.

Самооценка отдельных сторон личности зависит от такого качества, как уверенность в себе, от успешности проявления ее в деятельности. Так, уровень развития коммуникативных способностей зависит от такой деятельности, как общение; уровень развития интеллектуальных качеств зависит от результатов в учебе – познавательной деятельности; уровень волевых качеств – от результатов человека в практической деятельности и т. д.

В литературе имеются данные о том, что люди, связанные с информационными технологиями, характеризуются как эгоцентричные, неэмоциональные в общении, с низким уровнем эмпатии.

В исследовании М. В. Хватовой и Е. С. Дьячковой студенты Института математики, физики и информатики (ИМФИ) отличались более высокой подозрительностью, завышенным самомнением, в отношениях с людьми более раздражительны и обособленно держатся в коллективе (фактор L). Подозрительность коррелирует с высокой напряженностью (r = 0,52) у студентов 1 курса ИМФИ [8, с. 77].

Низкая результативность в деятельности вызывает чувство дискомфорта, недовольства собой. Но такие же чувства вызывает и состояние неопределенности. Осознанию этого состояния способствуют беседы с близкими и родными, с психологом-консультантом, которые помогают преодолеть барьеры непонимания самого себя и окружающих. Достижение уверенности в себе путем включения студента в деловые контакты учебной группы, осознание своих сильных и слабых сторон – путь преодоления дискомфорта и повышение самоуважения личности.

Для того, чтобы стать компетентным специалистом, необходим не только определенный уровень знаний, но и уровень развития способностей: познавательных или интеллектуальных, социальных или коммуникативных, профессиональных или деловых. Для этого необходимо овладеть способами познания, т. е. умениями анализировать, обобщать, прогнозировать и т. д. Овладев этими умениями, человек познает причинно-следственные отношения, закономерности развития природы, общества и человека.

Мир человеческих отношений может быть усовершенствован через овладение продуктивными способами взаимоотношений: диалог, сотрудничество и компромисс. Эти способы взаимодействия ведут к конструктивному выходу из конфликтов и предупреждению их. Они предполагают умения слушать и слышать, умения посмотреть на себя глазами другого человека, встать на точку зрения партнера по общению, быть адекватным в различных жизненных ситуациях.

Если человек овладел способами познания, то он научился понимать, что происходит с ним и с его окружающими. Это невозможно без такого психологического качества, как рефлексия. Того, кто не способен к рефлексии, называют человеком без обратной связи. Того, кто не овладел способами взаимодействия с людьми, называют бездушным автоматом, т. е. человеком без такого важного человеческого качества, как эмпатия, которое является результатом эмоционального развития.

Профессиональное сознание и самосознание формируется при овладении приемами и способами той или иной деятельности. Профессиональное сознание и самосознание включает способность к самоопределению, к самовыражению и самореализации. Данный блок характеристик объединяет способности к самоконтролю, самоорганизации и саморегуляции (т. е. способности адекватно вести себя с другими людьми, рационально осмысливать происходящее). Овладев этим набором характеристик, человек полноценно себя реализует в профессии, которую он избрал.

Словарь терминов, используемых в этой статье.

Саморегуляция – адекватное приспособление к условиям задачи, успешное достижение необходимого результата; контроль за выражением собственных эмоций и блокировка негативных эмоциональных состояний.

Волевая регуляция – это сознательная мобилизация личностью своих психических возможностей для преодоления трудностей и препятствий при совершении целенаправленных действий и поступков (В. И. Селиванов, 1982).

Рефлексия – самосознание, рациональное осмысление эмоций, способность наблюдать за собственными чувствами, выявление мотивов собственного поведения.

Эмпатия – умение реализовать и правильно понимать чувства других людей.

Факторы, измеряемые тестом Кеттелла:

+ A – открытый, легкий, общительный.

– A – необщительный, отстраненный, критичный.

+ B – с развитым логическим мышлением, сообразительный.

– B – невнимательный или со слабо развитым логическим мышлением.

+ C – эмоционально устойчивый, изменчивый, зрелый, спокойный.

– C – эмоционально неустойчивый, изменчивый, поддающийся чувствам.

+ E – самоуверенный, склонный к лидерству, неуступчивый.

– E – мягкий, послушный, уступчивый.

+ F – жизнерадостный, беспечный, веселый.

– F – трезвый, молчаливый, серьезный.

+ G – совестливый, моралистический, степенный аккуратный.

– G – практичный, стремящийся к выгоде, свободно трактующий правила.

+ H – смелый или даже дерзкий.

– H – несмелый, застенчивый.

+ I – чувствительный, тянущийся к другим, с художественным мышлением.

– I – полагающийся на себя, реалистичный, рациональный.

+ L – подозрительный, не дает себя провести.

– L – доверчивый, принимающий условия от других.

+ M – с развитым воображением, мечтательный, немного рассеянный.

– M – прагматичный, занятый мирскими заботами.

+ N – искушенный, сознательно лояльный, тактичный.

– N – прямой, откровенный, не без трудностей в общении.

+ O – обвиняющий себя, неуверенный, возможно, обидчивый.

– O – уверенный в себе, спокойный, безмятежный.

+ Q1 – экспериментирующий, радикально настроенный, вольно мыслящий.

– Q1 – консервативный, уважающий традиции.

+ Q2 – предпочитающий собственные решения, самодостаточный.

– Q2 – зависимый от группы, несамостоятельный.

+ Q3 – контролирующий себя, умеющий подчинять себя правилам.

– Q3 – импульсивный, неорганизованный.

+ Q4 – напряженный, озабоченный планами, усталый.

– Q4 – расслабленный, невозмутимый, возможно, инертный.

Литература

1. Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды [Текст]: в 2-х тт. / под ред. А. А. Бодалева и др. – М., 1980; Лисовский, В. Т. Личность студента [Текст] / В. Т. Лисовский, А. В. Дмитриев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990.

2. Копеина, Н. С. Психодиагностика и консультирование в сфере личности студента // Вопросы практической психодиагностики и психологического консультирования в вузе / С. Н. Копеина, Н. М. Владимирова, О. М. Онисимова; под ред. Н. Н. Обозова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.

3. Мерлин, В. С. Очерк теории темперамента / В. С. Мерлин. – Пермь, 1973. – С. 290.

4. Педагогика и психология высшей школы / Отв. ред. М. В. Буланова-Топоркова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 544 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/shso/71_rost1.html - 16.12.2009.

5. Смирнов, С. Д. Психологические факторы успешной учебы студентов вуза / С. Д. Смирнов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psy.msu.ru/science/public/smirnov/students.html - 17.12.2009.

6. Соколов, А. В. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества [Текст] / А. В. Соколов, И. О. Щербаков // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 122.

7. Стреллу, Я. Роль темперамента в психическом развитии / Я. Стреллу. – М., 1982. – С. 230.

8. Хватова, М. В. Влияние образовательной среды на психологическое здоровье студентов разных специальностей в процессе обучения / М. В. Хватова, Е. С. Дьячкова // Психологическая наука и образование. – 2006. – № 3.

9. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон, пер. с англ. – М.: Флинта, 2006.– 342 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yugzone.ru/x/erikson-erik-identichnost-yunost-i-krizis/ – 17.12.2009

УДК 159.99

ВНУТРИФИРМЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ СТАНДАРТОВ ПРОИЗВОДСТВА И КАЧЕСТВА РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ РОЗНИЧНОЙ СЕТИ

Е. Г. Марченкова, К. Н. Белогай

TRANSFER TRAINING AS FACTOR OF INCREASE OF STANDARDS OF PRODUCTION AND QUALITY OF WORK OF RETAIL NETWORK

E. G. Marchenkova, K. N. Belogai

В статье представлен анализ влияния внутрифирменного обучения сотрудников на повышение профессионального уровня. В данной работе раскрыты основные формы, используемые при обучении персонала: бизнес-тренинг и наставничество, а также способы оценки эффективности данных форм обучения. В рамках исследования оценки эффективности обучения, в статье подробно описаны ключевые показатели эффективности и представлены данные динамики изменения объемов продаж у продавцов-консультантов после проведения традиционного тренинга продаж.

In the article analyzed influence of transfer training of the employees to professional level. In the work the main forms used are opened at training of the personnel, such as business-training and preceptorship, as well as the ways of the evaluation of efficiency of given forms of training. Within research of the evaluation of the learning efficiency, in article in detail the key efficiency ratings are described and given dynamics of change of sales presented at sellers-advisers after execution of traditional training of sales.

Ключевые слова: обучение и развитие персонала, внутрифирменное обучение, методы бизнес-тренинга, оценка эффективности обучения, наставничество.

Keywords: training and development of the personnel, transfer training, methods of business-training, the evaluation of the learning efficiency.

В современном мире в условиях высокого уровня конкуренции и бурного технического прогресса, влекущего за собой быстрое устаревание профессиональных навыков, способность организации постоянно совершенствовать технологии, которые обладают высокой возможностью быть скопированными, и качество производства являются важнейшим, жизненно необходимым фактором успеха. Очевидно, что возможность такого совершенствования неразрывно связана с неуклонным повышением качества и профессионального уровня кадров организации, на первый план выходят социальные системы и прежде всего система управления человеческими ресурсами: «Кадры решают все!» Таким образом, регулярное повышение профессионального уровня сотрудников организаций стало одной из самых актуальных задач. К тому же, в ситуации острой нехватки оборотных средств на многих предприятиях именно человеческий капитал становится его главным конкурентным преимуществом. На фоне экономического кризиса особенно важными становятся «качественные» характеристики персонала, так как именно высококвалифицированные работники с креативным мышлением могут находить выход из нестандартных ситуаций, которые возникают в связи с рецессией мировой экономики. Многие компании во всем мире изменили кадровую политику в соответствии с передовыми тенденциями в современном менеджменте, рассматривая знания и квалификацию наемного работника как принадлежащий организации и приносящий прибыль капитал, а затраты на обучение – как доходные капиталовложения. Инвестиции в человеческие ресурсы являются одной из наиболее выгодных форм вложений капитала, т. к. приносят национальной экономике наибольший доход и способствуют ее росту. Они определяют восприимчивость общества к новым знаниям и технологиям, создают мотивацию к развитию и прогрессу.

Возрастающее значение профессионального обучения для организации привело к тому, что ведущие компании взяли на себя функции самостоятельного обновления квалификации своих сотрудников. Организация профессионального обучения стала одной из основных функций управления персоналом, а его бюджет – наибольшей (после заработной платы) статьей расходов многих компаний, осознавших, сколь мощным рычагом повышения общей эффективности работы предприятия оно является. В связи с этим подход к определению статуса отделов развития персонала и внутрифирменных учебных центров претерпел трансформацию в виде ухода от отношения к ним как к обслуживающим структурам в сторону формирования восприятия как подразделений, участвующих в создании прибыли.

Говоря о внутрифирменном обучении, нельзя обойти вниманием этот процесс, происходящий в лучших предпринимательских структурах США и Германии (такие компании как «АЙ-БИ-ЭМ», «Моторола», «Дженерал Моторс», «Сименс» ежегодно затрачивают значительные средства на профессиональное развитие и обучение своих сотрудников). Для такого обучения созданы собственные постоянно действующие университеты и институты [8].

Крупные западные компании ежегодно тратят от 2 до 5 % своего бюджета на обучение и развитие персонала. В Канаде на обучение одного работника организациями выделяется более 500 долл. в год. В США – 263 долл. Для сравнения: затраты крупного машиностроительного комплекса в Санкт-Петербурге на обучение одного сотрудника в 2002 году составили всего 34 долл. Такие высокие затра-

ты западных компаний на повышение квалификации сотрудников не случайны. Исследователи утверждают, что сейчас экономический эффект от вложений в развитие персонала более высокий, чем от вложений в средства производства. Недавние исследования, проведенные в 3200 американских компаниях Р. Земски и С. Шамаколе (Университет штата Пенсильвания), показали, что 10 %-е увеличение расходов на тренинг персонала дает прирост производительности труда 8,5 %, в то время как такое же увеличение капиталовложений в средства производства дает прирост производительности только 3,8 %.

Специалисты Американского общества тренинга и развития (ASTD) подсчитали, что 1 доллар, вложенный в развитие персонала, приносит от 3 до 8 долл. дохода. А в компании Motorola каждый доллар, вложенный в образование, приносит 33 доллара прибыли. Разработанная и внедренная на одном из предприятий Motorola в 1987 году программа повышения качества Six Sigma позволила снизить показатель брака до 0,1 % и сократить на 84 % затраты, связанные с низким качеством. Таким образом, инвестиции в обучение персонала западных компаний могут приносить компаниям не только прибыль, но и сверхприбыль [5].

По результатам исследования Института организации производства в Атланте (Джорджия), повышение качества продукции и производительности труда в экономике США в долгосрочной перспективе будет обусловлено в 46 % случаев вложениями в человеческий фактор, в 35 % – созданием различных интегральных производственных систем и в 19 % – использованием передовых технологий. Особая роль принадлежит тренингу персонала. Самые современные концепции представляют его как «тренинг в течение жизни». Уже сейчас на переподготовку специалистов в США отводится 15 – 20 % рабочего времени. При этом считается, что за весь период профессиональной деятельности (примерно 40 лет) каждый специалист должен повышать свою квалификацию 5 – 8 раз. Национальный научный фонд США, в частности, рекомендует выделять специалистам 10 часов в неделю на изучение литературы по специальности и 40 – 48 часов в год на участие в какой-либо форме непрерывного обучения [11].

В ходе исследования, проведенного представителями компании «ТОП-МЕНЕДЖМЕНТ КОНСАЛТ: Персонал 911» , выяснилось, что бюджет управленческих расходов российских компаний составляет чуть более 2 % от фонда оплаты труда. Исследование компании CBSD показывает, что затраты разных компаний на тренинговые услуги варьируются в пределах до 20 % бюджета. Закономерность такова, что, чем крупнее компания, тем больше средств, как в натуральном, так и в процентном соотношении, она тратит на образование своих сотрудников [5].

Так, в ряде крупных корпораций всерьез занялись развитием внутрифирменного обучения. Существенно продвинулись в этом направлении банк «Менатеп», компания «Юкос», известная фирма «Алмазы России». Близок к идеалу «Газпром», который имеет два внутренних учебных центра с серьезными планами. Такая же работа проводится в «Лукойле», например в «Пермнефтеоргсинтезе». Эти проекты, поставленные на серьезную профессиональную основу, уже существуют и реализуются [8].

Наиболее часто встречаемой формой обучения персонала организации является бизнес-тренинг. Бизнес-тренинг представляет собой особую форму обучения, направленную на передачу и отработку деловых навыков и бизнес-технологий.

Тренинг может рассматриваться с точки зрения разных парадигм:

- тренинг как своеобразная форма дрессировки, при которой при помощи положительного подкрепления формируются нужные паттерны поведения, а при помощи отрицательного - "стираются" нежелательные;
- тренинг как тренировка, в результате которой происходит формирование и отработка умений и навыков;
- тренинг как форма активного обучения, целью которого является передача знаний, развитие некоторых умений и навыков;
- тренинг как метод создания условий для самораскрытия участников и самостоятельного поиска ими способов решения собственных психологических проблем.

Важно различать понятия «тренинг» и «бизнес-тренинг». Тренинг, как правило, направлен на развитие личности, личностный рост. А бизнес-тренинг предполагает овладение, тренировку, шлифовку каких-либо деловых навыков. Например, навыков самопрезентации, навыков работы секретаря, навыков телефонного поведения, навыков управления конфликтами, навыков управления стрессом и др. То есть бизнес-тренинг предполагает тренировку навыков, которые повышают эффективность деятельности и делового взаимодействия.

Обучение, проводимое в форме бизнес-тренингов, направлено именно на получение знаний и совершенствование деловых навыков.

Единой и общепризнанной классификации тренингов не существует, деление можно проводить по различным основаниям, но можно выделить 3 основных типа тренингов по критерию направленности воздействия и изменений – навыковый, психотерапевтический и социально-психологический.

Навыковый тренинг направлен на формирование и выработку определенного навыка (навыков). Большинство бизнес-тренингов являются навыковыми, например, тренинг переговоров, самопрезентации, техники продаж и др.

На тренинге используются следующие методы: игровые (деловые, ролевые игры), сессии вопросов – ответов, кейсы, анализ конкретных ситуаций, устные и письменные упражнения, мини-лекции с использованием различных средств наглядной подачи информации, групповая дискуссия, мозговой штурм, видеосъемка и видеоанализ (активная форма обучения с использованием видеозаписи и последующего

анализа выполнения практических упражнений), модерация и др.

Кейс – проблемная ситуация, требующая ответа и нахождения решения. Решение кейса может происходить как индивидуально, так и в составе группы. Основная задача кейса – научиться анализировать информацию, выявлять основные проблемы и пути решения, формировать программу действий.

Деловая игра – имитация различных аспектов профессиональной деятельности, социального взаимодействия.

Ролевая игра – это исполнение участниками определенных ролей с целью решения или проработки определенной ситуации.

Групповая дискуссия – совместное обсуждение и анализ проблемной ситуации, вопроса или задачи. Групповая дискуссия может быть структурированной (т.е. управляемой тренером с помощью поставленных вопросов или тем для обсуждения) или неструктурированной (ее течение зависит от участников группового обсуждения).

Мозговой штурм – один из наиболее эффективных методов стимулирования творческой активности. Позволяет найти решение сложных проблем путем применения специальных правил - сначала участникам предлагается высказывать как можно больше вариантов и идей, в том числе самых фантастических. Затем из общего числа высказанных идей отбирают наиболее удачные, которые могут быть использованы на практике.

В наиболее эффективных тренинговых программах соотношение теоретической и практической частей 30 % и 70 %. Уточним, речь идет о том, каким образом усвоят новые знания и модели поведения участники тренинга. Например, бизнес-тренер может долго рассказывать (теория), о том, что такое отличный сервис. Но гораздо эффективнее предложить участникам такие формы работы (практика), участвуя в которых они сами придут к необходимым выводам по поводу отличного сервиса.

Результатами бизнес-тренинга могут быть:

- Повышение индивидуальной эффективности за счет практического усвоения технологий, методов, умений.
- Осознание индивидуальных и организационных возможностей и ограничений.
- Исследование происходящих в компании, в отрасли, в регионе, в стране, в мире явлений.
- Создание новых подходов, концепций, миссии, стратегии и т. п.
- Оптимизация в компании коммуникаций, управления, взаимодействия и др.
- Формирование общности – развитие личных отношений, эмоционального климата, группового единства.

Отвечая на вопрос о продолжительности бизнес-тренинга, можно сказать, что она зависит от многих факторов, определяется целями обучения, ожидаемыми результатами, особенностями темы, спецификой бизнеса, особенностями персонала и др. Практическое освоение технологий возможно в тренингах продолжительностью не менее двух дней (16 часов обучения), а просто освоение – и в однодневных тренингах.

Оптимальное количество участников в группе на навыковом бизнес-тренинге 8 – 12 человек. Если участников больше, то обычно им не хватает внимания тренера. И в этом случае тренеру сложнее организовать эффективный тренинговый процесс. Если участников меньше, то это тоже негативно влияет на ход групповой работы в тренинге.

Определяя место корпоративного тренинга в работе организации, можно утверждать, что корпоративный бизнес-тренинг влияет на управление результативностью работы персонала. А через это становится возможным управление организацией в целом.

В основе успешного проведения корпоративного бизнес-тренинга лежит серьезный анализ потребностей бизнес-организации. Часто бывает так: руководители бизнес-организации уверены, что персонал нужно учить. А на самом деле – необходимо изменить стиль руководства, распределение функций или систему поощрений. Другими словами, для увеличения результативности сотрудников могут применяться тренинговые и нетренинговые решения. Если источник расхождений между требуемой и реальной результативностью сотрудников именно в дефиците знаний и навыков, то необходимо тренинговое решение – проведение бизнес-тренинга и последующего посттренингового сопровождения.

Исследования показывают, что до 90 % выученного на тренинге материала постепенно забывается, и сотрудники применяют лишь 10 – 20 % из полученного. Причины этого различны: оправдались ли ожидания участников, соответствовал ли тренинг реальной потребности в обучении, поддерживаются ли изменения в компании после тренинга и т. д.

Увеличить эффективность обучения поможет правильно организованная система посттрениингового сопровождения - система работы с персоналом, направленная на поддержание позитивных тренинговых эффектов и обеспечивающая применение знаний, умений, навыков, качеств, полученных участниками на тренинге, в ходе повседневной профессиональной деятельности.

Посттренинг может проводиться в формате семинара, мастерской, повторения фрагментов тренинга, коучинга и наставничества, электронной переписки с тренером, внедрения дистанционного курса [4].

В общем виде оценить эффективность обучения можно, сравнив реальные результаты обучения с целями, которые были поставлены перед обучением с использованием установленных критериев. Определение и оценка эффективности капиталовложений в обучение является актуальной и весьма сложной проблемой.

Для владельцев предприятий, высших исполнительных руководителей и предпринимателей этими целями будут:

- повышение производительности, эффективности и прибыли;

- получение общих конкурентных преимуществ;
- увеличение доли рынка и активов компании.

Для руководителей высшего звена:

- повышение эффективности управления компанией и производительности, осуществление изменений и новых проектов;
- совершенствование коллективной работы и процессов;
- разработка новых средств для достижения корпоративных целей.

Для менеджеров компаний:

- новые перспективы в карьере;
- новые методы решения задач;
- увеличение числа клиентов и более полное удовлетворение их потребностей.

Для работников предприятий:

- совершенствование условий труда;
- более активное участие в процессах принятия решений;
- более эффективное использование личного потенциала;
- большее удовлетворение от трудовой деятельности.

Для общества:

- вклад в экономическое благосостояние страны;
- увеличение поступлений в бюджет;
- новые пути решения социальных, региональных и других проблем [1].

Кабинетное исследование компании «Амплуа-Брокер» на тему «Оценка эффективности обучения», проведенное в марте 2008 года, говорит о том, что большинство публикаций в он-лайн и печатных СМИ (48 из 74, т. е. 65 %) написаны сотрудниками поставщиков услуг по обучению и развитию. Это говорит о том, что провайдеры занимают довольно активную позицию в вопросе оценки эффективности обучения, т. е. своей же работы. Однако то же исследование показывает, что в рамках данной темы обсуждают всё подряд - от степени удовлетворенности сотрудников обучением и возврата инвестиций до количества тренингов на одного сотрудника.

Ю. Б. Ужакина предлагает разделить все имеющиеся показатели на три группы:

1 группа – показатели оперативной деятельности системы обучения и развития в целом. Они «параметризуют» T&D систему (Training development – обучение и развитие персонала), оцифровывают ее, демонстрируют ее габариты, например, какое количество сотрудников было обучено, сколько проведено программ, какой был выделен бюджет. К эффективности обучения они не имеют никакого отношения.

2 группа – ключевые показатели эффективности (КПЭ, в зарубежном варианте – KPI, Key Performance Indicators) T&D структуры в компании (целого T&D отдела, департамента или одного сотрудника, или даже половины сотрудника, если он занимается чем-то помимо обучения персонала). Эти показатели показывают, как T&D отдел использует вверенные ему ресурсы, например, как быстро он реагирует на запрос бизнеса и создает программу, которая решает бизнес-задачу, или насколько внутренние клиенты довольны сервисом T&D структуры.

3 группа – показатели эффективности конкретных T&D программ (курсов, тренингов). Они показывают, полезны ли программы, которые создает и проводит T&D отдел, для бизнеса.

Показатели оперативной деятельности системы обучения и развития персонала относятся прежде всего, к внутренним специалистам по обучению. Какой бюджет на обучение освоен, сколько человек обучено («покрытие» персонала обучением), сколько методов обучения и развития используется – это не про эффективность, а про деятельность. В отрыве от других показателей эти ровным счетом ничего не стоят.

Показатели оперативной деятельности полезно считать в двух случаях:

- если они отслеживаются в динамике в рамках одной компании, при этом компания осознает, к чему она стремится - к понижению или повышению показателя, на сколько процентов в год. При подсчете показателей деятельности важно создавать план конкретных действий, что нужно предпринять, если показатель «пополз» не туда;
- если показатели деятельности сравниваются с такими же по рынку (бенчмаркинг). За рубежом все HR и T&D делают это. Бенчмаркинг - важнейший фактор при определении стратегии обучения, а также определении нужных ресурсов. Например, если в среднем по рынку бюджет на обучение 1 человека 20 000 рублей, а у Вас меньше, Вы либо увеличиваете бюджет, либо выбираете стратегию на использование внутренних ресурсов обучения. А если обнаружится, что Вы инвестируете в обучение больше среднего по рынку, можно говорить об этом потенциальным кандидатам и укреплять тем самым бренд компании, как работодателя.

Ключевые показатели эффективности (KPI) обучения относятся больше к заботе внутренних специалистов по обучению, но провайдеры обучения играют весомую роль в их достижении и подсчете.

Эксперты Trainings.ru собрали коллекцию KPI из разных источников: книг, интернет-сайтов, бесед с HR и T&D специалистами проводимых исследований (таблица 1).

Таблица 1

Ключевые показатели эффективности обучения (по данным сайта Trainings.ru)

Показатель	*Как считать и как он показывает эффективность*
No show (неявка участников).	Процент НЕявки на аудиторные занятия – отношение НЕпришедших к подтвердившим свое участие в тренинге.

	Должен стремиться к 0 %.
% переноса дат очных занятий от общего количества занятий. *Этот KPI иногда зависит и от провайдера*	Должен стремиться к нулю.
Проходимость e-learning курсов. *Этот KPI напрямую зависит от работы разработчика e-learning курсов.*	Отношение пройденных до конца курсов к начатым. Подсчитывается только для необязательных к прохождению e-learning курсов. В России с этим показателем проблема – сотрудники начинают и бросают курс, потому что он не интересный, медленно грузится, не интерактивный, не информативный и пр.
Текучка поставщиков.	Отношение «отбракованных» провайдеров к общему числу подписанных договоров с провайдерами. Лучше считать в периоде больше года – 2 или 3 года. Показывает, насколько качественно проведен отбор и адаптация поставщиков.
Срок вывода новой программы. *Этот KPI напрямую зависит от работы тренинговой компании, участвующей в разработке.*	Время от поступления запроса от бизнеса (в любом виде) до пилота программы. Зависит от сложности программы, но срок должен быть сокращен до минимума при сохранении качества.
Процент программ, оцениваемых по системе Киркпатрика/Филипса.	Есть показатели, к которым рекомендуют стремиться Киркпатрик и Филипс: по 1-у уровню (обратная связь от участников) должно оцениваться 80 – 100 % программ; по 2-у (объем освоенных ЗУН) – 40 – 60 %; по 3-у (посттренинговое поведение участников в рабочей обстановке) – 30 %; по 4-у (конкретные результаты) – 10 – 20 %; по 5-у (возврат на вложенный капитал) – 5 – 10 % от общего числа проведенных программ.
Процент продвижения участников программ по развитию кадрового резерва в течение года по завершении программы.	Идеальный показатель – 100 %.
Текучка кадров до окончания программы по развитию талантов и в течение 2-х лет после нее.	Идеальный показатель – 0 %.
Индекс вовлеченности топ-менеджеров.	100 % топ-менеджеров должны N раз в год (определяет компания) поддержать обучение компании в различных видах: как ученик, как преподаватель, ментор, коуч, в виде мотивирующих на обучение цитатах или статьях в корпоративных или внешних СМИ.
Количество сотрудников, успешно сдавших тесты (экзамены, зачеты) по завершении курсов. *Этот KPI напрямую зависит от работы тренинговой компании, вернее, ее тренера.*	Идеальный показатель – 100 %. Что такое «успешно сдали» определяет сама компания.
Развитие компетенций.	Улучшение оценок по компетенциям в целом по компании. Например, средняя оценка компетенции «Лидерство» по компании – 3 из 5 возможных, а после проведенного обучения – 4,5 из 5 возможных.
Загрузка корпоративного тренера.	Скорее говорит об эффективности использования тренерского ресурса (недозагрузка или перегрузка). Считается, что есть оптимальная – 1 тренинг в неделю (одно- или двухдневный).

Показатели эффективности T&D программ (курсов, тренингов) включают специфические для каждой организации бизнес-показатели, т. к. тренинги и семинары проводятся в компаниях для решения конкретных бизнес-задач (по крайней мере, так должно быть). Поэтому в данную группу метрик входят

– текучесть персонала;

– индекс удовлетворенности клиентов компании;

– показатель абсентеизма персонала;

– частота несчастных случаев;

– индекс удовлетворенности персонала;

– привлечение новых клиентов (индекс притока новых клиентов);

– повышение производительности;

– рост доли рынка компании;

– сокращение издержек;

– ... и другие бизнес-показатели, важные для компании на настоящий момент.

Подобные показатели относятся к общекорпоративной эффективности, на них влияет не только T&D. Тем не менее во многих компаниях именно их достижение ставят во главу угла при проведении конкретных программ по обучению или комплекса программ [10].

Российская практика измерения экономической эффективности корпоративного обучения находится в стадии становления. Однако исследователи и практики уже сейчас представляют весьма интересные данные.

В. Потребич исследовал динамику изменения объемов продаж у 72 продавцов-консультантов ТД «Техносила» после проведения традиционного тренинга продаж (таблица 2).

Таблица 2

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов [5]

Показатели	***1 месяц***	***2 месяц***	***3 месяц***
Количество продавцов, увеличивших объемы личных продаж	94 %	90 %	32 %
Увеличение объема личных продаж	12-117 %	8-186 %	12-47 %
Прирост по суммам выписанных чеков	16-86 %	14-48 %	Без изменений

Из таблицы видно, что экономический эффект от тренинга достигает своего максимума в течение первых двух месяцев, а затем стабилизируется.

Значимость результатов исследования подчеркивает и тот факт, что такие переменные, как ассортимент, своевременные и эффективно выстроенные, регулярно проводимые рекламные акции, система оплаты труда; конкурентоспособная цена на товар, не имели существенных колебаний (скачков) на протяжении всего периода анализа пред- и послетренингового периода. В расчет также принималась поправка на сезонность продаж [5].

Руководство компании ОАО «Сибирьтелеком», неоднократно отмечавшееся в конкурсах «Российская организация высокой социальной эффективности», хорошо понимает значение базовой подготовки персонала, а также способности персонала быстро адаптироваться в изменяющейся обстановке, эффективно использовать имеющиеся знания и практические навыки и постоянно приобретать новые.

Работа с персоналом в данной организации строится на системной основе и в соответствии с выработанной и четко продуманной политикой «Обучения и развития персонала», которая предопределяет порядок работ по планированию, организации и оценке эффективности обучения и развития работников. Данная политика предусматривает последовательность выполнения и содержания следующих действий:

– определение потребности в обучении;

– годовое планирование обучения;

– оперативное планирование обучения;

– организация самого процесса обучения;

– оценка эффективности обучения.

Серьезно прорабатываются базовые принципы указанной программы, основными из которых являются:

– обоснованность и целесообразность обучения и развития;

– направленность на поддержание и повышение квалификации в рамках специальности, а также на смену квалификации работника;

– приоритетность внутреннего обучения перед внешним обучением;

– использование современных образовательных технологий и методик обучения;

– соблюдение непрерывности обучения и развития;

– обязательность и комплексность оценки эффективного обучения;

– строгое соблюдение ответственности руководителей за обучение подчиненного персонала.

Принцип «Обоснованность и целесообразность обучения и развития» предполагает, что обучение и развитие персонала должно быть направлено на решение актуальных задач и на удовлетворение потребностей компании в повышении квалификации работников. Именно это обеспечивает высокий профессионализм в работе. При этом большое значение придается оценке компетенций, учету стратегических целей и производственной необходимости. Поэтому данное условие и является основой при планировании обучения и развития каждого сотрудника компании.

Принцип «Направленность на поддержание и повышение квалификации в рамках специальности, а также на смену квалификации работников» предполагает, что процессы обучения и развития обеспечивают поддержание, повышение квалифика-

ции сотрудников не только в рамках конкретной должности, а также возможную смену квалификации.

В соответствии с *принципом «Приоритетность внутреннего обучения перед внешним обучением»* в ситуации возможности выбора между внутренним обучением, т. е. на рабочем месте, в учебных центрах ОАО и внешним – в сторонних организациях, приоритет отдается внутреннему обучению. Практика данной организации показывает, что подобный подход является более эффективным.

Принцип «Ориентация на использование современных образовательных технологий и методик обучения» направлен на обеспечение выбора форм, программ и курсов обучения, в которых применяются современные и проверенные на практике образовательные технологии и методики обучения, что становится залогом качественного обучения.

Принципу «Непрерывности обучения и развития» придается в организации также большое значение, т.к. он направлен на то, чтобы обучение и развитие персонала было постоянным, а не от случая к случаю, и осуществлялось непрерывно как в профессиональной деятельности, так и в условиях специально организованного процесса обучения.

Кроме вышерассмотренного, важное место в системе обучения и развития персонала отводится *принципу «Обязательность и комплексность оценки эффективного обучения»*, который предполагает, что любое проведенное обучающее мероприятие должно получать оценку на предмет его эффективности.

Серьезное значение в системе обучения и развития персонала в ОАО придается *принципу «Ответственность руководителей за обучение подчиненного персонала»*, утверждающему, что руководители несут персональную ответственность за организацию и проведение мероприятий по обучению и развитию подчиненного персонала.

Политика обучения и развития ОАО кроме корпоративного обучения использует централизованное, а также региональное обучение. Организатором и инициатором централизованного обучения является генеральная дирекция ОАО, и предназначено оно для руководителей и работников генеральной дирекции и филиалов. Региональным обучением на местах (по месту фактического расположения филиала) охвачены работники аппарата управления и структурных подразделений филиалов ОАО. Кроме того, имеется в виду и участие работников Общества в открытых семинарах, тренингах, конференциях и т.п. Следует обратить внимание и на то, что политика «Обучения и развития персонала» предусматривает оценку компетенций на соответствие требованиям занимаемых должностей. В организации существует специальная программа «Оценка компетенций», что тоже помогает в работе по обучению и развитию персонала. В процессе непосредственного обучения работник предприятия изучает программу обучения, выполняет конкретные требования и задания, которые предъявляет ему преподаватель или инструктор в соответствии с программой и целями обучения. Закончив обучение, обучаемый заполняет «Анкету обратной связи», в которой обучаемым фиксируется оценка программы или курса. Продуманная и четко организованная политика «Обучения и развития персонала» обеспечивает развитие творческого коллектива, высокий профессионализм, эффективную работу компании в целом, удовлетворенность большинства сотрудников и многое другое. А все вместе взятое создает благоприятную социально-психологическую атмосферу в коллективе, обеспечивает стабилизацию кадрового состава предприятия и неуклонно растущий профессионализм [3].

Еще одной российской организацией, где уже несколько лет успешно функционирует собственный центр обучения, результатом деятельности которого стало не только повышение квалификации сотрудников, но и положительная динамика ряда кадровых и экономических показателей, является торговая сеть «Азбука Вкуса». Идея создания собственных программ подготовки персонала появилась у «Азбуки Вкуса» с первого дня создания торговой сети. На тот момент основная задача состояла в том, чтобы сформировать у покупателей имидж «премиальной» розничной сети, которую, помимо широкого ассортимента и безупречного качества товаров, отличают высокий уровень обслуживания, доброжелательность и компетентность персонала.

С 2005 года компания начала готовить сотрудников супермаркетов в собственном центре обучения. На сегодняшний день это крупный учебный центр, общая площадь которого составляет 400 кв. м. Центр включает четыре учебных класса различного формата, которые могут моделироваться в зависимости от формата проведения мероприятия - тренинг ли это, или семинар.

Главная цель компании заключалась в том, чтобы в любом супермаркете сети покупатель получал одинаково высокий уровень сервиса. При этом человек, приходя в «Азбуку Вкуса», не должен ощущать разницы в качестве обслуживания между опытным продавцом и стажером. Такой результат можно гарантировать только при условии, что компания уделяет большое внимание именно первому этапу подготовки, когда сотрудник супермаркета только готовится к выходу в торговый зал. А плотный учебный график начального обучения позволяет, помимо прочего, проводить своего рода диагностику новых сотрудников на предмет определения потенциала для их дальнейшего развития в рамках компании.

Система подготовки торгового персонала в «Азбуке Вкуса» имеет несколько уровней. Первый – базовый. К базовому (начальному) уровню относится тренинг «Клиентоориентированный сервис», который является наиболее общим курсом, определяющим основы поведения торгового работника в супермаркете, его взаимодействия с покупателем, стандарты качества обслуживания.

Второй, более высокий уровень взаимодействия с покупателем, прорабатывается на тренинге «Активные продажи». Здесь от персонала требуется вы-

сокая квалификация. При разработке данной программы использовались реальные рабочие ситуации, которые возникают в процессе обслуживания в торговом зале. В состав данных учебных программ входят специально разработанные кейсы и ролевые игры.

Описываемые тренинги ведут не приглашенные специалисты, а только штатные сотрудники компании, которые работали в торговых залах в качестве продавцов и имеют большой опыт работы с персоналом. Важно подчеркнуть, что человек, устраивающийся на работу в супермаркет сети, как правило, видит перед собой несколько перспектив: он может стать мерчендайзером, продавцом-наставником или экспертом. Под каждое из этих направлений компания имеет свои учебные программы.

Конечную эффективность обучающих программ можно оценить в цифрах. Так, например, в «Азбуке Вкуса», в период с 2006 по 2008 год, квалификация персонала в сети выросла на 22 %. При этом производительность труда – на 60 %. Помимо этого, повышение квалификации сотрудников прямо сказывается на снижении уровня текучести. По подсчетам компании, текучесть среди сотрудников, имеющих высшую квалификацию (в «Азбуке Вкуса» это продавцы первой категории), составляет всего порядка 20 %. Для розницы это очень хороший показатель. Для сравнения: этот же показатель для сотрудников третьей категории – около 80 %. Таким образом, обучающие программы – это не только инструмент повышения квалификации персонала, но и возможность сократить текучесть, что в целом положительно влияет на производительность организации. Даже несмотря на то, что проблема кадрового голода стоит сейчас не так остро, как до кризиса, уровень квалификации приходящих сотрудников по-прежнему низкий. Зачастую люди, приходящие на должность «продавец-кассир», расценивают свою работу как временную. В силу целого ряда причин (российского менталитета, сложившегося неуважения к профессии продавца и т. п.), люди готовы часто менять не только место работы, но и профиль своей деятельности.

Внедрение таких программ актуально сегодня не только для компаний, работающих в сегменте «премиум», но и для всех розничных операторов, которые в условиях кризиса вынуждены бороться за каждого покупателя. Эксперты прогнозируют: по окончании кризиса на розничном рынке останутся лишь 25 % тех игроков, которые существовали на нем ранее. Безусловно, при одинаковом качестве предоставляемого товара среди оставшихся будут те, кто предложил покупателям лучший уровень сервиса [12].

Минимизировать текучесть среди новых сотрудников организации, облегчить их адаптацию в коллективе и максимально ускорить освоение необходимых профессиональных знаний, умений и навыков, наряду с другими формами обучения, может помочь такая форма обучения и развития персонала, как наставничество. Наставничество осуществляется путем передачи необходимых знаний, умений и навыков от более опытного поколения работников предприятия к молодым работникам. Основной принцип наставничества: каждый молодой работник, впервые поступивший на работу, закрепляется на определенный срок за опытным работником, имеющим высокий уровень профессионального мастерства.

Существуют определенные этапы адаптации на предприятии. Первый – от одной до двух недель – ознакомительный. В этот период сотрудник просто знакомится с компанией, особенностями производства, сотрудниками. Второй – до трех месяцев – обучающий. Сотрудник усваивает стандарты и правила работы на новом месте. Третий – до полугода, – в течение которого происходит «вживание» новичка в компанию. Сотрудник расслабляется психологически и начинает осваивать профессиональное пространство. И на всех этих этапах ему необходим наставник. На двух первых этапах процесс идет интенсивно, а на третьем – по необходимости.

Основными задачами системы наставничества являются:

– помощь в производственной и социальной адаптации молодым рабочим и специалистам в трудовом коллективе; адаптация к корпоративной культуре, усвоение традиций и правил поведения в компании;

– соблюдение требований трудовой дисциплины; развитие у новых сотрудников позитивного отношения к работе, предоставление им возможности быстрее достичь рабочих показателей, необходимых компании;

– экономия времени руководителей подразделения на обучение новых работников;

– предоставление наставникам возможности карьерного роста, поощрение за хорошую работу, признание их заслуг перед компанией;

– формирование чувства ответственности за судьбу предприятия, высоких нравственных качеств, повышение общеобразовательной и профессиональной подготовки для высокопроизводительного труда;

– снижение текучести персонала и связанных с ней финансовых потерь;

– повышение качества подготовки и квалификации персонала; создание условий для скорейшего становления квалифицированного и технически грамотного персонала.

Некоторые из поставленных задач решаются на практике путем делегирования наставникам части функций по обучению и адаптации новых сотрудников. Им могут быть вменены в обязанности следующие задачи:

– знакомить новичков с компанией (ее миссией, ценностями, историей, структурой; корпоративной культурой; принятыми на предприятии нормами и правилами поведения; перспективами карьерного роста);

– знакомить с подразделением (показывать расположение производственных, служебных и бытовых помещений, рабочих мест сотрудников; проводить инструктаж по технике безопасности; знакомить с коллективом);

– вводить в должность (знакомить с основными обязанностями, требованиями, предъявляемыми к профессионалу; проводить необходимое обучение; контролировать и оценивать самостоятельное выполнение сотрудниками рабочих операций в течение всего адаптационного периода);

– обеспечивать соблюдение стажерами правил внутреннего трудового распорядка, охраны труда и техники безопасности;

– формировать необходимые для эффективной подготовки кадров условия, при необходимости ходатайствовать перед администрацией об их создании;

– разрабатывать совместно с новым сотрудником индивидуальный план на весь испытательный период; давать конкретные задания с определенным сроком их выполнения и предполагаемым конечным итогом; контролировать работу, оказывать необходимую помощь;

– на собственном примере демонстрировать образец требуемого исполнения должностных обязанностей и соблюдения организационной культуры;

– изучать профессиональные и личностные качества стажера, его способности, помогать ему в поддержании деловых взаимоотношений с коллективом и руководителями разных уровней;

– подводить итоги стажировки: совместно с руководителем подразделения заполнять лист оценки нового сотрудника с заключением о результатах прохождения испытательного срока, с предложениями по дальнейшей работе; передавать лист в службу управления персоналом.

Система наставничества предусматривает:

– формирование контингента наставников (кураторов). Подбор при этом основывается на трех «одновременных и первичных критериях» – занимаемой должности, стажа работы и личного желания;

– определение диапазона наставничества, который отражает количество подопечных (курируемых), находящихся у одного наставника. Чаще всего используется диапазон 1:1, что ориентирует наставников на качественный уровень передачи опыта работы;

– регламентирование системы наставничества с помощью базового документа. Данный стандарт рассматривает также вопросы обеспечения системы морального и материального стимулирования наставничества;

– организация повышения квалификации кураторов (проведение различных собраний, совещаний, учебных семинаров по обмену опытом наставников).

Следует отметить, что наставник является одной из ключевых фигур в процессе адаптации. Исходя из этого, руководство предъявляет особые требования к наставникам. Они должны быть высококвалифицированными специалистами; иметь желание и способности к обучению людей; обладать такими личностными качествами, как терпимость, спокойствие, организованность, тактичность; пользоваться уважение в коллективе.

Наставничество, как индивидуальное или коллективное шефство опытных рабочих над молодыми или их группами, является не только эффективной формой адаптации и обучения нового персонала и развития кадрового резерва компании, но и результативным методом удержания и мотивации персонала [7].

Обучение и развитие сотрудников организации является одной из важнейших инвестиций, способной не только окупить затраченные средства, но и обеспечить сверхприбыль предприятию. В данной статье рассмотрены основные формы обучения в организациях, способствующих повышению эффективности работы человеческих ресурсов, позволяющих компаниям быстро и гибко подстраиваться под меняющиеся условия рынка, повышать стандарты производства и качества обслуживания, а также эффективность работы всего предприятия в целом. Каждая конкретная организация вправе сама выбирать для себя более подходящие формы обучения и повышения компетентности своих сотрудников. Если исходить из опыта наиболее успешных фирм, приоритетным направлением обучения сотрудников является именно внутрикорпоративное обучение и развитие персонала, с использованием таких его форм как навыковый бизнес-тренинг, семинары и бизнес-сессии, наставничество, осуществляемое более квалифицированными сотрудниками на местах.

Литература

1. Горбатова, М. М. Методы управления персоналом / М. М. Горбатова. – Кемерово, 2002. – 316 с.

2. Гришакова, Н. Исследования CLO и Trainings INDEX оценки эффективности обучения / Н. Гришакова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rhr.ru/index/law/consultation/13956.html.

3. Калашникова, Л. Система обучения и развития персонала в ОАО «Сибирьтелеком» / Л. Калашникова, Д. Попович // Служба кадров и персонал.– 2009. – № 5. – С. 67 – 71.

4. Кобзева, В. Руководителю об обучении персонала: дизайн посттренинга / В. Кобзева – М.: Добрая книга, 2006. – 456 с.

5. Костицын, Н. А. Эффективность корпоративного обучения / Н. А. Костицын. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hr-portal.ru/article/effektivnost-korporativnogoobucheniya.

6. Оценка эффективности обучения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.smart-edu.com/index.php/biznes-trening-seminar-kursypovysheniya-kvalifika/otsenka-effektivnostiobucheniya.html.

7. Попович, Д. Наставничество как форма адаптационного обучения / Д. Попович // Служба кадров и персонал.– 2009. – № 10. – С. 57 – 61.

8. Симбирёва, А. Л. Внутрифирменное обучение: теория и практика осознанной необходимости / А. Л. Симбирёва. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hr-hunter.com/lib/practicum/28.

9. Сорока, В. А. Критерии оценки эффективности внутрифирменного обучения / В. А. Сорока. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ubo.ru/ articles/? cat=111&pub=2997.

10. Ужакина, Ю. Б. Оценка эффективности обучения: что, как и зачем оценивать. Доклад на X Конференции СПб Клуба консультантов и тренеров / Ю. Б. Ужакина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.treko.ru/show_article_1643.

11. Фей, К. Ф. Исследование эффективности управления персоналом в иностранных компаниях в России / К.Ф. Фей, М. Либо, С. Моргулис-Якушев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cfin.ru/press/ pmix/2001-4/06.shtml.

12. Цуканова, Е. Опыт сети «Азбука Вкуса». Система подготовки торгового персонала / Е. Цуканова // Современная торговля.– 2009. – № 8. – С. 6 – 8.

13. Шмаленбах, М. Оценка эффективности тренинга / М. Шмаленбах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hr-portal.ru/article/otsenka-effektivnosti-treninga-2.

УДК 159.947.5:355.133.4

ИССЛЕДОВАНИЕ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПЕРЕЖИВШИХ БОЕВОЙ СТРЕСС

А. А. Устюганов

INVESTIGATION OF THE SENSE SPHERE OF SERVICEMEN EXPERIENCED THE BATTLE STRESS

A. A. Utuganov

В работе проанализированы основные теоретические и практические подходы к изучению смысловой сферы военнослужащих, переживших боевой стресс. В данном контексте охарактеризована смысловая сфера личности как особым образом организованная совокупность смысловых образований, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах.

In work the basic theoretical campaigns to studying semantic sphere of military men survived fighting stress are investigated. Semantic sphere of the person as the organized set of semantic formations provides with special image semantic regulation of complete ability to live of the subject all his aspects.

Ключевые слова: боевой стресс, посттравматическое стрессовое расстройство, смысловая сфера, смысл, ценностные ориентации.

Key words: battle stress, post-traumatic stress disorder, sense sphere, sense, value orientations.

Экстремальная обстановка, сталкивая человека с новым, непривычным, порой резко выходящим за пределы обычных явлений опытом, ставит перед ним задачу определения смысла происходящих событий и своего отношения к ним. Формирование личностного смысла происходит в процессе совершаемых им самим деяний или того, что происходит с ним и другими. Сложность заключается в том, что из-за постоянной изменчивости и неопределенности ситуации, а также наличия ценностей, не соотносимых с экстремальной обстановкой, человек оказывается в состоянии ступора, он никак не может найти удовлетворительный устойчивый смысл своей жизненной ситуации и определить свое отношение к происходящему, вследствие чего возникает ощущение бессмысленности происходящего.

Противостояние терроризму, незаконным вооруженным формированиям на Северном Кавказе показало, что неудачи в сложных служебно-боевых ситуациях, помимо тактических и организационных просчетов, отсутствия необходимого профессионального опыта, связаны с ухудшением психологического состояния военнослужащих.

Боевые действия являются всесторонним испытанием для военнослужащих, выполняющих свое предназначение в региональных и локальных военных конфликтах. Трагические последствия войн не исчерпываются множеством убитых, раненых и изувеченных людей. В структуре боевых поражений значительное место занимает боевой стресс. Он значительно ослабляет боеспособность войск. Факторы боевой обстановки оказывают сильнейшее психотравмирующее воздействие, грубо нарушая баланс между адаптационными механизмами и внешним миром, что и определяет специфичность возникающих стрессовых расстройств. Признаки посттравматических стрессовых расстройств сохраняются на протяжении многих лет и даже десятилетий после участия в боевых действиях.

В нашей стране, вовлеченной последние два десятилетия в череду локальных конфликтов, количество людей, перенесших боевую психическую травму, неуклонно возрастает. В их число входят не только военнослужащие, но и мирное население, огромное количество беженцев, а также родных и близких жертв войны. Поэтому реальная оценка по-

следствий боевого стресса уже не поддается учету. В своей статье мы остановимся на рассмотрении особенностей смысловой сферы военнослужащих, переживших боевой стресс.

Исследование психологических механизмов переживания стрессового события является одной из важнейших задач современной психологии. Сегодня она приобретает особую значимость не только в связи с ростом в различных регионах планеты природных и антропогенных катастроф, «горячих точек» и террористических актов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки современных подходов к профилактике состояний психологической адаптации и повышению стрессоустойчивости в чрезвычайно напряженных условиях служебно-боевой деятельности.

Несмотря на растущий интерес к этому вопросу, психология до сих пор не располагает сформированной системой представлений относительно механизмов переживания мотивационно-смысловой сферы при воздействии боевого стресса.

Изучение боевого стресса началось с публикации работы Якоба Да Коста, в которой описывался комплекс, включавший боль в груди, тахикардию, нарушения ритма, одышку, головную боль и головокружение, слабость и диарею у участников Гражданской войны в Соединенных Штатах Америки [13]. Применявшийся тогда термин «солдатское сердце» – первый предшественник боевого стресса и посттравматического стрессового расстройства. Этиология этих нарушений оставалась неясной, но чаще всего потерю боеспособности в то время объясняли слабодушием и трусостью.

Невозможно переоценить вклад, который внес К. Ясперс в развитие взглядов на механизмы развития психогенных расстройств [12]. Сформулированные им критерии диагностики реактивных состояний включают:

– возникновение этих расстройств под действием психических травм;

– понятная связь их содержания с психотравмирующим переживанием;

– исчезновение реакции после устранения причины. В дальнейшем эти критерии были дополнены.

В отечественной психологии проблема боевого стресса практически не изучалась, психические нарушения участников войн в начале двадцатого века обратили внимание на расстройства, возникающие вследствие боевых взрывных поражений. «Контузионные (травматические) психоневрозы» рассматривались как особая форма заболеваний военного времени [4, 7].

Во время Великой Отечественной войны в Красной армии психогенные нарушения встречались вообще очень редко, а психотравматический фактор не имел ведущего значения в связи с «особенностями психологии советских людей». Такие выводы базировались на результатах официальной статистики, в которой все многообразие психических расстройств у пострадавших на войне обозначалось «контузией».

Боевые действия Советских войск в Афганистане послужили толчком к началу изучения в нашей стране боевой психической травмы. В 1989 году создана организация под названием «Союз ветеранов Афганистана» и психологическая служба Союза ветеранов Афганистана [5].

Психологическая служба Союза ветеранов Афганистана развернула научно-практический лозунг: «Посттравматическое стрессовое расстройство в СССР» и начала активную просветительскую работу среди самих ветеранов-«афганцев», населения, в СМИ, разъясняя, что, если у ветеранов возникают психологические проблемы, они не являются больными шизофренией, а страдают от боевого стресса [5].

В экстремальной обстановке и после выхода из неё человек пытается интегрировать свой жизненный опыт в целостную структуру. Неудача в объединении травматического опыта является одним из факторов травматического стрессового синдрома.

После воздействия на человека боевого стресса происходит изменение психической системы в целом, а в некоторых случаях трансформируется структура личности. Мы выделяем два вида этих изменений – регрессивные и прогрессивные изменения личности. В первом случае наблюдаются негативные личностные изменения, приводящие к дезорганизации личностной структуры и дезадаптации поведения – это посттравматическая дезорганизация личности, в частности, детерминирующая посттравматическое стрессовое расстройство при наличии определённых дополнительных внутренних и внешних факторов.

Во втором случае последствия экстремального опыта могут проявляться не только в эффективной адаптации к мирной жизни, но и в творческом развитии личности, формировании гуманистических личностных новообразований, понимании ценности жизни, духовном развитии – это посттравматическое развитие и рост личности.

Посттравматическое стрессовое расстройство имеет процессуальную динамику, ход развития которого условно можно разделить на пять стадий, каждая из которых характеризуется рядом признаков.

Первая стадия – мобилизация. На этой стадии, протекающей в самой травматической ситуации, происходит реадаптация от обычной жизни, возникает трансформация личности, формируется адаптация поведения к экстремальным обстоятельствам. При адаптации к жертвам, разрушениям, инстинкт самосохранения и выживания выходит за пределы обычного жизненного опыта, личность человека подвергается тяжелым психологическим нагрузкам. Формируется сильная мотивация совершаемых поступков в чрезвычайной обстановке и возникает новый жизненный опыт.

Вторая стадия – иммобилизация. Человек выходит из экстремальной обстановки, окружающий мир не предъявляет к нему требований. Возникают но-

вые проблемы, отличающиеся от тех, которые человек решал на стадии мобилизации. Личность пытается реадаптироваться от боевой обстановки и интегрироваться в жизнь, но интеграция в социум при развитии посттравматического стрессового расстройства блокируется, затормаживается. С момента, когда личность не подвержена воздействию боевой обстановки, отпадает и необходимость в крайних формах мобилизации. Иммобилизация проявляется в так называемом «психологическом ступоре». При возникновении психологического ступора осознание целей и смысла собственной жизни находится в пространстве, происходит сбой смысложизненных ориентаций, наблюдается аффективная блокада психических процессов и может наблюдаться временная потеря трудоспособности и отчуждение от социума.

Третья стадия – агрессия. У военнослужащих отмечаются тревожные расстройства, чувство вины, суицидальные мысли, возбудимость, агрессивное поведение и представление агрессивных действий, навязчивые воспоминания о пережитом, овладевающие представления, нарушение концентрации внимания, расстройства сна, недоверие и выраженное стремление избегать общения с врачами, астения, характерологические изменения [1]. В период стадии агрессии происходит деформация смысла жизни, возникают идеи мести до фанатизма, милитаризация смысла жизни. Поведение во всех сферах жизнедеятельности изменяется. Человек не в силах контролировать события собственной жизни, отчужденность, неверие в свои силы, игнорирование гуманистических ценностей.

Четвертая стадия – депрессия. Личность испытывает чувство вины, подавленность, плохое настроение, отсутствие сил. Характерными признаками смысловой сферы является смыслоутрата, истощение личностного образа своего «Я». Так, по мере утраты смысловой мотивации на участие в войне нарастает частота и выраженность стрессового расстройства.

Пятая стадия – восстановление. Происходит у тех военнослужащих, которые преодолевают, под влиянием внутренних и внешних факторов, хронический процесс воздействия боевого стресса, интегрируются в жизнь, творчески реализуют себя в различных сферах жизни, переоценивают жизненные ценности [6].

Смысложизненный аспект переживания боевого стресса исследовался с использованием теста смысложизненных ориентаций, разработанного и адаптированного Д. А. Леонтьевым на основе теста PIL (Purpose-in-Life Test) Дж. Крамбо и Л. Т. Махолика. Методика представляет собой 20 симметричных шкал состоящих из пары целостных альтернативных предложений с одинаковым началом [3].

Показатели теста включают в себя общий показатель осмысленности жизни и пять субшкал, отражающих три конкретные смысложизненные ориентации и два аспекта локуса контроля:

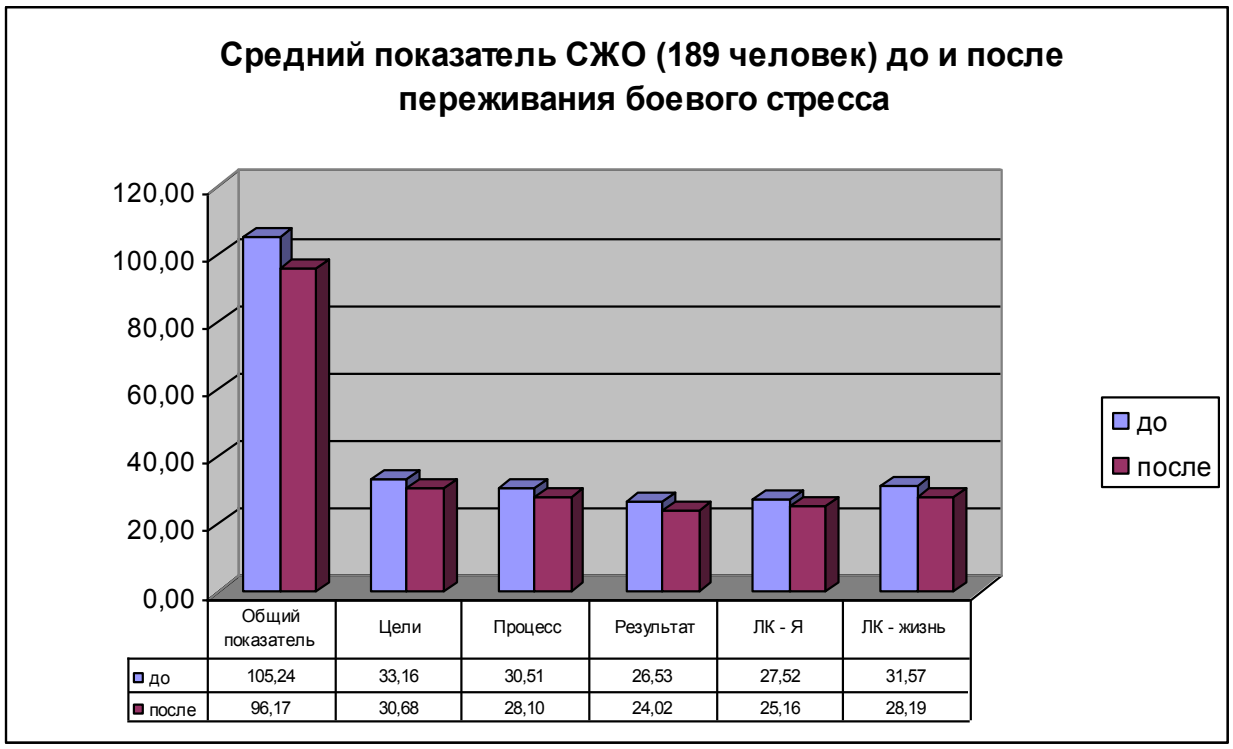
1. «Цели в жизни».
2. «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность».
3. «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией».
4. «Локус контроля – Я».
5. «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни».

В процессе исследования целенаправленно обследовано и протестировано 189 военнослужащих отряда специального назначения, по прибытии в командировку на Северный Кавказ и после 4 месяцев проведения специальных операций по уничтожению незаконных вооруженных формирований. Данные и динамика развития отражены в таблице. Возраст обследуемых – от 20 до 36 лет. У всех испытуемых приблизительно одинаковый материальный достаток и социальное положение: 32 % – состоят в браке, 30 % испытуемых имеют высшее образование, 28 % – полное среднее образование, 42 % – среднеспециальное образование. До момента обследования каждый из испытуемых неоднократно проходил обязательное тестирование у военного психолога. Первую и вторую группу составили 189 человек.

Сравнение структуры смысложизненных ориентаций в первой и во второй группе демонстрируют низкие показатели по всем шкалам теста; во второй группе после переживания испытуемыми боевого стресса.

Полученные данные показывают, что исследуемые первой группы, до воздействия на них боевого стресса, характеризуются общим высоким интересом к смыслу жизни, ощущением ее насыщенности, удовлетворенностью настоящим, способностью контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их. Боевой стресс инициирует процессы переосмысления основных жизненных ценностей и понятий. Исследуемые второй группы, пережившие боевой стресс, склонны воспринимать свою жизнь как лишенную смысла, в отличие от исследуемых первой группы. Испытуемых второй группы отличают низкая удовлетворенность своей жизнью в настоящем, восприятие процесса своей жизни как малоинтересного и эмоционально ненасыщенного, неудовлетворенность прожитой частью жизни, а также отсутствие веры в возможность свободы выбора.

Личностные изменения могут появляться как после острых стрессовых и постстрессовых расстройств, так и без предшествовавших симптомов посттравматического стрессового расстройства.



	Общий показатель	Цели	Процесс	Результат	ЛК - Я	ЛК - жизнь
до	105,24	33,16	30,51	26,53	27,52	31,57
после	96,17	30,68	28,10	24,02	25,16	28,19

Наблюдения за процессом адаптации военнослужащих, принимавших участие в локальных войнах, подтвердили большое значение социальных факторов для послевоенной адаптации. Среди них особенно важны доминирующие в обществе представления о войне и ее участниках, понимание близкими проблем военнослужащих, особенности восприятия окружающими их защитно-адаптивного поведения, государственная поддержка ветеранов, признание их заслуг [6].

Боевой стресс – это частная разновидность стресса, формирующаяся вследствие воздействия комплекса патогенных факторов боевой обстановки. Среди них выделяются:

– длительная и малопрогнозируемая, непосредственная и эмпирически наглядная угроза жизни и благополучию индивида и его близких;

– значительно превосходящие повседневный уровень по длительности и интенсивности психические и физические нагрузки;

– психогенные влияния ранений, травм и заболеваний;

– переживание наблюдаемых случаев гибели людей;

– утраты друзей и близких [7].

Описывая состояние дезадаптации личности военнослужащих, переживших боевой стресс, авторы отмечают в нем регулирующую функцию ценностных ориентаций, подтверждают недостаточную сформированность эмоционально-смыслового опыта, устойчивых смысловых отношений у личности в состоянии дезадаптации, упрощенность и поляризованность содержательной структуры мотивов [6, 7].

Смысл – чрезвычайно объемное понятие, которое занимает немаловажное место во многих гуманитарных науках. Как явление он имеет экстралингвистическую природу, является результатом понимания, принадлежит сфере сознания. Смысл рассматривается как индивидуальное психическое образование, факт сознания, который характеризуется отношением к другим фактам психической жизни. Регулирующая функция смысла и влияние смысложизненных ориентации на адаптацию личности определяет реализацию ее взаимоотношений с миром, специфику, уникальность и направленность жизненного пути. Смысловая сфера личности как особым образом организованная совокупность смысловых образований обеспечивает смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах. Смысл жизни, имея устойчивые характеристики, формирует основу личности, систему «сдержек и противовесов», базис морально-нравственной цензуры, жизненные ценности, приоритеты [3].

Наряду с этим жизненные смыслы в той или иной степени, под влиянием различных факторов, подвержены изменениям. Одним из таких факторов является экстремальная ситуация, которая ставит перед человеком задачу критики сложившихся смыслов и выработки программы своего выживания в изменившихся условиях, переосмысления целей своего развития. Как считает М. Ш. Магомед-Эминов, экстремальная ситуация инициирует процесс переосмысления действительности, способствует переструктуризации ценностей, мотивов, смыслов. Экстремальная ситуация, обусловливая продвижение личности по пути переосмысления своей

жизни, стимулирует как мощные личностные взлеты, так и падения [5, с. 28].

С точки зрения В. Э. Чудновского, успешность реадаптации в постэкстремальный период связана с обретением «оптимального смысла жизни», «строительство» которого основано на фундаменте общечеловеческих ценностей [10, с. 16]. Если в иерархии ценностных ориентации сохранится значимость семьи, профессии, любви, здоровья, творческой активности – основных жизненных ценностей, характеризующих целостную личность, можно говорить об успешности адаптации [11, с. 12].

По нашему мнению, для предотвращения негативных последствий любых экстремальных событий, в том числе событий на Северном Кавказе, или хотя бы частичного блокирования их проявлений, необходимо официально сформулировать отношение государства и общества к ветеранам этих событий и как можно быстрее разработать действенную систему мероприятий (на уровне государственной программы) по оказанию им специализированной психологической, социальной и экономической помощи.

Подводя итог, можно выделить характеристики мотивационно-смысловой сферы личности, определяющие состояние дезадаптации, основными из которых являются: изменение содержания ведущего мотива деятельности, замена содержания ведущего мотива содержанием более низкого порядка, снижение уровня опосредованности деятельности, сужение основного круга отношений человека с миром, обеднение мотивационной сферы. Состояние дезадаптации находится между непосредственно переживаемыми смыслами, определяющими реальное поведение, и смыслами, выступающими в качестве осознаваемых, что приводит к нарушению самоконтроля и коррекции поведения.

Адаптация личности в постэкстремальных условиях детерминирована особенностями смысловой сферы, связанными с переживанием экстремальной ситуации. Сохранность таких ценностей, как счастливая семейная жизнь, любовь к близким, творчество, познание, интересная работа, интеграция экстремального смыслового опыта в систему жизненных смыслов и ценностей в обычных условиях, активное прогнозирование будущего обусловливают наличие оптимального смысла жизни у таких личностей. Смысловая интеграция гуманистических ценностей позволяет военнослужащему интегрировать экстремальный смысловой опыт в систему жизненных смыслов.

Таким образом, в структуре боевого стресса выделяются особенности ценностно-смысловой и мотивационной сферы личности. Посттравматическое стрессовое расстройство также имеет свои особенности, которые характеризуются в виде различных поведенческих аномалий, нарушений в сфере межличностных коммуникаций, а также утраты ценностно-смысловой и мотивационной сферы личности. Указанные особенности ценностно-смысловой сферы следует учитывать при разработке комплекса мероприятий по психологической коррекции последствий боевого стресса и социально-психологической реабилитации военнослужащих, участвовавших в боевых действиях.

Литература

1. Александровский, Ю. А. Пограничные психические расстройства: учеб. пособие / Ю. А. Александровский. – М.: Медицина, 2000. – С. 125 – 126 с.

2. Александровский, Ю. А. Психические расстройства во время и после чрезвычайной ситуации / Ю. А. Александровский // Психиатрия и психофармакотерапия. – 2001. – Т. 3. – № 4. – С. 48 – 62.

3. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – С. 37 – 39.

4. Литвинцев, С. В. Боевая психическая травма в локальном военном конфликте: метод. пособие / С. В. Литвинцев, Е. В. Снедкоы. – М., 2003. – С. 55 – 58.

5. Магомед-Эминов, М. Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация / М. Ш. Магомед-Эминов // Вестник МГУ. Серия «Психология». – 1996. – № 4. – С. 26 – 30.

6. Магомед-Эминов, М. Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса: метод. рекомендации / М. Ш. Магомед-Эминов, А. Т. Филатов, Г. Л. Кадук. – 2-е изд, исправл. – М.: Инсайт, 2004. – С. 33 – 39.

7. Снедков, Е. В. Медико-психологические последствия боевой психической травмы: клинико-динамические и лечебно-реабилитационные аспекты / Е. В. Снедков, С. В. Литвинцев, В. В. Нечипоренко, В. М. Лыткин // Современная психиатрия. – Т. 1. – № 1 – 1998. – С. 21 – 25.

8. Ушаков, И. Б. Боевой стресс и постстрессовая адаптация участников боевых действий: сб. науч. тр. // И. Б. Ушаков, Ю. А. Бубеева; под ред. И. Б. Ушакова. – М.: ИСТОКИ, 2003. – С. 47 – 51.

9. Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – М.: Апрель-Пресс: Эксмо-Пресс, 2000. – С. 22.

10. Чудновский, В. Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни / В. Э. Чудновский // Вопросы психологии. – 2003. – № 3. – С. 3 – 18.

11. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – С.11 – 13.

12. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М.: Практика, 1997. – С. 49 – 50.

13. Jakob Da Kosta. On irritable Heart // Journal of Experimental Psychology. – 1966. – Vol. 75. – P. 23 – 31.

УДК 179.2:392.3

РОЛЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

В. В. Фалилеев

ROLE BEHAVIOR OF PARENTS AS PREVENTIVE FACTOR OF CRUEL TREATMENT WITH CHILDREN

V. V. Falileev

Проблема жестокого обращения родителей с детьми рассматривается с позиции системного подхода на основе принципов гармонии, позволяющего проанализировать механизмы возникновения конфликтных межличностных отношений в семье. Продемонстрирована необходимость культивирования полоролевой активности и возможность решать возникающие проблемы межличностных отношений посредством экологии личности как научного направления, предметом которого является духовно-нравственный потенциал человека.

The problem of cruel treatment of children by parents is demonstrated from a position of system approach on the basis of principles of harmony allowing to analyze principles of disputed interpersonal relations in a family. Necessity of bringing up gender role activity and possibility to solve arising problems of interpersonal relations on the basis of ecology of a person as the scientific direction which subject is a person's spiritual moral world is shown in the article.

Ключевые слова: семья, половой деморфизм, межличностные отношения, ролевое поведение, статус члена семьи, экология личности.

Rewords: family, sexual dimorphism, interpersonal relations, role behaviour, status of a family member, ecology of a person.

Проблема жестокого обращение с детьми в семье является одной из важнейших, поскольку речь идёт о будущем общества. Насилие является результатом сложных социально-экономических и социально-психологических процессов, которые сложились в семье под гнётом жизненных обстоятельств. Важно убедиться в причинах зарождения таких социально-психологических процессов в сознании родителей, которые привели от чувств любви, демонстрированных женихом и невестой перед входом в ЗАГС, до культивирования человеконенавистнических качеств, проявляющихся в жестоком отношении к детям.

В условиях внедряемых ценностей рыночной экономики наблюдается такое социальной явление, когда благополучная, при взгляде со стороны, семья не хочет иметь детей, проявляя при этом принципиальные позиции. Если для традиционной семьи дети – радость, счастье, залог будущего, то для этой – трагедия. Ребёнок изначально попадает в среду отторжения, в которой не может найти должной поддержки и что, несомненно, может проявляться в жёстких негативно окрашенных взаимоотношениях как между самими родителями, так и их к ребёнку, и, может быть, не одному. Дети в таких семьях являются заложниками деформированного представления его родителями о полоролевом поведении человека в обществе, представление о котором должно было бы быть воспитано с детства.

В сущности, это *нарушение закона полового деморфизма*, определяющего существование человеческого рода системой отношений «мужчина-женщина», которые приобрели извращенный характер, вытесняющий детей из этих отношений, превращая их в обузу. В таких семьях разрушена система полоролевого общения родителей, когда не осознаются обоими родителями, или одним из них, их социальные роли в семье – «отца» или «матери», сформирован психологический комплекс неполноценности с приверженностью к общению с лицами своего пола. В таких семьях может отсутствовать желание иметь детей. Если дети есть, то, чаще всего, результатом общения родителей с детьми является конфликт, способный перерасти в рамки жестокого обращения с детьми со стороны родителей. Наиболее простым способом решения проблемы жестокого обращения с детьми является лишение родительских прав одного или обоих родителей. Разнополость заложена природой и поэтому должна объективно учитываться в полной мере без какого-либо налёта субъективизма, деформирующего представления о разнополости и приводящего к такому противоестественному явлению, как однополое сожительство или формально узаконенный однополый брак.

Сущность полового деморфизма была изучена российским исследователем В. А. Геодакяном в середине 60-х годах прошлого столетия. Концепция полового деморфизма, трактующая раздельнополость как специализацию на популяционном уровне. Мужской пол выполняет функции изменения, женский – сохранения. Большая фенотипическая дисперсия (разнообразие) мужского пола по сравнению с женским является центральным положением теории. Эта дисперсия приводит к тому, что первыми жертвами любых экстремальных условий среды являются мужские особи (этим объясняется, например, меньшая продолжительность жизни представителей мужского пола). Передача потока генетической информации от поколения к поколению представлена женским началом, а энергетическая струк-

тура данной системы, обеспечивающая адаптивные функции к среде, представлена мужским. Поэтому полоролевая активность рассматривается важнейшим условием сохранения системы «мужчина-женщина». Мальчик должен приобрести такие мужские качества, как мужество, смелость, решительность, уважение к женщине, ответственность за свои поступки, способность защитить более слабых, любовь к детям и др., чтобы адаптировать систему «мужчина-женщина» к внешним условиям. Девочка должна воспитать в себе такие женские качества, как нежность, любовь к детям, способность создавать уют и т. п., чтобы обеспечить социально-психологический комфорт существования семьи. Чем ярче полярность качеств, тем прочнее союз мужчины и женщины. Качества должны гармонично дополнять друг друга, обеспечивая полномасштабные жизненные потребности и воспитание детей в условиях стабильного долгосрочного существования системы «мужчина-женщина».

Исключив экономические проблемы, которые являются предметом особого разговора, остановим свой взгляд на социально-психологических вопросах, формирующих семейный психологический микроклимат.

Одним из определяющих факторов внутрисемейной психологической атмосферы являются представления будущих супругов о семье, о том будущем, которое ожидает их после регистрации брака. Если эти представления совпадают, то есть шанс, что семья состоится, если нет, то семья попадает в зону риска распада. Существует целый ряд определений семьи, но мы воспользуемся понятием «семья» как социального института (с точки зрения общественного санкционирования брачно-семейных отношений) и в то же время обладающего исторически определённой организацией малой группы, члены которой:

– связаны брачными или родственными отношениями;

– общностью быта;

– взаимной моральной ответственностью, обусловленной потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения и обеспечивает:

а) экономическую, социальную и физическую безопасность;

б) заботу о молодых, престарелых, больных;

в) условия для социализации (воспитания) детей, молодёжи;

г) объединяет членов семьи чувством любви, общности и давая возможность делиться с другими трудностями и радостями жизни [5].

Понимание супругами семьи в таком аспекте позволяет сохранить ценности общежития как ячейки общества, в которой закладывается его будущее. Межличностные отношения, утверждающиеся в семье, становятся фактором формирования социально-психологического микроклимата, но при этом необходимо заметить, что серьёзным тормозом развития отношений может стать возрастной ценз супругов, определяющий условия их готовности изменить свой общественный статус, взяв на себя известные обязательства семьянина. Данный аспект рассмотрим с позиции соответствия уровней функционирования сознания супругов.

Системный подход на основе принципов гармонии, основанный на достижениях Ленинградской психологической школы, одним из представителей которой является известный психолог В. А. Ганзен. Данная теория позволяет представить человека открытой биопсихосоциальной иерархической системой, отражающей функционирование организма и психики, начиная от самого низшего уровня, отвечающего за витальную активность, и до высшего, где человек как личность проявляет свои духовные качества. Каждый уровень имеет свои особенности функционирования сознания, свой уровень ценностей, которые преемственны друг другу. Более высокий уровень не может развиться без реализации более низкого. Таким образом, идёт процесс эволюционного развития сознания личности, осуществляемый в направлении духовного совершенства, о котором писали выдающиеся российские учёные философы-космисты К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский и др. К таким уровням человеческой сущности относятся: физиологический (психофизиологический), психический, личностный, духовно-нравственный, духовно-информационный [8].

Физиологический (психофизиологический) уровень характеризуется тем, что поведенческая активность будет определяться проявлением инстинктов жизнеспособности организма. В этом состоянии человек ведёт себя как робот, запрограммированный на обеспечение жизнедеятельности организма или реализует следы мощного эмоционального состояния, которое возникает в случае эмоционального аффекта. Человек не осознаёт свои действия, может их не помнить, так как сознание отключено. Это может явиться причиной проявления жестокости и не только по отношению к ребёнку.

Психологический уровень демонстрирует проявление сознания, развивающегося посредством психических процессов, реализующих свою активность в механизме функции психики отражения посредством перцептивно-мыслительной сферы, включающей в себя такие психические процессы, как память, ощущение, восприятие, представление, речь и системы психического регулирования поведенческой активностью человека аффективно-волевой сферой, включающей в себя психические процессы: внимание, эмоции, чувство, мотив, действие [7, с. 129 – 131]. В данном случае человек проявляет себя индивидом, у которого поведенческая активность определяется мотивом, формирующегося под воздействием как внутренних, так и внешних стимулов. Индивид не обременён моральными принципами, может проявлять эгоизм, жестокость, легко поддаваться внешнему влиянию. Поведение детей дошкольного возраста осуществляется на этом уровне.

Личностный уровень является результатом формирования структуры личности, демонстрирующей на основе темперамента характер, способности, на-

правленность личности. На данном уровне реализуются социальная дееспособность личности в общественных отношениях. Это уровень результатов воспитания личности в семье, её социализации. Большинство населения находится на этом уровне. Проявляя себя личностью, человек культивирует в условиях семьи опыт предыдущего образа жизни. Часто культивируемые ценности предыдущих условий жизни супругов не совпадают. Возникновение атмосферы непонимания друг друга, противоречий в своих действиях, несомненно, ведёт к конфликтному состоянию в межличностных отношения. Неспособность уступать свои позиции, проявление эгоизма и пренебрежение условиями статуса семейного человека неизбежно приводят к обострению конфликтов, где дети могут играть роль «козла отпущения», когда на них изливается гнев родителей, сопровождающийся возможной жестокостью.

Духовно-нравственный уровень реализует поведенческую активность личности в рамках понятий этики, эстетики и морали: «Вера», «Надежда», «Любовь», «Красота» и «Истина». Вечное стремление человека к Истине, сопровождающееся чувством справедливости, базирующееся на принципах нравственности и морали, открывает широкую дорогу развитию духовной сферы личности, отличающейся от всех остальных стремлением к жизни, оптимистическому восприятию событий, склонностью к мистическим, религиозным воззрениям. На данном уровне проявляют свою активность представители творческих профессий, науки, искусства, культуры. В обыденной жизни люди данного уровня интересуются творческими достижениями, увлекаются различным самодеятельным творчеством, ведут активный образ жизни. В семейных отношениях достаточно адекватны, дети физического насилия не испытывают. При разводе супруги этого уровня часто остаются хорошими знакомыми. При конфликтах возможны принципиальные позиции в отстаивании своего мнения и оправдании своих действий, что часто сказывается в отказе своему оппоненту в прощении.

Духовно-информационный уровень является высшим проявлением духовности человека, движущей силой которого являются альтруистические чувства, проявление любви ко всем окружающим. Люди достигают этого уровня достаточно редко, но если достигают, то обладают высоким потенциалом духовной мудрости и высшими качествами проявления морали. В своём развитии каждый человек должен стремиться к этому уровню, постигая истину духовной мудрости. К детям у людей этого уровня благоговейное отношение.

Межличностные отношения в семье представителей разного уровня всегда сопровождаются противоречиями, которые могут развиваться до конфликтов. Чем больше разрыв в уровнях, тем сильнее противоречия. Кроме того, источником противоречий может быть непосредственное общение, которое способно возникать по некоторым популярным трём основаниям:

во-первых, *по эмоциональному основанию*, когда один из собеседников психологически не готов к общению и не воспринимает своего собеседника должным образом. Причины для этого могут быть разные: плохое самочувствие, осадок непрошедшей обиды, неадекватное поведением супруга из-за употреблённого им алкоголя и т. п.;

во-вторых, *по основанию интерактивного взаимодействия*, когда эмоционально собеседники готовы к общению, но в процессе общения не соблюдаются требования культуры коммуникативной деятельности, например, в силу разных темпераментов, что не позволяет объективно оценивать решения обсуждаемого вопроса, принимать соответствующие совместные усилия для получения положительного результата;

в-третьих, *по информационному основанию*, когда есть эмоциональный контакт, обсуждение ведется с активным взаимным участием собеседников, но результат не достигается по той причине, что собеседники, с одной стороны, пользуются разными источниками информации по данному поводу, с другой – обсуждаемую ситуацию собеседники описывают понятиями разного уровня. Иными словами, когда об одном и том же разговор ведётся на «разных языках».

Возвращаясь к понятию «возрастной ценз», создающего условия готовности вступления человека в брачно-семейные отношения, заметим, что этот возраст характеризуется созреванием не только организма, но и психики, сознания для нового этапа жизни. В психологии существует понятие «возрастная периодизация развития личности», благодаря которой человек, развивая свои способности и адаптируясь к новой обстановке, приобретает новый опыт в освоении окружающего мира.

Результаты изучения гармонии российским исследователем Н. А. Васютинским в условиях системного подхода на основе принципов гармонии показывает, что периодичность развития психики, сознания человека соответствует значениям математического ряда Фибоначчи, представляющего собой числовой ряд, каждый член которого равен сумме двух предыдущих: 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55 , 89 и т. д. [3]. Если в соответствии с принципами гармонии рассмотреть развитие психики, учитывая, что полное её развития до взрослого состояния имеет 7 этапов, начало развития психики определяется моментом зачатия, учёт ведётся с момента рождения, то периодизация будет выглядеть следующим образом:

0 – 1 (ряд Фибоначчи) – от дня рождения до 3-х месяцев;
1 – 2 – от 10 месяцев до 1 года 3 месяца;
2 – 3 – от 1 года 10 месяцев до 2-х лет 3 месяцев;
3 – 5 – от 3 лет 6 месяцев до 4-х лет 3-х месяцев;
5 – 8 – от 6 лет 1 месяца до 7 лет 3-х месяцев;
8 – 13 – от 10 лет 4 месяца до 12 лет 3-х месяцев;
13 – 21 – от 17 лет 2 месяца до 20 лет 3-х месяцев [7, с. 62].

Кроме перечисленных, наблюдаются последующие кризисные периоды в возрасте от 29 до 34 лет, от 47 до 55 лет, от 76 до 89 лет, которые заслуживают самого пристального внимания исследователей, поскольку охватывают важные жизненные

периоды жизни человека. Системный подход на основе принципов гармонии позволяет рассчитать, например, продолжительность внутриутробного развития плода, который составляет 281,8 дней (или 40 недель), что подтверждается медицинской практикой [8, с. 104], но нас интересует период от 17 лет 2-х месяцев до 20 лет 3-х месяцев, когда сознание человека испытывает наиболее полное многообразие воздействий природной, культурной и социальной сред, личность приобретает необходимый возрастной ценз для нового, семейного этапа жизни.

Важно заметить, что аналогичное функционирование психики происходит в дошкольном возрасте, в период от 3-х лет 6 месяцев до 4-х лет 3-х месяцев, когда ребёнок максимально открыт для новых впечатлений восприятия окружающего мира. Такая же открытость психики для восприятия мира происходит в семнадцатилетнем возрасте, но на качественно новом уровне развития психики, сознания. Часто молодые влюблённые, тем более молодые супруги, в возрасте 17 – 20 лет испытывают трудности во взаимопонимании, так как психика находится в динамичном состоянии и не позволяет объективно оценивать складывающиеся жизненные ситуации. Поэтому над молодой семьёй весит Дамоклов меч непонимания, являющийся предпосылкой распада семьи. Но, если распада не происходит, то дети могут стать объектом испытания на себе аффективных состояний своих родителей. В редких случаях семьи, возникшие в данный период, являются стабильными. Таким образом, можно утверждать, что *возрастной ценз семейной жизни возникает в возрасте старше 20 лет.*

В России, с принятием Конвенции ООН о правах ребёнка в 1990 г., ситуация о правах, которыми наделены дети России, может быть представлена данными таблицы подготовленной НИИ детства Российского детского фонда. Представим некоторые выписки из этой таблицы:

– 14 лет – допускается прием на работу детей, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования… с согласия одного из родителей, усыновителей или попечителей. Самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителя (паспорт гражданина Российской Федерации вручается в 14 лет):

1) распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами;

2) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности;

3) в соответствии с законом вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими;

4) совершать мелкие бытовые и иные сделки, предусмотренные законом.

Устанавливается попечительство над ребёнком.…Ребёнок, не достигший 14 лет, не может быть привлечён к уголовной ответственности даже при совершении убийства или другого тяжкого преступления…

– 16 лет – возможность вступать в брак по разрешению органов местного самоуправления… Несовершеннолетний, достигший 16 лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если работает по трудовому соглашению, в том числе по контракту или с согласия родителей, усыновителей или попечителей, занимается предпринимательской деятельностью… Наступление полной уголовной ответственности. Право ребёнка на посещение зрелищных мероприятий без ограничений [6, с. 66 – 67].

Такое положение не может не настораживать, так как без соответствующей правовой грамотности детей такая «самостоятельность» является фактором риска эксплуатации детей со стороны взрослого человека в его интересах. В других странах, в частности США, совершеннолетие наступает в 21 год.

Следующим источником жестокого обращения с детьми является тот факт, что члены семьи *не выполняют требования ролевого поведения.* Социальная роль, как известно, это совокупность норм, правил и форм поведения, характеризующих типичные действия человека, занимающего определённое место в обществе [4]. Статус члена семьи требует выполнения разнообразных социальных ролей. Для простоты рассмотрения данной проблемы воспользуемся положениями транзакционного анализа Э. Берна [1], которые изначально определяют ролевой статус члена семьи в межличностных отношениях: «Взрослый», «Родитель», «Ребёнок».

В каждом человеке самым сложным образом переплетаются состояния: «Взрослого», «Родителя» и «Ребёнка». Общение с людьми в любых жизненных ситуация строится по-разному, в зависимости от психологического состояния человека, от темы общения и – что очень важно – от того, является ли взаимодействие бескорыстным или человек хочет чего-то добиться от своего собеседника. Надо учитывать, что при этом включаются различные психологические механизмы, которые вызывают у человека доминирование того или иного состояния, каждое из которых «пользуется» своим особенным «языком» слов, жестов и поступков [1]. Ребёнок изначально находится в неравном положении, зависим от родителей, не имеет достаточного жизненного опыта взрослого человека. Только взрослый человек, объективно оценивая обстановку, может выстроить должное ролевое общение с ребёнком.

Коммуникация может быть эффективной только в том случае, если она ведётся в ролях на одном уровне: «Ребёнок» общается с «Ребёнком», «Родитель» с «Родителем», «Взрослый» со «Взрослым». Другие соотношения ролей требует психолого-педагогических знаний, которые могут быть приобретены на консультационных занятиях для родителей в учреждениях социальной работы, например, центрах помощи семье и детям. Если какой-либо взрослый член семьи не имеет опыта общения с детьми, достаточной психолого-педагогической подготовки, то это может нанести ребёнку психологическую травму. Отсутствие у родителя психологической установки на ролевое общение, в конечном итоге приводит их в состояние аффекта, проявлению жестокости.

Из вышеизложенного вытекает вывод о том, что профилактика жестокого обращения с детьми может осуществляться выполнением следующих условий:

1. Вступающие в брак должны знать о законе полового деморфизма, чётко осознавать сущность полоролевого поведения в семейных отношениях системы «мужчина-женщина».

2. Жених и невеста должны иметь объективные, осознанные ответы на ряд вопросов: что такое создаваемая ими семья, какую роль она будет играть в их жизни, с какой целью создаётся и что означает семья в качестве социального института, какую ответственность берёт каждый из них на себя, вступая в брак, чем будет являться создаваемая ими семья для их будущих детей?

3. Вступающие в брак должны быть одного уровня развития и достичь возрастного ценза брачных отношений в возрасте старше 20 лет и чувствовать необходимость в приобретении нового жизненного статуса семейного человека со всеми вытекающими из этого последствиями.

4. Вступающие в брак должны выстраивать межличностные отношения в условиях семьи по принципам статуса ролевого поведения: «Взрослый», «Родитель», «Ребёнок», беря на себя ответственность психологической готовности к такого рода межличностного общения с детьми.

Профилактика жестокого обращения с детьми - многоотраслевая научная проблема, требующая участия исследователей разных научных направлений, что создаёт определённые трудности в организации такой работы. Как показывает практика системного подхода на основе принципов гармонии, проблему жестокого обращения с детьми можно решать в русле такой науки, как *экология*. Речь идёт о представлении предмета экологии с позиции личности, её взаимодействия не только с внешними условиями природной, культурной и социальной средами, но и внутренним миром, определяющим выбор поведения. *Экология личности* как научное направление социальной экологии преследует цель достижения духовного уровня развития на основе внутренних резервов психофизиологического потенциала человека, раскрывая в нём качества развитой, самодостаточной личности, отличающейся следующими чертами:

– удовлетворяет свои нужды без ущерба для окружающих;

– достигает значительного успеха в деятельности, так как она служит для него объектом самовыражения;

– демонстрирует энергию и жизнестойкость в своей повседневной жизни;

– открыта к профессиональным переменам и новому жизненному опыту [2].

Это возможно только в том случае, если мотив развития личности будет преследовать цель реализации потребностей духовно-нравственного уровня. Научно-теоретические и методические обоснования могут быть разработаны на основе системного подхода с учётом принципов гармонии на основе последних достижений науки немедикаментозных методов оздоровления организма в рамках, например, *научно-практического центра экологии личности*, организация которого требует особого рассмотрения и в нашу задачу не входит. Подчеркнём только тот факт, что основной целью деятельности Центра является духовное развитие личности.

Открытие такого Центра позволило бы: разрабатывать психолого-педагогические технологии воспитания духовно-нравственного потенциала личности; организовать систему профилактики рисков социального страхования путем внедрения последних научных достижений российской науки в области немедикаментозного оздоровления организма человека; выработать научно-обоснованную психологическую установку на развитие индивидом своего духовно-нравственного потенциала на принципах здорового образа жизни; резко ускорить процесс исследований, базирующихся на основе системного подхода с учётом принципов гармонии; объяснить целый ряд феноменов живой природы, затруднительные для традиционной науки.

Литература

1. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений / Э. Берн – М.: Лист-Нью; 1997. – 336 с.

2. Битянова, Н. Р. Психология личностного роста / Н. Р. Битянова. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 64 с.

3. Васютинский, Н. А. Золотая пропорция / Н. А. Васютинский. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 138 с.

4. Немов, Р. С. Психология: учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. / Р. С. Немов. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 688 с.

5. Основы социальной работы: учебник / отв. ред. П. Д. Павленок. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 395 с.

6. Рыбинский, Е. М. Управление системой социальной защиты детства: социально-правовые проблемы: учеб. пособие / Е. М. Рыбинский. – М.: Академия, 2004. – 224 с.

7. Фалилеев, В. В. Онтология культуры личности на рубеже XX – XXI вв. / В. В. Фалилеев: монография. – Кемерово: Кемеровский госинститут культуры и искусств, 1999. – 143 с.

8. Фалилеев, В. В. Моделирование духовной сферы личности / В. В. Фалилеев: монография. – Кемерово: КемГУКИ, 2003. – 199 с.

УДК 316.61-057.87

«СТУДЕНЧЕСКИЙ» НЕВРОЗ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Т. Н. Черева

"STUDENT NEUROSIS": REASONS OF THE ORIGIN

T. N. Chereva

В статье дан обзор истории возникновения понятия «невротическое расстройство» и приведены данные исследования признаков невротизирующего влияния на студентов учебного процесса.

The article focuses on the history of «neurotic frustration» and gives the results of research concerning aspect of neurosis influence on students in educational process.

Ключевые слова: пограничные состояния, невроз навязчивых состояний, истерия, неврастения, депрессия.

Key words: in-between states, obsessive-compulsive neurosis, hysteria, neurasthenia, depression.

Неврозы характеризуются не только малой интенсивностью, но и малой продолжительностью и подходят под определение «пограничные состояния». К ним относятся невротические расстройства, клинически оформившиеся неврозоподобные реакции и состояния, психопатии, неврозоподобные и психопатоподобные нарушения при соматических заболеваниях.

Единого мнения о том, когда впервые был употреблен термин «невроз» нет. Представители западной школы считают, что данное понятие было введено в медицину в 1787 году, отечественной – в 1776, когда шотландский врач Куллен попытался обосновать предложенную им классификацию всех известных нервных заболеваний. Под неврозом он понимал «нервные расстройства, не сопровождающиеся повышением температуры тела и не связанные с местным поражением одного из органов, а обусловленные общим страданием, от которого специально зависят движение и мысль» [15, с. 9].

В 1907 году Реймон писал, что «именем неврозов согласились обозначать некоторые страдания нервной системы без органических поражений, открываемых современными методами исследования» [16, с. 9]. Дальнейшие исследования неврозов проводили К. Хорни, Ж. Бабинский, Е. Кречмер, И. П. Павлов, Б. Д. Карвасарский В. Н. Мясищев и др.

В истории изучения проблемы возникновения данного заболевания принято выделять два основных подхода: биологический и психологический.

Основателем первого направления является И. В. Павлов. Он установил, что в основе неврозов находится перенапряжение процесса возбуждения, процесса торможения или их подвижности (сшибка). К перенапряжению силы процесса раздражения приводят тяжелые переживания, жизненные неудачи, частые огорчения, опасения и т. д. Перенапряжение силы тормозного процесса возникает при необходимости постоянно и чрезмерно сдерживать себя, стремлении к постоянному контролю над своими мыслями и чувствами.

Представители психологического направления полагают, что в основе неврозов находятся личностные психологические аспекты.

З. Фрейд считал, что причина развития невроза – половые переживания раннего детства, которые оказались вытесненными в «бессознательное».

К. Хорни [20] называла причиной появления неврозов не «Эдипов комплекс», а базальное чувство тревоги, порождающее невротические потребности. Главные из них – движение к людям, движение от людей и движение против людей. На основе данной классификации она выделила три группы невротических личностей: первая группа невротиков характеризуется чрезмерной зависимостью от одобрения и внимания других людей. Для невротиков второй группы характерна оценка собственного Я. Их особенностями являются чувство неполноценности, убежденность в собственной некомпетентности, непривлекательности. Невротики «третьей группы» испытывают проблемы с самоутверждением собственного Я: они не способны выразить свои желания, планировать свою жизнь.

В отличие от Фрейда и его последователей, Фурст полагает, что значение детского опыта для развития невроза преувеличено. Он является как продуктом деструктивных условий настоящей жизни невротика – и подростка и взрослого, – так и продуктом подобных условий его жизни в детстве [18].

А. Маслоу предложил теорию самоактуализации, являющейся высочайшей потребностью каждого индивида. Она происходит посредством усвоения своего эмоционального опыта и, как следствие, является основным фактором психологического здоровья. По мнению исследователя, невроз формируется из-за невозможности переживания опыта и ограничениях в поведении [11].

Однако исследователи сходны во мнении, что невроз производит впечатление «чего-то вторгнувшегося в личность из неизвестного источника, того, что нарушает целостность личности и находится вне сознательной воли» [17, с. 137].

В западной традиции выделяют следующие типы неврозов: психоневрозы, актуальные неврозы, неврозы характера, посттравматические неврозы, невроз переноса. Развитие психоневроза обусловлено наличием психотравмирующих ситуаций в прошлом человека. Существует три типа психоневрозов

- истерическая конверсия, невроз страха и невроз навязчивых состояний.

Причинами возникновения актуальных неврозов относятся к настоящему человека. Их можно объяснить в терминах сексуальной жизни пациента. При неврозах характера симптомами являются патологические свойства личности. Посттравматические неврозы вызываются потрясением или травмой. Невроз переноса может развиться в процессе психоанализа, если пациент проявляет повышенный интерес к психоаналитику.

В отечественной психологии принято выделять 3 типа неврозов: неврастения, невроз навязчивых состояний и истерия. В последнее время выделяют еще один тип невроза – невротическая депрессия.

В переводе на русский язык неврастения означает «нервная слабость». Неврастении подвержены люди либо с ослабленным типом нервной системы, либо с особым астеническим складом личности, который характеризуется быстрой утомляемостью и непереносимостью больших нагрузок [3, с. 16]. Д. В. Колесов [9, с. 580] выделил следующие фазы развития неврастении:

1. Неудовлетворенность какой-либо потребности и, как следствие, снижение порогов восприятия.
2. Постоянное накопление энергии случайных стимулов и периодическая защитная разрядка энергии характерными вспышками.
3. Истощение центральной нервной системы: снижение работоспособности, повышенная утомляемость и т. д.

По частоте заболеваний второе место после неврастении занимает истерия. Ее возникновению способствуют такие черты характера, как повышенная чувствительность на различные внешние воздействия, впечатлительность, внушаемость и самовнушаемость. Истерию очень часто называют «великой симулянткой», так как ее симптомы зачастую напоминают симптоматику различных заболеваний, которых на самом деле у больного нет.

Большинство исследователей отмечают, что невроз навязчивых состояний характеризуется появлением каких – либо страхов: боязнь темноты, замкнутого пространства и т. д.: «Это такая форма невроза, которая возникает под влиянием психотравмирующих ситуаций, на фоне астенобоязливых черт характера, в клинической картине которых преобладают навязчивые страхи»[9, с. 128 – 129]. Навязчивые состояния условно подразделяют на навязчивые страхи (фобии), навязчивые мысли, навязчивые действия. Общим для всех навязчивостей является их постоянство, повторяемость, а также желание командовать или мучить других людей.

Депрессия характеризуется снижением настроения, утратой способности переживать радость, пессимистическим взглядом на жизнь, двигательной заторможенностью; наблюдается потеря интереса к жизни и привычной деятельности.

В современной классификации психических расстройств термин «невроз» не используется: принято говорить о невротическом расстройстве. По мнению Д. В. Колесова [9, с. 577], это «этап в жизни индивида, который характеризуется наличием у него расстройств в функционировании центральной нервной системы, что проявляется в его поведении и самочувствии» Исследователи выделяют достаточно много вариантов его проявлений, включая расстройства, связанные со стрессом.

Поведение человека обусловлено как внешними, так и внутренними условиями развития личности. На это указывал еще С. Л. Рубинштейн, который писал: «Внешнее воздействие дает тот или иной психологический эффект, лишь преломляясь через сложившийся строй мыслей и чувств» [14, с. 11].

Во второй половине XX века исследователи стали уделять особое внимание проблемам изучения неврозов различных возрастных и социальных категорий и пришли к выводу, что невроз не возникает внезапно и является следствием цепочки событий, протяженных во времени. «Невротизация накапливается постепенно, переживаясь, прежде всего, как напряжение и вызванное им переутомление, астения (нервная слабость)» [5, с. 84]

В. Н. Мясищев [12] утверждал, что огромное значение в формировании неврозов имеет прошлое человека, его детство, тип воспитания. Так, причиной развития невроза навязчивых состояний он считает родительскую гиперопеку, которая способствует формированию личности, не готовой противостоять жизненным трудностям. Истерический невроз – следствие противоположного поведения родителей: ребёнку предоставляют полную свободу действий, все возможности для удовлетворения желаний. Впоследствии это может привести к уязвимости, ранимости и разочарованиям. Если ребенку внушается, что он всегда и во всем должен быть первым, это может привести к завышенному уровню притязаний, неумению преодолевать жизненные трудности и, как следствие, – развитию неврастении.

С. В. Ковалев [8] выделяет следующие типы отношений, ведущих к невротизации личности:

– соревнование – ярко выраженное стремление к первенству при доброжелательном отношении к партнеру. Самоутверждение осуществляется за счет достижения реального превосходства;

– конкуренция – желание обойти и подавить партнера любыми средствами. Отношения между людьми окрашены завистью, ревностью к успеху друг друга, ожесточенной борьбой за лидерство и единоличное первенство;

– антагонизм – несовместимость, противоречивость интересов и отношений, хронический конфликт, утрата эмоциональной привязанности.

Т. М. Мишина дополняет данную классификацию такими понятиями, как соперничество, псевдосотрудничество и изоляция.

Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева [10] приводят следующие признаки невротической личности:

– неразумная настойчивость и требовательность по отношению к другим людям. Недоверие их способностям и строгое следование правилам;

– чрезмерная преданность работе и постоянная преданность её результатам; отрицательное отношение ко всему, что не связано с работой;

– большое внимание деталям, мелочам, когда человек из-за «деревьев не видит леса» и теряется смысл проделанной работы;

– большая привязанность к жестким стандартам и постоянная неудовлетворенность результатами своей работы;

– «несгибаемость» в вопросах морали, сверхсовестливость и скрупулезность;

– постоянные трудности в принятии решений, трата много времени на обдумывание их;

– бережливость в денежных средствах, не любят ничем делиться и делать подарки, если это не приносит личной выгоды;

– бережное отношение, даже сентиментальное, к старым, «отжившим свой век» вещам, хотя по сути своей не коллекционеры.

Время учебы в вузе совпадает со вторым периодом юности или первым периодом зрелости. Его изучению посвящены работы Б. Г. Ананьева, А. В. Дмитриева, И. С. Кона, В. Т. Лисовского и др. Исследователи полагают, что характерной чертой развития в этом возрасте является усиление сознательных мотивов поведения: целеустремленность, решительность, настойчивость, самостоятельность, инициатива, умение владеть собой. Вместе с тем происходит изменения ритма труда, отдыха, сна, уровень психических нагрузок, появляются новые эмоциональные переживания, что может привести к появлению стресса и, как следствие, – развитию невроза.

А. Кардинер [6] ввел понятие «центральный физионевроз», который является причиной нарушения личностных характеристик, отвечающих за адаптацию к окружающему миру. Этим понятием он подчеркивал двойственную природу невротических нарушений. К симптомам центрального физионевроза он относил следующие причины:

– возбудимость и раздражительность;

– фиксация на обстоятельствах травмирующего события;

– уход от реальности;

– предрасположенность к неуправляемым агрессивным реакциям;

– безудержный тип реагирования на внешние раздражители.

В 1966 г. канадский психолог Джеймс Марша [6] выделил четыре этапа развития идентичности, как степень профессионального, религиозного и политического самоопределения молодого человека:

1. «Неопределенная, размытая идентичность» характеризуется тем, что индивид еще не выработал сколько-нибудь четких убеждений, не выбрал профессии и не столкнулся с кризисом идентичности.

2. «Досрочная, преждевременная идентификация» имеет место, если индивид включился в соответствующую систему отношений, но сделал это не самостоятельно, в результате пережитого кризиса и испытания, а на основе чужих мнений, следуя чужому примеру или авторитету.

3. Этап «моратория» характеризуется тем, что индивид находится в процессе нормативного кризиса самоопределения, выбирая из многочисленных вариантов развития тот единственный, который может считать своим.

4. «Достигнутая зрелая идентичность» определяется тем, что кризис завершен, индивид перешел от поиска себя к практической самореализации.

Г. Ш. Габдреева [2, с. 120], проводя исследования студентов для определения состояния здоровья путем опроса, обнаружила, что 32 % первокурсников периодически жалуются на повышенную утомляемость, раздражительность, сердцебиение при эмоциональном волнении. При этом, по данным электроэнцефалографических, электрокардиографических и биохимических исследований, отмечается снижение ряда функций [7].

Данные, полученные позднее, еще более удручающие. Так, согласно исследованию В. Е. Хазанова, из 200 респондентов 46 % имели признаки неврозов, 72 % опрошенных жаловались на частые головные боли, головокружение и другие психосоматические явления. У 5,5 % опрошенных студентов были выявлены признаки психопатии [19].

Результаты анкетирования [8], проведенного на кафедре физического воспитания МГУ (1994/1995 уч. г.) выявили у 57,4 % студентов подготовительного отделения наличие различных психотравмирующих ситуаций. При этом было отмечено, что количество лиц с различными эмоциональными расстройствами (повышенная раздражительность, утомляемость) значительно увеличилось.

Таблица 1

Показатели (%) эмоциональных нарушений у студентов МГУ

Эмоциональные нарушения	*Год обследования*		
	1982	*1992*	*1994*
Наличие тревоги	39	53	46
Частое внутреннее напряжение	25	37	41
Повышенная утомляемость	22	26	33
Повышенная раздражительность	19	25	32
«Ком» в горле	18	34	35
Пониженное настроение	10	26	20
Навязчивые страхи	9	6	14

Большинство студентов (65 % обследованных) предъявляли более трех жалоб одновременно, и только 8 % опрошенных не отметили ни одного признака [4, с. 48]. При этом была выявлена следующая закономерность: «Студентки чаще предъявляли одновременно более трех жалоб, отражающих психологическую и эмоциональную дезадаптацию, а

студенты – одну – две. Мужчины чаще жаловались на частое внутреннее напряжение, а женщины – на повышенную раздражительность, навязчивые страхи. Также у женщин были более часты и вегетативные жалобы, причем студентки отмечали у себя практически все симптомы, предложенные для анализа в анкете» [4, с. 49].

Е. Ю. Коржова доказала, что личностный кризис приводит к разрушению существующего представления о себе и лишает способности действовать. Он является причиной интеграции ранее вытесняемого и отвергаемого опыта осознания и субъекта, ведет к усилению концепции, на которую не влияют объективная действительность и новый жизненный опыт [1].

По мнению исследователей [6], во взаимоотношениях между учебно-образовательным процессом и развитием невроза можно выделить три аспекта:

1) невротизирующее влияние учебно-образовательного процесса на обучающегося;

2) невротизирующее влияние учебной работы на преподавателя;

3) невротизирующее действие, которое условно можно назвать «ученик-учитель».

Но неблагоприятно влияет на психическое здоровье учащихся не умственная нагрузка, а неправильно организованный учебно-образовательный процесс, несоблюдение требований психогигиены обучения, недостаток свободного времени для реализации личных потребностей, конфликтные отношения на разных уровнях в период обучения.

Причина в том, что любое событие в жизни человека, а особенно травмирующее, влияет на психику, сказывается на настроении, направляет и окрашивает мысли и чувства, делает его беззащитным перед воздействием внешнего мира. У любого человека есть потребность в самоуважении, одобрении, восхищении.

Многие студенты, а особенно вчерашние школьники, вдруг начинают осознавать, что таких звездочек, как они, в вузе много. Смириться с изменением привычного отношения к себе бывает очень сложно, особенно, если человек привык находиться в центре внимания. Еще сложнее адаптироваться к новым условиям студентам, живущим в общежитии: к основным травмирующим факторам добавляется бытовая неустроенность.

Многочасовые занятия, ночные бдения в Интернете – и еще неокрепшее психическое здоровье подорвано. Вот лишь один из подобных примеров: «Сначала занятий на II курсе института студент Р. вынужден был сначала работать ночами. Через несколько месяцев он почувствовал ухудшение самочувствия: появилась слабость, нарушился сон, молодой человек стал раздражительным, обидчивым, еле сдерживался, чтобы не нагрубить или не заплакать при малейшем замечании. Появились головные боли «голову как будто обручем сдавливает».

Занимался с трудом, «заставлял себя». Постоянно отвлекался. Стал рассеянным, приходилось часто делать перерывы и отдыхать. Сессию закончил с большим напряжением. Летом должен был работать, а осенью, с началом учебы, состояние резко ухудшилось.

Шум, яркий свет, громкие голоса стали вызывать неприятные ощущения, тупую головную боль и раздражительность. «Несколько минут слушаю лекцию, затем ловлю себя на мысли, что думаю о другом и уже не могу сосредоточиться, – рассказывал больной. Трудно высидеть два часа, хочется двигаться, появляются неприятные ощущения в руках и ногах, во всем теле».

Вид книг и учебников вызывал у него раздражение. Молодой человек постоянно испытывал физическую и психическую слабость. Спал поверхностно, «мешали звуки», которых раньше не замечал: тиканье часов, шум транспорта за окном, лифта на лестничной клетке. Так, на почве сильного перенапряжения, перегрузки нервной системы у студента Р. развилась неврастения» [16].

Студентам разных факультетов (489 человек) был задан вопрос: «Какие качества, по Вашему мнению, необходимы студенту для успешного обучения в вузе?» Почти все респонденты назвали мышление, внимание, память. Кроме того, 50,9 % опрошенных назвали такие качества, как сила воли, умение управлять собой, своими эмоциями и настроением, самоконтроль.

Многие студенты выделили способность выдерживать умственные нагрузки, высокую работоспособность в течение дня, умение рационально отдыхать, но только 17 % – умеют (по их мнению) управлять собой, своими эмоциями [2, с. 125].

Рассмотрев все приведенные исследования, мы пришли к выводу, что в настоящее время уровень невротизации студенческой молодежи очень высок, что объясняется как социальными, так дидактическими и индивидуальными особенностями развития личности. При этом регулировать свои эмоции умеют несколько процентов обучающихся, что, по нашему мнению, является основной причиной развития невротических расстройств в студенческой среде.

Литература

1. Бурлачук, Л. Ф. Психология жизненных ситуаций: учебное пособие / Л. Ф. Бурлачук, Е. Ю. Коржова. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 263 с.

2. Габдреева, Г. Ш. Управление психическим состоянием и его роль в совершенствовании учебного процесса / Г. Ш. Габдреева // Психологическая служба в вузе: сборник статей. – Казань: Казанский университет, 1981.

3. Еникеева, Д. Д. Популярные основы психиатрии: монография / Д. Д. Еникеева. – Донецк: Сталкер, 1997. – 430 с.

4. Ефимова, И. В. Психофизиологические основы здоровья студентов: учебное пособие / И. В. Ефимова, Е. В. Будыка, Р.Ф. Проходовская // Психофизиологические основы здоровья студентов. – Иркутск: Ирк. ун-т, 2003. – 124 с.

5. Жутикова, Н. В. Психологические уроки обыденной жизни: беседы психолога: кн. для учителей и родителей / Н. В. Жутикова. – М.: Просвещение, 1990. – 256 с.

6. Клиническая психология в социальной работе: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Б. А. Маршинин, М. В. Голубев, Н. Н. Ямщикова и др.; под ред. Б. А. Маршинина. – М.: Академия, 2002. – 224 с.

7. Киколов, А. И. Умственное утомление, нервно-эмоциональное напряжение и их профилактика. - Обучение в высшей и средней школе. Обзорная информация. – М., 1979.

8. Ковалев, Н. К. Динамика показателей здоровья студентов подготовительного отделения МГУ / Н. К. Ковалев, И. В. Ефимова, Т. А. Булавина, Л. Б. Смирнова // Динамика показателей здоровья студентов подготовительного отделения МГУ: материалы Московской Международной научно-методической конференции. – М., 1995.

9. Колесов, Д. В. Состояния человека (семантика, психология, медицина): учебное пособие / Д. В. Колесов, Д. Д. Колесов. – М.: Издательство Московского психолого-социального института. – Воронеж: Издательство МОДЕК. – 2008. – 704 с. (Серия Библиотека психолога).

10. Короленко, Ц. П. Личностные и диссоциативные расстройства: монография / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск.

11. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы: монография / А. Маслоу; ред. Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 424 с.

12. Мясищев, В. Н. Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960.

13. Петрушин, В. И. Неврозы большого города / В. И. Петрушин. – М.: Академический проект, 2004. – 367 с.

14. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М., 1957.

15. Тарнавский, Ю. Б. Срыва можно избежать (неврозы, их лечение и профилактика) / Ю. Б. Тарнавский. – М.: Медицина, 1990.

16. Ушаков, Г. К. Неврозы и их предупреждение / Г. К. Ушаков, С. В. Осьмина. – М.: Знание, 1969. – 79 с.

17. Фенихель, О. Психоаналитическая теория неврозов [Текст]: [пер. с англ. и вступит. статья А. Б. Хавина] / О. Фенихель. – М.: Академический проект, 2005. – 846 с.

18. Фурст, Дж. Б. Невротик. Его среда и внутренний мир: [пер. Я. Г. Бронина]. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

19. Хазанов, В. Е. Концепция “Академии Горя и Радости” И. А. Ефремова и возможности ее реализации в наше время / В. Е. Хазанов //“Россия: социальные силы и пути преодоления системного кризиса”. Библиотека журнала “Альтернативы”. – М.: Экономическая демократия, 2001.

20. Хорни, К. Наши внутренние конфликты [Текст]: монография / К. Хорни; пер. В. Старовойтова. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 558 с.

ФИЗИКА

УДК 538.913:548.736.442.6

ПОДРЕШЕТКИ В КРИСТАЛЛАХ СО СТРУКТУРОЙ КУБИЧЕСКОГО ПЕРОВСКИТА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФОНОННЫХ СПЕКТРОВ

Е. В. Николаева, А. С. Поплавной, А. В. Силинин

SUBLATTICES IN CRYSTALS WITH THE STRUCTURE OF CUBIC PEROFSKITE AND PECULIARITIES OF ITS BACKGROUND SPECTRUM

E. V. Nikolaeva, A. S. Poplavnoy, A. V. Silinin

Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 гг.) (проект 2.1.1/1230), гранта губернатора Кемеровской области и программы «У.М.Н.И.К.» Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (проект № 7961).

Представлена информация об имеющейся в кристаллах со структурой кубического перовскита подрешетки кислорода, отличной по своему типу Браве от кристалла. Построены совмещенные зоны Бриллюэна кристалла и данной подрешетки. Описано влияние имеющейся «скрытой» симметрии в кристаллах со структурой кубического перовскита на их фононные спектры.

Oxygen sublattice of Bravais type, different than crystal, in cubic perovskite crystals is described. Brillouin zones of crystal and this sublattice are constructed. Hidden symmetry influence in the cubic perovskite crystals upon their phonon spectra is discussed.

Ключевые слова: подрешетки, перовскит, фононные спектры, зоны Бриллюэна.

Key words: sublattice, perofskite, background spectrum, Brillouin zones.

Многие сложные кристаллические структуры построены путем вложения друг в друга трансляционно совместимых подрешеток Бравэ одинаковых или различных сингоний [1]. Простейшими классическими примерами кристаллов, состоящих из подрешеток одинакового типа Бравэ, служат кристаллы

со структурой каменной соли, алмаза, сфалерита, из подрешеток различного типа Бравэ – кристаллы флюорита и антифлюорита, куприта, пирита, рутила и т. д. Представление кристаллов в виде совокупности подрешеток различного типа Бравэ позволяет описать имеющуюся в них дополнительную «скрытую» симметрию и предсказать вызванные ею особенности некоторых физико-химических свойств, что подтверждается при анализе спектров элементарных возбуждений данных кристаллов [2], в том числе фононных возбуждений [3] и других физических и физико-химических свойств.

Наибольший интерес представляют кристаллы с множеством фаз различной симметрии, особенно содержащих подрешетки различного типа Бравэ. Одним из них является $CaTiO_3$. В базе данных Inorganic Crystal Structure Database [4] найдено три его модификации: моноклинная, ромбическая и кубическая. В данной работе рассмотрена кубическая фаза $CaTiO_3$. Анализ подрешеток в его моноклинной и ромбической фазах можно найти в нашей работе [5].

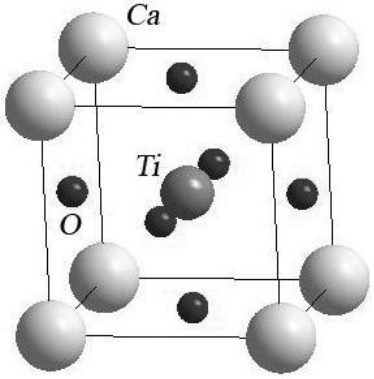


Рис 1. ***Элементарная ячейка кубического перовскита***

В кубическом перовските кристаллическая решетка относится к **простому кубическому типу Бравэ (Γ_c)**, параметры кристаллической решетки: $a = b = c = 3.795$ Å, $\alpha = \beta = \gamma = 90^\circ$, ПГ № 221 ($O_h^1$), кристаллические соединения, имеющие такую же структуру: $BaTiO_3$, $PbTiO_3$, $PbZrO_3$ и многие другие (рис. 1). Три Γ_c подрешетки кислорода расположены таким образом, что любые две из них можно рассматривать как базоцентрированную ромбическую подрешетку Γ_o^i (i = a, b, c) с пространственными периодами, совпадающими с кристаллическим.

В зависимости от того, какие две подрешетки мы выбираем, центрирована будет грань, перпендикулярная той или иной оси. При этом надо помнить о том, что помимо этой условно выделенной базоцентрированной ромбической подрешетки кислорода будет оставаться и одна подрешетка кислорода исходного типа. В этом смысле анизотропия, возникшая в связи с понижением точечной симметрии, является «искусственной».

Остальные подрешетки Ca и Ti совпадают по своему типу Бравэ и пространственным периодам с кристаллической решеткой.

Векторы элементарных трансляций (ВЭТ) для соответствующих типов решеток Бравэ имеют вид:

$$
\begin{aligned}
\Gamma_c &: \begin{cases} \mathbf{a}_1 = (a,0,0), \\ \mathbf{a}_2 = (0,a,0), \\ \mathbf{a}_3 = (0,0,a); \end{cases} \\
\Gamma_o^a &: \begin{cases} \mathbf{a}_1 = (a,0,0), \\ \mathbf{a}_2 = (0,b/2,-c/2), \\ \mathbf{a}_3 = (0,b/2,c/2); \end{cases} \\
\Gamma_o^b &: \begin{cases} \mathbf{a}_1 = (a/2,0,c/2), \\ \mathbf{a}_2 = (0,b,0), \\ \mathbf{a}_3 = (-a/2,0,c/2); \end{cases} \\
\Gamma_o^c &: \begin{cases} \mathbf{a}_1 = (a/2,-b/2,0), \\ \mathbf{a}_2 = (a/2,b/2,0), \\ \mathbf{a}_3 = (0,0,c). \end{cases}
\end{aligned}
\qquad (1)
$$

Матрицы совместимости для данного сочетания кристаллической решетки и подрешеток в общем виде имеют вид:

$$
\begin{aligned}
(\Gamma_c \mid \Gamma_c) &= \begin{pmatrix} a/a_s & 0 & 0 \\ 0 & a/a_s & 0 \\ 0 & 0 & a/a_s \end{pmatrix}, \\
(\Gamma_c \mid \Gamma_o^a) &= \begin{pmatrix} a/a_s & 0 & 0 \\ 0 & a/b_s & a/b_s \\ 0 & -a/c_s & a/c_s \end{pmatrix}, \\
(\Gamma_c \mid \Gamma_o^b) &= \begin{pmatrix} a/a_s & 0 & -a/a_s \\ 0 & a/b_s & 0 \\ a/c_s & 0 & a/c_s \end{pmatrix}, \\
(\Gamma_c \mid \Gamma_o^c) &= \begin{pmatrix} a/a_s & a/a_s & 0 \\ -a/b_s & a/b_s & 0 \\ 0 & 0 & a/c_s \end{pmatrix},
\end{aligned}
\qquad (2)
$$

где $a_s = a / l$, $b_s = a / m$, $c_s = a / n$,

где $l, m, n \in N$.

В данном кристалле для всех подрешеток $l = m = n = 1$.

Влияние «скрытой» симметрии подрешеток на спектры элементарных возбуждений [2, 3] можно проследить путем построения **зон Бриллюэна (ЗБ)** кристалла и соответствующих ему подрешеток. На рис. 2 представлены ЗБ кристалла и подрешеток кислорода для кубической модификации $CaTiO_3$. Для данной сингонии ЗБ кристаллической решетки представляет собой куб, а базоцентрированной ромбической подрешетки кислорода – прямоугольный параллелепипед, одно из ребер которого совпадает с пространственным периодом кристалла a, а два других равны $\sqrt{2}a$, при этом объем ЗБ решетки (2) в 2 раза меньше объема ЗБ данной подрешетки (1).

Из данного рисунка можно было бы сделать вывод о том, что в данном кристалле возникает анизо-

тропия, однако она является только кажущейся, так как помимо условно выделенной базоцентрированной ромбической подрешетки кислорода, которой соответствует ЗБ (1), будет оставаться и одна подрешетка кислорода исходного типа.

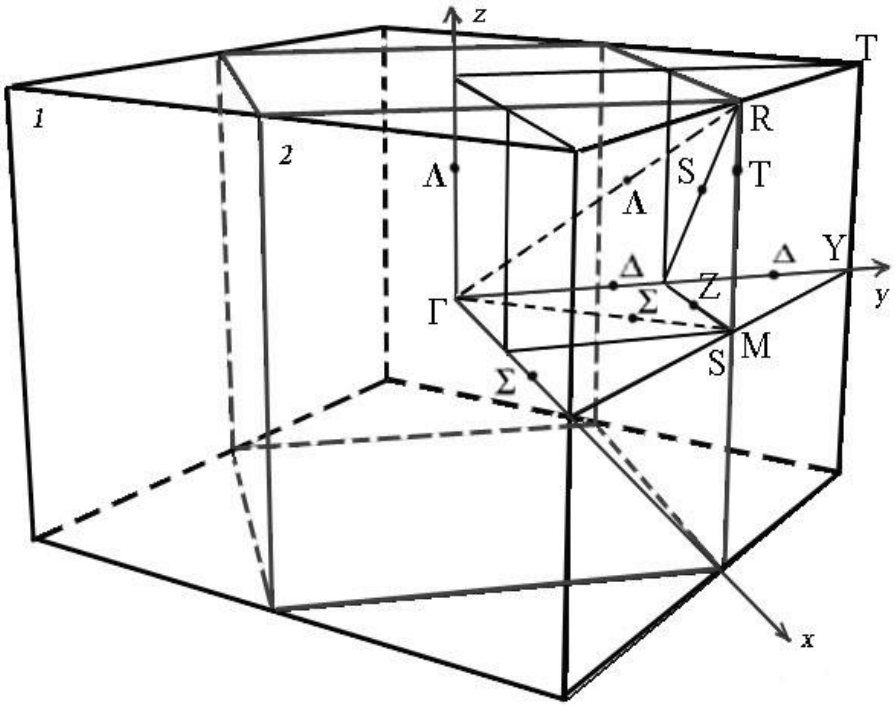


Рис. 2. ***ЗБ кристалла (2) и подрешеток кислорода (1) для кубической модификации $CaTiO_3$***

При трансляции симметричных точек и линий ЗБ подрешетки на соответствующие векторы элементарных трансляций и их линейные комбинации можно получить перестройку ЗБ подрешетки в кристаллическую, построить таблицы сопоставления звезд волновых векторов подрешеток и кристалла и на основе этого предсказать, как будут сворачиваться спектры элементарных возбуждений подрешеток в ЗБ кристалла.

Для примера рассмотрим данный случай, когда в кристалле с трансляционной симметрией простого кубического типа Браве можно выделить базоцентрированную ромбическую подрешетку (табл. 1).

Из табл. 1 следует, что в фононных спектрах кристаллов со структурой кубического перовскита на симметричной линии Δ и в симметричных точках Γ и *X* будет иметь место «перестройка» подрешеточного (кислородного) спектра в кристаллический и будут наблюдаться соответствующие квазивырождения, что действительно можно наблюдать на рис. 3 из работы [6].

Таблица 1

Разложение неприводимых звезд Γ_o^c подрешетки кислорода по неприводимым звездам Γ_c решетки кристалла $CaTiO_3$

Решетка кристалла		***Подрешетка***	
Тип звезды	***Векторы звезды (ед. 2π/a)***	***Тип звезды***	***Векторы звезды (ед. 2π/a)***
1	**2**	**3**	**4**
Γ	(0;0;0)	Γ	(0;0;0)
		Y	(0;1;0)
X	(0;1/2;0)	Z	(0;0;1/2)
		T	(0;1;1)
M	(1/2;1/2;0)	S	(1/2;1/2;0)

Продолжение таблицы 1

R	(1/2; 1/2; 1/2)	R	1/2;1/2;1/2)
Δ	(0;μ;0), -1/2<μ<0	Λ	(0;0;μ), -1/2<μ<0
		H	(0;1; μ), -1/2<μ<0
		Σ	(2μ;0;0), -1/4<μ<0
		Σ	(2μ;0;0), 1/4<μ<1/2
		Δ	(0;2μ;0), -1/4<μ<0
		Δ	(0;2μ;0), 1/4<μ<1/2
Δ	(0;μ;0), 0<μ<1/2	Λ	(0;0;μ), 0<μ<1/2
		H	(0;1; μ), 0<μ<1/2
		Σ	(2μ;0;0), 0<μ<1/4
		Σ	(2μ;0;0), -1/2<μ<-1/4
		Δ	(0;2μ;0), 0<μ<1/4
		Δ	(0;2μ;0), -1/2<μ<-1/4
Z	(μ;1/2;0)	—	—
T	(1/2;1/2; μ)	—	—
Σ	(μ;μ;0)	—	—
Λ	(μ;μ;μ)	—	—
S	(μ;1/2; μ)	—	—

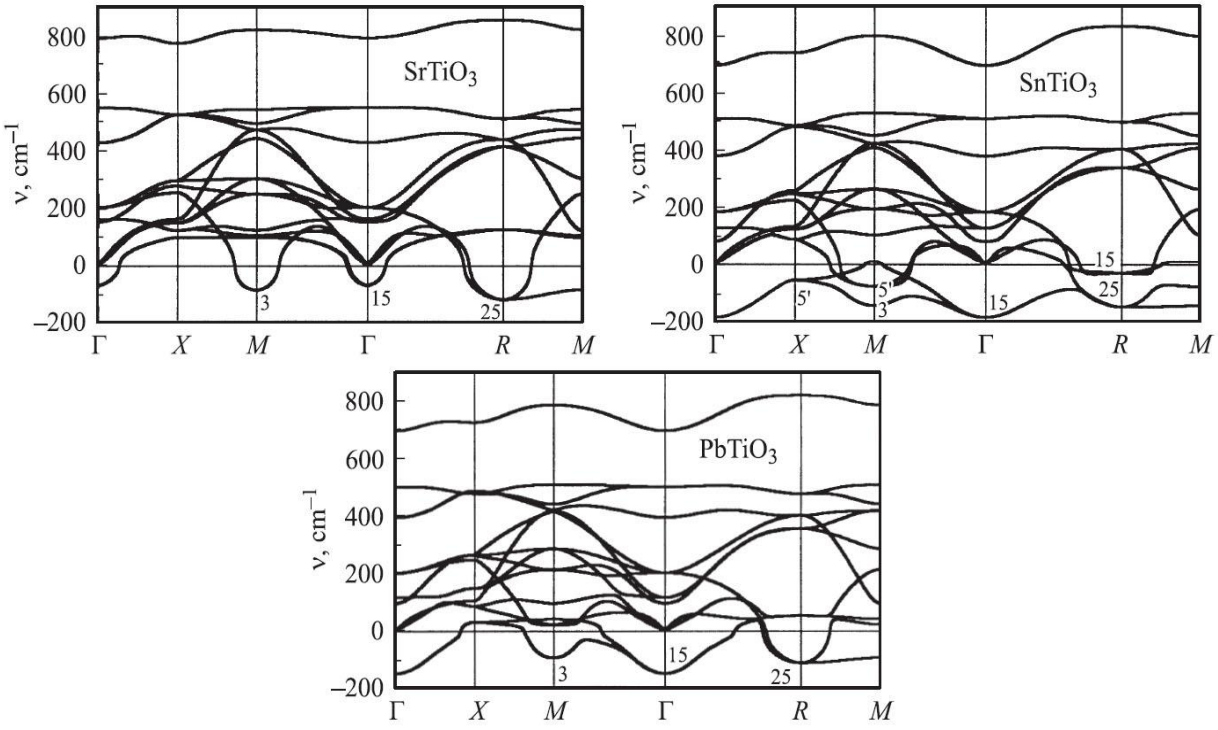


Рис. 3. ***Фононные спектры некоторых соединений со структурой $CaTiO_3$ в кубической фазе [6]***

Литература

1. Поплавной, А. С. Подрешетки в кристаллах / А. С. Поплавной, А. В. Силинин // Кристаллография. – 2005. – Т. 50. – № 5. – С. 782.
2. Поплавной, А. С. Симметрия подрешеток и генезис спектров элементарных возбуждений в кристаллах / А. С. Поплавной // Материаловедение. – 2005. – № 9. – С. 2.
3. Поплавной, А. С. Симметрия фононных спектров в кристаллах с подрешетками / А. С. Поплавной // Известия вузов. Физика. – 2008. – Т. 51. – № 7. – С. 31.
4. База данных Inorganic Crystal Structure Database: (http://www.fiz-karlsruhe.de/ecid/Internet/en/DB/icsd/).
5. Николаева, Е. В. Зоны Бриллюэна кристаллов и подрешеток для трех структурных модификаций $CaTiO_3$ / Е. В. Николаева, А. В. Силинин // Актуальные проблемы физики твердого тела: сб. докл. Междунар. науч. конф., 20-23 окт. 2009 г., Минск. В 3 т. Т. 2. – Минск: Вараксин А. Н., 2009. – С. 307.
6. Лебедев, А. И. *Ab initio* расчеты фононных спектров в кристаллах перовскитов $ATiO_3$ (A = Ca, Sr, Ba, Ra, Cd, Zn, Mg, Ge, Sn, Pb) / А. И. Лебедев // Физика твердого тела. – 2009. – Т. 51. – № 2. – С. 341.

ФИЛОЛОГИЯ

Раздел «Филология» настоящего выпуска «Вестника КемГУ» посвящен памяти доктора филологических наук, профессора Ростовой А. Н., которая работала в Кемеровском государственном университете с 1983 по декабрь 2008 гг. В КемГУ она вела активную преподавательскую и научную работу, с 2000 г. возглавляла кафедру русского языка. Ее работы по теории метатекста, языковому сознанию, художественной речи стали достоянием отечественной и мировой лингвистики.

В июне 2009 г. коллеги А. Н. Ростовой провели в КемГУ Чтения, посвященные ее памяти. Материалы чтений составили основное содержание данного раздела.

УДК 929Ростова

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АЛЕВТИНЫ НИКОЛАЕВНЫ РОСТОВОЙ

О. И. Блинова

29 декабря 2008 г. не стало прекрасного Человека, замечательного Ученого в расцвете творческих сил Алевтины Николаевны Ростовой. «Не стало» в физическом смысле этих слов, но не в ином, духовном. Такие люди не умирают, они остаются с нами, близкими, до тех пор, пока длится наша жизнь, они остаются навсегда в своих трудах, пока существует человечество. Остается их Имя.

Признаюсь, мне очень тяжело писать эти строки: к скорбному списку моих утрат, кроме семейных, – В. В. Палагина, М. Н. Янценецкая, Г. А. Садретдинова, Г. А. Раков – неожиданно, нелепо прибавилась еще одна… И еще не прошло время, позволяющее хоть немного прийти в себя, поверить в случившееся и принять его как данность.

Попытаюсь восстановить в памяти то, что связано с Алей.

Первая встреча произошла в сентябре 1977 г., когда ко мне была прикреплена в качестве стажера выпускница КемГУ Алла (она не любила своего паспортного имени) Ростова на один год. Тогда я не могла предполагать, что наша встреча продлится 31 год: стажер поступила ко мне в очную аспирантуру (1978 – 1982), окончив ее блестящей защитой в диссертационном совете ТГУ (1983 г.).

После возвращения Аллы в Кемерово, в КемГУ, наше научное сотрудничество продолжилось совместной работой по составлению словарных статей для трех крупных лексикографических изданий – двухтомного «Мотивационного диалектного словаря: «Говоры Среднего Приобья» (1982 – 1983), четырехтомного «Полного словаря сибирского говора» (1992 – 1995) и семитомного «Вершининского словаря» (1998-2002). Причем лексикографическая работа Аллы Николаевны не прекращалась и в период ее пребывания в должности старшего научного сотрудника при написании докторской диссертации (1997 – 1998). Нередко мы встречались в разных городах на научных конференциях, особенно часто в Кемерове, куда я приезжала на конференции и на заседания диссертационного совета КемГУ, членом которого являлась, и в Томске, куда приезжала Алла Николаевна как участник конференций, оппонент по кандидатским и докторским диссертациям, председатель ГАК, часто бывая у меня в гостях.

С первого года общения у нас сложились дружеские, доверительные отношения, отношения глубокой взаимной симпатии. Особенно запомнилась последняя встреча у меня дома. Аля вошла с огромным великолепным букетом цветов с присущей ей открытой и немного сдержанной улыбкой. Мы проговорили три часа, пролетевшие как миг. Аля посетовала на здоровье, я предложила ей заняться специальной зарядкой, которую тут же продемонстри-

ровала, а она записала все 35 упражнений. Телефонный звонок прервал нашу беседу: нужно было Але ехать в Кемерово. Больше мы не виделись, но не раз еще общались по телефону.

Аллу Николаевну отличали скромность, благожелательное отношение к окружающим, спокойный нрав, завуалированное чувство собственного достоинства, рассудительность, надежность, порядочность, интеллигентность. У нее был глубокий, природный аналитический ум, огромный творческий потенциал в сочетании с большим трудолюбием и неиссякаемой преданностью науке, лингвистике, диалектам.

В 60 – 70-е годы меня очень заинтересовала проблема языкового сознания. Термин употребляли многие – языковеды, философы, логики, психологи, но без определения научного понятия, чем я и занялась. Когда Алла поступила в аспирантуру, я предложила ей тему «Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования». К тому времени у меня был накоплен большой материал метатекстов, собранных в диалектологических экспедициях, и написана статья «Носители диалекта о своём диалекте» (глубокая разведка в тему, прежде чем предложить ее аспиранту). Заинтересовала этой проблемой своего супруга – философа А. А. Белобородова, разрабатывавшего проблему форм общественного сознания, в итоге им написана была статья «Языковое сознание: сущность и статус». Обе статьи (их содержание Але было известно) пролежали в сборниках несколько лет (тогда это было нормой) и увидели свет, когда Аля уже защитила диссертацию. Отлично помню эту защиту. Вначале, когда соискатель представил свою работу, первый вопрос задал Н. Н. Киселев, председатель диссертационного совета, литературовед: «Что такое языковое сознание?» Полная тишина. Пауза: одна, две секунды… (Реакция на полную неожиданность вопроса). В следующую секунду чётко прозвучал ответ с точной исчерпывающей формулировкой содержания научного понятия, полностью удовлетворившей председателя и членов совета. Защита прошла блестяще. Высоко оценили диссертацию официальные оппоненты – д-р филол. наук Т. С. Коготкова (Москва) и канд. филол. наук Л. Г. Самотик (Красноярск).

Таким образом, А. Н. Ростовой было дано обоснование понятия «языковое сознание», определен статус показаний метаязыкового сознания с учётом их языковых и неязыковых характеристик, представлено описание их источниковедческих возможностей для исследования различных лексических явлений, установлена степень достоверности и информативности сведений в высказываниях информантов [подробнее в: Резанова З. И., 2005, с. 94 – 95].

Тема метаязыкового сознания как компонента языкового сознания стала ключевой в научных изысканиях всей рано оборвавшейся жизни А. Н. Ростовой. Оно стало основой и ее докторской диссертации «Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири)», защищённой 25 мая 2000 г. в диссертационном совете ТГУ (науч. консультант О. И. Блинова; официальные оппоненты: проф. Н. Д. Голев, проф. Е. Г. Которова, проф. Н. А. Лукьянова).

Защите диссертации предшествовала публикация 30 статей и монография с одноименным названием. Позволю себе длинную цитату (с небольшими сокращениями), отражающую основные итоги работы. «Диссертация явилась первым опытом монографического исследования метатекста <…> Основные результаты исследования:

1) выявлены и описаны в гносеологическом аспекте особенности метаязыкового сознания обыденного уровня;

2) разработана методика комплексного анализа метатекстов на всех этапах – от сбора материала до его интерпретации;

3) определены жанрово-композиционные признаки метатекста <…>;

4) <…> исследован фонд метаязыковых знаний носителей диалекта, составляющий пласт традиционной народной культуры; произведен концептуальный анализ метаязыкового лексического поля говора <…>.

Диссертационное исследование заложило основы нового научного направления, предметом изучения которого является феномен метаязыковости» [Резанова З. И., 2005, с. 96].

К этому добавлю: автор диссертации показала и доказала, какой высоты теоретического исследования можно достичь с опорой на данные живой народно-разговорной речи. И еще. Книга А. Н. Ростовой – одна их лучших (если не единственная), в которой глубоко, полно, всесторонне и общедоступно рассказано о сложном феномене современной лингвистики. Об этом же свидетельствуют и последние публикации автора, посвященные обыденной лингвистике [«Обыденное метаязыковое сознание»…, 2008; и др.], и зарубежные рецензии [«Zeitschrift vur Slavistik»…, 2007].

А. Н. Ростова – яркий представитель Томской диалектологической школы. Ее вклад в достижения школы значителен не только разработкой теоретических проблем, но и их применением в практической лексикографии. Она – одна из активных составителей словарных статей не только вышеназванных среднеобских словарей, но и «Полного словаря диалектной языковой личности» (т. 2, отрезок О. Томск, 2007). Объем подготовленных ею словарных статей – 4081. Словарные статьи, написанные А.Н. Ростовой, отличались завершенностью, тщательностью исполнения, не требовали каких-либо дополнений и редактирования. Она принимала участие в первичном редактировании 6-го тома «Вершининского словаря».

У Аллы Николаевны, по выражению Н. И. Толстого, был свой «терен», своя языковая территория – русские старожильческие говоры Сибири, которые она с любовью собирала, обрабатывала, анализировала, исследовала. Она была диалектологом от Бога, и диалекты покорялись ей, раскрывая свои особенности и свойства.

Не случайно свою рецензию на «Словарь образных слов и выражений народного говора» она назвала так поэтически: «Словарь, который завораживает» [Ростова А. Н., 2001].

Не случайным был и ее интерес к творчеству В. П. Астафьева, язык произведений которого очаровывает. Алла Николаевна планировала издать коллективную монографию, пригласив меня в соавторы: мною была обещана глава «Диалектный пласт в художественной прозе В. П. Астафьева», но этому не суждено было сбыться…

Биографические данные А. Н. Ростовой в книге «Томская диалектологическая школа в лицах» заканчивается фразой: «Свободное время Р. посвящает семье, любит рукоделье» [Резанова З. И., 2005, с. 97]. Аля очень любила свою семью – супруга Сережу, детей Диму и Андрея, трепетно к ним относилась, часто рассказывала мне о них. Была счастлива, когда родился внук. Мне довелось быть в гостях в их семье, где я встретила гостеприимство, уют, порядок, вкусное застолье, задушевность, непринужденную беседу.

Я часто обращаюсь к подаренному мне Алей экземпляру ее книги. Не только для того, чтобы ее почитать, сделать выписки, но и для того, чтобы прочесть (в который раз!) надпись на первой странице обложки:

«Ольга Иосифовна!
Вам первой – моя книга.
С любовью, благодарностью
и вечной признательностью.
А. Ростова»

Я благодарна Але за то, что она была и есть в моей жизни. Светлая ей память.

Литература

1. Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. – С. 13 – 19.

2. Резанова, З. И. Ростова Алевтина Николаевна / З. И. Резанова // Томская диалектологическая школа в лицах: Биографический словарь. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 94 – 97.

3. Ростова, А. Н. [Рец.] Словарь, который завораживает / А. Н. Ростова // Актуальные направления функциональной лингвистики. – Томск, 2001.

4. Томская диалектологическая школа: историографический очерк / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 391 с.

5. Zeitschrift vur Slavistik. – 46 (2001). – № 2. – S. 243 – 246.

УДК 811.161.1’373.611

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(на материале метаязыковой фантазии коммуникантов)

А. Г. Антипов

MORPHONOLOGICAL MODELS OF RUSSIAN WORD-BUILDING
(on the material of meta-language fantasy communicants

A. G. Antipov

В статье проводится исследование семантического функционирования единиц морфонологической структуры производного слова. На материале ассоциативных экспериментов доказывается роль морфонологических компонентов внутренней формы слова.

The article deals with semantic functioning of the units of a derived word morphonological structure. On the material of associative experiments is proved the role of morphonological components of the word internal form.

Ключевые слова: деривационная морфонология, метаязыковая функция, семантическое функционирование.

Key words: derivation morphonology, meta-language function, semantic functioning.

В настоящей статье на материале диалектной морфонологии развивается одна из традиций Томской диалектологической школы, обоснованная А. Н. Ростовой в работах по метаязыковой функции языка [Ростова, 2000 и др.].

О ментальных функциях морфонологии как «области существования явлений знакового, двустороннего характера» [Кубрякова, Панкрац, 1983, с. 17) впервые довольно полно и определенно высказался И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем «Опыте теории фонетических альтернаций» [Бодуэн, 1963, с. 265 – 347]. В частности, обоснованные Бодуэном перспективы психолингвистического освещения морфонологии в аспекте морфолексемных репрезентаций языковой рефлексии не могли, конечно, не предвосхитить рождение современных семиотически ориентированных концепций «теории означающего морфемы», как не могло не привести к этому и учение о внутренней форме слова А. А. Потебни.

В общем теоретическом смысле вопрос о функциях морфонологической структуры слова был поставлен И. А. Бодуэном де Куртенэ в широкий семиотический контекст изучения феноменов языкового сознания и речевого мышления. Именно признание особой ассоциативной («психической») реальности этого уровня языка, связанного с

определенными «психическими различиями», «с представлениями определенных психических нюансов (оттенков)», с «психическим влиянием», «при котором с фонетическим различием бывает связано (ассоциируется) какое-нибудь психическое различие форм и слов, т. е. какое-нибудь морфологическое и семасиологическое различие» [Бодуэн, 1963, с. 281, 301), позволяет сегодня обосновывать на материале морфонологической динамики языкового знака погруженность иерархии ее основных единиц в пространство семиозиса. Так, установленные в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников тенденции овнешнения звуковых представлений – процессы морфологизации и семасиологизации – помогают понять, почему и зачем морфонология выполняет функции одной из знаковых моделей репрезентации ментальных феноменов.

По словам самого Бодуэна, «психические ассоциации», опирающиеся «на сохранение традиционных альтернаций», «находятся в непрерывной коллизии со стремлением к устранению фонетических различий, не оправданных ни индивидуальными антропофонетическими тенденциями, ни индивидуальными психическими потребностями» [Бодуэн, 1963, с. 313]. Поэтому, как отмечал Н. В. Крушевский, «…фонетические изменения дают толчок новому распределению звуков между морфологическими единицами слова, …вызывают морфологический процесс…» или свидетельствуют о том, что «…каждое понятие и каждый оттенок понятия имеют свое внешнее выражение» [Крушевский, 1998, с. 166].

С данными принципами морфонологии И. А. Бодуэна де Куртенэ соотнесено и развиваемое нами понимание ментальных форм репрезентации морфонологической структуры синхронически мотивированных (производных) знаков, единицы строения которых используются носителями языка в актах номинативной деривации и речевого общения, что позволяет доказывать существование семиотической детерминанты функционирования морфонологических явлений через противоположение функции структурной и категориальной индексации [Laskowski, 1980] и выделение плана означаемого у морфонологических альтернаций [Панов, 1999, с. 39].

Как представляется, исследование психолингвистических аспектов феномена симметрии формы и содержания мотивированного знака позволяет уточнить функции основных уровней порождения производного слова, соотнести их в систему средств создания иконических образований особого типа (когнитивно-семиотический аспект), а также представить функциональное описание средств иконичности в коммуникативно-семиотическом аспекте действующих морфонологических правил языка определенной сферы речевого общения.

На материале диалектной морфонологии проблема иконичности производного слова разрабатывается нами именно в направлении описания морфонологии как средства формирования системных деривационных отношений лексики [Антипов, 1997]. При этом основные уровни формальной структуры производного слова – морфонологический и деривационный – предстают как взаимосвязанные сферы языковой категоризации, поскольку в актах речевого мышления процессы моделирования языковых пространств коммуникации сопряжены с морфонологическими репрезентациями сознания (иконическими единицами памяти).

Такое направление изучения морфонологии мотивированных знаков связано и с обсуждением типологического статуса морфонологических единиц как явлений вариативности внутренней формы слова, усиливающих степень мотивированности производных лексем.

Мотивационная специфика морфонологии производного слова заключается, на наш взгляд, в том, что эта сфера динамики звуковой формы направлена на придание элементам поверхностной структуры знака особого функционального статуса – переходного к знаковым сущностям. Отсутствие собственных семантических планов у единиц морфонологической структуры восполняется развитием своего мотивационного содержания, через который морфонологические явления, входя в экспонентную структуру морфем, морфемных блоков и слова в целом, способны соотноситься с соответствующими типами языковых значений. И в первую очередь, морфонология как особый уровень мотивированности дериватов, участвует в реализации отношений:

1) словообразовательной производности (через морфонологические характеристики слова, прогнозирующие направление деривации);

2) симметрии / асимметрии формальных и семантических мотиваций (особенно в случае полимотивированности лексем, семиотическая многомерность которых нередко маркируется морфонологическими структурами их словообразовательных форм);

3) морфонологической категоризации (при продуктивности процессов алломорфного варьирования, сопровождающих семантические сдвиги у мотивационно связанных единиц системы).

В ходе описания данных семиотических процессов в области диалектной морфонологии их актуальность для диалектного языкового сознания определялась при проведении экспериментального исследования специфики функционирования морфонологической структуры производного слова.

Из основных результатов, полученных в серии экспериментов по восприятию и осознанию морфонологической структуры диалектной производной лексики, можно заключить, что морфонологическая форма диалектного слова соответствует в сознании индивида иконически порождаемой знаковой структуре. Это позволяет наблюдать в актах речевого мышления различные типы мотивированности, свойственные метаязыковой фантазии диалектной языковой личности. В то же время степень ментальной активности единиц словообразовательной формы прямо пропорциональна их семиотическим функциям в общей иерархической структуре дериватов: каждый из уровней структуры производного

слова прототипичен для языкового сознания, избирающего свои средства овнешнения символических репрезентаций.

Морфонологический уровень формальной структуры производного слова, наряду с фонетическим и морфодеривационным, отсылая через ассоциативные связи компонентов словообразовательно формы к концептуальным сущностям, активен при выявлении моделей порождаемого слова, которые становятся прототипичными в актах вербализации. Выбор же иконической структуры знака, в котором участвует морфонология, предсказывающая через диаграммные отношения свои направления мотивированности производного слова (словообразовательной или лексической), позволяет моделировать процессы языковой категоризации. В этом ракурсе раскрывается и потенциал деривационного функционирования морфонологии как системного явления языка – сознания, от которого зависит степень мотивированности производной лексемы в пространстве метаязыковой фантазии коммуникантов.

Ассоциативно-стратегический характер единиц морфонологии производного слова отражается через осознание диалектоносителем контактной зоны в структуре дериватов – сферы множественности формальной структуры основы производящего слова и/или словообразовательного форманта. Восприятие морфонологической структуры связано во всех случаях с закреплением релевантного содержания за тем или иным вариантом создаваемой в акте метаязыковой рефлексии мотивационной полисемии деривата. Идентификационной опорой в этом случае выступают морфонологические маркеры фузии и деривационных процессов (чередование и/или субморф), определяющие ассоциативное значение вариантов морфонологической структуры. Функционирование таких ассоциативно нагруженных морфонологических компонентов словообразовательной формы способствует системной дифференциации вариантов морфемной членимости слова, связанных с категоризацией различий в сфере мотивирующей и формантной семантик производных лексем.

Думается, что, отвечая за манифестацию деривационно активных компонентов внутренней формы слова, морфонологии отсылочной и формантной частей дериватов обусловлены особенностями функциональной стратификации семантики производного слова. Морфонологическое моделирование внутренней формы слова оказывается поэтому настроенным на сохранение дифференциальных признаков репрезентации звуковой формы источника деривации и усиление мотивационных функций форманта. И если алломорфия мотивирующей основы отвечает за тождество категоризуемых мотивационно связанными лексемами признаков (функции структурной индексации, предсказывающей направление производности), то морфонологическая вариативность форманта располагает бо□льшими семантическими возможностями, конкретизируя базисную семантику производных лексем и доводя этот процесс до перекатегоризации (функции семантической индексации, поляризующей семантические сдвиги). Отсюда – значимость фузионных закономерностей в строении основ мотивирующих слов и агглютинативных – в функционировании словообразовательных формантов. Их соотношение в структуре производного слова направлено на организацию мотивационного содержания морфонологически маркированных производных знаков.

Так, алломорфное варьирование суффикса связано с усилением в структуре дериватов свойств семантической категоризации. Варианты форманта эксплицируют через субморфные наращения идиосемы семантической структуры дериватов, выступая в качестве средств семантической категоризации – отождествления классов референтов в границах (а) одной ономасиологической категории (или субкатегории); ср.: *нали́в-ник* ‘блин или оладья, намазанные сверху сметаной’ – *налив-**а́й**/ник* ‘пирог из черной муки, политый сверху жидкой начинкой, – наливой’ – *налив-**а́ш**/ник* ‘ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой – наливой’; (б) частично противопоставленных ономасиологических категорий; ср.: *коро́в-ник* ‘1) тот, кто продает коров, 2) тот, кто скупает коров, 3) белый гриб, 4) подосиновик’ – *коров-**я́т**/ник* ‘1) тот, кто продает коров, 2) шкура коровы’; *мош-ни́к* ‘1) тот, кто добывает и продает мох, 2) тетерев-глухарь, 3) птица из породы самых больших глухарей, 4) тетерев’ – *ми-**а́р**/ник* ‘1) утепленный мхом хлев, 2) болото’; (в) полностью противопоставленных ономасиологических категорий; ср.: *мош-ни́к* в значениях имен лиц и натурфактов – *ми-**а́н**/ник* ‘1) теплый хлев для скота, 2) хлев для овец, 3) кладовая для хранения овощей, зимовки пчел, 4) нежилая комната с утепленными мхом стенами, используемая как кладовая для хранения пищи’ (здесь и далее используются авторские материалы диалектологических экспедиций 1988-2007 гг. по экспериментальному изучению русских диалектов Кузбасса, составившие основу моделирования морфонологической системы кемеровского говора).

Отмеченная в экспериментах актуализация мотивационного содержания формантной части производного слова в аспекте ее морфонологического строения свидетельствует о том, что ментальное функционирование форманта представляет собой стратегию выбора ассоциативных опор, в соответствии с которой ориентация на форму грамматической категоризации (морфемную последовательность) имеет номинативное значение. В случае морфонологической вариантности форманта детерминированность идентификации слова-стимула осознанием функциональной семантики форманта, а через нее – и мотивационного содержания мотивирующего слова, приводит к усилению ассоциативных функций его формальной структуры в направлении восприятия ее постоянных и переменных компонентов, указывающих на наследуемые и приобретаемые свойства мотивированного знака. В результате постоянная фонемная последовательность, манифестирующая словообразовательный прототип форманта, его основной вариант, служит ассоциативной

опорой грамматической категоризации, а переменная часть, маркер алломорфных отношений, определяет перспективы снижения категоризуемых семантических репрезентаций, приводя функционирование морфемных комплексов к вариативности внутренних форм слов-стимулов.

При анализе экспериментального материала было установлено, что восприятие / осознание компонентов суперморфемной структуры форманта отражает в снижении степени символичности производного знака (1) развитие полимотивационных отношений, (2) выражение «скрытых» компонентов ассоциативной структуры значения, (3) выявление направлений семантической категоризации.

1. Включение в ассоциативное поле осознаваемого деривата идентификаций формантной части предполагает при восприятии лексем с вариативной внутренней формой выбор из числа мотивационных решений тех, принятие которых регулируется активностью дистрибутивных морфонологических показателей мотивационной формы производных. Параллельно с выявлением мотивирующей части ассоциативные опоры на вариативный сегмент форманта позволяют сознанию предлагать версии прочтения внутренних форм дериватов, обосновывая то или иное мотивационное значение слова-стимула. Ср.: *{свину́ш}$_1$ка* – 1) *суп из свинухов*, *маленький свинушок*; *{свин}$_2$у́шка* – 2) *жена свина*, *маленькая свинья*; *{свин}$_1$я́тник* – 1) *человек, который ведет себя, как свинья*; *человек, который «подложил свинью»*; *{свиня́т}$_2$ник* – 2) *человек, который все время «свинячит», т. е. грязный, отталкивающий*. Поскольку субморфные морфонологические наращения аффиксов по своему мотивационному происхождению представляют собой словообразовательные аффиксы, ассоциативная значимость этих переменных компонентов структуры форманта учитывается сознанием прежде всего как генетический фактор словообразовательной формы, в соответствии с которым мотивационное содержание форманта влияет на выделение концептуальных признаков мотивирующей лексемы как суперморфемной последовательности, обобщающей манифестацию непосредственных и опосредствованных мотивирующих суждений. Ср.: *слон/я́т/ник – помещение для слонов, человек с большим носом*; *человек, который ухаживает в зоопарке за слонятами*; *кон/ю́ш/н/ик – конюшня*; *помещение для конюхов*; *помещение для содержания коней*. О мотивационной актуальности субморфов при идентификации суперморфемной словообразовательной формы свидетельствуют и примеры мотивационного синкретизма, когда в пределах одного метатекста совмещаются непосредственные и опосредствованные мотивации. Ср.: *слон/я́т/ник – беззаботный человек, слоняется, как слон*; *кон/ю́ш/н/ик – конюшня, где конюх ухаживает за конями*. Общий фон ассоциативной семантики субморфов оказывается, следовательно, необходимым компонентом формирования значения слова-стимула, направленным в сознании моделями «поляризации» морфонологических вариантов аффикса, придания им через ассоциации статуса элементов системных словообразовательных отношений. При этом источником осознаваемой словообразовательной асимметрии выступает восприятие влияющих на формируемую семантику дериватов системных значений морфонологических наращений аффикса, переосмысливаемых в актах семантизации исходя из различной степени спаянности сегментной структуры форманта. Ср.: *{слон}я́т}ник* – ‘помещение для слонов / слонят’, ‘тот, кто ходит, как слон’; ‘тот, кто слоняется’; *{слон}о́в}ник* – ‘помещение для слонов’; ‘слоновья болезнь’.

2. Отмечаемое расширение семантики форманта объясняется его морфонологической структурой экспликации «скрытых» смыслов. Поэтому восприятие идиоматичности словообразовательной формы, выявляя системную продуктивность направлений семантической категоризации формантных структур дериватов, порождает актуализацию деривационно значимых семантических наращений, служащих ассоциативными опорами мотивированности морфонологических вариантов форманта. В процессе идентификации концептуальной структуры производных знаков субморфы продуцируют экспликацию «скрытых» компонентов семантики дериватов, устанавливая их ономасиологических статус и внося их в экстенсионал знака в качестве необходимой части концептуального содержания. Причем нередко морфонологическая выразительность формантной части дериватов коррелятивна коннотативной сфере семантики производных лексем. Ср.: *свину́ш/ка – неряха, замарашка, толстуха*; *свин-ю́ш/ник – грязный подъезд*; *свин-я́т/ник – беспорядок в квартире, бардак галактического масштаба*; *слоня́т/ник – дискотека, т.к. там все скачут и топают*. Отсюда ассоциативный статус субморфных наращений форманта, развивающих семантику мотивационно связанных слов благодаря сужению концептуальных признаков отсылочной части и расширению сферы функционирования формирующей по моделям мотивационной полисемии. Ср.: *свин-я́т/ник* – 1) *загон для свиней или место, где очень грязно*; 2) *растение, растущее в грязи, в неподходящих для этого условиях*; 3) *неряха (называют по сходству со свиньями – быть грязным, валяться в грязи)*.

3. Идентификационный статус межуровневых компонентов внутренней формы производных лексем позволяет сознанию реконструировать этапы семиозиса через толкование средств выражения словообразовательной семантики. Ср.: *свиня́тник – человек, который ухаживает за свиньями, наподобие «скотник»*; *помещение для свиней, по аналогии с «курятник»*; *место, где была вечеринка, т.е. то место, что напоминает это слово в первом значении (место, где содержат свиней); соотносится со словом «свинарник»*. С повышением вариативности в степени членимости слова вследствие актуализации полимотивационных отношений сегментная структура деривата отличается усилением аспектов словообразовательной семантики, приходящихся на долю форманта. Его морфонологическая вариативность отличается бо́льшим мотивационным потенциалом, направленностью на идентификацию функ-

циональных значений, осознаваемых исходя из метаязыковых возможностей поверхностного контекста членимости словообразовательной формы. Мотивационные функции показателей деривационного акта характеризуются компенсацией семиотических свойств, представляя в направлениях семантической категоризации компонентов своей структуры изоморфизм уровней овнешнения ассоциативного содержания. Ср.: *свину́х – гриб*; *самец свиньи*; *свинопас, пастух свиней*; *большой свин (о человеке)*; *свину́шка – гриб*; *маленькая свинка*; *хрюшка, грязная девушка*; *свину́шечник – помещение для свиней*; *«положение дел» в комнате, которое можно увидеть, если долго не убираться*; *очень неаккуратный человек*. Грамматические репрезентации, направляющие осознание флексии, последовательно уточняют прототипическое значение форманта по мере приближения к ассоциациям отсылочной части, вскрывающим взаимозависимость лексических и словообразовательных репрезентаций. Ср.: *сви́нка – розовая, полненькая девочка*; *свину́шка – девочка-грязнуля*; *свиня́тка – дочка свиньи*. Поэтому особенно релевантной становится позиция фонологической репрезентации «пограничных сигналов» в структуре словообразовательной формы – фонологического оформления суперморфемной зоны сегментации формантной части. Ср.: *свин-я́т/ник, слон-я́т/ник* ‘тот, кто свинячит / слоняется, как свинья / слон’. Именно в соответствии с морфонологической членимостью данных полиморфемных конструкций сознанием определяется мотивационное содержание производных лексем.

Функционирование морфонологической структуры отражает в этом случае саморазвитие системы, ведь именно благодаря мотивационной функции алломорфии в границах словообразовательных типов определяются сферы номинации, имеющие свои морфонологические модели.

Как индексальное средство выражения мотивационного содержания, морфонологическая маркированность дериватов свидетельствует о развитии сигнификативных функций звуковой формы в морфодеривационной структуре производного слова. В результате экспонентная структура мотивированного знака располагает дополнительными для отождествления внутренней формы компонентами мотивационного содержания. Морфонологические единицы сужают мотивационно-ассоциативное пространство лексемы, уточняя эталонный и операциональный для языкового сознания статус единиц формальной структуры производного слова. Их распределение в поверхностных слоях речевых произведений свидетельствует о коммуникативных функциях формальной структуры производного слова в целом, что может быть соотнесено с решением задач типологического описания этого феномена языковой иконичности в коммуникативно-семиотическом аспекте.

Литература

1. Антипов, А. Г. Русская диалектная морфонология: проблемы описания / А. Г. Антипов. – Кемерово, 1997.

2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Опыт теории фонетических альтеранаций / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т. 1.

3. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию / Н. В. Крушевский. – М., 1998.

4. Кубрякова, Е. С. Морфонология в описании языков / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац. – М., 1983.

5. Панов, М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М., 1999.

6. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск, 2000.

7. Laskowski, R. Semiotyczne funkcje alternacji morfonologicznych / R. Laskowski. – Polonica, 1980. – V.

УДК 811.161.1’37

ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВО КАК КОМПЛЕКСНАЯ КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА

О. А. Булгакова

POLYSEMANTIC WORD AS A COMPLEX COGNITIVE STRUCTURE

O. A. Bulgakova

В статье поднимаются вопросы когнитивного описания полисемии. На примере полисемии производного слова обсуждается проблема прототипического характера когнитивных структур этого типа.

In the article questions of the cognitive description of polysemy are raised. The problem of prototypical nature of cognitive structures of this type is considered on the example of polysemy of a derived word.

***Ключевые слова*:** полисемия, когнитивные процессы, комплексные когнитивные структуры.

Key words: polysemy, cognitive processes, complex cognitive structures.

Полисемия теснейшим образом связана с когнитивными процессами концептуализации и категоризации, лежащими в основе мышления и обеспечивающими формирование и функционирование концептуальной системы.

Как концептуальная категория, так и полисемантическое слово, называющее несколько понятий, являются комплексными когнитивными структурами, возникшими в результате классифицирующей, или категоризирующей, деятельности сознания.

В классической дедуктивной логике, логической, формальной и традиционной лексической семантике категории рассматриваются как важнейшие классы, объединяющие понятия - абстракции. Категория, в классическом ее понимании, однородна, и, обладая одинаковым набором характеристик, все члены такой категории считаются равноправными ее представителями [см. подробнее Лакофф, 1988; Лангаккер, 1992].

Такое традиционное понимание категории не позволяет понять, почему категоризация может быть проведена с разных точек зрения и с разными результатами, почему категория не является постоянной величиной, а отдельные ее члены могут не обладать тем или иным теоретически «обязательным» свойством категории и не терять при этом права на членство в ней. При таком понимании категории встает вопрос: следует ли считать многозначное слово выражением одной концептуальной категории (но в этом случае все значения должны разделять определенный набор общих признаков, что, как показали исследования [Кацнельсон, 1965; Никитин, 1974; Лещева, 1996 и др.], далеко не всегда имеет место) или же оно соответствует нескольким категориям (но тогда возникает вопрос о его отличии от омонима).

Опираясь на современные достижения в области психологических и антропологических исследований, когнитивная лингвистика предложила иное понимание категории. Концептуальные категории носят преимущественно прототипический характер, т. е. включают, в первую очередь, информацию о ее центральных, или прототипических членах, наилучшим образом представляющих всю категорию, а затем – широкую, недостаточно четко очерченную сеть периферических, менее типичных членов, что в значительной степени обусловливает размытость семантических границ слова. Вслед за Л. Витгенштейном и Э. Рош, сторонники когнитивной семантики полагают, что члены категории не обязательно должны разделять весь набор общих признаков, но могут обнаруживать лишь определенную их часть. Кроме того, условия для их объединения могут иметь и иной характер, например, метонимический или характер «семейного сходства», при котором определенные члены категории могут не обнаруживать общих свойств, соотносясь друг с другом опосредованно.

Прототипический характер концептуальной категории, в случае ее лексикализации, обусловливает, прежде всего семантическую вариативность слова, его способность быть примененным к широкому кругу референтов.

В то же время, на наш взгляд, важно не только отметить открытость концептуальной категории, но и выявить принципы определения границ. Зависимость границ концептуальной категории от соперничающих с нею других категорий обусловливает широкую зону референции одних лексических единиц, имеющих малое количество близких по значению слов, и узкую зону референции других, сосуществующих в ряду с другими близкими по значению лексемами.

Таким образом, границы категории прототипического типа достаточно произвольны, носят неосознанный характер и определяются действием правил предпочтения, что в значительной степени вызывает трудности в проведении референциальных границ слова.

Сторонники экспериенциальной лингвистики полагают, что полисемантическая структура слова представляет собой прототипическую категорию, причем наиболее ярким и в то же время самым распространенным ее видом, в котором значения слова входят в категорию на правах ее членов [Лакофф, 1995]. Они считают, что именно полисемантическая категория наилучшим образом воплощает в себе все те характеристики категории прототипического типа, о которых в течение почти полустолетия ведут речь представители разных наук, изучающих принципы работы когнитивной системы человека. А поскольку прототипическая категория рассматривается ими как основной вид концептуальной структуры, сторонники экспериенциальной лингвистики полагают, что изучение полисемии является ключевым для исследования вопросов, связанных с концептуальной организацией сознания в целом [Лакофф, 1981].

Теория прототипов позволяет глубже понять сущность лексического значения и полисемии как языкового явления, найти объяснение многим ее свойствам, описываемым в лингвистической литературе. Так, теория о прототипическом характере концептуальной структуры позволяет решить многолетний спор о наличии/отсутствии инварианта в семантической структуре слова следующим образом: оба случая могут иметь место, поскольку концептуальные категории могут иметь как классический, так и прототипический характер. Полисемант может представлять собой категорию, где все значения разделяют или не разделяют общее ядро признаков, образующее некий семантический инвариант, но связаны при этом каким-либо другим образом, при котором значения могут соотноситься одно с другим лишь опосредованно. Такая характеристика прототипической концептуальной категории, как центральность и периферичность входящих в нее членов, определяемая степенью их близости к прототипу, объясняет такие свойства семантической структуры слова, неоднократно указываемые лингвистами, как разный статус лексико-семантических вариантов, возможность их ранжирования, выделения центрального/центральных членов и периферии.

Такое свойство прототипической категории, как открытость, готовность к включению новых членов, достаточно отдаленных по характеру и свойствам от прототипического, позволяет понять причину семантической варьируемости слова, а также способности к высокой степени полисемии и возможности присутствия в ней самых разнообразных, в том числе нетипичных, индивидуальных для каждого слова, или сингулярных, значений.

Само наличие полисемии объясняется возможностью существования в сознании категорий прототипического характера, т. е. возможностью существования такого концептуального объединения, в котором отдельные члены находятся в отдаленной и необязательно непосредственной связи один с другим, связи, напоминающей семейное сходство.

Именно отношения семейного сходства связывают между собой лексико-семантические варианты (ЛСВ) многозначных дериватов, сформировавшихся на основе межсловной деривации двумя способами:

а) в результате неоднократной реализации словообразовательной модели (например, свекольник – «суп из свеклы», «квас из свеклы», «пирог из свеклы», «сорная трава с красным корнем, как у свеклы»), т. е. в результате межсловных метонимических и метафорических переносов от одного или нескольких ЛСВ мотивирующего слова, при этом ЛСВ производного слова соотносятся друг с другом только через образующий их мотиватор;

б) вследствие мотивации от разных слов гнезда (например, грибник → грибница «женск. к грибник», гриб – грибница «место, где растут грибы», «споры грибов», «жареные грибы»).

Отсутствие традиционных типов переноса между ЛСВ, образованными в результате неоднократной реализации словообразовательной модели, побуждало лингвистов считать подобные значения омонимичными [Ср.: Блинова, 1976; Виноградов, 1960; Тихонов, 1971 и др.].

Исследователи, считающие подобные слова многозначными [Араева, 1988; Булгакова, 1994; Нефедова, 1988; Соболева, 1980, Харитончик, 1983 и др.], утверждают, что связь между ЛСВ одной лексемы может быть как непосредственной, когда один ЛСВ выводится из другого, так и опосредованной, когда семантическая структура слова складывается путем многократного осуществления словообразовательного акта, ЛСВ при этом связаны между собой именно опосредованно – через их производящее или производящие. Так, птичник 1 – «помещение для птиц» и птичник 2 – «человек, ухаживающий за птицей» связаны через производящее «птица», таким образом, принцип семейного сходства и в данном случае соблюдается.

Полисемантическая структура проявляет все признаки прототипической категории, но не исчерпывается ими. В прототипической категории составляющие ее члены могут различаться по параметру близости к прототипу, но тем не менее все они в большей или меньшей степени представляют этот прототип и образуют одну категорию, поскольку не относятся сознанием к другой, граничащей и соперничающей с ней категории.

Производное значение в слове в значительной степени ожидаемо, предсказуемо. Так, формирование семантики производного полисеманта, на наш взгляд, определяется следующими факторами:

1) частеречной принадлежностью мотивированного и мотивирующего,

2) принадлежностью мотиваторов к определенной тематической или лексико-семантической группе,

3) репертуаром типизированных пропозиций, составляющих фреймы мотивирующих лексем,

4) функциональной семантикой форманта, оформляющего данное слово [подробнее см.: Булгаков, 1994].

Таким образом, характер отношений между членами полисемантической категории, с нашей точки зрения, иной, нежели простое отношение сходства. Полисемантическое слово относится к макроструктурам – объединениям нескольких категорий на основе логических заключений, между которыми имеют место самые разнообразные отношения: от подобия (условной эквивалентности) и гипер-гипонимии до импликации и фреймого охвата.

Полисемия – это одно из основных свойств языка, и она является результатом таких важнейших когнитивных процессов, как концептуализация, категоризация и номинация.

В принципе, каждый способ номинации стремится к специализации в передаче смысловых заданий. В словообразовании перечень таких заданий в целом может быть исчислен для таких элементов, как деривационные аффиксы (см.: Русская грамматика, 1980).

Каждая тематическая (ТГ) или лексико-семантическая группа (ЛСГ) имеет свой набор типовых ситуаций, которые определяют потенциальный набор значений производных имен. Типы номинации, в свою очередь, определенным образом распределены между словообразовательными типами (СТ), в силу чего каждый формант имеет свой корпус классифицирующих функциональных семантик, что определяет рамки семантической организации производных полисемантов внутри типа. Таким образом, каждый СТ обладает собственной полисемией, даже при наличии у ряда типов общей мотивирующей базы.

Многозначные дериваты образуются в пределах фрейма производящего слова. На языковом уровне количество лексико-семантических вариантов (ЛСВ) определяется набором валентностей, реализующих пропозиции.

Таким образом, полисемия производного слова репрезентирует фреймовую организацию семантики, реализующую ту или иную концептосферу. Выбор деривационных маркирующих категорий носит системный характер и определяется уровнем развития словообразовательной системы языка.

Лексика фиксирует наиболее важные компоненты картины мира. Система концептов, выявляемых в процессе исследования лексики, воссоздает некоторые особенности языкового мышления, проявляющиеся в его деятельности по категоризации действительности для создания номинативных единиц.

Литература

1. Араева, Л. А. Множественная деривация и некоторые вопросы системных отношений в словообразовании и лексике / Л. А. Араева // Словообра-

зование в современном русском языке: областная научн. конференция «Проблемы деривации и номинации в русском языке»: тез. докл. и сообщ. – Омск, 1988. – С. 11– 13.

2. Блинова, О. И. Явление мотивированности слова в собственно лексикологическом аспекте / О. И. Блинова // Вопросы сибирской диалектологии. – Омск, 1976. – Вып. 2. – С. 3 – 17.

3. Булгакова, О. А. Полисемия производных субстантивов: (на материале кемер. говоров) / О. А. Булгакова: дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1994.

4. Виноградов, В. В. Об омонимии и смежных явлениях / В. В. Виноградов // Вопр. языкознания. – М., 1960. – № 5. – С. 3 – 17.

5. Гальперин, И. Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах / И. Р. Гальперин // Филол. науки. – 1982. – № 5.

6. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М.; Л., 1965.

7. Лакофф, Дж. О порождающей семантике / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X. – С. 302 – 349.

8. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – Вып. XXIII.

9. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М., 1995.

10. Лангаккер, Р. У. Когнитивная грамматика / Р. У. Лангаккер. – М., 1992.

11. Лещева, М. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / М. М. Лещева. – МГЛУ, 1996.

12. Нефедова, Е. А. Полисемия мотивированного слова в аспекте лексической номинации / Е. А. Нефедова // Общие проблемы деривации и номинации. Словообразование в аспекте взаимодействия разных уровней языка: тезисы докладов. – Омск, 1988.

13. Никитин, М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М. В. Никитин. – Владимир: ВГПИ, 1974.

14. Соболева, П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. – М.: Наука, 1980.

15. Тихонов, А. Н. Словообразовательные омонимы в русском языке / А. Н. Тихонов // Рус. яз. в шк. – М., 1971. – № 1. – С. 88 – 93.

16. Харитончик, З. А. Семантика суффиксального производного слова: (на материале прилагательных совр. англ. языка) / З. А. Харитончик: дис. … канд. филол. наук. – М., 1971.

УДК 811.161.1’27

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЯНИНА

А. Б. Бушев

LANGUAGE PERSONALITY OF MODERN RUSSIAN

A. B. Bushev

Объект статьи «Языковая личность современного россиянина» получает описание в динамическом аспекте лингвокультурологического анализа.

The object of this article is the linguistic personality of contemporary Russian. It is described in the dynamic aspect of linguo-culturological analysis.

Ключевые слова: языковая личность, когниции, коммуникация

Key words: language personality, cognitions, communications.

Показателен интерес, демонстрируемый филологической наукой не столько к системе языков, сколько к носителю языка в современных условиях. Этот интерес и к среднему россиянину – носителю русского языка, и к идеальному носителю языка не ограничивается русской национальной личностью и уж тем более фольклорной языковой личностью. Представления современного россиянина далеки от национальной картины мира в фольклоре (*красна девица, добрый молодец,* кочующие из исследования в исследование о языковой картине россиянина), в мифологических, ритуальных, культурных практиках, во фразеологии. Все вышеуказанное – лишь часть национального сознания современного россиянина, порой фрагментарная. Это связано с вопросами глобализации, с культурными и человеческими контактами, с языковыми контактами, с резко возросшим темпом жизни, сменой общественно-политических реалий в России. Показательна эклектика национального сознания, эклектика национальной идеологии. Конституция РФ прямо провозглашает отсутствие в России единой государственной идеологии. Куда там гр. Уварову и его современным последователям с триадой «православие – самодержавие – народность»! А. А. Зиновьев назвал наше общество «рогатый заяц» – смесь западной идеологии, советизма и дореволюционной идеологии. (Этому есть проявления и на языковом уровне*: Кадетский корпус располагается на улице Советская, идут, гимназисты с улицы Желябова смотреть «Индиану Джонс»*, коммунисты из атеистов стали *верующими коммунистами*, при всей критике

«*кошмарных девяностых*» мы пользуемся ельцинской конституцией и основными завоеваниями девяностых, с удовольствием ездим на Запад, кишащий врагами, мечтающими, как ослабить Россию, денежные средства российское правительство хранит в чужих чулках и т. д.).

Современная языковая личность россиянина представляет собой поликультурную личность, в основании которой находится русская национальная личность. Наблюдения и описания показывают значимость других языков и культур в языковой жизни современного носителя русского языка. Национальная картина мира неизбежно дополняется другими картинами мира, преображается у большинства представителей российского социума. Показательна успешность личностей, демонстрирующих эмпатию других культур, двуязычие, вырабатывающих лингвокультурологическую компетенцию. Здесь теоретическую основу этого явления представляют мультикультурализм, межкультурная коммуникация, европейская языковая полтика и лингводидактика, множественная идентичность (национальная, культурная, корпоративная, гендерная, социальная, семейная, часто пересекающиеся). В связи с фактором времени исследования ценностей русских, базирующихся на исследовании классической литературы, религиозной философии, фразеологии, В. И. Даля, фольклористики имеют лишь историческое значение: такими были россияне. Есть реликты этого в картине мира современных представителей нашего социума. Однако новыми в современной картине мира (и это находит отражение в том числе и в языковой картине мира), являются целые пласты менталитета (*концепты суд присяжных, акционер, социальное государство, прайваси, папарацци, экуменизм, агностицизм, Евросоюз, маркетинг, менеджмент, космос, мегаполис и мн.др.*).

Свет на изучение современной языковой личности россиянина проливают исследования коммуникативного поведения (И. А. Стернин), ценностей (Н. Е. Покровский, Т. Д. Венедиктова, Н. А. Нарочницка, Н. И. Лапин, Ю. С. Степанов, Д. С. Лихачев), мультикультурализма (В. А. Малахов) и межкультурной коммуникации (Л. Н. Гришаева, Т. В. Цурикова, Т. Д. Грушевицкая, А. П. Садохин, А. Л. Мясоедов, А. В. Павловская, О. А. Леонтович), этнолингвистики (Н. И. Толстой, М. А. Копыленко, А. Н. Ростова), лингвокультурологии и лингвострановедения (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Л. Г. Веденина, Чернов, Г. Д. Томахин, А. Рум, Дж. Поуви), когнитивной лингвистики и концептологии (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, В. В. Воробьев, З. Д. Попова, И. А. Стернин), исследования дискурса, психолингвистики и психолингвистики развития и двуязычия, прагматики, языкового сознания, герменевтики (Г. И. Богин), риторики (Ю. В. Рождественский, В. И. Аннушкин), социолингвистики (Н. Б. Мечковская), гендерной лингвистики, политической лингвистики (А. П. Чудинов), метафорики (Дж. Лакофф и его многочисленные последователи), переводоведения (Т. А. Казакова, В. Н. Комиссаров, А. В. Федоров, В. Г. Гак), лингвистики текста, социальной и культурной антропологии (С. Г. Тер-Минасова), лингводидактики (В. В. Сафонова, Н. Д. Гальскова), стилистики, семантики, диалога и его стратегий, коммуникативной лингвистики, речевого этикета (Н. И. Формановская), исследование прецедентных текстов (Д. Б. Гудков, В. В. Красных), профессиональной коммуникации, языка художественной литературы, модельных языковых личностей (В. И. Карасик), исследования коммуникации (Н. Б. Мечковская), кросс-культурные исследования семантики (М. А. Кронгауз), исследования фразеологии (В. Н. Телия), билингвальные исследования переводоведов и типологов (А. Л. Пумпянский, Б. А. Абрамов, В. Г. Гак, В. Д. Аракин).

Относительный и абсолютный билингвизм, учет фактора многоязычности России, учет миграции не позволяют говорить о том, что все члены российского социума обладают исключительно национальной картиной мира. Ее дополняет их национальная идентичность, глобальная англоязычность. Указания на черты русской картины мира, высказанные религиозными философами начала XX века, нереалистичны в силу социальной динамики, смены идеологии. Даже русская классика отстает от современной культурной и социальной ситуации (Бушев, 2006, 2007, 2008). Между прочим, это демонстрирует, в частности, язык экранизаций классических художественных произведений («*Прошу вас умерить свои выражения. Сдержитесь. Его ослепила ревность. Накажите его милосердием. Слышу десницу Божью. Если простить решитесь. Уста ее говорили гордые, а не сердце и т. д.*). Это – привлекательный великий ценностный мир далек был уже даже от советского рабочего или колхозника.

Увеличение культурных контактов, влияние их на систему образования, открытое общество, знание как классических, так и массовых культур зарубежных стран, влияние транснациональных культур профессиональных страт (субкультура компьютерщиков), деятельность системы образования по воспитанию эмпатии и понимания межкультурного диалога, реалии Интернет - общения оказывают большое влияние на языковую личность россиянина.

Воздействует коммуникация в невербальных искусствах, классическая и поп-музыка. Скажем, популярность джаза и рока англоговорящих стран без труда вызовут длинный ряд имен и мелодий в сознании современного россиянина. Венская классическая музыка известна во всем мире, Чайковский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Шостакович и Прокофьев наднациональны. В пластических искусствах видим, например, интерес русских к итальянскому абстракционизму, французскому импрессионизму, голландцам, итальянскому Возрождению и практически полное незнание русского пластического искусства на Западе. В области классических литератур отмечаем представления о французской классической литературе, шекспировский театр в России, перевод английской классики на русский язык, универсальный интерес к творчеству Чехова, мировое значение Достоевского и Толстого. Дополняется эта кросс-культурность сегодня впечатле-

ниями и представлениями из области повседневной жизни, туризма, дизайна, кулинарии, кино, поп-культуры. Языковой коррелят – множество освоенных заимствований слов, новых концептов русской языковой личности.

Настоящий этап экономических преобразований в России характеризуется декларативным и фактическим отказом от административно-командного типа экономики и планирования, декларацией и внедрением принципов рыночного поведения, мышления. Так как собственных специалистов по рынку двадцать лет назад не было, широко порой заимствовались и индоктринировались принципы экономики государств с рыночным хозяйством. Несмотря на критику свободного рынка в последние годы, критику неприменимости модели западного экономического образования, образование типа программ MBA остается престижным и востребованным, а ряд отраслей экономической деятельности – банковское дело, биржевое дело, маркетинг, франчайзинг – единственно возможным. Усвоение знания осуществляется путем индоктринации концептов, критического заимствования на практике. Международный компонент особенно актуален, так как невозможно подготовить менеджера по западным лекалам в российском пересказе, ибо этот путь отрицает качество образования менеджера.

Так, любое определение маркетинга зиждется на следующих ключевых понятиях: *needs, wants and demands, products, utility, value and satisfaction, exchange, transactions and relationships, markets, marketers.* Показательно эквивалентны основные формы организации бизнеса и их аналоги в отечественной деловой культуре – *individual proprietor ship, sole trader, sole proprietor, plc, franchising*. Специфика банковского обслуживания выражается в тождественных ходовых концептах – *credit card, account debit card, electronic cash tills, computer on-line banking, merchant banks.* Средства оплаты – *cash, cheque, credit, standing order, hire purchase*. Документы одинаковы: *коносамент = bill of lading, инкассо, счет-фактура = invoice.*

Основные концепты экономической науки стандартны – *inflation , cost-push inflation, demand-pull inflation, marketing management, advertising, societal marketing*. Стратегии ценообразования лишь получают перевод в русском языке – *cost-plus pricing, price discrimination, pricing strategies.*

Итак, в русском языке просто появляются общепринятые эквиваленты вышеназванных терминов, переводы их дефиниций. Это магистральный путь расширения концептуальной системы экономики в силу вышеуказанных условий.

Характерной приметой времени выступает сегодня использование множества транслитерированных и транскрибированных терминов из английского языка.

Злоупотребление англоязычной терминологией порой маскирует отсутствие самостоятельного мышления, усвоенность истин извне, без критической оценки, пустоту речи, скрывающуюся за оригинальным, не всегда доступным декодированию «фасадом»: легальность, легитимность, промоушен, комиссионер, индемнитет, ратификация, конвенционный, компетенция, консигнация, консорциум, контрагент, контракт «продакшн шеринг», контроферта, конъюнктура, котировка, транзиция, лаг, ликвидность, либерализация, лизинг, ликвиды, лимиты…

Феномен виртуального общения (онлайновое, в конференциях, в дистанционном обучении, феномен нетикета, рефлексия над лингвокультурами и т. д.), увеличение контактов в международном и межкультурном контексте, тенденция к представлению максимального числа дискурсов в Интернете (в том числе и весьма маргинальных), расширение интернациональных проектов и создание единых стандартов ЕС, изобилие материалов по дидактике языка, учитывающей именно реальный контекст международного общения, наличие дистанционного обучения, наряду с некоторыми социальными факторами (рост миграции, рост мобильности и виртуальных контактов) находят отражение в размышлениях о влиянии интернетизации на межкультурную коммуникацию и межкультурной коммуникации на интернетизацию. Появляются и работы по исторической социолингвистической роли компьютеризации (Мечковская, 2009), социологии межкультурной коммуникации, осуществляемой посредством НИТ: например, о специфике контактов по электронной почте между европейцами и китайцами, специфике организации сайтов.

Интернет позволяет в деталях проследить социальные представления, формируемые глобальными масс-медиа по разным вопросам (Делягин, 2003).

В деле формирования культурологической компетенции участвуют и другие генераторы социальности. Только отсталые люди не понимают, что культура – мощнейшая составляющая жизни и языка, общественного и индивидуального сознания и коммуникации, мост в новый век. Оценим, например, иконичность символов англоязычной кинокультуры в сознании современного россиянина: *Мэрилин Монро, Битлз, Элизабет Тейлор, Альфред Хичкок, Элла Фитцджеральд, Луи Армстронг, Барбра Страйзанд, Фрэнк Синатра, Нат Кин Коул, Одри Хепберн, Чарли Чаплин, Стэнли Кубрик, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Дзефиррели, Милош Форман, Ингрид Бергман, Дастин Хофман, Генри Форд, Вуди Ален, Аль Паччино, Форест Гамп (Том Хэнкс), Майкл Мур, Юл Бриннер, Грегори Пэк, Леонард Бернстайн, «Унесенные ветром», Маргарет Митчелл, Скарлетт О'Хара, Ред Батлер,Глен Миллер, «Серенада солнечной долины», Джек Николсон, «Пролетая над гнездом кукушки».*

Важно, что значат эти имена, каковы первые ассоциации, которые возникают, какова освоенность этих имен в культуре. Актуальна способность представлять иностранную культуру для носителей родного языка (знание имликаций, лингвокультурем, идиоматики). Зеркальна способность презентировать родную культуру для инофонов.

С коммуникативной точки зрения важно представление о трудностях и специфике их преодоления, коммуникативные умения, понимания соответ-

ствий, эквивалентности на разных уровнях, феноменологической сущности и ценности явлений чужой, но не чуждой нам культуры.

Литература

1. Бушев, А. Б. Русская литература XX века: изменение канона / А. Б. Бушев // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. Материалы конгресса. – СПб., 2008. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 31 – 39.

2. Бушев, А. Б. Рефлексия над историей и художественный нарратив / А. Б. Бушев // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков: сб. науч. тр. – Вып. II / сост., отв. редактор проф. А. И. Ванюков. – Саратов, 2006. – С. 318 – 322.

3. Бушев, А. Б. Потребление беллетристики: литературный канон / А. Б. Бушев // Потребление как коммуникация, 2007: материалы конференции / под ред. В. И. Ильина, В. В. Козловского. – СПб.: Интерсоцис, 2007. – С. 20 – 22.

4. Делягин, М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации / М. Г. Делягин. – М., 2003.

5. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета / Н. Б. Мечковская. – М., 2009.

УДК 81’276:070

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТА (по материалам кузбасских СМИ)

Е. В. Кишина, Т. Л. Пыхтина

SPEECH PORTRAIT OF THE REGIONAL JOURNALISTS (by the materials of Kuzbass mass media)

E. B. Kishin, T. L. Pihtina

Статья посвящена описанию речевого портрета регионального журналиста. Выдвигается гипотеза об обусловленности характера стереотипности/нестереотипности жанровыми особенностями и интенциональными установками. На материале новостных статей, посвященных одному событию, выделяются типы языковых личностей региональных журналистов.

The article is dedicated to the description of speech portrait of a regional journalist. The hypothesis about dependence of stereotypical/non-stereotypical character by genre peculiarities and intentional orientations is put forward. Types of linguistic personalities of regional journalists are pointed out on the material of news articles devoted to one event.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, речевой портрет, язык средств массовой коммуникации.

Key words: lingua-personology, language personality, speech portrait, language of mass communication.

Ориентированность современной лингвистики на изучение взаимодействия языка и человека мотивирует формирование такого направления, как лингвоперсонология (В. П. Нерознак, Ю. Н. Караулов, Г. И. Богин, Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова и др.). Центральным понятием лингвоперсонологии является языковая личность, описание которой ведётся в нескольких направлениях: построение модели структуры и типологии языковой личности, классификация языковых личностей по разным основаниям, описание целостного речевого портрета личности и т. д. Исследователи предлагают различный набор признаков, обусловливающих выделение типов языковой личности: собственно языковые, когнитивные, психоэмоциональные, социальные характеристики (Г. И. Богин, В. П. Нерознак, Ю. Н. Караулов, Н. Д. Голев, К. Ф. Седов и др.).

Одним из критериев выделения типов языковых личностей является стереотипность / креативность, соответствующая в теории В. П. Нерознака стандартности/нестандартности [Нерознак, 1996]. Стандартность / нестандартность в данном понимании базируется на собственно языковых особенностях, отражающих уровень владения языковой нормой: стандартная языковая личность отражает усреднённую литературно обработанную норму языка, нестандартная языковая личность отклоняется от установленных языковых образцов. Характер проявления нестандартности позволяет В. П. Нерознаку дифференцировать представителей данного типа на две группы: «верхи» (писатели, мастера художественного слова) и «низы» (производители и пользователи маргинального языкового страта, пользователи арго, сленга, жаргона) [Нерознак, 1996].

Как представляется, предложенное основание может быть спроецировано и на выделение типов тележурналистов, которые по своей сути также относятся к «мастерам художественного слова». При этом стереотипность/нестереотипность в данном случае будет выступать скорее не в предписательном аспекте (положительность, нейтральность или отрицательность формирующего отношения), а в описательном аспекте, предполагающем выделение не только речевых, но и визуальных стереотипов. Специфика объекта исследования – средства массовой информации – позво-

ляет выдвинуть гипотезу об обусловленности характера стереотипности/нестереотипности жанровыми особенностями и интенциональными установками.

Для подтверждения данной гипотезы нами были проанализированы в сопоставительном аспекте новостные материалы аудиовизуальных и печатных средств массовой информации Кемеровской области, посвящённые одному событию. В качестве объекта сопоставления были выбраны выпуски теленовостей в программах «Вести Кузбасс», «Другие новости» и областной газеты «Кузбасс». Материалом исследования послужили сюжеты и публикации на одну тему: объявление аукциона на изготовление партии наградных золотых часов в Кузбассе.

Проведённое сопоставительное исследование позволяет констатировать, что на языковом уровне подача телесюжета о данном событии выглядит тождественно в кузбасских информационных программах. Для наглядности приведём тексты, сопровождающие видеоряд новостей разных телевизионных каналов.

«Вести Кузбасс» (телеканал Россия): «Сегодня ряд средств массовой информации сообщили о том, что в Кузбассе якобы объявлен аукцион на изготовление партии наградных золотых часов. Часы предназначались для награждения учителей и работников сельского хозяйства в дни профессиональных праздников, а также матерям-героиням в День матери. Однако, как сегодня сообщила пресс-служба областной администрации, ещё неделю назад аукцион, который самовольно, без согласования с руководством области объявил управляющий делами Александр Мартусов, был отменён решением губернатора. Факт аукциона вскрылся в результате проверки целесообразности использования бюджетных средств, которые проходят в области. Управляющий делами Александр Мартусов привлечён к дисциплинарной ответственности. Как сообщил Тулеев, сейчас не то время, когда можно вручать такие дорогие награды, пусть даже самым заслуженным людям региона».

«Другие новости» (телеканал СТС): «Сегодня ряд средств массовой информации сообщили о том, что в Кузбассе якобы объявлен аукцион на изготовление партии наградных золотых часов. Часы предназначались для награждения учителей и работников сельского хозяйства в дни профессиональных праздников, а также матерям-героиням в День матери. Однако, как сегодня сообщила пресс-служба областной администрации, ещё неделю назад аукцион, который самовольно, без согласования с руководством области объявил управляющий делами Александр Мартусов, был отменён решением губернатора. Факт аукциона вскрылся в результате проверки целесообразности использования бюджетных средств, которые проходят в области. Управляющий делами Александр Мартусов привлечён к дисциплинарной ответственности. Как сообщил Тулеев, сейчас не то время, когда можно вручать такие дорогие награды, пусть даже самым заслуженным людям региона».

Как видно из приведённых текстов, представление информации об аукционе в программах «Вести Кузбасс» и «Другие новости» носит «зеркальный» характер. При этом речь идёт не только о совпадении на лексическом уровне (два новостных телесюжета по сути являются вербальными дублетами), но и на уровне собственно текстовом и композиционном. Сопоставительный анализ позволяет выделить в анализируемых текстах ряд абсолютно тождественных синтаксических конструкций и лексических единиц.

«Вести Кузбасс»	***«Другие новости»***
1. Сегодня ряд средств массовой информации сообщили…	*1.* Сегодня ряд средств массовой информации сообщили…
2. …в Кузбассе якобы объявлен аукцион на изготовление партии наградных золотых часов.	*2.* …в Кузбассе якобы объявлен аукцион на изготовление партии наградных золотых часов.
3. Часы предназначались для награждения учителей и работников сельского хозяйства в дни профессиональных праздников, а также матерям-героиням в День матери.	*3.* Часы предназначались для награждения учителей и работников сельского хозяйства в дни профессиональных праздников, а также матерям-героиням в День матери и т. д.
4. Однако, как сегодня сообщила пресс-служба областной администрации, ещё неделю назад аукцион, который самовольно, без согласования с руководством области объявил управляющий делами Александр Мартусов, был отменён решением губернатора и т. д.	*4.* Однако, как сегодня сообщила пресс-служба областной администрации, ещё неделю назад аукцион, который самовольно, без согласования с руководством области объявил управляющий делами Александр Мартусов, был отменён решением губернатора и т. д.

«Зеркальность» анализируемых материалов свидетельствует о двойной стереотипности: с одной стороны, стереотипным является языковой материал (клишированные фразы официально-делового характера), с другой стороны, стереотипным является подача новостного материала (шаблонная конструкция текста). Текстовая организация новостей позволяет сделать вывод о некреативности, стандартности тележурналистов, вербально копирующих информацию пресс-службы администрации Кемеровской об-

ласти. Подобный тип языковой личности, отличающийся стандартностью организации и построения текстов, ориентированный на воспроизведение текста, в лингвоперсонологии получил название «копиальный» (Голев Н. Д.).

Как представляется, стандартизованность текстовой организации в данном случае во многом обусловлена жанровой спецификой средств массовой информации. Собственно языковые и текстовые особенности анализируемых телематериалов мотивированы сущностными признаками новостных жанров, одной из разновидностей которых является представление информации пресс-служб. Журналист, представляющий данные материалы, априори находится в «копиальной» ситуации, предполагающей воспроизведение готового текста. Между тем стереотипность не исключает возможности выражения интенциональных установок самого адресанта: конкретные условия речевой ситуации (контекстуальное окружение, интонация, видеоряд, форма речи, тип речи) позволяют эксплицировать авторские установки, растворённые во внешней шаблонности.

Так, в приведённых материалах журналисты идентично выстраивают начало новости, используя довольно типичное, клишированное предложение: *«Сегодня ряд средств массовой информации сообщили…»*. Между тем за внешней языковой неоригинальностью кроется более глубокий смысл, позволяющий выявить целеустановки журналиста. Стандартная конструкция предложения позволяет подчеркнуть, что программы «Вести Кузбасс» и «Другие новости» не входят в ряд тех СМИ, которые рассказали об аукционе.

Выражению интенциональных установок способствуют и невербальные средства коммуникации. Интонационное выделение в данном шаблонном предложении слова *якобы* заставляет усомниться в реальности сообщаемого факта, что приводит к формированию отрицательного восприятия адресатом *«ряда средств массовой информации»,* сообщивших об аукционе. В свою очередь, подобное выражение обусловливает имплицитное выражение противопоставления информационных программ «Другие новости» и «Вести Кузбасс» *«ряду СМИ»* по принципу «достоверность – недостоверность сообщаемой информации».

Ложность информации, распространённой *«рядом СМИ»,* и достоверность информации программ «Другие новости» и «Вести Кузбасс» выражается и в эксплицитной форме. При этом достоверность информации подтверждается использованием стандартного языкового оборота, представляющего собой ссылку на информацию пресс-службы администрации Кемеровской области: *«Однако, как сегодня сообщила пресс-служба областной администрации…»*. Тем самым в подобных стандартизированных в языковом отношении оборотах акцентуализируется оппозиционность данных новостных передач остальным СМИ.

Негативное отношение к *«ряду СМИ»* вызывает и словосочетание *«ещё неделю» («Однако как сегодня сообщила пресс-служба областной администрации, ещё неделю назад аукцион, который самовольно, без согласования с руководством области объявил управляющий делами Александр Мартусов, был отменён решением губернатора»),* особо выделенное телеведущими обеих программ. Интонационное выделение акцентирует внимание на том, что *«ряд СМИ»* распространяет информацию, недостоверность которой была давно установлена (сообщили сегодня, а опровергнута была ещё неделю назад).

Языковая стереотипность анализируемых телевизионных новостей позволяет выстроить не только противопоставление кузбасских средств массовой информации по принципу «МЫ – хорошие, воспроизводящие достоверную информацию, ОНИ – плохие, распространяющие слухи», но и смоделировать оппозиционность руководства области: в предложениях, имеющих идентичный словесный облик, внушается идея противопоставленности руководства области, губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева и управляющего делами Александра Мартусова, объявившего аукцион.

Характеристика действий Александра Мартусова за счёт использования таких лексических единиц, как *«самовольно», «без согласования»* формирует отрицательное оценивание поступка управляющего делами. Увеличивают степень отрицательной оценки и шаблонные обороты, имплицитно выражающие совершение преступления: *«Факт аукциона вскрылся в результате проверки целесообразности бюджетных средств»; Управляющий делами Александр Мартусов привлечён к дисциплинарной ответственности»*. Использование подобных стереопитных фраз моделирует интенциональное противопоставление губернатора области и управляющего делами по принципу «самовольный чиновник, нарушивший закон – справедливый губернатор, пекущийся о благе народа».

Таким образом, сопоставляемые сюжеты, представляющие «зеркальное» словесное отражение друг друга, в целом направлены на формирование отрицательного отношения адресата к отчуждаемым явлениям (*«ряду СМИ»;* совершившему преступление чиновнику) и положительного отношения к тому, что входит в сферу «своё» (СМИ, не сообщившие о факте аукциона; губернатор, наказавший преступника). Подобные интенциональные установки выражаются в «копиальном» тексте, характер которого во многом обусловлен жанровыми особенностями. Креативность журналиста в таких текстах нивелируется, сводится до копирования исходного текста (информации пресс-службы), что, безусловно, снижает общепрофессиональный уровень «мастера слова».

Представление данного события в печатном издании – областной газете «Кузбасс» – также отличается языковой шаблонностью, стереотипностью построения материала. Текст статьи организуется за счёт стандартных языковых моделей:

Вопрос-ответ

Слышала, что администрация области за счёт областного бюджета решила заказать партию золотых часов с бриллиантами. Кто их будет носить? И разве можно властям так шиковать во время кризиса? М. Климова, Кемерово.

Часов не наблюдается

Распоряжением губернатора Амана Тулеева отменён открытый аукцион на изготовление партии женских золотых часов в количестве тридцати экземпляров. Как утверждает пресс-служба администрации области, эти часы предназначались для награждения учителей, работников сельского хозяйства в дни профессиональных праздников, а также матерям-героиням в День матери.

Губернатор указал инициаторам проведения аукциона, управлению администрации области, что сейчас не то время, когда можно вручать такие дорогие награды, пусть даже самым заслуженным людям региона.

Предполагалось, что наручные женские золотые часы с бриллиантами и перламутровым циферблатом будут оснащены швейцарским кварцовым механизмом ETA или его эквивалентом и будут укомплектованы лакированным футляром из дерева ценных пород.

Как видно из приведённого текста, в статье содержится большое количество клишированных выражений: *Распоряжением губернатора Амана Тулеева…; Как утверждает пресс-служба администрации области…; Губернатор указал инициаторам проведения аукциона…* и др. Между тем, несмотря на внешнюю схожесть, информация в печатном издании отличается от текстов телеинформации. В данном случае можно говорить скорее не о «зеркальном» отражении первичного текста (информации пресс-службы), а об использовании общеязыковых, «стёршихся» фраз и выражений. Как представляется, нетождественность представления одного события в печатном и аудивизуальном СМИ также обусловлена жанровыми признаками и интенциональными установками.

Креативность журналистов газеты «Кузбасс» проявляется прежде всего в выборе жанровой природы материала: статья предстаёт не в виде «копиального» отражения информации пресс-службы, а в виде рубрики «Вопрос-ответ». Жанровая специфика материала мотивирует преобладание прежде всего информативной, а не оценочной функции. Главная цель статьи – дать полный, исчерпывающий, достоверный ответ на вопрос об объявленном аукционе, т.е. на первый план выходит интенция информативности.

Информативный характер статьи предопределяет использование выражений, подчёркивающих достоверность информации *(«распоряжением губернатора», «как утверждает пресс-служба администрации области», «губернатор указал» и др.)* и детальное описание события *(«в количестве 30 экземпляров», «золотые часы с бриллиантами и перламутровым циферблатом» и т. д.)*.

Установка на информативность мотивирует отсутствие в статье эксплицитного и имплицитного противопоставления «хорошей» работы «нашей, своей газеты» и «плохой» работы *«ряда СМИ»*, упоминание о которых даже не содержится в «Кузбассе». Автор статьи не пытается найти виновников описываемого события, в статье нет обвинения конкретных лиц, лишь называется инициатор – *«управление делами администрации области»*. Подобная организация лишает текст эмоциональных оттенков, имплицитных смыслов, способствует выделению доминирующей информативной функции. Журналист, создающий такие тексты, с одной стороны, также отличается стереотипностью, проявляющейся прежде всего в речевой организации текста (использование общеязыковых стереотипных фраз), а с другой стороны, характеризуется определённой креативностью, проявляющейся в трансформации первичного текста пресс-службы (представление его в виде нового жанра). В классификации типов языковых личностей такая разновидность называется смешанным типом, соединяющим признаки стереотипности и креативности.

Таким образом, проведённое сопоставление текстов на одну тему подтверждает выдвинутую гипотезу об обусловленности характера стереотипности/нестереотипности жанровыми особенностями и интенциональными установками.

Литература

1. Богин, Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов / Г. И. Богин. – Л., 1984.

3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987.

4. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996.

5. Прокудина, И. С. Лингвокогнитивные стили репродуцирования: (на материале студенческих рефератов) / И. С. Прокудина. – Кемерово, 2009.

6. Седов, К. Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. – Саратов, 1999.

УДК 81’42:821161.1Белый.07

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА А. БЕЛОГО И ЕГО МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

И. В. Кочетова

COLOUR SYMBOLIC AS A REFLECTION OF CREATION METHOD OF A. BELIY AND HIS META-LANGUAGE MIND

I. V. Kochetova

Статья посвящена описанию цветовой символики лирики А.Белого. Выявляется роль цветообозначений в создании художественных образов, символичности поэтических текстов. Сопоставляется субъективное, индивидуальное и традиционное восприятие цвета.

The article is devoted to the description of color symbolism in the lyric poems of A. Belyi. The role of color in the creation of artistic images, the symbolic character of poetic texts is revealed. The comparison is drawn between subjective, individual and traditional perception of color.

Ключевые слова: цветовая символика, авторское мировидение, метаязыковое сознание, языковое сознание.

Key words: colour symbolic, author’s world vision, meta-language mind, language mind.

У каждого человека свое «видение» мира, свое восприятие и интерпретация литературных произведений. В связи с этим и символы, возникающие в сознании читателей, могут интерпретироваться по-разному. Категория цвета используется в художественных текстах как средство эстетического и эмоционального воздействия на читателя и как средство выражения авторской интенции. Цветовое решение, к которому прибегает автор, влияет на образное мышление читателя и вызывает широкий круг ассоциаций. Цветовая окрашенность образов в поэзии способствует живому восприятию текста и конструированию новой яркой действительности в его воображении. В книге «Символизм как миропонимание» А. Белый написал: «Язык – наиболее могущественное орудие творчества. Слово создаёт новый, третий мир – мир звуковых символов. Поэтическая речь и есть речь в собственном смысле: великое значение ее в том, что она ничего не доказывает словами; слова группируются так, что совокупность их дает образ. Восприятие живой, образной речи побуждает нас к творчеству; в каждом живом человеке эта речь вызывает ряд деятельностей; образная речь плодит образы; каждый человек становится немного художником, слыша живое слово. Живое слово (метафора, сравнение, эпитет), есть семя, которое сулит множество цветов; у одного оно прорастает как белая роза, у другого как синенький василек. Главная задача речи – творить новые образы, вливать их сверкающее великолепие в души людей, дабы великолепием этим покрыть мир. Слово-образ – подобно живому человеческому существу: оно творит, влияет, меняет своё содержание. Весь процесс творческой символизации уже заключён в средствах изобразительности, присущих самому языку; в языке, как в деятельности, органическим началом являются средства изобразительности» [Белый, 1994, с. 131 – 142].

А. Белый известен не только как поэт, но и как теоретик символизма. Его суждения об этом творческом методе являются отражением его метаязыкового сознания.

«Область рациональнологического, рефлексирующего языкового сознания, направленная на отражение языка-объекта как элемента действительного мира, называется метаязыковым сознанием. Метаязыковое сознание включает не только сферу явного, вербализованного сознания, но и сферу скрытого сознания, поэтому граница уровня метаязыкового сознания размыта и получает четкие очертания лишь при условии вербализации результатов рефлексии над языком» [Ростова, 2000, с. 45].

Вслед за А. Н. Ростовой, под метаязыковым сознанием мы будем понимать «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии. Метаязыковое сознание существует в рамках языкового сознания как его составляющая, реализующая интерпретационную функцию» [Ростова, 2000, с. 45]. Существуют и другие точки зрения на метаязыковое сознание. Например, П. Я. Гальперин высказал мысль о том, что языковое сознание (и метаязыковое сознание как его компонент) является формой общественного сознания [Гальперин, 1977, с. 98]. «Метаязыковое сознание – это область пересечения когнитивного и языкового сознания, область рационального понимания языка и его интерпретации» [Ейгер, 1882, с. 45].

Рассмотрим, как соотносятся творческие установки А. Белого с его поэтической практикой.

Обратившись к различным словарям, можно отметить, что значения слова «*символ*» многообразны: «Символ – один из видов слов, которые получают в художественном тексте кроме основных значений ещё и новые» [Новиков, 1998, с. 298]; «символ – универсальная эстетическая категория, раскрывающаяся через сопоставление, с одной стороны, со смежными категориями художественного образа, с другой – знака и аллегории. Смысловая структура символа многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего» [Николюкин, 2003, с. 976 – 978]; «символом принято называть такую разновидность словесно-

художественного образа, которая обладает повышенной значимостью и особой силой обобщения» [Федотов, 2003, с. 210 – 211]. Нам видится значимым определение: «Символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и он есть знак, наделённый всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа. Истолкование символа есть диалогическая форма знания: смысл символа реально существует только внутри человеческого общения, вне которого можно наблюдать только пустую форму символа» [Николюкин, 2003, с. 978]. Сам А. Белый «производил» слово «символ» от глагола «сюмбалло» – «соединяю». Символизм – «осуществлённый до конца синтез, а не только соположение синтезирующих частей. Все невыразимое, сверхчувственное, неадекватное внешнему слову способен передать на сокровенном языке намека и внушения символ. Смысл истинного символа неисчерпаем, для Белого символ – и художественный символ, и окно в мистический, запредельный мир, и категория мира реального» [Белый, 1997, с. 14]. «Символ есть образ, взятый из природы и преобразованный творчеством; символ есть образ, соединяющий в себе переживания художника и черты, взятые из природы. В этом смысле всякое произведение искусства символично по существу» [Белый, 1994, с. 22].

Лирика А. Белого отличается особой живописностью, своё творчество он называл «красочными транскрипциями», т.е. зримость поэтического текста не вызывала у него сомнений. Известно, что поэт стремился к символическому познанию мира, отсюда его интерес к цвету как источнику символики в поэзии. В своей книге «Символизм как миропонимание» он написал: «Свет отличается от цвета полнотою заключённых в него цветов. Цвет есть свет, в том или другом отношении ограниченный тьмою. Отсюда феноменальность цвета» [Миронова, с. 201].

В словаре символов Дж. Тресиддера отмечается, что, например, *белый* цвет символизирует чистоту, истину, невинность, жертвенность или божественность. Однако при этом имеет и негативную окраску – может олицетворять страх, трусость, холодность, пустоту, смерть [Тресиддер, 1999, с. 23]. Черный – «цвет негативных сил и печальных событий» [Тресиддер, 1999, с. 10]. В статье «Священные цвета» А. Белый рассматривает эти же цвета с философской точки зрения, подчеркивая их особое предназначение: «*белый* цвет – символ воплощённой полноты бытия, *черный* – символ небытия, хаоса. *Черный* цвет феноменально определяет зло как начало, нарушающее полноту бытия, придающее ему призрачность» [Белый, 1994, с. 201].

В стихотворениях поэта *белый* цвет выступает как символ чистоты, невинности, светлого начала: «*Сияет роса на листочках. / И солнце над прудом горит. / Красавица с мушкой на щечках, как пышная роза, сидит. // Любезная сердцу картина! / Вся в* ***белых****, сквозных кружевах*» («Объяснение в любви»), «*Меж вешних камышей и верб / отражена её кручина. / Чуть прозиявший* ***белый серп*** */ Летит лазурною пустыней – / В просветах заревых огней / Сквозь полосы далеких ливней*» («Судьба»). *Черный* цвет подчеркивает темную окраску описываемого предмета, а иногда включает в себя отрицательную оценку: «*Вся черная ее семья*» («Паук»), «*Я черный вор-мерзавец*» («В городке»). Используя в последнем высказывании цветонаименование *черный*, поэт подчеркивает и усиливает отрицательную коннотацию существительного «вор», которое вместе с приложением «мерзавец» уже содержит в себе указание на то, что речь идет о плохом человеке.

Завадская Е. В. отметила, что главным признаком поэтической силы сборника «Золото в лазури» А. Белого является живописная наглядность, когда поверх многосмысленной символики играет и цветет само поэтическое слово [Завадская, 1988, с. 467]. Стихотворения этого сборника оказались великолепной пейзажной лирикой, воздействующей на читателя своей непосредственно художественной образностью и удивляющей подбором цветообозначений: «*Я вдаль смотрел – тянулась паутина / на* ***голубом*** */ из* ***золотых*** *и лучезарных ниток…/ Звучало мне: / «И времена свиваются, как свиток*» («Закаты»); «*Сияя перстами, заря рассветала / над морем, как* ***ясный рубин*** */ Крылатая шхуна вдали утопала. / Мелькали* ***зубцы белых льдин***» («Жизнь»); «*Солнца контур старинный /* ***Золотой, огневой, / Апельсинный и винный*** */ Над* ***червонной*** *рекой*» («В полях»).

Сборник «Золото в лазури» насыщен красочными эпитетами, Белый стремится передать многообразие каждого цвета, выявляя его оттенки [Завадская, 1988, с. 468]. Например, *красный* цвет представлен как *пунцовый:* «*Толпа, войдя во храм, задумчевей и строже. / Лампад* ***пунцовых блеск*** *и тихий возглас: «Боже…» // И* ***лики золотом пунцовым заблистали***» («Во храме»); *пурпурный*: «*Бросают по воздуху* ***красно-пурпурные стрелы***» («Битва»); *багряный*: «*Вдали горизонт золотой / подернулся дымкой* ***багряной***» («Три стихотворения»); *огнистый*: «*Капля крови* ***огнистой*** *слезой / застывала, дрожа над челом*» («Вечный зов»); *червонный* «Червонный – красный, алый» [Ожегов, 1997, с. 880]: «*Пронизанный тканью* ***червонных*** *пожаров*» («Битва»); *малиновый* «Малиновый – густо-красный с фиолетовым оттенком, цвета малины» [Ожегов, 1997, с. 339]: «*С* ***малиновой*** *розой в руке*» («Объяснение в любви»).

«В *красном* цвете сосредоточены ужас огня и тернии страданий», по мнению автора [Белый, 1994, с. 205]. Обычно *красный* цвет связан с сильными ощущениями: страхом, любовью, накалом страстей, агрессией: «*Мы колыхали* ***красный гроб****; / Мы траурные гнали дроги*» («Арлекинада»), «*И всадил я ножик вострый / В грудь по рукоять //* ***Красною струею*** *прыснул /* ***Красный крови*** *ток*» («Убийство»), «*Зари /* ***Краснеет красный*** *край*» («Смерть»), «*Ей грезится жар поцелуя… / Вдали очертаньем неясным / стоит неподвижно статуя, / охвачена заревом* ***красным***» («Променад»).

Желтый цвет не является ведущим в лирике А. Белого. Нами было выявлено всего 14 словоупотреблений: в сборнике «Пепел» – 9, «Урна» – 5, в сборнике «Золото в лазури» ни одного. В стихотворениях этого сборника определяющим является цве-

тонаименование *золотой*, которое встречается 24 раза. Цветообозначение *желтый*, как правило, содержит в себе прямое указание на цвет, выражая нейтральное отношение к описываемому предмету: «*Лишь глыба над ним земляная / Осыпалась* ***желтым песком***» («Каторжник»), «***Листвою желтой****, блеклой, / Слезливой, мертвой мглой / Постукивает в стекла / Октябрьский дождик злой*» («Телеграфист»); однако в нескольких стихотворениях цветообозначение *желтый* выступает как символ зла, жестокости: «*В атласах мрачных легким локтем / Склонясь на мой рабочий стол, / Неотвратимо* ***желтым ногтем*** */ Вдоль* ***желтых строк*** *мой взор повел*» («Искуситель»), «*Где в душу мне смотрят из ночи, / Поднявшись над сетью бугров, /* ***Жестокие, желтые очи*** */ Безумных твоих кабаков*» («Отчаянье»); а также смерти: «*С милой гостьей:* ***желтой костью*** */ Щелкнет гостья: гостья – смерть. / Прогрозит и лязгнет злостью / Там косы сухая жердь*» («Маскарад»), «*Сложивши руки без борьбы, / Судьбы я ожидал развязки. / Безумства мертвые рабы / Там мертвые свершали пляски: // В своих дурацких колпаках, / В своих ободранных халатах, / Они кричали в* ***желтый прах****, / они рыдали на закатах*» («Успокоение»). В отличие от *желтого* цвета, колорема *золотой* практически всегда несет на себе положительную окраску, воздействуя на читателя эмоционально, вызывая ощущение радости, восторга, символизируя яркость и насыщенность жизни: «*Солнцем сердце зажжено. / Солнце – к вечному стремительность. / Солнце – вечное окно / в* ***золотую ослепительность***» («Солнце»). Очень часто поэт использует цветообозначение *золотой* с существительным *солнце* либо другое, заменяющее это небесное светило: «***Солнца*** *контур старинный, /* ***золотой, огневой / апельсинный и*** *винный / над* ***червонной*** *рекой // От воздушного пьянства / онемела земля. /* ***Золотые*** *пространства,* ***золотые*** *поля*» («В полях»). В этом стихотворении поэт усиливает значение колоремы *золотой*, используя красочные эпитеты: «*Согретые* ***жаром тепла золотого*** */ другие глядят на картину, а третьи валяются, ноги задрав*» («Игры кентавров»), «*И на море от солнца / золотые дрожат языки*» («Золотое руно»), «*Нальется в окна бирюза /* ***Воздушное нальется злато***» («Пока»). Иногда автор заменяет колорему *золотой* прилагательным *солнечный*: «*В тучу прячется* ***солнечный диск***» («Три стихотворения»), «*А над морем садится / ускользающий* ***солнечный щит***» («Золотое руно»). Цветообозначение *золотой* рождает в сознании читателя образы, связанные с роскошью, богатством, празднеством. Именно такими и предстают стихотворения А. Белого: роскошными по обилию в них ярких колорем, богатыми по количеству возникающих образов, праздничными по создаваемым в них сюжетам.

Зеленый цвет традиционно символизирует жизнь, возрождение природы, гармонию, молодость, именно поэтому он передаёт только позитивные эмоции. В лирике поэта нами не были выявлены примеры использования цветообозначения *зеленый*, выходящие за рамки традиционного восприятия. Как правило, А. Белый прибегает к *зеленому* цвету для описания:

– травы, растительного мира: «*От всего золотого / к ручейку убегу – / холод ветра ночного / на* ***зеленом лугу***» («В полях»), «*Весь день старый в золоте солнца играл, /* ***зеленые ветви*** *рукой раздвигал*» («Кентавр»), «*Туда, на равнине горбатой, – / Где стая* ***зеленых дубов****…*» («Отчаянье»);

– одежды: «*Колпак слетел, но гном трубит – ученый. / В провал слетели камни под ногою. / Трубою машет.* ***Плащ*** *его* ***зеленый*** */ над бездною плещется седою*» («Возврат»), «*Стоят на запятках лакеи / в* ***чулках*** *и* ***ливрее зеленой***» («Променад»), «*Уехал он…/ В* ***чепце зеленом***» («Судьба»);

В нескольких стихотворениях синонимами цветонаименования *зеленый* выступают прилагательные *изумрудный* («прозрачно–зеленый») [Ожегов, 1997, с. 243]: «*Одетый в плащ зари вечерне-темный / и в* ***туфли изумрудные*** *обутый, / идет мой гном…*» («Возврат»); *бледно-зеленый* «*Я долго, тщетно ждал, / В мечту свою влюбленный…/ На западе сиял /* ***смарагд бледно-зеленый***» («Жертва вечерняя»).

Цветообозначения *синий* и *голубой* равнозначны по количеству употреблений в тексте, нельзя говорить о преобладающей роли какой-то одной из этих колорем. Л. Н. Миронова отмечает: «Символика синего исходит из физического факта — синевы безоблачного неба. В мифологическом сознании небо всегда было обиталищем богов, духов предков, ангелов; отсюда главный символ *синего* – божественность, а также таинственность, благородство, чистота» [Миронова, с. 17]. У А. Белого подобное символическое значение не встречается. В художественных текстах поэт использует *синий* цвет при описании природных явлений: «***Снега синей****, снега туманней; / Все освеженней дышим мы*», «*Навеяв* ***синий, синий иней*** */ В стеклянный ток остывших вод / На снежной бархатной пустыне / Воздушный водит хоровод*» («Зима»); «*Слетела из* ***синего неба*** */ чета ошалелых ворон*» («Путь»). Два раза для описания внешности человека: «*Уснувший дом. И мы вдвоем. / Пришла: «Я клятвы не нарушу!» /* ***Глаза:*** *но* ***синим, синим льдом*** */ Твои* ***глаза*** *зеркалят душу*» («Я это знал»); «*Наливались / на лбу его* ***синие жилы***» («Отставной военный»).

«Негативная символика *синего* исходит из близости этого цвета к *черному*, то есть цвету смерти и зла», считает Л. Н. Миронова [Миронова, с. 18]. У А. Белого выявлено несколько случаев использования цветонаименования *синий* с актуализацией смыслов «смерть», «безвыходность», «отчаянье», «неясность»: «*Дни за днями, год за годом: / Вновь за годом год / Недород за недородом / Здесь – немой народ // Пожирают их болезни… / Иссушает глаз / Померцает в* ***синей бездне*** *– / Продрожит – алмаз // Да заря багровым краем / над бугром стоит. / Злое поле жутким лаем / Всхлипнет; и молчит*» («Деревня»); «*Там искры, провеяв устало, / Взлетали, чтоб в ночь утонуть; / Да горькая песнь прорыдала / Там в* ***синюю, синюю муть***» («Каторжник»). В этих случаях, используя вместе с существитель-

ными бездна – («глубокая пропасть, пучина») [Ожегов, 1997, с. 40] и муть («осадок, непрозрачный, мутный») [Ожегов, 1997, с. 371] колорему *синий,* поэт дополняет и одновременно усиливает прагматическое значение словосочетания. В ассоциативном представлении бездна – безграничность, бездонность, бесконечность; муть – неясность. Отрицательная коннотация этих существительных является определяющей для формирования эстетического смысла прилагательного «*синий*».

Цветонаименование *голубой* отличается сентиментальностью, нежностью, лёгкостью. В лирике А. Белого оно обычно характеризует небо или, не называя, подразумевает его: «*За солнцем, за солнцем, свободу любя, / умчимся в* ***эфир / голубой***» («Золотое руно»), «*Я сижу под окном. / Прижимаюсь к решетке, молясь. /* ***В голубом*** */ все застыло, искрясь*» («Вечный зов»), «*О смейся и плачь: в* ***голубом****, как бисер, рассыпаны тучи*» («Бальмонту»), «*Одиноко плещет ива / В* ***голубую твердь***» («Предчувствие»). Отметим, однако, что встречаются стихотворения, в которых общий контекст передает печаль, грусть, тоску: «*Заковали ноги вам / В цепи / Вспоминали по утрам / Степи //* ***За решеткой в голубом*** */ Быстро ласточки скользили. / Коротал я время сном / В желтых клубах душной пыли*» («Арестанты»), «*Под ногой – сухие корни, / А под носом – смерть. / Выше, виселища, вздерни /* ***В голубую твердь***» («Виселица»). Наряду с *голубым* А. Белый часто использует цветонаименования: *лазурный* – («цвета лазури, светло-синий») [Ожегов, 1997, с. 318], *лазоревый* – («голубой, лазурный») [Ожегов, 1997, с. 318], которые передают настроение радости, веселья: «*Веселый кентавр средь* ***лазурного дня*** */ дождем незабудок осыпал меня*» («Кентавр»), «*Душа моя… / и ветер пыль / В холодное пространство бросит, – / В* ***лазуревых просторах*** *носит*» («Паук»), «*И отверзается над нами / Недостижимый край родной / Открытою над облаками /* ***Лазуревою глубиной***» («Жизнь»).

Цветообозначение *бирюзовый* – («зеленовато-голубой») [Ожегов, 1997, с. 48] можно отнести как к *зеленому*, так и к *синему* цветам, но в художественных текстах А. Белого *бирюзовый* чаще идентифицируется с *синим, голубым*: «*Глаза к небесам подними: / С тобой* ***бирюзовая Вечность***» («Бальмонту»), «*Жизнь –* ***бирюзовою волной*** */ Разбрызганная глубина. / Своею пеною дневной / Нам очи задымит она*» («Жизнь»), «*Душа, яви безмерней, краше / Нам опрозрачненную твердь! / Тони же в* ***бирюзовой чаше****, / Оскудевающая смерть*» («Вольный ток»).

О *сером* цвете А. Белый написал: «Воплощение небытия в бытие, придающее последнему призрачность, символизирует *серый* цвет» [Белый, 1994, с. 201]. Цветонаименование *серый* является пограничным между *белым* и *черным* цветами. Эта колорема воспринимается как нейтральная, «безликая». В некоторых художественных текстах цветообозначение *серый* заменяется прилагательными: *седой, сизый*. Семантика прилагательного *седой* актуализирует связь между *серым* и *белым* цветами, так как эта колорема может обозначать и «белесый и тускло-серый цвет» [Ожегов, 1997, с. 708]. В свою очередь семантика прилагательное *сизый* совмещает в себе оттенки *серого* и *синего* цветов: «*Из дали грозной Тор воинственный / грохочет в тучах. / Пронес огонь-огонь таинственный / на* ***сизых кручах***» («Поединок»). К цветонаименованиям, содержащим двойное указание на цвет, относятся: *дымно-синий, пепельно-черный*: «*Вы шумите. Табачная гарь /* ***Дымно-синие*** *стелет* ***волокна***» (Безумец»), «*Багрец золотых вечеров / закрыли фабричные трубы / да* ***пепельно-черных дымов*** */ застывшие клубы*» («На окраине города») Цветообозначение *серый* и его синонимы поэт использует для описания:

– природы и природных явлений: «*Осколок месячный: – / Над сетью* ***серых елок*** */ летит в провал пространств / Иных, пустых, ночных*» («Прости»), «*Ветер. Никнет споря, ряд* ***седых берез***» («Одни»), «*Плещут облаком косматым /* ***По полям седым*** */ Избы, роем суковатым / Изрыгая дым*» («Деревня»), «*Все забудем: отдохнем – / Здесь,* ***в волнах седой ковыли***» («Арестанты»); «*То* ***серый*** *сеется там* ***дождь****, / То – небо голубеет степью*» («Пока над мертвыми людьми»), «*Вновь дали мерит взором! – / Сырой осенний дым / Над гаснущим простором / Пылит* ***дождем седым***» («Телеграфист»);

– одежды: «*На камень упал бел-горючий. / Закутался в* ***серый халат***» («Каторжник»), «*Лакей ее седой, / В потертом* ***сером фраке***» («Старинный дом»), «*Укрой меня* ***плащом седым****, / Приемли скатерть ледяная*» («Я это знал»);

– внешности человека, подчеркивая его преклонный возраст: «*Ты, прошлое вспомнив, тихонько вздохнула, / поникла* ***седой головой***» («Жизнь»), «*Протопорщился избенок / кривобокий строй / будто* ***серых старушонок*** */ полоумный рой*» («Вечерком»), «***Седой****, полуслепой* ***старик*** *– / Язвительным немым вопросом / Морщинистый воскинул лик*» («Арлекинада»), «*Всю ночь кладет поклоны /* ***Седая попадья***» («Поповна»).

– мрачных картин: «*Колпак слетел, но гном трубит – ученый. / В провал слетели камни под ногою / Трубою машет. Плащ его зеленый /* ***над бездною полощется седою***» («Возврат»), «*Он сбросил врага, и в поток / бессильное тело слетело. / И враг больше выплыть не мог, и пена реки заалела. // Он поднял обломок скалы, / Чтоб кинуть в* ***седую пучину***» («Битва кентавров»), «*Года проходили…* ***Угрозой седою*** */ полярная ночь шла на нас. / Мы плакали молча, прощались с холодной зарею / в вечерний, тоскующий час*» («Жизнь»).

Интересно рассмотреть цветообозначение *серебряный*, в значении которого присутствуют две цветовые семы (*белый и серый*). Контекстуальный анализ художественных текстов А. Белого показал, что в большинстве случаев эта колорема передает оттенок *серого* цвета, подчеркивая его «мерцание», «блеск»: «*Порыв разгулявшейся стужи / В полях разорвется, как плач. / Вон там: – из* ***серебряной лужи*** */ Пьет воду взлохмаченный грач*» («Бурьян»), «*Огонечки небесных свечей / снова борются с горестным мраком. / И ручей / чуть* ***сверкает серебряным знаком***» («Бальмонту»), «*За ним удаленным*

контуром / над пенною бездной кентавр / стоит изваянием хмурым. // Под ним ***серебрится река***» («Битва кентавров»). Однако в сборнике «Урна» цветонаименование *серебряный* передает оттенок *белого* цвета: «*Люблю деревню, вечер ранний / И грусть* ***серебряной зимы***» («Зима»), «*В окне: там дев сквозных пурга, /* ***Серебряных****, – их в воздух бросит; / С них отрясает там снега, / О сучья рвет; взовьет и носит*», «*Так это ты (ужель, ужель!), /* ***Моя серебряная дева*** */ (Меня лизнувшая метель / В волнах воздушного напева)*» («Я это знал»).

Подводя итог, можно сделать вывод: восприятие цвета может быть субъективным, индивидуальным, а может быть традиционным, характерным для многих людей: *зеленый* цвет – цвет возрождения, молодости, *желтый* цвет – символ хорошего настроения, яркости, а иногда и печали. Поэт, создавая свои художественные произведения, стремится использовать цветообозначения, которые с особой силой будут воздействовать на читателя, заставляя работать его воображение. Именно поэтому практически каждая колорема в лирике А. Белого – это символ, знак, указывающий на исключительность художественного образа. Например, цветообозначение *золотой* усиливает образ *солнца*, которое в художественном мире поэта является не просто небесным телом, а символом праздника, веселья, радости. Цветонаименование *белый* редко встречается в стихотворениях (21 словоупотребление). Преобладающими являются колоремы: *золотой* (39) и *голубой*, *лазурный* (27). Возможно, это связано со стремлением А. Белого воспринимать жизнь исключительно в ярких красках написал Н. Поярков: «Белый не любит сумрака и тени, все для поэта огневеет, искрится и лучится» [Поярков, 2004, с. 83-84].

В художественных текстах слово наделяется символическим значением, приобретает особенную смысловую насыщенность и яркость. По мнению А. Белого, «символизм отпечатался в литературе тремя существенными лозунгами, которыми он и руководствовался, создавая свои стихотворения: 1) символ всегда отражает действительность; 2) символ есть образ, видоизмененный переживанием; 3) форма художественного образа неотделима от содержания» [Белый, 1994, с. 257].

Литература

1. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М., 1994. – 528 с.
2. Гальперин, П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимодействия языка и мышления / П. Я. Гальперин // Вопросы философии, 1977. – № 4. – С. 95 – 101.
3. Ейгер, Г. В. Языковое сознание: психолингвистический и методический аспект / Г. В. Ейгер, М. М. Гохлернер. – Харьков, 1882. – С. 45.
4. Завадская, Е. В. Живописность А. Белого / Е. В. Завадская // Проблемы творчества. – М., 1988. – С. 461 – 469.
5. Миронова, Л. И. Символика цвета / Л. И. Миронова: www. Mironovacolor.org.
6. Николюкин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2003. – 1600 стб.
7. Новиков, В. И. Энциклопедический словарь юного литературоведа / В. И. Новиков, Е. А. Шкловский. – 2-е изд. – М.: Педагогика-Пресс, 1998. – 424 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
9. Поярков, Н. Андрей Белый «Золото в лазури» // А. Белый: pro et contra / Н. Поярков, А. В. Лаврова. – СПб.: РХГИ, 2004. – 1048 с.
10. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания: (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 194 с.
11. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – М., 1999. – 448 с.
12. Федотов, О. И. Основы теории литературы / О. И. Федотов: учебное пособие для студ. высш. учеб. завед.: в 2 ч. – М.: Владос, 2003. – Ч. 1. – 272 с.

УДК 81’27

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ И ЯЗЫКОВЫХ ПРАВИЛ
(на примере сочинительных конструкций в русском языке)

О. Осборн

TO THE QUESTION OF LANGUAGE NORMS AND LANGUAGE RULES DIVISIONS
(on the example of coordinative constructions)

O. Osborn

Статья посвящена обсуждению проблемы разграничения языковых норм и языковых правил. На примере нетипизированных сочинительных конструкций обосновывается функционально-прагматическая обусловленность языковых норм.

The article is devoted to consideration of differentiating linguistic standards and linguistic rules. The functional-pragmatic dependence of linguistic standards is proved on the example of non-typized coordinating constructions.

Ключевые слова: языковые нормы, языковые правила, нетипизированные сочинительные конструкции

Key words: language norms, language rules, non-typical coordinative constructions.

В современной лингвистике язык рассматривается прежде всего как средство коммуникации. Признание необходимости изучения социальной направленности языка (начиная с работ Бодуэна де Куртене) наблюдается в различных исследованиях, посвящённых проблемам обусловленности языковых вариантов и изменений в языке социальными явлениями. Следует отметить, что данный круг проблем рассматривается не только в социолингвистике – науке, изучающей функционирование языка в социуме. Социальный аспект языка также выделяется в различных лингвистических исследованиях (например, в традиционном языкознании, прагматике, при изучении формирования концептов языковой картины мира и т. д.). Общим для таких исследований является понятие языковой нормы и её кодификации.

В определении понятия *норма* её социальный характер, проявляющийся в установлении и закреплении границ того или иного понимания корректности в целях регламентирования человеческой деятельности, подчёркивается практически во всех энциклопедиях и словарях. В различных работах, посвящённых проблеме языковых норм, также отмечается их социальная характеристика [1; 2; 3; 6; 7; 8]. В исследовании языковых норм нидерландский лингвист Р. Бартщ опирается на положение немецкого учёного В. Хартунга, который подчёркивал, что теория лингвистических норм должна представляться как динамическая теория, изучающая нормы в рамках социальных отношений. Другой немецкий исследователь Н. Лахманн утверждает, что основная функция норм состоит в уменьшении сложности и сокращении непредвиденных обстоятельств в природной и социальной действительности, что помогает ориентироваться индивидууму в любых условиях, так как его ориентация совпадает с ориентацией других людей (цит. по: [6, с. 126]). В этом смысле назначение нормы усматривается в облегчении сосуществования людей и эволюции социума в различных аспектах – культурном, социальном, технологическом и так далее. Аналогично, на наш взгляд, основная функция языковой нормы, обусловленная её социальным характером, заключается в увеличении эффективности коммуникации между носителями того или иного языка, следовательно, в облегчении понимания друг друга и сокращении двусмысленности в процессе общения, что, в свою очередь, способствует (или в идеале должно способствовать) общественному развитию в тех же различных аспектах – культурном, социальном, технологическом и других.

Вслед за Р. Бартщ, мы считаем, что следует различать языковые нормы и языковые (грамматические) правила. Важнейшим выводом в рассуждениях нидерландского лингвиста является то, что языковые нормы представляют собой нормы лингвистического *продукта*, но не лингвистического продуктирования. Языковые правила не являются языковыми нормами, они лишь выступают в качестве средств организации, систематизирования различных норм. Обучение языку предполагает *обучение нормам* данного языка; набор таких норм образуется не только путём ограничений в социальном аспекте, но и благодаря процессу систематизации языковых явлений, который происходит неосознанно. Р. Бартщ отмечает гибкость процесса структурирования языка и подчёркивает, что систематизация языковых явлений не может сводиться к установлению единого набора правил [6, с. 155, 190 – 192; 7, с. 49]. Язык, согласно Р. Бартщ, находится под влиянием трёх, непостоянных, в свою очередь, факторов. Первый фактор – биологический: биологическая основа человеческого поведения, восприятия и познания, с одной стороны, и, с другой стороны, процессы, происходящие в нервной системе, при изучении или познании. В качестве второго фактора выступает окружающий нас мир, который должен получить языковую репрезентацию посредством выработки основных концептов и базисного синтаксиса. Третий фактор - нормативность языкового коллектива, выражающаяся в выработке стандартов языкового общения. Первый фактор обычно адаптируется к остальным. Однако второй и третий факторы не являются стабильными, поскольку мир вокруг нас постоянно меняется, аналогично меняются и языковые стандарты [7, с. 53].

По этой причине построение фиксированной единой грамматической системы отдельного языка в принципе невозможно. Отмеченный двойственный характер систематизирования языковых данных порождает два различных аргумента в пользу асистемных свойств нормы, что, на наш взгляд, определяет такое свойство языковой системы, как гибкость. С одной стороны, систематизирование языковых норм как сознательный процесс может основываться на различной базе. В зависимости от того, какой аспект систематизации был выбран, какие методы использовались в этих целях и какие конкретные отношения между компонентами выстраиваемой системы были рассмотрены, различные результаты систематизации будут получены. То, что является системным с одной точки зрения, может казаться асистемным, исключением из правил, согласно другой точке зрения. Зачастую лингвист может наблюдать конфликт норм, например, нормы фонетической системы определённого языка могут лежать в основе исключения из правил морфологии и наоборот. В этом смысле, грамматика любого языка представляет собой лишь очень обобщённый свод стандартных высказываний и выражений. С другой стороны, систематизация лингвистических данных происходит посредством мозговой активности, следовательно, данный процесс в той или иной мере всегда субъективен. В результате говорящие постоянно являются источником новых высказываний, которые совсем не обязательно соответствуют существующим нормам. Более того, социальный аспект образования норм предполагает субъективность: носители языка устанавливают нормы общения и сами обязаны им следовать. Тот факт, что данный процесс непрерывен, свидетельствует в пользу естественного харак-

тера несоответствия традиционных грамматик разговорному языку. Набор норм бытового языка, языка каждодневного общения всегда отличается многообразием и подвижностью по сравнению с нормами, предписанными традиционной грамматикой.

Примечательно, что подобные выводы прозвучали и в работе российского лингвиста В. А. Ицковича «Очерки синтаксической нормы», где автор подчёркивал социальную направленность и мотивированность литературной нормы русского языка. В. А. Ицкович предложил строгое разделение *языковой нормы*, имплицитно выраженной в совокупности образцовых текстов, с одной стороны, и её *кодификации* – эксплицитном выражении нормы в форме различных грамматик и словарей, с другой стороны. Также В. А. Ицкович отдельно выделяет понятие *нормализации нормы*: если кодификация регистрирует современные нормы языка, то «нормализация – сознательное, целенаправленное воздействие на употребление тех или иных языковых средств» [2, с. 191]. Следует отметить, что сам автор признаёт тесную взаимосвязь явлений кодификации и нормализации и невозможность их разграничения в некоторых случаях, что может быть связано с индивидуальными взглядами кодификатора на нормативность языковых явлений. Данное положение также созвучно идеям Р. Бартщ. Нидерландский лингвист отмечает три основных источника, к которым, как правило, обращаются лингвисты при идентификации языковых норм: работы авторитетных ученых за последние сто лет, чьи взгляды и мнения обычно не оспариваются, ориентирование на определенную социальную или культурную группу людей (может быть, и региональную группу, как, например, Оксфорд по сравнению с другими регионами Англии) и собственная лингвистическая интуиция [6, с. 91]. В результате, отмечает Р. Бартщ, формулируется норма, в сомнительных случаях обычно принимается решение в пользу единства и целостности системы, хотя такое решение не всегда является рациональным в том смысле, что нормы стандартного языка могут быть далеки от норм фактической речи [там же]. На тот же факт обращает внимание и В. А. Ицкович: «Нормализация не знает вариантов, в ней противопоставляется рекомендуемое, желательное, «правильное» – нерекомендуемому, нежелательному, «неправильному»» [2, с. 192]. Показательно употребление автором кавычек в определении правильного / неправильного в языке, что лишний раз подчёркивает нецелесообразность попыток многих языковедов в выстраивании стройной грамматической системы, когда происходит «подгонка» тех или иных языковых фактов под существующие правила.

Таким образом, в настоящем исследовании языковые нормы понимаются как социальные сущности (термин Р. Бартщ), обеспечивающие эффективный процесс коммуникации в социоколлективе. Систематизация норм эксплицируется грамматическими правилами, закреплёнными грамматиками национальных языков. Отклонения от определённых языковых норм могут быть результатом конфликта различных систематизаций. В таком случае невозможно рассматривать отклонения как тривиальные ошибки. С другой стороны, отклонения от нормы может свидетельствовать о *нормотворчестве* носителей языка, чья профессиональная деятельность не связана с лингвистикой. Более того, известны результаты социолингвистических исследований (см., например, в [2; 6; 8]), свидетельствующие в пользу того, что говорящие обычно знают несколько вариантов той или иной языковой нормы и не используют постоянно один и тот же вариант. Именно по этим причинам, в различных ситуациях языкового общения естественно ожидать отклонений от правил традиционной грамматики, которые были установлены лингвистами на основе их собственной лингвистической интуиции.

В данной статье мы намерены продемонстрировать соотношение понятий лингвистических норм и лингвистических правил на примере нетипизированных сочинительных конструкций (НСК). Сочинительная связь возможна как между членами предложения (однородные члены предложения), так и между компонентами сложного предложения (сложносочинённое предложение). Общим для этих двух типов сочинительных конструкций (СК) является синтаксическая равноправность компонентов и вытекающая из этого возможность соотнесённости сочинённых компонентов некоему общему третьему. В случае однородных членов предложения (ОЧП) обязательными их характеристиками являются также общая синтаксическая функция и логическая однозначность. Формальными показателями сочинительной связи выступают сочинительные союзы, выражающие различные смысловые отношения между компонентами СК. Такова интерпретация синтаксического сочинения в современном языкознании.

Наряду с типизированными СК, обладающими полным набором вышеперечисленных характеристик сочинительной связи, выделяются НСК, в которых логика соединения кажется труднообъяснимой, а сочинительный союз, формально подтверждающий наличие сочинительных отношений, не эксплицирует тип таких отношений. Более того, в случае сочинения членов предложения в НСК затруднительно определить сочинённые компоненты как однородные, поскольку соединяются понятия, принадлежащие различным логическим планам, и зачастую (хотя и не всегда) такие члены предложения выполняют различную синтаксическую функцию. Тем не менее данные конструкции всё же являются сочинительными, о чём свидетельствует, в первую очередь, наличие сочинительного союза. В результате проведённых исследований мы пришли к выводу, что мотивация такого алогичного соединения в НСК объясняется прагматическими и когнитивными факторами: данные сочинительные отношения эксплицируются контекстуально, с учётом ассоциативного мышления говорящего, выделяющего понятия или явления действительности как соотносимые, как части некоего целого. Другими словами, «структура предложения формируется взаимо-

действием двух планов, в одном из которых получает отражение связь предложения с объективным миром, в другом – связь его с процессом мышления» [4, с. 24]. Проиллюстрируем данные положения примерами из произведений русской прозы.

Например, в предложении *... но припоминалось только одно – что, кажется,* ***вчера и неизвестно где*** *он стоял с салфеткой в руке и пытался поцеловать какую-то даму...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) выделяются нетипизированные ОЧП ***вчера и неизвестно где***, выраженные наречиями времени и места, и, соответственно, выполняющие нетождественные функции обстоятельств места и времени (семантическая однородность по В. З. Санникову). Согласно традиционной грамматике и логике, такое предложение, как *Назовите мне* ***время и место*** *своего рождения* является правильным, где безоговорочно выделяется однородный ряд ***время и место***, тогда как сочетание наречий ***когда и где*** большинством лингвистов будут признаны неоднородными, а сочетание наречия и существительного ***вчера и в ресторане*** и вовсе может быть определено как речевая ошибка. Однако в речи подобные высказывания встречаются часто. С когнитивной точки зрения, в вышеприведённых примерах, включая булгаковское предложение, временное и пространственное измерения сходятся в одной точке «здесь и сейчас», что позволяет говорящему объединить временные и локальные характеристики как равноправные и логически соотносимые для описания той или иной ситуации. В этом смысле существительные абстрактной семантики *время и место* могут быть заменены словами любого класса (вопросительные слова, наречия, существительные конкретной семантики, обозначающие определённый отрезок времени или определённое место) в условиях контекста, когда объект или ситуация описывается, представляется как бы в двух координатах пространства и времени единой темпорально-локативной плоскости.

В предложении *У Юшки в груди* ***кашель и невзгода*** *– пускай он питается полегче...* (А. Платонов. Чевенгур) логически несоотносимые понятия соединяются как однородные в целях подчеркнуть болезненное состояние персонажа. Невзгода в груди (эмоциональное состояние) метафорически соотносится с кашлем в груди (реальный симптом болезни) для одновременного описания физического и эмоционального состояния больного; значения обоих соединяемых компонентов осмысливаются как негативные, что усиливает эффект описания болезненности героя.

Следующее предложение является примером лексико-семантической однородности, где на семантическую близость сочинённых компонентов указывают их зависимые равнолексемные слова: *Рискни она,* ***при своём статусе и не в своё время****, бросить Борису Игнатьевичу такое обвинение – он размазал бы её по стене* (С. Лукьяненко. Ночной дозор. Свой среди своих). С точки зрения автора высказывания, обстоятельства неуместных обвинений складываются из двух компонентов: статус героини, не позволяющий критиковать босса, и неподходящий момент, когда её мнение не признаётся значимым, что, возможно, вытекает из статуса подчинённого. Сочинительная связь подчёркивает понимание неуместности обвинений в данной ситуации именно *в сочетании* указанных двух причин. В ином случае, в представлении автора, реакция босса не была бы, видимо, такой бурной.

В сложносочинённом предложении *У меня нет крыльев,* ***но*** *я чту Уголовный кодекс* (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок) противопоставленность двух частей сложного предложения, выраженная союзом *но* выявляется на уровне прочтения данного предложения в контексте. В данном случае – это предтекст, предшествующее предложение *Я, конечно, не херувим.* Отсутствие крыльев при метафорическом сравнении персонажем себя с херувимом свидетельствует о том, что автор высказывания признаёт, что он не безгрешен. В связи с этим, однако, ему важно подчеркнуть, что он не преступник и не совершил ничего противозаконного. Неопределённость критериев противопоставления в рассматриваемом ССП снимается при контекстуальном анализе данного предложения с учётом прагматических установок говорящего (персонажа).

Таким образом, вышеприведённые примеры демонстрируют то, что сочинительная связь является сложной функциональной структурой и её выражение многообразно. В связи с этим следует подчеркнуть: НСК, не обладающие полным набором характеристик «идеальных» СК, являются такими же полноправными репрезентантами сочинительных отношений, то есть языковой нормой для выражения этих отношений, что доказывается их широким распространением как в живой речи, так и в письменной форме существования языка. Правила традиционной грамматики, требующие от СК однофункциональности и строгой логической соотносимости, как бы «сковывают», ограничивают проявление сочинительной связи в речи. Однако языковая реальность свидетельствует в пользу обратного: носителям языка понятны такие высказывания, следовательно, когнитивные механизмы, лежащие в основе образования НСК, являются общими для сознания всех членов языкового коллектива. Нормы обыденного языкового общения, выражающиеся в использовании сочинительной связи для объединения логически разнородных понятий в целях охарактеризовать предмет, человека или ситуацию с разных сторон, закрепились и в различных письменных текстах, что не всегда соответствует «идеальному», «правильному» оформлению сочинительных отношений в традиционной грамматике.

Литература

1. Золотова, Г. А. Синтаксис и норма / Г. А. Золотова. – М., 1974.

2. Ицкович, В. А. Очерки синтаксической нормы / В. А. Ицкович. – М., 1982.

3. Скворцов, Л. И. Литературная норма и вариантность / Л. И. Скворцов. – М., 1981.

4. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М., 2003.

5. Санников, В. З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис / В. З. Санников. – М., 1989.

6. Bartsch, R. Norms of Language: Theoretical and Practical Aspects. / R. Bartsch. – London and New York, 1987.

7. Bartsch, R. Consciousness Emerging: The Dynamics of Perception, Imagination, Action, Memory,

8. Thought, and Language / R. Bartsch. – Amsterdam and Philadelphia, 2002.

8. Milroy, J. Authority in language: investigating language prescription and standardisation / J. Milroy, L. Milroy. – London; Boston, 1985.

УДК 81’42:821.161.1Астафьев7

ИНТЕНСИВЫ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ МНОГОСЛОЙНОСТИ КОНЦЕПТА В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ В. П. АСТАФЬЕВА

И. В. Ревенко

INTENSIVES AS THE SOURCE OF LAMINATED CONCEPT EXPLICATION IN THE MILITARY PROSE OF B. P. ASTAFJEV

I. V. Revenko

Статья посвящена описанию концепта «война» в военной прозе В. П. Астафьева. В статье выявляется языковая реализация смысловых слоёв концепта «война» путём выделения интенсивов. Анализируется роль разноуровневых средств выражения категории «интенсивность» в построении семантических слоёв эмоциональных концептов.

The article is devoted to the description of the concept “war” in the military prose of V. P. Astafjev. The article deals with the linguistic realization of semantic layers of the concept ‘war” through pointing out intensives. The role of many-leveled means of expressing the category “intensiveness” in building semantic layers of emotional concepts is analyzed.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, категория «интенсивность», языковая личность.

Key words: concept, concept-sphere, category “intensiveness”, language personality.

Интерес к исследованию концептов, характерный для современной лингвистики, в немалой степени обусловлен тем, что изучение концептосферы и даже отдельного концепта дает очень важную информацию, связанную с репрезентацией языковой личности.

Цель данной статьи состоит в выявлении роли интенсивов при реализации смысловых слоев концепта «война» в произведениях В. П. Астафьева. Представляя собой многослойную структуру, концепт раскрывается при активизации его смысловых слоев. Особенность представления концепта в художественном произведении заключается в том, что на первый план могут выдвигаться не только прототипические признаки концепта, но и его периферийные смысловые слои. Это позволяет автору актуализировать значимые для данного контекста признаки. Подтверждением тому является дифференциация при выдвижении в качестве базовых разных признаков при отражении восприятия войны в тылу и на передовой. Описания проявлений войны в тылу построены на актуализации смысла «война – это беда». В описаниях военных действий «война – это боль, смерть, ужас». Такая дифференциация ведет к расширению активной семантической зоны концепта, что позволяет автору актуализировать имплицитные содержательные признаки. К числу таких признаков в военной прозе В. П. Астафьева следует отнести непостижимость войны для человеческого разума. Автор пытается осмыслить войну спустя много лет, когда смолкли громы сражений, затянулись старые раны, притупилась боль утрат. Осмыслить пережитое с позиций не юнца, склонного романтизировать все, что его окружает, а человека, умудренного опытом. Но и теперь, когда многое понято и переосмыслено в жизни, война остается непостижимой:

Война, война! ***Никак не хватало моего ума постичь, осмыслить ее*** (Где-то гремит война).

Война в представлении Виктора Петровича – глобальное явление. Война всеохватна, она везде и всюду. Она ставит людей в такие условия, что основной целью для всех и каждого становится сохранение жизни:

Всегда думал, что война – это бой, стрельба, рукопашная, но там где-то далеко-далеко. А она вот как – ***везде и всюду, по всей земле моей ходуном ходит, всех к борьбе за жизнь требует и ко всякому своим обликом поворачивается*** (Где-то гремит война).

Экспликация смысла всеохватности войны происходит в данном контексте за счет использования устойчивых выражений интенсивной семантики (***везде и всюду, ходуном ходит***). Интенсивность в данном случае носит плеонастический характер, поскольку оба выражения построены по принципу семантического удвоения, возникающего за счет столкновения синонимов или в результате тавтологического повтора.

Стремление к сохранению жизни становится общим признаком, который снимает антиномичность «тыл – фронт».

Беда – одно из проявлений войны. Непосредственным знаком беды является похоронка:

*Скоро Августа скажет о своей **беде**. По ее лицу, по конопатым щекам, землисто подернутым, по губам тоже ровно бы землей выпачканным, как будто съела она немытую морковку, и по глазам, в которых больная горячечность и темь, догадаться нетрудно, какая **беда** тут стряслась. Однако не хочется мне верить в нее, я боюсь услышать об этой **беде** и потому прячусь за трубу русской печки…*

*- **Похоронная** пришла, - не поднимая головы, тихо обронила Августа и убрала изо рта шерстку* (Где-то гремит война).

Повтор-инкрустация передает изменение состояния героя: от предчувствия беды до осознания ее неотвратимости и реальности.

Война заставляет людей жить в постоянном ожидании беды:

Беда ведь в одиночку не ходит. Одну не успела впустить, другая в ставни буцкает… (там же).

Это ожидание пронизывает все вокруг:

*И птицы почему-то не склевали ягоды, а ведь калина из тех ягод, которые они склевывают раньше других и охотнее других. Видно и птицы покинули **забедованную** землю…*;

*Космы берез обвисли до белой земли, и хотя много их, этих крупных, несрубленных берез, все же кажутся они одинокими. **Вдовьей грустью** наносит от них* (Где-то гремит война).

Война – это испытание:

*…Там, в ночной остановившейся тайге, я угадал, что долгой будет война и на долю нашего народа, а это значит – прежде всего на женскую долю, падут **такие** тяжести и испытания, **какие** только нашим русским бабам и посильны. А у тетки моей родной будет всего **столько**, что и я, лучше других ее знающий, дивоваться стану, как это она выдюжила и сохранила детей* (Где-то гремит война).

Синтаксические конструкции (местоименные и местоименно-соотносительные предложения) выступают в качестве показателя высокой степени интенсивности. Местоимение ***такие*** занимает приименную позицию, определяя существительные градационной семантики, указывает на предельно высокую степень проявления признака.

Война – это страдание, боль. Содержательная сторона мотива «боль» раскрывается в двух значениях: боль физическая и боль душевная.

Боль физическая вызвана ранением:

*… Ночь будет ему казаться бесконечной, а **боль такой, какой ни у него и ни у кого другого еще не было**, потому что прошлую **боль** он забыл и потому что **боль своя больнее всех*** (Сашка Лебедев).

Раненому солдату кажется, что он может чувствовать только боль, бесконечную боль. Для выражения длительности этого состояния автор использует повтор и гиперболизированный эпитет (*бесконечная*). Боль не только бесконечная, она еще и очень сильная. Предельная степень интенсивности боли выражается при помощи местоименно-соотносительного предложения (***боль такой, какой ни у него и ни у кого другого еще не было***) и аналитической формы превосходной степени предикатива.

Актуализация значения душевная боль тесно связана с мотивом смерти. Боль душевная вызвана утратой близкого человека:

*Отца нет. Он погиб в Белоруссии. Пуля, попавшая в него, рикошетом дошла до Сибири и **смертельно ранила** мать* (Сашка Лебедев).

Душевная боль связана в военной прозе В. П. Астафьева с сожалением по поводу бессмысленности смерти:

… Ах, какой мозговитый, какой разворотливый боец получился бы из Еремея, может выжил бы на войне, детей толковых нарожал… (Прокляты и убиты).

Если смерть на поле боя имеет какой-то смысл, то смерть братьев Снегиревых поражает своей неоправданной жестокостью.

Столь же бессмысленна и смерть Попцова. В описании последних мгновений его жизни актуализируется содержательный признак «смерть – это избавление» (роман «Прокляты и убиты»):

*С **мученическим облегчением** Попцов сделал короткий выдох и отвернулся от всех, зарывшись носом в песок со снегом…*

*Может, и хорошо, что он **отмучался**? Добил его дубарь, помог ему… Он, слава Богу, уже не познает ужаса боя, никто не подденет его на штык, не всадит пулю ему в грудь. «Царство тебе небесное, парень. Лежишь вот сейчас в полковом морге, в ямине глубокой в полу валяешься, и **ничего-то тебе не больно, жрать уже не хочется, братья солдаты не рычат, не бьют тебя**, мокрого»* (Прокляты и убиты).

Описания смерти у В. П. Астафьева отличаются яркой натуралистичностью и воссоздают ощущение ужаса, который вызывает у человека ее осознание:

*… Значение происшедшего медленно доходило до них, **коробило сознание ужасом*** (там же).

Осознание смерти неизбежно ведет к пониманию ее необратимости:

*… Закаменело в груди людей всякое чувство, всякое время остановилось, пространство опустело. «**Все!**» - стукнулось тупой твердью в грудь, рассыпаясь на какие-то тошнотные пузырьки, покатилось в сердце, засадило его той душливой слизью, которая не пропускала не только дыхание, но даже и ощущение боли* (Прокляты и убиты).

Два полюса, две стороны войны – тыл и фронт как нелокализованные пространства-состояния – представлены двумя разными сторонами одного явления, а между ними автор помещает своего рода междумирье – казарму. В романе «Прокляты и убиты» описание казарменного быта представлено в виде соотношения казарма – тюрьма. Казарменный быт мало отличается от тюремного. Он изменяет человека:

Душу Лешки посетило то, что должно поселяться в казарме и в тюрьме, – вялое согласие со всем происходящим… (там же).

В описаниях казармы и жизни солдат в ней реализуется содержательные признаки «казарма – могила»:

По обе стороны печи жердье нар было закопчено, но на торцах, упрямо ***белеющих костями, как бы уже побывавшими в могиле****, выступала сера. Чуть слышный запах серы да слежавшейся хвои на нарах – вместо постели тоже настелены жесткие ветки – разбавляли* ***запахи гнили, праха*** *и острой молодой мочи* (Прокляты и убиты),

«казарма – проклятое место»:

Но подвалы сии ни пламя, ни проклятье земное, ни силы небесные не брали, лишь время было для них гибельно – сопревая, они покорно оседали в песчаную почву со всем своим скудным скарбом, с копошащимся в них народом, точно зловещие гробы обреченно погружались в бездонные пучины (там же).

Казарменный быт – самый страшный, самый противоестественный. Он страшен тем, что *в казарме жизнь как таковая обезличивается: человек, выполняющий обезличенные обязанности, делающий обезличенный, почти не имеющий смысла и пользы труд, сам становится безликим, этаким истуканом, давно и незамысловато кем-то вылепленным, и жизнь его превращается в серую пылинку, вращающуюся в таком же сером, густом, облаке пыли* (там же).

Лексический дистантный повтор (*обезличивается, обезличенные, обезличенный*), осложненный включением семантически и этимологически близкого слова (*безликим*) является средством актуализации авторской позиции: для Виктора Петровича самое страшное – утрата лица, т.е. утрата себя. Повтор родственных слов выводит нас на имплицитный семантический признак, связанный с апелляцией к производному значению лексемы «лицо» – персона, человек. Т. о., утрата себя в понимании писателя – это утрата души, а вместе с ней и постепенное превращение человека в животное.

Война – это голод:

Что делается вокруг? Зима. ***Голодуха*** (Где-то гремит война);

Получивши на месяц муку, женщины замешивали ее в одну квашню, стряпали вкусно, пышно, ели кому сколько влезет, а после ***пухли без еды*** (там же).

Голод доводит людей до того, что они теряют человеческий облик:

… ***Изможденные люди*** *подбирали крошки, объедки со столов и под столами*;

… ***Доходяги*** *утратили всякое* ***человеческое достоинство****, забыли, где они и зачем есть, дошли до помоек, отбросных ларей…* (Прокляты и убиты),

изменяют религиозным запретам:

Но и неистовые азиаты, больше других страдающие от холода и недоеда, один по одному сдавались: сначала начали хлебать суп, сваренный со свининой, потом и мясо, отвернувшись, украдчиво бросали в рот… И пришел срок, когда Талгат повелительно сказал:

- Сайтын айгыр! (Черт бы тебя побрал!) Ешьте все! Аллах разрешил из-за трудности момента. Ослабеете, будете, как они, – презрительно махнул он ложкой на сзади толпящихся, ждущих подачки ***доходяг*** (там же).

Формально-семантический интенсив ***доходяги*** выполняет в романе «Прокляты и убиты» смыслообразующую функцию. Частотность употребления и использование синтаксических средств интенсификации высказывания (повтора) позволяют автору отразить увеличение числа доходяг в рядах новобранцев:

С каждым месяцем, неделей, днем ***прибывало и прибывало*** *в полку* ***доходяг*** (там же)

и показать бессмысленность военной подготовки такого рода, ведь постепенно все, даже богатырь Коля Рындин, превращаются в доходяг. А истощенность физическая влечет за собой и моральную истощенность. В результате новобранцы превращаются в доходяг не только телом, но и духом:

Щусь был все-таки прирожденным талантом, на постылых занятиях ему удавалось расшевелить, даже увлечь этих ***ко всему уже, кроме еды и спанья, равнодушных людей****, за короткий срок* ***превратившихся в полубольных согбенных старичков с потухшими глазами, хрипящим от простуды дыханием, все гуще по лицу обрастающих пухом, все тупее воспринимающих окружающую действительность*** (Прокляты и убиты).

В текстах вместо прямой номинации «война» используется заменитель. В качестве заменителя выступает конструкция *такое время:*

Такое *уж* ***время*** *наступило* (Где-то гремит война);

Народу этому надо было выжить в ***такое*** *тяжелое* ***время*** (там же).

В качестве заменителя прямой номинации используются также указательные местоимения:

(1) *Они пекли картошку в горячем шлаке, недавно выброшенном из топки, и поносили тыловика-кочегара: побывал бы, дескать,* ***«там»****, так осознал бы…* (Сашка Лебедев);

(2) *Ныне он чувствовал: скоро, совсем скоро предстоит ему снова* ***туда, в пекло*** (Прокляты и убиты).

Прием замещения связан с характерным для наивной картины мира табуированием: избирательным исключением из речи прямого упоминания опасных явлений.

В примере (2) используются два различных по функции заменителя. Указательное местоимение связано с табуированием и поэтому (и в силу специфики грамматического значения) не передает никаких содержательных признаков, при помощи заменителя ***в пекло*** актуализируется содержательный признак «война – это ад»:

– Бога она вспомнила! – рычал я. – Отвернулся он от этого места. ***Ад*** *тут!..* (Сорока).

Война *принуждает людей делать как раз больше всего то, что им делать не по душе* (Где-то гремит война), она ставит их в такие условия, что они

вынуждены убивать друг друга, совершая тем самым смертный грех.

Причина всему – безверие, а результат – невиданная кара:

...Многие, многие в миру диавола в себя запустили, до безверия дойдя, сами себе подписали приговор на вечные муки, и вот глядите, чем это кончилось, иначе и не могло кончиться, - страшной казармой, озверением, - ныне он вот, Коля Рындин, и пытается вспоминать, Бога просить о милости к служивым, но тот не допускает его молитву до высоты небесной, карает его вместе со всеми ребятами невиданной карой, голодью, вшами, скопищем людей, превращенных в животных (Прокляты и убиты).

Содержательный признак «война – это грех» актуализируется за счет использования церковной лексики, в том числе интенсивной (*в миру, диавол, безверие, вечные муки, Бога просить о милости, молитва, кара*). В сознании верующего человека грех без покаяния неизбежно карается. И карой этой будет утрата души.

Мотив кары раскрывается градационным рядом, построенным по принципу «нагнетания» (каждый следующий член ряда указывает на большую степень интенсивности): *страшной казармой, озверением, голодью, вшами, скопищем людей, превращенных в животных*. Конечный элемент ряда репрезентирует значение предельно высокой степени: утрата веры ведет к утрате души, к озверению – превращению человека в животное.

В произведениях В. П. Астафьева война представлена как многослойная семантическая структура, экспликация которой происходит через актуализацию значимых в авторском понимании признаков, таких как «беда», «испытание», «голод», «боль», «смерть», «ужас». Война представлена как явление, которое «к каждому своим боком поворачивается», отсюда дифференциация при выдвижении на первый план семантических признаков при изображении войны в тылу и на передовой. Языковая реализация смысловых слоев концепта осуществляется посредством интенсивов. Привлечение интенсивов, относящихся к разным уровням языковой системы, для реализации концепта «война» является вполне закономерным. Семантические слои концепта, взятые самостоятельно, могут быть интерпретированы как эмоциональные концепты (например, беда, боль, ужас), для которых характерна разная степень полноты и глубины. Категория интенсивности, являясь средством выражения градации, позволяет наиболее полно отразить данный семантический признак.

Литература

1. Астафьев, В. П. Проза войны / В. П. Астафьев. – Иркутск: Литера, 1993. – Т. 1.

УДК 82-95

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ О. И. БЛИНОВОЙ «МОТИВОЛОГИЯ И ЕЕ АСПЕКТЫ»

А. Н. Ростова

REVIEW ON THE MONOGRAPH OF O. I. BLINOVA " MOTIVOLOGY AND ITS ASPECTS"

A. N. Rostova

Статья представляет собой рецензию на монографию д-ра филол. наук, проф. О. И. Блиновой «Мотивология и её аспекты». Представлен полный анализ рецензируемой монографии, выявлены особенности теории лексической мотивации, разработанной О. И. Блиновой и ее учениками.

The article is the review of the monograph of d. ph. sc., prof. O. I. Blinova "Motivology and its aspects". The complete analysis of the reviewed monograph is represented, the peculiarities of lexical motivation theory developed by O. I. Blinova and her followers being revealed.

Ключевые слова: мотивология, лексикология, лексикография, теория лексической мотивации.

Key words: motivology, lexicology, lexicography, theory of lexical motivation.

Монография О. И. Блиновой подводит итоги более чем тридцатилетней работы ее автора по данной проблематике и обобщает результаты исследований Томской мотивологической школы.

В 70-е г. XX века О. И. Блиновой была разработана теория мотивированности языкового знака, которая выходила за рамки традиций, сложившихся в структурной лингвистической парадигме. Теоретические основания мотивологии как самостоятельной области знания образуют зону взаимодействия научных положений словообразования и лексикологии.

Словообразование на этапе системно-структурной лингвистики видело свою задачу в построении четко логизированных моделей словообразовательных структур (словообразовательных пар, цепочек, типов, гнезд) на основе единства непротиворечивых критериев их выделения. В идеале словообразование стремилось построить типологическую систему формально-смысловых связей слов, в которой любой элемент занимал бы единственное, четко определенное место. И хотя провозглашалось свойство открытости, незавершенности этой системы, каждый отдельный ее член рассматривался как завершенный, характеризующийся однолинейным соотношением «означающее - означаемое», а факты нарушения этого равновесия вызывали научные

дискуссии, побуждали к поиску новых критериев истинности.

Системно-структурный этап в развитии словообразования способствовал четкой инвентаризации языковых единиц, определению места каждой из них в иерархической структуре и подготовил появление новых теорий, ориентированных на изучение процессов языковой интерпретации мира, серийных способов языкового выражения знаний о мире. В ряду таких теорий находится мотивологическое учение О. И. Блиновой, которое обращается к триаде «слово – текст – сознание» и в центр лингвистического исследования, таким образом, помещает человека говорящего как фактор, включенный в процесс словопроизводства. Мотивированное слово здесь рассматривается не в аспекте одномоментного акта его возникновения, а как факт языкового сознания, обусловленный всей совокупностью системных взаимосвязей слова и его функционированием. Критерий единой и единственно верной мотивации при этом оказался недейственным, напротив, такой подход обнаружил типичность свойства полимотивированности языкового знака, что противоречило словообразовательной традиции. Именно поэтому О. И. Блинова изначально обосновала лексикологический статус разрабатываемой ею теории мотивированности. Обозначенное лексикологическое направление явления мотивированности слов определило границы и аспекты его исследования и заключало богатый эвристический потенциал, позволивший выделить мотивологию в качестве самостоятельной научной дисциплины, изучающей одно из «ведущих лексических явлений языка» (с. 18). Рецензируемая монография представляет собой многосторонне комплексное описание этого явления и показывает его важное место в системной организации лексического уровня, демонстрирует его значимость для функционирования языка, доказывает его психологическую реальность для говорящего.

В первой главе монографии представлена характеристика методологического и онтологического аспектов мотивологии. Высокий уровень разработки методологической базы свидетельствует о зрелости и самостоятельности науки. В монографии определяется объект и предмет мотивологии, место этой дисциплины в ряду других разделов лексикологии (собственно лексикологии, семасиологии, этимологии, ономасиологии, лексикографии), описываются аспекты мотивологии, детально излагаются принципы, методы и приемы мотивологического анализа, характеризуется терминологический аппарат мотивологии. Особого внимания заслуживает авторское осмысление современного состояния терминосистемы мотивологии. Термин, как известно, составляет важный инструмент научного познания, а состояние терминологии находится в прямой зависимости от состояния науки на том или ином ее этапе. Теория мотивации О. И. Блиновой подкрепляется богатой терминологической базой, разработанной на основе принципов мотивированности, смысловой прозрачности, отражения сущностных характеристик обозначаемого термином научного понятии, вписанности в существующую терминосистему лингвистики (с. 32). Процесс формирования терминосистемы мотивологии сопровождался ее лексикографическим описанием (с. 33). По свидетельству автора монографии, в настоящее время зафиксировано около 200 основных и сопутствующих терминологических единиц, основная часть из которых отражена в Словаре терминов мотивологии (с. 361 – 390). Такой пример целенаправленной работы над терминологией, авторской рефлексии по поводу употребляемых терминов может служить образцом для современной лингвистики, которая часто переживает этап стихийного развития терминологии, когда наличие семантически дублетных терминов и терминологических омонимов создает «иллюзию адекватного множества научных объектов, стоящих за ними» (Л. О. Чернейко). Сегодня разработка научной терминологии составляет одну из насущных задач языковедения, в связи с этим создание мотивологической терминологии может быть признано одним из важнейших достижений Томской мотивологической школы.

Значимость методологической базы подтверждается и осмыслением источниковедческого аспекта мотивологии (гл. 7). Наряду с традиционными для любого лингвистического исследования источниками мотивология обращается к метатекстам, фиксирующим факты осмысления своего языка обычным, рядовым его носителем, к данным мотивационных словарей, являющихся одновременно и результатом мотивологических исследований и источником, представляющим богатую фактическую базу для новых исследований.

Теория мотивологии изначально сложилась на основе осмысления языковых фактов. В монографии представлен богатейший языковой материал, фиксирующий сибирскую диалектную речь, примеры прозаической и поэтической художественной речи, результаты психолингвистических экспериментов, показания метаязыкового сознания носителей языка. Безусловная фактологическая обоснованность теории обеспечивает ее доказательность и неуязвимость для критики.

Определение онтологической природы мотивированности опирается на лингвофилософские традиции, оно связано с многовековой дискуссией о соотношении имени и вещи. В теории О. И. Блиновой решение этого вопроса переводится в собственно языковой, семиотический план: «исходя из учета связей данной лексической единицы с другими сосуществующими единицами языка» (с. 35) и из факта фиксации этих связей в языковом сознании носителей языка (на основе разного рода ассоциаций по сходству, смежности, противоположности и т. д.). Под мотивированностью слова понимается «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» (с. 37). Таким образом, феномен мотивированности сочленяет языковой и ментальный план; мотивированность как свойство слова связана с его структурой и семантикой и со-

ставляет для говорящего психологически реальный, доступный для осмысления факт. Наиболее ярко связь собственно языкового (имеющего план выражения и план содержания) и ментального уровней выявляется в понятии внутренней формы слова, ведущей свое начало со времен античности и вызывающей непрекращающиеся дискуссии в современной лингвистике. Развивая линию учения В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни применительно к теории мотивации, автор монографии толкует внутреннюю форму слова как морфо-семантическую структуру слова, позволяющую объяснить связь его звучания и значения (с. 61). Понятие внутренней формы аккумулирует в себе многие другие понятия теории мотивации - мотивационная форма, имотивационное значение, отношения мотивации, типы мотивации, актуализация мотивационных отношений слов в речи. Сущность этих понятий раскрывается в 1-ой главе монографии и далее расширяется, детализируется в последующих главах при описании различных аспектов мотивологии.

Выстраивая типологию свойств слова на основе структурно-семантических, семантических, функциональных и прочих признаков, О. И. Блинова центральное место в ней отводит свойству мотивированности и убедительно демонстрирует характер и виды связи мотивированности с другими свойствами слова. Логическим продолжением этого положения являются материалы 2-й главы, в которой анализируются связи явления мотивации слов с такими лексическими явлениями, как явление варьирования слов, явление синонимии, явление антонимии.

Несомненным достоинством монографии является 3-я глава, посвященная функциональному аспекту внутренней формы слова. Здесь внимание автора обращено на такие важные для функционирования свойства внутренней формы, как ее связь с образностью, значимость в создании эмоционально-экспрессивного ореола слова и его стилистической окраски, влияние на валентные свойства слов. Общеизвестно, насколько сложной для постижения и описания является функциональная природа языка. Выделенные в монографии функции мотивационно связанных слов в коммуникативной, экспрессивной и эстетической сферах языка детально обоснованы, проиллюстрированы убедительными примерами, описаны с энциклопедической точностью. Эта часть монографии со всей очевидностью раскрывает перед читателем умение автора почувствовать и передать поэтическую природу слова, тонкие переливы настроения лирического героя, глубину ассоциативно-смысловых пластов текста. Представленный на страницах монографии функциональный анализ является образцом лингвопоэтического анализа художественного текста.

Глава 4 посвящена анализу мотивации слов в динамическом аспекте (процессу ремотивации слов, неомотивации слов, демотивации слов, лексикализации внутренней формы слова), роли мотивированности в процессах номинации. Все эти процессы были впервые выявлены, терминологически обозначены и описаны в рамках теории мотивированности. По мысли автора монографии, их наличие в языке характеризует взаимодействие двух противоположных тенденций - тенденции к мотивированности и тенденции к произвольности языкового знака.

Сопоставительный аспект мотивологии хронологически является самым «молодым», однако в этом направлении уже достигнуты значительные успехи: разработана методологическая база, на основе которой проведены сопоставительные исследования явления мотивации в разных языках и в различных системах одного языка. Сопоставительный аспект позволяет выявить особенности системной организации разных языков, определить специфику мировидения их носителей, поэтому этот аспект признается одним из самых перспективных (гл. 5).

Томская лингвистическая школа известна своими успехами в области лексикографии. В соответствии со сложившейся традицией развитие теории мотивированности сопровождалось лексикографической разработкой этого явления. В настоящее время созданы концепции разных типов мотивационных словарей, первым из которых был «Мотивационный диалектный словарь «Говоры Среднего Приобья» (Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. Т. 1; 1983, Т. 2), воплотивший новый для лингвистики жанр толкового мотивационного словаря диалекта. Словарь обобщает огромный материал сибирской народно-разговорной речи, вносит большой вклад в теорию и практику лексикографии (гл. 5).

Обращает внимание широкий историко-лингвистический контекст монографии. О. И. Блинова тщательно анализирует различные точки зрения по рассматриваемым вопросам, отмечает достижения ученых своей школы.

Широта и многообразие аспектов рецензируемой монографии не позволяют хотя бы в малой степени приближения отразить все ее достоинства. Несомненно, разработанная О. И. Блиновой и ее учениками теория лексической мотивации является крупным вкладом в отечественную и мировую лингвистику.

Литература

1. Блинова, О. И. Мотивология и ее аспекты / О. И. Блинова. – Томск, 2007. – 394 с.

2. Мотивационный диалектный словарь «Говоры Среднего Приобья». – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. – Т. 1; 1983. – Т. 2.

УДК 81’42:82-1/29

ФИЛОСОФИЯ НАДЕЖДЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н. Н. Ростова

PHILOSOPHY OF HOPE IN THE POETIC DISCOURSE

N. N. Rostova

Статья посвящена комплексному описанию концепта «надежда» на уровне поэтического дискурса. В работе сопоставляется обыденное и философское понимание национальной константы «надежда», выделяются её концептуальные смыслы, заложенные в обыденном сознании. Определяется место концепта «надежда» в ряду смежных концептуальных образований: «вера», «терпение», «судьба», «безнадёжность» и др.

The article is devoted to the complex description of the concept “hope” at the level of poetic discourse. In this work the ordinary and philosophical understanding of the national constant “hope” is compared and conceptual senses, placed in the ordinary consciousness, are pointed out. The concept “hope” place is found in the row of adjacent concepts: “faith”, “tolerance”, “fate”, “hopelessness” and others.

Ключевые слова: концепт «надежда», обыденное сознание, научно-философская интерпретация, поэтический дискурс.

Key words: concept “hope”, casual mind, scientific-philosophic interpretation, poetic discourse.

Надежда парадоксальна. Ее парадоксальность заключается в том, что она незримо присутствует в жизни каждого человека, оказывает определенное воздействие на миросозерцание и бытие индивида и общества в целом, но в то же время надежда остается самой неизученной из онтологически важных констант, загадочной и таинственной. Эрнст Блох заметил, что надежда – это «место в мире, которое обжито, как наилучшая культурная страна, и не исследована, как Антарктика» [Bloch E. 1997. С. 5].

Другая сторона парадоксальности надежды заключается в невозможности однозначно определить ее сущность. Такой подход будет страдать фрагментарностью и одноаспектностью исследования. В данном направлении движется русская религиозная философия, трактующая надежду как одну из нравственных добродетелей.

Интегральный подход призван отчасти восполнить этот пробел, осветив, по крайней мере, четыре измерения надежды: гносеологическое, онтологическое, аксиологическое и функциональное. В результате надежда представляется как многоуровневое, многоаспектное и полифункциональное явление.

Целостному постижению феномена надежды способствует ее изучение с позиции индивидуального и коллективного сознания. Коллективное представление о надежде находит свое отражение в обыденной картине мира. Философская картина мира состоит из совокупности индивидуальных представлений о надежде, отражающих разные точки зрения, разные аспекты понимания надежды в истории философской мысли.

При соотношении обыденного (коллективного) и философского (индивидуального) знания наблюдается определенная степень совпадения и расхождения. Сущностные характеристики надежды, сформированные и зафиксированные обыденным сознанием, получают дальнейшую обработку и развитие в индивидуальных философских концепциях, иными словами, обыденное знание о предмете является базовым, лежащим в основе знания научно-философского. За пределами философской картины мира остаются обыденные представления, не удовлетворяющие специфическим требованиям научно-философского знания.

Поэтическая интерпретация концепта представляет собой вторичную реальность, которая не только реализует концептуальные смыслы, заложенные в обыденном сознании, но и открывает новые, субъективно обозначенные смыслы, частично совпадающие с индивидуальными философскими представлениями.

Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман.
(Пушкин А. С. Погасло дневное светило).

О сны моей последней ночи,
О дым, о дым моих надежд!
(Гиппиус З. Крылатое)

В представленной парадигме: надежда – обман – дым (иногда сон) – общий объединяющий признак – иллюзорность.

Мысль об иллюзорности, тщетности наших надежд неоднократно возникала и в истории философской мысли. А. Шопенгауэр, выделяя в надежде в первую очередь этическую сторону, рассматривал ее как одно из самых больших зол, которое обманывает человека, обещая невозможное, тем самым продлевая и без того полную страданий жизнь. Если Альбер Камю утверждает, что надежды затмевают ясность видения мира и, следовательно, препятствуют его адекватному познанию, то М. Мамардашвили идет дальше, провозглашая невозможность объективного познания самого себя при наличии надежды.

И медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.
(Пушкин А. С. Руслан и Людмила)

Интересным представляется вопрос о соотношении надежды и веры. Между верой и надеждой обыденное сознание не проводит четкой границы, надежда ассоциируется с верой. Обыденное знание не выходит за пределы чувственно-ментальной сферы бытия человека. В связи с этим в концепте «надежда» доминирующим является эмоциональный компонент, связующие концепты «надежда» и «вера», т. к. оба явно или неявно заключают в себе положительный эмоциональный отклик, они обращены к лучшему будущему и имеют положительную коннотацию. Научная философия проникает в разные сферы человеческого бытия, поэтому имеет больше параметров, по которым можно сопоставить надежду и веру.

В отличие от надежды, вера основана на опыте и интуиции, мировоззренческих установках индивида. Для существования надежды этот фактор не является решающим.

Акты веры подлежат практической проверке. Всякое знание включает в себя элемент веры, следовательно, можно говорить об определенной степени соотношения веры и знания. Истинность или ложность заложенного в веру знания, проверяется временем. Это не всегда можно сказать о надежде. Иногда надежды бывают устремлены в неопределенное будущее.

Вера имеет конкретный, уже существующий объект, возможно, мифический. Объект надежды не всегда сформирован, мыслится как нечто желаемое.

Вера различает и выбирает верный вариант из уже имеющихся. Надежда, основанная на доминанте эмоционального компонента, этого не различает, так как объектом надежды выступает всегда желаемое, как бы неразумно оно ни было.

Надежда возникает в ситуации колебания духа от уверенности к сомнению. Вероятность укрепления надежды мала, но желаема. Вера имеет под собой твердые основания, она не допускает сомнения и колебания духа.

Таким образом, в обыденной философии нет четкого разделения надежды и веры, т. к. выделяется общий эмоциональный компонент: «направленность к позитивному будущему». Научная философия конкретизирует преобладание эмоционального компонента в надежде и интеллектуального компонента в вере.

Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, –

Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
(Пушкин А. С. Демон).

Надежда, будучи ожиданием, уверенностью в наступлении благоприятного, радостного события, в некоторой степени представляет собой предвкушение, предощущение удовольствия. Наслаждение – «высшая степень удовольствия» [СО, 1987, с. 391]. В парадигме надежда-наслаждение представлено нарастание признака «предощущение удовольствия» до его максимального развития. Временная ограниченность выступает показателем того, что период нарастания признака закончился. Воздействие тоски на надежду и наслаждение является следствием разочарования в ожидаемом. Предвкушение, предощущение удовольствия было сильнее и радостнее, чем осуществление самых желанных надежд

В философской концепции А. Шопенгауэра мы встречаем аналогичную мысль. Философ понимает надежду как мысленное предощущение, радость которого несравнима по силе воздействия с ощущениями, которые мы испытаем в момент осуществления надежд. Предощущение оказывается реальнее и весомее осуществления самих надежд, которые в момент осуществления несут разочарование и страдание.

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей младой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Бразднт поля с покорством и надеждой.
(Евг. Баратынский. На посев леса).

Пред промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утоленным разуменьем…
(Евг. Баратынский. Осень).

Парадигма покорство – надежда – смиренье объединена общим признаком «терпение».

Соотношение надежды и терпения в истории философии носит характер противоречивый, определяющийся национальным своеобразием.

Слова «терпение» и «терпимость» восходят к общеславянскому корню с первоначальным значением «неметь, твердеть, застывать» [Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. 1971. С. 441], который этимологически обозначал некое физическое состояние. В современном русском языке «терпение» и «терпимость» соотносятся с духовной сферой человеческого бытия и выступают в качестве паронимов. «Терпение», согласно словарю Ожегова С. И., имеет несколько значений:

1) способность безропотно и стойко переносить что-нибудь (страдание, боль, неудобство),

2) настойчивость, упорство и выдержка в каком-нибудь деле, работе.

«Терпимость» употребляется для обозначения:

1) того, что можно терпеть, с чем можно мириться,

2) умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению.

Эти слова обозначают некие обобщенные ситуации социального мироустройства, прототипическим свойством которых является стремление субъекта к сохранению равновесия, несопротивление внешним обстоятельствам, примирение с ними. Обстоятельства эти, безусловно, носят негативный характер. Именно в такой момент возникает необхо-

димость в терпении, терпимости и надежде. Имманентным объединяющим свойством и надежды, и терпения выступает устремленность к благоприятному будущему, пассивность носителя надежды.

Такого рода отношения сопряженности терпения и надежды характерны в первую очередь для русского менталитета.

Эта сопряженность верифицируется существованием в русском языке слова «авось», не имеющего аналогов в других языках. Согласно словарю Ожегова С. И. [Ожегов С. И. 1987. С. 302], «авось» обозначает «может быть (о том, что желательно для говорящего, на что он надеется)». Выражение «на авось» – на случайную удачу. Таким образом, и «авось», и «надежда» выражают установку на благоприятное, желаемое событие, но в «авось» заложено больше непредсказуемости, случайности, безосновательности, смирения и даже пассивности. Иными словами, русское «авось» – это совмещение надежды и терпения, «совпадение» их в одном слове. По наблюдениям А. Вежбицкой, частица «авось» занимает важное место в русской культуре, русском народном самосознании и народной философии. «Русское авось» – «это отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую», как существование «в непознаваемом и не контролируемом рациональным сознанием мире» [Вежбицкая А. 1996. С. 78 – 79].

Неслучайно, большой знаток русского языка, быта и духа русского народа, В. И. Даль, классифицируя пословицы и поговорки, включает в единое смысловое пространство выражения, содержащие смыслы «судьба», «терпение», «надежда», «авось». Таким образом, для русского менталитета эти понятия выступают как различные, но соотносимые качественные измерения единого человеческого бытия, взаимодополняющие и взаимовключающие понятия.

В сознании западного человека, напротив, терпение и надежда носят характер взаимоисключения. Подтверждением данного утверждения является отсутствие аналога русскому «авось», совмещающему в себе и надежду, и терпение.

Западные исследователи надежды (Э. Фромм, Э. Блох) единогласно выделяют активность как имманентное свойство надежды. Пассивная надежда представляет собой упование на время, смирение, терпение, примирение с существующими обстоятельствами, т.е. пассивная надежда представляет собой замаскированное отчаяние, а потому не является надеждой в собственном смысле слова. Надежда, заставляющая человека действовать, готовящая его к наступлению будущих благоприятных преобразований, является истинной надеждой.

Таким образом, русское самосознание объединяет надежду и терпение, сознание западное – противопоставляет.

Если нет на земле надежды -
То все прах.
(З. Гиппиус. Христу).

В образной поэтической форме автор выражает глубокую философскую мысль о последствиях крушения надежд: потеря смысла жизни, деструктуризация жизни, самоубийство, смерть.

Смоленый плот – последнюю надежду –
Волна в щепы разбила о скалу.
(В. Высоцкий. Вечный огонь).

Этимологически в концепт «надежда» заложено свойство служить опорой. Материализация слова «надежда» (надежда-плот) свидетельствует о значимости ее для человека, но, с другой стороны, плот представляет собой слабую опору, ненадежную. В поэтическом контексте реализуется противоречивая мысль: надежда дает опору, но эта опора может быть столь зыбкой, что и опорой в полном смысле слова не является. В философских концепциях можно также встретить противоречивые взгляды относительно способности надежды служить духовной опорой человеку.

Поэтическая интерпретация концепта «надежда» и его философское воплощение совпадают лишь отчасти. За пределами философской картины мира остаются яркие индивидуальные смыслы, отраженные в поэтическом дискурсе и позволяющие по-новому взглянуть на концепт «надежда», открыть новые аспекты его изучения, не заявленные в философских концепциях.

Иисус, детей надежда!
Прости, что я скорблю!
Темна твоя одежда,
Но я Тебя люблю.
(З. Гиппиус. Нескорбному учителю).

В религиозной философии Бог является одновременно и главным объектом надежд, и надеждой как таковой одинаково для всех верующих. В поэтическом контексте появляется мысль, глубочайшая по своему содержанию: Бог – «детей надежда».

Контингент видящих в Боге надежду сужается. Лишь дети, маленькие и неразумные, способны полагаться на Бога, как все люди, тонко чувствующие истину, доверчивые и верные?! Объяснение появлению этого смысла можно найти, если обратиться к исторической ситуации. В конце XIX – начале XX века развивается тенденция к утрате веры, к потере Бога; свершилось то, о чем давно заявил Фридрих Ницше: «Бог умер». Человек в Бога больше не верит.

Ибо радость из-под муки рвется,
И надеждой кажется мне кровь.
Пусть она за эту радость льется,
За Того, к кому моя любовь.
(З. Гиппиус. Мученица).

Новизна восприятия формируется за счет создания эффекта парадоксальности на основе нарушения логических и смысловых стандартов. В традиционном понимании кровь ассоциируется со страданием, мучением. В контексте страдания кровь и муки несут в себе надежду.

Надежда в поэтическом дискурсе отражает обыденные нужды людей:

И, кажется, надежда есть,
Что все-таки – не буду старой!
(М. Цветаева. И кажется…)

Тебе надежда,
Увы, на спасение есть!
(З. Гиппиус. Опустошение).

Научная философия находится выше обыденных представлений. Она витает в высоких сферах человеческого бытия. При соотношении поэтической интерпретации и философских воплощений надежды можно обнаружить и отличительные особенности структуры.

Традиция дуалистического мировосприятия уходит корнями в далекое прошлое. В стихотворении Е. А. Баратынского дуальность мира представлена двумя полюсами: «надежда» vs. «безнадежность».

Дало две доли провиденье
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волненье,
Иль безнадежность и покой.

Доля – участь – судьба. Согласно словарю С. И. Ожегова, «судьба – стечение обстоятельств, не зависящее от воли человека, ход жизненных событий». Имманентным свойством доли является независимость от воли человека. Чтобы сделать выбор, необходима мудрость, которая приобретается опытом. Из сказанного логически следует, что авторское понимание «доли» не совпадает с традиционным. Человек сам может выбирать свою судьбу, представленную парадигмой «надежда – безнадежность». Долю «надежда» выбирает тот, у кого бодрость и неопытность ума, кто не знаком с судьбой:

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком…

Субъект выбора должен обладать энергией, жаждой познания, быть деятельным («крылья вам даны», «замыслы блестящие», «сердца пламенные сны»). Субъект, делающий выбор в пользу доли «надежда», не обладает мудростью, а следовательно, не может сам сделать выбор. Вероятно, доля «надежда» выпадает каждому в начале жизни.

С приобретением мудрости («судьбину испытавшие», «знанье бытия приявшие») на смену доле «надежда» приходит «безнадежность». Доли «надежда» и «безнадежность» в поэтическом дискурсе реализуются через уникальные ассоциаты антонимического типа: волнение vs. покой, незнание vs. знание (“бодр неопытным умом ”/ “знанье бытия приявшие”), неопытность vs. опыт («по молве… с судьбой …знаком»/ «судьбину испытавшие»), жар vs. холод («юноши кипящие», «сердца пламенные сны»/ «берегите хлад спасительный»), действие vs. бездействие («крылья вам даны»/ бездейственная душа), чувство vs. бесчувственность («бездумно вдавшись в их обман» / «бесчувствием блаженны»).

В анализируемом стихотворении отражаются естественные этапы человеческой жизни:

1) нет мудрости, но есть надежда;
2) есть мудрость – нет надежды.

Приобретение мудрости – это переход от надежды к безнадежности. Следовательно, человек не может выбирать долю «надежда»/ «безнадежность». Они изначально даны провидением. Причем, доля «надежда» – это обман, сон, а «безнадежность» – пробуждение «для страдания».

Поэтический дискурс актуализирует позицию надежды по отношению к человеку. Надежда может представлять собой объект непосредственного воздействия:

Я знал любовь, но не знавал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
(Пушкин А. С. Князю А. М. Горчакову).

Крик станций: останься!
Вокзалов: о жалость!
И крик полустанков:
Не Дантов ли
Возглас:
«Надежду оставь!»
И крик паровозов.
(М. Цветаева. Крик станций).

В ней разбудить огонь желаний
Еще надежду я хранил.
(Е. А. Баратынский. Сердечным нежным языком).

Неси мою надежду, ветер черный,
Туда, наверх, к престолу нашей Правды!
(З. Гиппиус. Опустошение).

Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим.
(А. С. Пушкин. Чаадаеву 1821).

Человек может знать надежду, оставить, хранить, нести, оживить. Следовательно, надежда представляется неким живым пассивным существом, подверженным различным манипуляциям со стороны. В философской картине мира воздействие человека на надежду ограничивается стремлением избавиться от нее, в случае негативного восприятия ее, или укрепит ее, в случае положительного восприятия.

Но чаще всего в поэтическом тексте надежда выступает в качестве активного действующего субъекта:

Лейся, мой ручей, стремись,
Жизнь уж отцвела.
Так надежды пронеслись,
Так любовь ушла.
(Вас. Жуковский. К месяцу)

Были дни – и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда изменила,
Радость – сон в судьбе моей.
(А. В. Кольцов. Сирота)

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму.
(А. Блок. Но уж в очах…)

Я видел гроб; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетела…
(А. С. Пушкин. Подражание)

Исчезли навсегда часы очарованья,
Пора прекрасная прошла,
Погасли юные желанья.
Надежда в сердце умерла.
(А. С. Пушкин. Напрасно, милый друг)

А все надежда в сердце тлеет..
(А. Фет. Какая грусть)

Но медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.
(Пушкин А. С. Руслан и Людмила)

Я легковерен был: надежда, наслажденье
Меня с улыбкою манили в темну даль.
(Е. А. Баратынский. К Креницыну)

Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом
(Ап. Майков. Поле зыблется цветами)

Смерть, трепет естества и страх!
Мы – гордость с бедностью совместна,
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
(Г. Державин. На смерть князя Мещерского)

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что надежда – живое существо («умереть», «погибнуть»), способное гореть с разной степенью интенсивности («гореть», «тлеть»), совершать движения («пронестись», «полететь»), привлекающее человека («манить»). Надежда способна не только утешить человека, украсить его жизнь («тешить сердце», «льстить»), но в то же время может «изменить». Воздействие надежды на человека оказалось разнообразнее и интенсивнее, чем человека на надежду.

В философской картине мира надежда не может быть активным действующим субъектом, тем не менее определенная степень совпадения поэтических и философских смыслов существует. Обыденное сознание через действие персонифицированной надежды раскрывает часть ее характеристик. Научно-философское сознание прибегает к описательному методу, акцентируя внимание на других компонентах надежды: «источник» и «результат крушения надежд»

Философия не учитывает возможности внешнего проявления надежды. Традиционно философия местонахождение надежды определяет в сердце и душе человека, не фиксируя внешние признаки наличия или отсутствия надежды. Исключением является философия психоанализа, обнаруживающая надежду в жестах, поступках, речи человека.

Обыденное сознание, считающее глаза зеркалом души, усматривает наличие надежды в глазах:

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму.
(А. Блок. Но уж в очах…)

Трудно не согласиться с утверждением, что надеющегося человека выдают не только жесты, поступки, речь, но и выражение лица, в частности, взгляд. Этот тонкий, едва уловимый смысл, характеризующий надежду, научная философия не в силах постичь и описать. Как можно рациональным, логичным языком описать горящий взгляд?! Это еще раз подтверждает мысль о том, что поэзия – своего рода философия, написанная доступным языком эмоций.

В поэтическом тексте наиболее полно раскрываются заложенные в слово смыслы благодаря таким его свойствам, как многоплановость содержания, ассоциативность и образность. Поэтическая интерпретация, представляющая собой периферию обыденного знания, отражает индивидуальные аспекты восприятия надежды, в определенной степени совпадающие с индивидуальными философскими концепциями, но и вносит новые смыслы в понимание.

Литература

1. Брутян, Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Философские науки, 1973. №1 – С. 108-111.

2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.

3. Горелова, В. Н. Обыденное сознание как философская проблема/ В. Н. Горелова. – Пермь: Б.и., 1993. – 167 с.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. В 4-х томах. Т. 2. – М., 1881.

5. Жогина, Н. Н. Категория надежды в осмыслении человеческого существования / Н. Н. Жогина: дис. … канд. филос. наук. – Кемерово, 2003.

6. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю. – М.: Терра – Книжный клуб: Республика, 1990. – 415 с.

7. Ожегов, С. И.Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1987.

8. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971.

9. Bloch, E. Das Prinzip Hoffnung. Bd. 1 / E. Blok. – 1997.

УДК 81’27

МЕТАЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИ ОСОЗНАНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ НЕЗНАКОМЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВ

Л. Х. Сарамотина

META-LANGUAGE ACTIVITY AT THE REALIZATION OF LOAN COMPLEX WORDS

L. H. Saramotina

Статья посвящена метаязыковой деятельности студентов в процессе осознания неизвестных английских композитов одной тематической группы «человек, нарушивший закон». Выявляются три разновидности созданных метатекстов, отражающих знания информантов о русском и английском языках.

The article is dedicated to meta-language activity of students in the process of realizing the unknown English composites belonging to one subject group “a person breaking some law”. Three varieties of created metatexts, which reflect the knowledge of informants from Russian and English, are revealed.

Ключевые слова: метаязыковая деятельность, метатекст, языковая личность

Key words: meta-language activity, meta-text, language personality.

Один из актуальных аспектов изучения метаязыкового сознания - выявление индивидуальных особенностей метаязыковой рефлексивной деятельности. По словам А. Н. Ростовой, «индивидуализация отмечается в пределах стандартизованной модели языка, отражающей общие для конкретного говорящего коллектива представления о языковом устройстве и функционировании» [Ростова. 2008. С. 55]. Индивидуальные реакции могут отражать представления конкретной социальной группы о явлении, стоящем за языковой единицей.

С целью экспликации индивидуальных смыслов и стратегий их осознания было проведено психолингвистическое исследование на материале английских композитов тематической группы «человек, нарушивший закон». Экспериментальный список включал 8 слов-стимулов, предъявляемых на первом этапе без контекста в составе фразы «If he is/если он… + слово-стимул». Слова-стимулы – композиты, содержащие знакомые студентам компоненты: wrongdoer, shoplifter, self-incriminator, lawbreaker, housebreaker, peacebreaker, pickpocket, blackmailer. Испытуемым предлагалось завершить эту фразу на английском или русском языках. Осуществление процедуры дополнения фразы предполагало восприятие иноязычного слова, его семантизацию и речевое реагирование как результат смыслопорождающей функции семантизированной единицы. Возможность выбора языка обусловлена универсальным характером мыслительных и речевых механизмов.

Цель данной статьи – представить разновидности метатекстов, созданных информантами при осмыслении композитов тематической группы «человек, нарушивший закон». В роли информантов выступали студенты 1 курса юридического факультета и студенты 4 курса филологического факультета.

Следует отметить, что далеко не все реакции представляли собой метатексты, так как предрасположенность к метаязыковой рефлексии составляет индивидуальную способность языковой личности, определяемую языковым опытом, склонностью к самоанализу и анализу собственных речевых действий.

В работах А. Н. Ростовой дана целостная характеристика понятию «метатекст». Исходной посылкой данного исследования является понимание метатекста как когнитивной стратегии. Метатекст представляет собой продукт интерпретации субъектом языковой действительности, объективирующий определенные участки знаний о языке. В метатекстах материализуются показания метаязыкового сознания, эксплицирующие метаязыковой уровень языкового сознания. А. Н. Ростова, делая акцент на многообразии возможностей реализации метатекстов, подчеркивала, что общие закономерности их построения образуют «скорее систему возможных предпочтений, нежели строгих предписаний» [Ростова. 2000. С. 60].

В настоящем исследовании метатекст объективирует знания об одном (родном) или английском или о двух языках: английском и русском. Это преимущественно знания из области лексики, морфологии и фонетики. Взаимодействие родного и иностранного языков в процессе осознания незнакомого сложного слова носит разный характер. Оно может быть продуктивным, порождающим адекватные иноязычному композиту смыслы (lawbreaker – нарушитель закона, housebreaker – взломщик). Взаимодействие родного и изучаемого языков может быть поверхностным, порождающим формальные смыслы. Формальные смыслы создаются или посредством стратегии буквального перевода или стратегии транслитерации (shoplifter – шоплифтер; peacebreaker – разрушитель мира). Формальные смыслы могут помещаться в формальный метатекст, не имеющий смысла в контексте русского языка. Пример такого метатекста: «Если он инкриминировал преступление в свою пользу, то это ему с рук не сойдет»/ self-incriminator». Авторы таких суждений не могут их объяснить, как не могут объяснить и сам смысл.

Взаимодействие родного и иностранного языков может отражать сложившиеся в рамках русской культуры обыденные представления о нарушителе закона (wrongdoer – преступник, обманщик, peacebreaker – преступник) или дает возможность для проявления собственной индивидуальности с при-

влечением внутреннего контекста (blackmailer – мафиози, спамщик).

Экспериментальный материал позволяет выделить 3 разновидности метатекстов, образованных при осмыслении английского незнакомого композита, состоящего из знакомых компонентов.

1. Формальный метатекст, содержащий формальный смысл.

Self-incriminator: «Если он самоинкриминатор, ему будет легче соблюдать закон».

Peacebreaker: «Если он мировой нарушитель, он не признан обществом вследствие нарушений».

Housebreaker: «если он домашний вор, он потерянный человек в обществе».

2. Метатекст – письменное суждение информанта, т. е. продолжение фразы «if he is +слово-стимул».

Wrongdoer/правонарушитель: «Если честно, то мне даже ничего в голову не приходит, как назвать этого человека, но, наверно, это плохой человек, что-то нехорошее». Элементы метатекста – вводная фраза «если честно», указательное местоимение-связка «это», маркирующее акт ментального действия, и умозаключение обобщаюоего характера «что-то нехорошее». Появление неопределенного местоимения имеет особое значение, являясь важной характеристикой русского дискурса [Арутюнова. 1998. С. 823].

Wrongdoer: «Если он ронгдуэр, он плохой, асоциальный человек, таких min. в тюрьму, max. лечить».

Lawbreaker: «Если он правонарушитель, то государство своим аппаратом принуждения и насилия, в виде органов внутренних дел, накажет его за выход из рамок закона».

Pickpocket: «Если он карманник, он должен оставить эту «работу» и найти себе другую, где не придется «лазить по карманам».

Peacebreaker: «Если он преступник в мире, то его преступная деятельность вредит всем окружающим и ему самому. Это человек – нарушитель закона».

Self-incriminator/человек, дающий невыгодные для себя показания: «if he is a self-incriminator, he'll find the best way to leave this life.The self-incriminator - the suicide, the people without purposes, finding the best method to kill himself»/ если он селф-инкриминатор, он найдет лучший способ уйти из этой жизни. Селф-инкриминатор – самоубийство, люди без целей в жизни, находящие лучший метод убить себя». В данном случае метатекст содержит ассоциативный ряд, в котором есть оценочные слова «люди без целей», «лучший метод».

Одно и то же слово может вызывать полярные реакции в том случае, когда информант делает промежуточный шаг, т. е. начинает с буквального перевода компонентов сложного слова. Продолжение дает определенную информацию о личности информанта. Так wrongdoer (буквальный перевод «неправильно действующий») получает следующее объяснение:

Информант А.: «Он не ценится в обществе и к нему никто не обращается за помощью, так как он неправильно и несправедливо что-либо делает».

Информант Б.: «Его поведение отличается от поведения окружающих, он поступает согласно своим нормам поведения, расходящимся с нормами, принятыми в обществе».

В первом случае неправильное действие приравнивается студентом к несправедливому действию, и «неправильно действующий человек» оценивается с позиций общества отрицательно. Второй метатекст содержит абсолютно другую оценку такого человека: акцент делается на том, что такой человек независим от общества. Почти нейтральная интонация, видимо, подразумевает возможность разных последствий такого поведения, как положительных (самостоятельное принятие решения без учета общественного мнения), так и отрицательных (связанных с нарушением закона).

3. Метатекст складывается из двух частей. Во-первых, это завершение фразы «If he is/ если он + слово-стимул» на английском или русском языках (письменное суждение). Вторая часть – устное суждение (саморефлексия), полученное в результате беседы о тактике восприятия слова.

Self-incriminator/человек, дающий невыгодные для себя показания: «Оговаривает себя на следствии и суде с целью защитить другого человека». В устном суждении: «Сам себе ставит преступление. Раз сам себе, значит, возможно, и не совершал его. Он берет на себя чужую вину, самооговорщик». При осознании слова информант отталкивается от мотивирующего глагола «инкриминировать», но при объяснении учитывается и деривационный вариант «криминал-преступление».

Shoplifter/магазинный вор: «крадет вещи не из-за нужды, а из спортивного интереса» + «шоплифтеры – это люди, которые крадут из развлечения».

При пояснении полученной реакции возможно образование адекватного смысла: Blackmailer - «если бы он разрушал домашний очаг, то жена ушла бы от него» + «break-ломать дом, может быть, взломщик».

Устное суждение часто заключается в разделении сложного слова на две части и рассуждении о возможной связи между ними.

Wrongdoer: «Если он неудачник, он нелюдим» + «делает неправильно, значит неудачник».

Lawbreaker/правонарушитель: «очень умный интерпретатор, трактует законы в свою пользу» + «ломает закон, есть такие юристы, которые специализируются на подводных камнях закона».

Blackmailer/шантажист: «спамщик + black-плохой, mail-почта, т.е. рассылает нежелательную почту».

Blackmailer: «свидетель, который ничего не говорит или соучастник» + «черный малер, т. е. человек действует «вчерную», что-то скрывает».

Housebreaker: «любит отдыхать» + house-дом, break-перерыв, значит любит отдыхать».

Метаязыковая рефлексия студентов при осознании иноязычного незнакомого композита показыва-

ет общие тенденции в восприятии иноязычного композита, которые выявляются на фоне разнообразных индивидуальных особенностей.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1998.

2. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания: (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000.

3. Ростова, А. Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения / А. Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сб. статей. – Кемерово; Барнаул, 2008.

УДК 811.111`42

ДОЛГАЯ ДОРОГА БРИТАНИИ К ПРАВДЕ: TRUST, TRUTH AND TWIST

С. П. Тиунова, Н. В. Рабкина

LONG WAY OF BRITAIN TO THE TRUTH: TRUST, TRUTH AND TWIST

S. P. Tiunova, N. V. Rabkina

Статья посвящена одному из ключевых мировых событий последних дней: созданию независимой комиссии по расследованию обстоятельств войны в Ираке. Авторы проводят социолингвистический анализ дискурса СМИ, относящегося к этому событию.

The article is devoted to the most burning issue of the world amid the global crisis: economic, financial, political. Within the ranks of social linguistics we investigate the American and British behaviour in the Middle East which caused the Iraq Inquiry Commission in November, 2009.

Ключевые слова: социолингвистика, дискурс СМИ, война в Ираке, truthfulness, version of truth / objective truth, opinion-makers, lies / blacker lies, statistics; CHANGE, weapons of mass destruction (WMD).

Key words: socio-linguistics, discourse mass media, war in Iraq.

Анализируя отражение в прессе событий в Персидском Заливе, Дж. Лакофф писал о том, что концепт Справедливой Войны (*Just War*) разворачивается в сознании в виде сценария сказки, основанной на противостоянии Героя и Злодея, где Герой – рационален, а Злодей – нелогичен в своих действиях, вследствие чего Герой не может и не имеет права вести с ним переговоры – Герой может только победить его в бою.

Однако в начале января 2010 года в кресло перед Комиссией по расследованию истории войны в Ираке (***Iraq Inquiry***) сядет Тони Блэр – бывший премьер-министр Великобритании, трижды переизбиравшийся на эту должность. Так завершится несудебное разбирательство решения Блэра вступить в войну в Ираке в марте 2002 года. Члены комиссии не имеют судейских полномочий, но, при условии обнаружения необходимых доказательств вины, Блэр может в итоге предстать перед трибуналом, заняв, таким образом, место Врага в упомянутом выше сказочном сценарии.

По иронии судьбы, предметом разбирательства является именно проблема ***WMD*** – оружия массового уничтожения, так и не обнаруженного в Ираке. Всем изначально было ясно, что WMD являлось лишь предлогом для развязывания войны, а истинной причиной, вызвавшей массовые бомбардировки Багдада, было уничтожение режима Саддама Хусейна (***to destroy Saddam Hussein***).

Дж. Лакофф отмечает, что частые сравнения С. Хуссейна с Гитлером (война в Персидском Заливе) активно способствовали включению метафоры Справедливой Войны, в рамках которой иракский лидер представал воплощением зла, делающим зло во имя зла. Гитлер же подвергся в народном сознании полной и окончательной **демонизации**. Демонизация врага – вариант его **делигитимизации**, когда истребление врагов возводится в заслугу. По словам Э. Фромма, основополагающая мысль каждой мифологии войны сводится к тому, что враг – чудовище, уничтожая которое ты защищаешь единственный, по-настоящему ценный уклад жизни, которому следует только твой собственный народ. Делигитимизация и демонизация – стратегии, активно используемые так называемым колониальным дискурсом (Brillenburg Wurth. 2006. С. 381). К. Юнг писал: «Организованные на рациональной основе конгломераты, которые мы называем государствами или нациями, управляются безликой с виду, но страшной силой, сдержать которую не может никто и ничто. Эту силу называют страхом перед соседней нацией, будто бы одержимой бесами». Дуально-антагонистическая модель мира, формируемая политическим дискурсом, сама по себе обусловливает дуально-антитетический принцип мышления и классификации, отражая при этом реальную дуально-антагонистическую социальную структуру.

И сам Блэр, и Даунинг Стрит, отлично манипулировавшие средствами массовой информации, успешно лгали своей нации, вовлекали ее в войну против воли (***against their will***). В рамках социолингвистики мы исследуем специфику языка СМИ, освещающих вышеописанные события.

Журналисты и политики, создающие общественное мнение (***opinion makers***), пользуются целым арсеналом средств, заставляющих простых членов общества колебаться в оценке событий. Так, в СМИ широко тиражировался эпизод, когда 20 ноября

2009 года отец погибшего в Ираке британского солдата отказался пожать руку Тони Блэру, раздававшему автографы на брошюрах, на последней странице которых были опубликованы списки погибших: «Ваши руки в крови моего сына». Активно демонстрировались кадры: под окнами помещения, где заседала комиссия по расследованию, в день открытия ее работы собралась большая толпа с масками Дж. Буша, Т. Блэра и Г. Брауна. Люди в масках демонстративно пересчитывали «окровавленные» деньги и выкрикивали обидные лозунги.

Однако, несмотря на протесты общественности, 24 ноября, по просьбе Барака Обамы, Гордон Браун отправил 170 британских солдат, на этот раз в Афганистан.

Ничто не меняется, и это делает актуальным анализ современной прессы (***print language***) и иных средств массой информации (***radio- and telenews language***) в отношении хода войны на Ближнем Востоке. Брутальность поведения союзных войск делает предсказуемой реакцию жителей Ближневосточного региона, а также мусульманского населения Европы, у которого давно в ходу слоганы: ***Shariat for Europe! Jews and Christians, out of the Middle East! Behead those who think Muslims cruel!***

Круговорот событий, взаимные обвинения лишь усугубляют ситуацию. Комиссия по расследованию роли Тони Блэра в развязывании войны в Ираке ставит задачу предотвратить возможные ошибки Кабинета министров в будущем.

Нельзя сказать, что с самого начала в прессе не появлялись трезвые оценки событий. Примечательна большая статья Джеффри Уиткрофта (Geoffrey Wheatcroft) в журнале «Atlantic» в мае 2004 года. В ней талантливо, в расчете на стандартные стереотипы нации, и очень последовательно приводятся аргументы, разоблачающие лицемерие премьера.

Так, в зарубежной прессе принято выдвигать некий эталон общественного деятеля, политическим поведением которого руководствуется пришедший к власти лидер. Для Т. Блэра таким идеалом был Джон Кеннеди (***When he came to office, the Prime Minister seemed another J.F.K.).*** Далее следует характеристика самого премьера как лидера свободного мира (***The Leader of the Free World***).

Почему именно Блэр? Причин много. Прежде всего, харизматичность британского лейбориста, который увел свою партию от догматического социализма (***young, energetic charmer and conversationalist with hyperactivity)***. Однако в школе Блэр не отличался ни успехами в учебе, ни достижениями в спорте (***at public school he was neither academically nor athletically out of the ordinary, but he was a brilliant actor***). В дальнейшем Блэр широко пользовался своей репутацией блестящего актера (***a man of theatrical temperament made sincerity difficult to distinguish from insincerity***).

Автор упорно подчеркивает неискренность Блэра в публичных выступлениях, приводя характеристики других журналистов и политиков: ***not a natural orator but a brilliant actor; part lawyer, part parson, part actor***. Вспомним эпиграмму Пушкина графу Воронцову: «*Полумилорд, полукупец, полумудрец, полуневежда, полуподлец, но есть надежда, что будет полным наконец*».

Стоит также заметить, что актерская деятельность в западной культуре на протяжении многих веков считалась греховной, нечистой. Актерство неизбежно подразумевает притворство, введение зрителя в заблуждение – пусть даже временное, сознательное и добровольное. А притворяться, выдавать себя за другого, носить маску-личину – все это суть проявления лжи, традиционного атрибута злых сил: недаром в Библии дьявол называется «отцом лжи».

Примечательно, что в поэзии антивоенных сайтов Интернет, чутко впитывающей информацию о войне, поступающую из СМИ, ложь неоднократно подчеркивается как неотъемлемая характеристика президента США. Он провозглашает свою систему координат, где мир – это война, а война – это мир, то есть разрушает одну из базовых дихотомий, помещая страну в пространство хаоса: ***lovely lie a comin out / like rotted meat: "Peace is War and War is Peace"*** *(D. Bayless, President Junior, of the Nation of Acirema, Goes to War)*.

По контрасту с Блэром, лидеры США получили блестящее образование в Гарварде, отточили свое ораторское искусство в публичных выступлениях. Так, избираясь на должность губернатора в Техасе, Дж.Буш-младший, по словам известного лингвиста Джорджа Лакоффа, был убедителен, строил сложные по синтаксису конструкции и никогда не сбивался с мысли (***never left his message***). Джон Керри был многократным победителем студенческих соревнований по ораторскому искусству, а в Лондоне успешно выступил в Уголке Ораторов (Orators' Corner).

И опять возникает вопрос: так почему же «лидером Свободного Мира» в глазах общественности стал Блэр? Бушу была нужна международная поддержка (***international support***), чтобы Америка в очередном сценарии «волшебной сказки» могла исполнить привычную роль Героя-освободителя, приходящего на помощь издалека (напр. странствующие рыцари средневековых баллад), – распространенный фольклорный и литературный образ. Спасение приходит из-за моря – из другого человеческого социума. Основываясь на исследованиях Дж. Лакоффа, можно сказать, что СМИ США активно использовали этот архетип в освещении Первой иракской кампании.

Журнал публикует фото, где сияющие и успешные Буш и Блэр энергично пересекают Овальный Кабинет белого дома – они договорились о начале войны. Но вскоре иллюзии распространения демократии на страны Востока рухнули (***spreading of freedom / liberty / democracy tumbled down***). Фотографии Блэра в 2004 году являют нам уставшего или больного человека (***tired and ill***). В поэзии Интернет его вместе с Бушем именуют «***Warmongers Bush and Blair***» – подстрекателями к войне, разжигателями войны.

В своей собственной стране поведение Блэра стало рассматриваться как предательство нации (***mi-***

strust and mislead). Взаимоотношения британских и американских солдат постоянно критикуются прессой: «Американцы обращаются с нами как с какими-нибудь португальцами». Так, например, Буш затребовал новый контингент британских сухопутных сил, поскольку не успевал подготовить свой. Не было четкого плана войны и не предполагалось дальнейшее восстановление Ирака (***Secret plans for war in Iraq, no plans for peace***). Автор статьи четко осуждает некомпетентность Блэра: ***Blair could not foresee in foreign affairs, to say nothing of making war.***

Интересно отметить, как возрастающее недовольство британцев зависимостью внешней политики своей страны от США отразилось в популярной культуре. В фильме режиссера Ричарда Кертиса «Love Actually», вышедшего на экраны в 2003 году, где задействованы преимущественно британские актеры, есть сцена, в которой премьер-министр в исполнении Хью Гранта демонстративно, в категоричной форме отказывается поддерживать планы американского президента. И хотя фильм в целом выдержан в жанре романтической комедии, а, согласно сценарию, реальной причиной разногласий двух руководителей государств выступала женщина, нельзя отрицать тот факт, что в этом эпизоде запечатлено стремление народа Великобритании обрести независимость от страны, бывшей некогда ее собственной колонией.

Работа комиссии вскрыла некоторые нелицеприятные факты: плохо подготовленные военные операции, плохое вооружение, недостаток патронов (их выдавали по шесть штук на солдата), а также такие, казалось бы, курьезные моменты, как бессмысленная доставка в раскаленный солнцем Ирак контейнера с лыжами и тому подобное. Главный недочет тем не менее заключался в отсутствии информации, что деморализовало офицерский состав. Никто не готовил солдат к общению с представителями иной культуры. Невольно вспоминается активно циркулировавшая на телевидении и в Интернете шутка: «В первые же дни оккупации Ирака простой местный крестьянин то ли из рогатки, то ли просто граблями сбил сверхсовременный юсовский "Апач"».

Здесь возникают ассоциации с мучениями крестоносцев, которые «освобождали гроб Господень» в тяжелом железном убранстве под палящим солнцем Палестины. Р.Хьюз в своей книге «Myths America lives by» писал, что Первая и Вторая мировые войны концептуализировались в сознании американцев как Крестовый поход – противостояние христианской нации демоническому врагу: «***Christian nation waging a Christian crusade against a demonic foe***». После победы над фашистской Германией пустующее место врага в сознании американцев занял коммунистический СССР: *«**After the enemy disappeared, communism emerged to fill the void**»*. После распада СССР, «Империи Зла», наступила очередь «Оси Зла» – стран, несущих угрозу террора (Ирак, Иран, Северная Корея). (Ср.: ***Evil Empire – Axis of Evil***).

Возвращаясь к работе Дж.Уиткрофта, опишем способ убеждения своих сограждан в перемене умонастроения: Уиткрофт умело угадал популярность слова «***change***». Вспомним, например, как это понятие буквально «витало в воздухе» в России начала 90-х: «Перемен, мы ждем, перемен!», Песня "Wind of Change" в исполнении группы «Scorpions», написанная в 1990 году, получила необыкновенно актуальное звучание в 1991 году после распада СССР и занимала верхние позиции в «чартах» континентальной Европы, Великобритании и США. После «оранжевой революции» в Украине эта песня активно исполнялась на радио в исполнении украинской группы. Отметим также балладу «The Times They Are a-Changin'», написанную Бобом Диланом в 1964 году и ставшую символом тех изменений, с которыми США столкнулись в 60-е годы. Не стоит забывать и о предвыборных лозунгах Барака Обамы в 2008 году – ***The Change we Need, The Astonishing Turn of Events***.

Рассуждая о политическом мировоззрении Тони Блэра, Уиткрофт противопоставляет ему высказывания Маргарет Тэтчер из партии Тори. В своих дебатах Тэтчер говорит о простых людях (***men and women in their concrete reality***) и рассматривает общество как абстракцию, которая слишком часто доказывает другую реальность – ***state power***.

Блэр, будучи социалистом, уступает здоровому чувству недоверия государственной власти (***he has a very low conception of individual freedom***) и считает важным дух коллективизма (***authoritarian strain in his emphasis of communal duty and the collective***). Автор называет Блэра толковым манипулятором (***smart operator***), хотя и недалеким философом: «***To be frank, he wasn't that bright, he did not seem particularly knowledgable about anything»,*** – приводит он слова писательницы Дорис Лессинг и слова самого Тони Блэра: «***When I was young, I paid more regard to intellect than judgement. As I've got older, I pay more regard to judgement than to intellect»***. Автору интересно узнать, как Блэр различает понятия суждения и интеллекта.

Тонкой иронией отмечен пассаж о моральных принципах Блэра: ***strong morality in principle, but a tendency toward notable amoral behaviour in practice***. Автор замечает, что аморальное поведение Блэра проявляется, прежде всего, в отношениях с другими народами (***particularly when dealing with the world beyond Britain)***.

Бери Дженкин (Bery Jenkin) критикует Блэра за прямолинейное понимание разницы между добром и злом, черным и белым: ***he sees matters in stark terms of good and evil, black and white***. Мысль о том, что религиозные люди всегда «чисты и правы», удручает руководителя партии социал-демократов: «***To the pure all things are pure. So if you are the elect, you can eat, drink and merrily fornicate in the certainty of salvation***,"- избранным можно «есть, пить и распутничать», будучи уверенными в своем спасении (что является искаженной аллюзией на библейский текст).

Если вспомнить, что позволяли себе представители союзных войск в Ираке и в тюрьмах, где содержатся террористы, то весьма нелестно выглядят руководители воинских подразделений на Ближнем Востоке в целом. А. Глюксманн пишет, что своеобразной аллегорией второй иракской кампании стала известная по первым полосам газет фотография, на которой «своенравная солдафонка тащит на поводке арабского самца на четвереньках». Этот эпизод, освещенный СМИ, произвел сильное впечатление на «простого обывателя» – это подтверждается тем фактом, что образ надсмотрщицы с заключенным на поводке многократно отразился в любительской поэзии Интернет:

American Female soldier with nude Arab on a leash. / Is this the metaphor for American omnipotence or impotence (E. Wormwood, American Female Soldier With Nude Arab On A Leash);

Some photos showed naked men / Wearing black hoods over their heads, / Clustered in a pile on the floor, / As an American girl grinned and pointed at their genitalia, / As if she found it somewhat lacking (...) Most disturbing in that sinister jail / Known in Iraq as Abu Ghraib / A smiling American soldier, / Looks down at a prisoner, / Laying on the ground like a dog, / She held a leash to his neck / She stood there stoically watching / Her captured prize of Iraqi manhood / Cowering on the cold cement (C. D. Bennett, Abu Ghraib);

In front of him crotch-high, a wide young smile of a woman, / rampant over a field of nudes. / Her face the face of a milked, temptress-in-cornsilk Kirsten Flagstad of a soldier. / Clean even teeth widespread, as if caught bending with an apple basket for easy groundfalls. / Her lady leer afloat over the mass, as if buttocks and apples alike were mere bites (T. Goff, Abu Ghraib).

Поводок создает оппозицию – **США vs. All Human Beings*: All humans are at the Arab end of that leash – or we are at the other end. Or none of us is human).***

В отношении Блэра Уиткрофт пишет о его «внутреннем достоинстве», которое оправдывает любые средства, используемые им для достижения своих целей: ***Blair believes that his inner virtue justifies whatever means he chooses to employ***. Какими именно средствами Блэр достигает воплощения своих планов, предстоит разбираться комиссии по Ираку.

Автор называет первой победой достижения союзных войск в Ираке (***another hollow / pyrrhic victory)***. Он утверждает, что идеология в Европе умерла, ибо даже война рассматривается политиками как средство обогащения, независимо от партийной принадлежности. Уиткрофт упоминает многочисленные фонды помощи, деньги из которых не доходят ни до иракцев, ни до британских военнослужащих, о моральном хаосе в армии (***moral chaos***), неразборчивости в средствах достижения своих целей, которая стала нормой для Блэра (***the means became ends, and the medium – the message***). Это приводит Блэра к невозможности говорить правду вообще (***inability to tell the truth***).

Автор задается вопросом: ***And the consequences?***

Мы частично знаем, каковы будут последствия прежних ошибок, от которых комиссия по расследованию пытается уберечь грядущее правительство. Если Хусейна повесили за убийство восьмидесяти жителей деревни, то какого наказания заслуживает убийца двухсот тридцати двух британцев и бессчетного количества иракцев?

Блэр обвиняется не в каких-то неточностях в отношении информации (***not small inaccuracies in the charge against the government***), но в том, что своей уверенностью в наличии у Хусейна оружия массового поражения он ввел в заблуждение всю страну ***(but the fact that we were all mislead over claims of WMD and the brutal ways Downing Street)***.

Кэмпбелл написал: ***Epitaph: a new labour flack flak in sense of opposition and disapprovemen***t. Вот за что нужно восторгаться политиками, восклицает Уиткрофт: ***Politicians are meant to be admired for it. Prime Minister did not lie!*** ***said his proponent***. И хотя сторонники Блэра до сих пор утверждают, что он не лгал, он точно лгал – и ответит за это. Доверие и правда, ***Trust and Truth*** – слова, потерявшие смысл в условиях глобального политического кризиса. ***Twist*** (ловкий обман) – более подходящее слово.

Литература

1. Американская агрессия в Ираке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. newcontinent.ru/original/iraq.htm. Дата обращения: 10.2009.

2. Максапетян, А. Г. Язык и метафизика / А. Г. Максапетян. – Ереван, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. philosophy.ru /library/maksapetian/i.1-41.html. Дата обращения: 04.2004.

3. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности: пер. с англ. Л. М. Телятникова, Т. В. Панфилова / Э. Фромм. – Мн.: Попурри, 1999. – 624 с.

4. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг; пер. с нем. А. А. Спектор. – Мн.: Харвест, 2004. – 400 с.

5. Brillenburg Wurth, K., Het leven van teksten. Een inleiding tot de literatuurwetenschap / K. Brillenburg Wurth, A. Rigney. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2006. – 324 p.

6. Hudson, R. A. Sociolinguistics / R. A. Hudson. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1999. – 217 p.

7. Lakoff, G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf Peace / G. Lakoff // Research. – 1991. – № 23. – P. 25 – 32.

8. Lakoff, G. Whose Freedom? The Battle Over America's Most Important Idea / G. Lakoff. – Farrar: Straus and Giroux, 2006. – 288 p.

9. Poets against the War. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.poetsagainstthewar.org. Дата обращения: 10.2009.

10. The Atlantic. – 2002. – № 4.

УДК 821.161.1Цветаева.07:82-6

ОБРАЗНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДРЕСАТОВ В ПИСЬМАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ К Б. ПАСТЕРНАКУ И Р. М. РИЛЬКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА

Н. В. Щитова

FIGURATIVE CHARACTERISTIC OF ADDRESSEES IN LETTERS OF M. TSVETAEVA TO B. PASTERNAK AND R. M. RILKE AS A REFLECTION OF THE AUTHOR'S LANGUAGE PERSONALITY

N. V. Shcitova

Статья посвящена выявлению изобразительно-выразительных средств создания образа адресата в письмах М. Цветаевой. На основе анализа писем к Б. Пастернаку и Р. Рильке доказывается жанровая специфика текстов М. Цветаевой как эпистолярной лирики.

The article is devoted to revealing of depictive-expressive means for the creation of the image of addressee in the letters of M. Tsvetajeva. The analysis of B. Pasternak and R. Rilke letters shows genre specific character of M. Tsvetajeva texts as epistolary lyric poetry.

Ключевые слова: эпистолярный текст, изобразительно-выразительные средства, автор, адресат, языковая личность.

Key words: epistolary text, figurative-expressive sources, author, addressee, language personality.

Знаменитая тройственная переписка М. И. Цветаевой, Б. Л. Пастернака и Р. М. Рильке завязалась в мае 1926 г. Поводом к этому послужило одно из писем Л. О. Пастернака к Р. М. Рильке, в котором он поздравлял поэта с пятидесятилетием. В этом же письме знаменитый художник писал: «Если бы Вы знали, как мои дети любят каждую Вашу строфу, каждую строчку Вашу! Особенно мой старший сын Борис – … – Ваш самый горячий поклонник. Ваш самый серьезный и искренний ценитель...» [1, с. 45]. В ответном письме Л. О. Пастернаку Р. М. Рильке выказал свое восхищение талантом уже известного ему по публикациям в зарубежных журналах молодого русского поэта. Вскоре Б. Л. Пастернак пишет не менее восторженное письмо Р. М. Рильке, в котором упоминает имя М. И. Цветаевой. На тот момент поэтесса уже была хорошо знакома с творчеством Р. М. Рильке и причисляла его к любимым писателям-современникам [там же, с. 71].

В связи с тем, что письма из Швейцарии в Россию не доставлялись, Б. Л. Пастернак попросил Р. М. Рильке писать ему через М. И. Цветаеву, которая в то время находилась во Франции. Этот факт послужил поводом для эпистолярного «знакомства» М. И. Цветаевой и Р. М. Рильке. По просьбе Б. Л. Пастернака, вместе с первым письмом Рильке отправил М. И. Цветаевой две книги с дарственными надписями – «Дуинезские элегии» и «Сонеты к Орфею». Переписка трех великих поэтов продолжалась чуть более полугода и была прервана 26 декабря 1926 г. в связи со смертью Р. М. Рильке.

Несмотря на столь непродолжительный срок переписки, эпистолярные тексты М. Цветаевой, Б. Пастернака и Р. М. Рильке вызывают глубокий интерес у лингвистов. В письмах стремительно разворачиваются рассуждения на различные темы, например, на тему творческого самоопределения и определения бытийной сущности других участников эпистолярного диалога. Нас будут интересовать письма М. Цветаевой. В них выделяются основные образы, с которыми соотносятся личности Б. Пастернака и Р. М. Рильке.

Разные ученые по-разному определяют понятие «образ». В. А. Скриба и Л. В. Чернец под образом понимают «категорию эстетики», которая «выражает идейно-эмоциональное отношение автора к предмету», поскольку он обращен не только к сознанию, но и к чувствам читателей [2]. С точки зрения М. Столярова, «образ не есть предмет» [3]. Исследователь видит задачу искусства в том, чтобы «развеществить предмет: это и есть превращение его в образ», то есть «образ переводит изображаемый им предмет или событие из внешнего мира во внутренний… В образе мы *переживаем* изображаемое» [там же]. Ученые выделяют образы времени и пространства, повествователя и лирических героев и т.д. [4, с. 142]. При рассмотрении эпистолярных текстов М. Цветаевой, жанр которых определяется как «эпистолярная лирика» [5, с. 22; 1, с. 31], можно выделить образы адресатов. По мнению В. З. Демьянкова, образ адресата является «представлением о реальном или потенциальном «получателе» сообщения», на которое «автор опирается, строя свою речь» [6]. Как правило, в эпистолярии образ адресата представлен в виде совокупности черт определенного человека. Но существуют особые виды *письма*, в которых не стоит отождествлять представленные образы с личностью реального человека. Примером могут служить письма М. Цветаевой, которые представляют собой «не что иное, как продолжение ее прозаических произведений, со всеми их особенностями и свойствами. И относилась Марина Ивановна к своим письмам, как к *прозе*» [7]. Так, придавая своим эпистолярным текстам художественность, М. Цветаева, «неизменно пересоздавая личность своего героя», «творила художественный образ» [1, с. 32]. Примечательно, что М. Цветаева и Б. Пастернак несколько раз встречалась на литературных вечерах, а Р. М. Рильке М. Цветаева знала лишь по его стихам и недолгой дружественной переписке.

В языковом плане образ воплощается в тексте посредством реализации образного кода, который представляет собой систему «эстетически обусловленных, лингвистически выраженных сигналов» [4, с. 141]. С точки зрения плана выражения, образ есть не что иное, как сложное единство различных регулятивных средств, тщательно отобранных автором для более точного выражения мысли и эффективного воздействия на сферу сознания адресата. В связи с этим мы можем говорить об образном строе того или иного текста.

В письмах принято выделять количество адресатов в зависимости от количества участников эпистолярного диалога. В случае с эпистолярным наследием М. Цветаевой ситуация обстоит несколько иначе. В письмах к Б. Пастернаку и Р. М. Рильке образы адресатов представлены во взаимосвязи и порой один образ адресата реализуется посредством другого. Остановимся подробнее на письмах М. Цветаевой к Б. Пастернаку. Со времени их переписки с 1922 по 1935 гг. сохранилось лишь 20 копий писем, 3 оригинала и 1 черновая запись, из них на период тройственной переписки приходится всего 5 писем к Б. Пастернаку.

В уцелевших эпистолярных текстах образ адресата представлен следующими характеристиками: «Вы у меня *в жизни* не умещаетесь, очевидно … *Вы в ней не* … живете. Вас нужно искать … И не потому, что Вы поэт и «ирреальны»… *Вы точно вместо себя посылаете в жизнь свою тень, давая ей все полномочия*» [8, с. 226]. Как мы видим, при создании образа адресата для М. Цветаевой характерно использование различных изобразительно-выразительных средств, таких как метафоры и сравнения. Опираясь на высказывание автора, мы понимаем, что адресат мыслится им как нечто великое, загадочное и не имеющее материального воплощения в обыденной жизни. На это указывают и сравнение адресата с шифром: «Пастернак, есть тайный шифр! Вы – сплошь шифрованы, Вы безнадежны для «публики», Вы – царская перекличка, или полководческая. Вы переписка Пастернака с его Гением» [8, с. 231]. Масштабность изображаемой личности Пастернака подчеркивается также посредством использования эпитетов, придающих описываемому образу особую возвышенность. В своих письмах М. Цветаева неоднократно называет Б. Пастернака «первым поэтом» «за жизнь», но первым как единственным, поскольку «Единственный не бывает первым» [там же, с. 248], в чей завтрашний день верит, как в свой и во «вчерашний Байрона» [там же, с. 229].

На причисление Б. Пастернака к высшим силам указывает отнесение его к *явлению природы*: Бог задумал Вас дубом, а сделал человеком, и в Вас ударяют все молнии (есть – такие дубы!)» [8, с. 233]. По данным словаря символов, *дуб* соотносится с мощью, выносливостью и благородством [9] и был «посвящен богам грома в Греции, Скандинавии, Германии и славянских странах, … потому, что считалось, что дуб способен выдержать удар молнии» [там же]. У некоторых народов дуб символизировал ось мира и ассоциировался с мужской силой и мудростью. Посредством данного сравнения автором создается образ могучего и мудрого человека, который является частью природного мира. С позиции М. Цветаевой, важнейшим элементом природы является «душа», в своем единстве они представляют «источник творчества и поэзии» [1, с. 29], чем и был Б. Пастернак в идеализированном представлении автора. В своих письмах М. Цветаева «исповедуется» не поэту, а Духу в нем, Б. Пастернак для нее – «переписка Пастернака с его Гением» [8, с. 231]. Адресат представлен как нечто божественное, потому все, что им создается, представляет собой природное явление («Ваша книга – ожог! Та – ливень, а эта – ожог!») [8, с. 233]. С точки зрения символики, *ливень* (*дождь*), с одной стороны, обладает живительной силой и соотносится с плодородием, с другой – граничит с разрушительной силой природы и связывается со стихией естества. В письмах М. Цветаевой книге-ливню («Сестра моя – жизнь») противопоставлена книга-ожог («Темы и вариации»). В словаре символов *ожог* олицетворяет последствие воздействия огня или пламени, божественную энергию, духовные порывы и вдохновение, считается субстанцией, объединяющей землю, воду и воздух [9]. Как мы видим, М. Цветаева посредством сравнений раскрывает важнейшие стороны тех или иных образов.

Автор использует гиперболизацию и метафорический перенос, чтобы придать описываемому образу некую возвышенность, божественность и одухотворенность. Поскольку идеализация образа русского поэта встречается в письмах 1922 – 1923 гг., можно предположить, что это связано с тоской М. Цветаевой по России и желанием уйти от сурового эмигрантского бытия.

В письмах второй половины 1923 г. М. Цветаева использует прием описания образа адресата посредством других образов в письмах. Например, образ Б. Пастернака раскрывается через образ сына: «… назови я его Борисом, я бы навсегда простилась с Будущим: Вами, Борис, и сыном от Вас. Так, назвав его Георгием, я сохранила права на Бориса. (Борис остался во мне)» [8, с. 242]. Таким образом, автор подчеркивает важность для него имени адресата. Примечательно, что имя Б. Пастернака неоднократно упоминается в тексте каждого письма М. Цветаевой. Это обусловлено дружеским общением и желанием автора постоянно обращаться к своему адресату. Даже в письмах к другим лицам М. Цветаева не могла не писать о Б. Пастернаке: «Борис… Я так люблю твое имя, что для меня не написать его лишний раз, сопровождая письмо Рильке, было бы настоящим лишением, отказом» [там же, с. 254]. Наряду с частым использованием имени адресата в связи с продолжительным общением автор употребляет разные варианты обращения: Борис Леонидович, Пастернак, Борис, Борюшка, – дополняя их различными эпитетами: дорогой, «*насквозь* родной», милый, тем самым выражая свою позицию по отношению к получателю письма. Это обусловлено динамикой дружеской переписки поэтов и личными взаимоотношениями между ними.

В эпистолярии М. Цветаевой на протяжении многих лет переписки с Б. Пастернаком активно проявляется идеализированный образ Р. М. Рильке сначала как образ поэта, а затем как образ адресата. Если в начале тройственной переписки М. Цветаева была «посредником» между Б. Пастернаком и Р. М. Рильке (через нее шли письма Рильке к Пастернаку), то после смерти Р. М. Рильке М. Цветаева опосредованно, через Пастернака, «общалась» с умершим поэтом. В ее письмах два адресата «вживаются» и дополняют образы друг друга. Так, М. Цветаева писала Б. Пастернаку: «Рильке перерос Эккермана, ему – между Богом и «вторым Фаустом» не нужно посредника. Он старше Гёте и ближе к делу…Он старше друзей. Эта встреча для меня – большая растрата, удар в сердце, да. Тем более, что он прав (не его холод! оборонительного божества в нем!), что я в свои лучшие высшие … часы – сама такая же. [8, с. 250]. В данном высказывании выражается не только мнение М. Цветаевой о величии и мудрости Р.М. Рильке, но и прослеживается сравнение его с друзьями (к ним можно отнести Пастернака и Цветаеву), которые были значительно младше его. Подобное сопоставление подчеркивает значимость личности поэта. При этом М. Цветаева использует прием описания образа адресата через образ автора. Сравнивая себя и Р. М. Рильке, М. Цветаева причисляет обоих к выдающимся поэтам и «оправдывает» их поступки талантом. Это обусловлено не только художественностью эпистолярия М. Цветаевой, но и спецификой дружеского общения.

После смерти Р. М. Рильке 26 декабря 1926 г. М. Цветаева продолжает с ним виртуальную переписку через Б. Пастернака, поскольку письмо для нее «некий вид потустороннего общения» [8, с. 225], менее совершенный, нежели сон, но существует по тем же законам. «Что почувствовала, узнаешь из вчера (7-го, в его день) законченного (31-го, в день вести, начатого) письма к нему, которое, как личное, прошу не показывать. … Я просто рассказывала ему, живому, к которому *собиралась*! – как не встретились, как *иначе* встретились» [там же, с. 269]. Для М. Цветаевой телесная оболочка не имеет такого важного значения, как Дух, заключенный в ней. Использование в письмах мотивов сна и потустороннего дает автору возможность расширить образный потенциал текстов и придать им особую тональность. Так, автор может не только писать ирреальному адресату, но и получать от него ответы: «Борис, я рада, что последнее, что он от меня слышал: Bellevue (Прекрасный вид). Это ведь его первое слово оттуда, глядя на землю!» [8, с. 267]. Таким образом, доверяя Б. Пастернаку самые сокровенные мысли и чувства, в то же время придавая своим письмам художественную окраску, М. Цветаева характеризует адресата как хорошего собеседника и друга.

В письмах М. Цветаевой, Б. Пастернака и Р. М. Рильке часто содержится просьба, например прислать книгу (см. Цветаева, 1995, с. 228, с. 231; там же, с. 73 и др.). Как правило, речь шла о стихах Б. Пастернака (в письмах к Пастернаку) и о Библии (в письмах к Рильке). Это свидетельствует о высокой степени дружеского общения между поэтами и духовной общности.

В письмах последних лет для характеристики адресата М. Цветаева использует прием отнесенности его к категории человек / нечеловек. Поскольку в сознании М. Цветаевой Б. Пастернак соотносился с явлением природы, то и «судить» его «как человека» было нельзя («Убей меня, я никогда не пойму, как можно проехать мимо матери на поезде, мимо 12-летнего ожидания» [8, с. 277]). Посредством данного приема автор выражает свое «разочарование» в адресате как в человеке, но при этом оправдывает его как природную инстанцию. Так, М. Цветаева при описании Б. Пастернака посредством многих приемов показывает, с одной стороны, внутреннюю гармонию его образа, а с другой – его неоднозначность и противоречивость. Многогранность в плане воплощения образа адресата обусловлена длительным периодом переписки двух поэтов и особенностями языковой личности адресата.

Переписка М. Цветаевой с Р. М. Рильке была недолгой (с мая по декабрь 1926 г. написано 11 писем из Франции в Швейцарию). Тем не менее в ней образ адресата получил яркую характеристику. Если в образе Б. Пастернака «больше Гения, чем поэта Гения» [8, с. 230], то Р. М. Рильке – это «воплощенная поэзия» [там же, с. 55]. При этом, как и Б. Пастернак, он метафорически олицетворяет в сознании автора явление природы, высшее проявление космического Духа, суть которого раскроется лишь в веках. Именно в отнесении поэта к *природе* открывается его «душа» и талант, для которых не важны такие понятия, как язык или нация. «Для поэта нет родного языка. Писать стихи, и значит перелагать» [8, с. 66], так как «Поэзия – уже перевод, с родного языка на чужой – будь то французский или немецкий – неважно» [там же]. В случае «дробления» учеными личности Р. М. Рильке на «Рильке-человека», «Рильке-мистика» и «Рильке-мифотворца» М. Цветаева противопоставляет им единой целое – «Рильке-абсолют» [8, с. 59], который растворен во всем окружающем.

Интересны также обращения поэта к данному адресату. На протяжении всей переписки автор, как правило, использует следующие варианты: Райнер Мария Рильке, Райнер и Рильке. Впоследствии в письмах появляются эпитеты «дорогой» (друг, Райнер) и «любимый», что свидетельствует о переходе к более дружескому общению. Для М. Цветаевой его имя священно, потому с долей ревности она писала: Святой, которого звали Райнер, звался, верно, иначе. *Ты* – Райнер» [8, с. 54]. При этом образ адресата актуализируются за счет образа автора («… я ощущаю себя первенцем своего имени, как тебя – первенцем твоего» [там же]).

Несомненно, в письмах к Р. М. Рильке образ Б. Пастернака оставил свой след: «Борис – хороший. … Борис *подарил* тебя мне» [Цветаева. 1995. С. 65], то есть предоставил М. Цветаевой возможность эпистолярного знакомства с великим поэтом. С Б. Пастернака началась переписка с Р. М. Рильке и им же закончилась. Посмертное письмо к Р. М. Рильке было отправ-

лено Б. Пастернаку как к человеку, способному общаться с высшими силами в потустороннем мире.

Таким образом, в письмах М. Цветаевой к Б. Пастернаку и Р. М. Рильке можно выделить несколько основных приемов образной характеристики адресатов. Особенно часто автор использует сравнения и метафоры, посредством которых акцентируются определяющие черты данных образов. Так, оба поэта в восприятии М. Цветаевой ассоциируются с явлениями природы, ирреальным и одухотворенным. Для усиления данного приема служит использование мотивов сна и обращения к потустороннему миру, к которому, по мнению автора, принадлежали и Б. Пастернак, и Р.М. Рильке. Частое употребление имен указывает на духовную близость участников эпистолярного общения. В связи с этим в письмах правомерно возникает мотив дружеской просьбы о чем-либо. При создании одного образа адресата М. Цветаева прибегает к усилению его посредством других образов (Пастернака, Рильке или Георгия) и образа автора. Так, в эпистолярии М. Цветаевой размываются временные границы, образ адресата из писем, предназначенных одному поэту, «перетекает» в письма, адресованные другому. Вследствие этого образы адресатов способны не только дополнять друг друга, но и сосуществовать как единое духовное целое. Внутренняя взаимосвязь трех великих поэтов нашла свое отражение в специфике эпистолярных текстов М. Цветаевой. Ее письма следует отнести к особому жанру, к эпистолярной лирике, наделенной художественностью и особым лиризмом. Посредством актуализации разных образов адресатов в эпистолярии автор характеризуется как многоплановая и сложно организованная личность с трагической судьбой и огромным творческим потенциалом. Это отражает специфику языковой личности М. Цветаевой как поэта и необыкновенного человека.

Литература

1. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. – М.: Книга. – 1990: http://www.belousenko.com/books/Rilke/Rilke_Pisma.htm

2. Скиба, В. А. Образ художественный / Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Под редакцией Л. В. Чернец: http://stavatv.narod.ru/dopolnit/ book0080.htm.

3. Столяров, М. Образ // Словарь литературных терминов: http://feb-web.ru/feb/slt/abc/.

4. Болотнова, Н. С. Образный код текста // Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.

5. Курьянович, А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой / А. В. Курьянович: дис. … канд. филол. наук. – Томск, 2001. – 227 с.

6. Демьянков, В. З. Образ адресата // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / В. З. Демьянков; под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 376 – 377.

7. Саакянц, А. Письма поэта: http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/letter/saak0pis.html.

8. Цветаева, М. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 7. Письма / сост., подг. текста и комм. Л. Мнухина. – М., 1995. – 848 с.

9. Тресиддер, Д. Словарь символов. – М., 1999: http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1153.

ЛИНГВОДИДАКТИК

УДК 378.1

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Г. И. Коротких, Гал. И. Коротких

INNOVATIVE COMPETENCES FORMING OF THE STUDENTS WHILE TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT THE UNIVERSITY

G. I. Korotkikh, Gal. I. Korotkikh

В статье рассматривается парадигма лингводидактических инноваций при обучении иностранному (английскому) языку в университете. Исследование проводится в тесной связи с формированием у студентов языковых и неязыковых факультетов социолингвистической, прагматической и интертекстуальной компетенций, а также компетенций дискурса и постредактирования.

The article discusses the paradigm of innovations in English language teaching at university level. The analysis is done in close connection with the formation of sociolinguistic, pragmatic, intertextual, discourse and post-editing competences of students specializing in linguistics and other subjects.

Ключевые слова: лингводидактика, инновации, прагматика, концепт, интертекстуальность, коммуникативные компетенции.

Key words: lingua didactic, innovation, pragmatic, concept, inter-text, communicative competences.

Качество подготовки выпускников университета по иностранным языкам (ИЯ), как на специальном факультете, так и в рамках общеобразовательного цикла дисциплин на неязыковых факультетах, в современных условиях существенно зависит от теоретического осмысления и системной реализации в практике преподавания парадигмы лингводидактических инноваций.

Не претендуя на полноту описания инноваций, поставим своей целью дать их характеристику в тесной связи с их лингводидактической значимостью и актуальностью в вузовском учебном процессе. При этом важной методологической предпосылкой является тезис о том, что современный курс иностранного языка - это **многоаспектный** и **комплексный образовательный продукт,** предполагающий развитие профессионально ориентированных коммуникативных компетенций в тесной связи с формированием **интеллектуальной, лингвообразовательной и профессиональной культуры** выпускника как языкового, так и неязыкового факультета.

В современных условиях одной и важнейших лингводидактических инноваций является **формирование компетенции дискурса как коммуникативного события.** Навыки говорения и письма преподаватель развивает в конечном итоге в виде коммуникативных намерений (коммуникативных интенций типа «сравнить», «сопоставить», «выделить и передать главное», «дать количественную характеристику», «дать оценку», «сформулировать проблему» и т. д.). Что касается такого вида речевой деятельности, как чтение, то в связи с компетенцией дискурса на первый план выступает не столько **восприятие,** сколько **преобразование/трансформация** исходного текста – **вторичная коммуникация:** различные формы компрессии (реферирование, аннотирование), представление таблично-графической информации в виде текста, составление резюме и т. д. Единицами обучения становятся **речевые действия,** направленные на формирование **структуры продуцированного дискурса,** его логико-семантической связности и алгоритмов построения (например, как строить связный письменный текст делового письма или судебного выступления, как строить письменное или устное сообщение, адекватно раскрывая содержательные и экспрессивно-стилистические особенности художественного текста при его интерпретации на основе его прагматической релевантности). Именно такой подход характеризует **лингводидактические интенции самого преподавателя.**

Чтение с разным охватом содержания как подготовительный этап к дальнейшей коммуникативной работе над текстом приближает процесс обучения ИЯ в методологическом плане к обычному типу умственной деятельности специалиста-профессионала или научного работника. Однако в последнее время все актуальней для обучения ИЯ, особенно на специальном факультете, становится осознание того факта, что универсальным свойством текста является его **интерпретируемость**, соотносимая с компетенцией дискурса, а **эффективная интерпретация**, в свою очередь, объективно опирается не только на **внутритекстовые связи,** но и **связи интертекстуального характера.**

Интертекстуальность как лингводидактическая категория и компонент инновационной парадигмы должна, по нашему мнению, занять более прочное и постоянное место в практике преподавния ИЯ, особенно студентам филологических и лингвистических специальностей. Необходимо системно формировать у студентов **интертекстуальную компетенцию**, так как концепция интертекстуальности, введенная Ю. Кристевой на основе переосмысления известной работы М. Бахтина, а также концепции «горизонтальной и вертикальной интертекстуальности» (John Fiske), «вертикального контекста» (Claes Shaar, Л. В. Полубиченко, И. В. Гюббенет), помимо чисто лингвистического и литературоведческого аспекта имеют весьма актуальную **лингводидактическую направленность.** Она реализуется прежде всего при интерпретации художественных текстов на специальном факультете, поскольку сама идея текстуальности неотделима от идеи интертекстуальности. Именно интертекстуальность служит важнейшим текстообразующим средством и «генератором новых смылов» (Ю. М. Лотман).

Среди различных классов интертекстуальности для анализа художественного текста на занятиях по практике языка (включая не только такой аспект как «интерпретация текста», но и «домашнее чтение», «индивидуальное внеаудиторное чтение») на факультете РГФ существенное значение имеет понимание интертекстуальности в трех планах:

– как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.);

– как функционирование в тексте художественного произведения названий книг, фильмов, имен и брендов (brand-names, brand-images);

– как системное формирование «смыслообмена» изучаемого текста с литературно-художественной средой, культурной средой, средой искусства и социально-историческим контекстом.

Так, при работе над книгой Сомерсета Моэма «Театр» для более глубокого, как бы двойного, прочтения романа, своеобразного «впитывания» атмосферы искусства, интерпретации творческой индивидуальности Джулии Ламберт, ее сценического и духовного опыта преподавателю целесообразно на системной основе включать в учебный процесс, в методические материалы и разработки задания интертекстуального характера, обращая внимание студентов на те ассоциации, новые смыслы и оценочные коннотации, которые несут с собой постоянно встречающиеся в тексте романа имена людей искусства и литературы, героев пьес, названия музеев как сокровищниц искусства – Sarah Siddons, Sarah Bernardt, Eleonora Duse, Douglas Fairbanks, the Borgias, Phedre, Goldsmith, Keats, Rubens, Titian, Lawrence, Romney, Botticelli, Ingres, Paul Cezanne, The Tate, The National Gallery, the British Museum. Сюда же следует отнести «интертекстуальные сигналы» и связи, которые устанавливаются между именами ге-

роев, цитатами из произведений Шекспира: Mercutio, Beatrice, Rosalind, Polonius; “All the world’s a stage, and all the men and women merely players” (As you like it), “Age cannot wither her, nor custom stale her infinite variety” (Anthony and Cleopatra), “And let me wring your heart; for so I shall, if be made of penetrable stuff” (Hamlet), “Neither a borrower nor a lender be” (Hamlet).

Таким образом, в парадигму лингводидактических инноваций входит постоянная целевая установка на **повышение профессиональной культуры обработки иноязычной информации** в процессе обучения ИЯ.

Нельзя не подчеркнуть необходимость инновационного подхода к **интегрированию базовых компонентов международных стандартов по ИЯ.** Например, «Общеевропейских компетенций» (ОК) проекта Совета Европы (французская и английская версии – 2001, русская версия – 2003) и таких систем тестирования, как IELTS, TOEIC, TOEFL, BULATS в практику вузовского преподавания иностранного языка на всех уровнях обучения, что при последовательной, творческой и научно обоснованной реализации, естественно, повышает шансы выпускника отечественного вуза успешно интегрироваться в глобальную систему международной коммуникации, обеспечивает признание квалификационных характеристик, полученных в различных учебных контекстах на этапе перехода высшего образования РФ на двухуровневую систему подготовки – «бакалавриат – магистратура». Кроме того, при рациональном внедрении этого подхода могло бы быть полезным установление корреляций между отечественными системами оценки знаний по ИЯ и между уровнями владения языком в системе «ОК» (таблица шкал – A1, A2, B1, B2, C1,C2) и в системе ALTE (0 – 5).

Необходимо постоянно в практике преподавания ИЯ преодолевать разрыв между формированием «лингвистической» (language out of communicative context) и «прагматической + социолингвистической» компетенции (language in use) у обучаемых, между “skill-getting” и “skill-using”, между коммуникацией во всех проявлениях речевой деятельности и «псевдокоммуникацией». В учебном процессе внимание преподавателя должно быть сосредоточено как на том, ч**то подлежит усвоению** (типичный подход – presented, practised, produced – PPP), так и **на результате коммуникативной деятельности**, т.е. на использовании ИЯ в определенных **коммуникативных целях** (типичный подход в этом случае – task-based teaching/learning).

Особый интерес в последние годы проявляется к лингвокультурной специфике концептов. Известно, что определенные ключевые концепты культуры становятся актуальными для формирования «языковой картины мира» (Э. Сепир, Б. Уорф, Ф. Боас, Э. Бенвенист, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, В. В. Воробьев, В. А. Маслова). Концепты – не только «сгусток культуры», в них концентрируются и социально-психологические отношения людей. Концепты отражают наши ассоциации и оценки, наши эмоции и предпочтения, они не только «мыслятся», они «переживаются». Наряду с языковыми знаками концепты «прагматичны».

С точки зрения лингвообразования, освоение ИЯ в вузе в тесной связи с **концептуальной основой** его лексических и грамматических средств хорошо согласуется с принципами когнитивной лингвистики, но системно до сих пор не включалось в методологию разработки учебных материалов и пособий по ИЯ. Терминологическое словосочетание “concept learning”, введенное в психологию познания Д. Брунером (Jerome Bruner)и его коллегами, целесообразно включить в **инновационную парадигму** и использовать **как системную категорию лингводидактики.** Студенты на самом раннем этапе изучения ИЯ должны иметь представление о «прагматическом фоне» некоторых концептов: конкретный дискурс, регистр и сфера коммуникации создают коннотативную подвижность и изменчивость языковых средств в составе концепта.

Изучение **концептов в аспекте лингводидактической прагматики** можно показать на примере частной учебной дисциплины «Домашнее чтение» на факультете РГФ, обратившись еще раз к практике работы над романом Уильяма Сомерсета Моэма «Театр»

Одним из самых ведущих и актуальных концептов в романе является концепт “pretence/pretense”, лингводидактический анализ которого на материале романа способствует углубленному пониманию характера не только героини романа Джулии Ламберт, но и литературно-философских взглядов Моэма как художника слова. Лексико-фразеологическое наполнение этого концепта нуждается в глубокой интерпретации студентами особенно на заключительных этапах работы над книгой. Вместе с тем он чрезвычайно актуален при создании учебно-методического разработки или пособия для студентов. В этом концепте органично, а точнее сказать гармонично, для Джулии соединяется и переплетается «игра, притворство» как театральное искусство, с «притворством» в реальной жизни и отношениях с окружающими ее людьми.

Языковое проявление концепта “pretence/pretense” в структуре синонимического ряда выглядит следующим образом: ***make-believe, play-acting, simulation, affectation, pretension, outward show, humbuggery, histrionics, bravado*** (“The New Roget’s Thesaurus in Dictionary Form”). Однако в структуре романа «Театр» синонимическое наполнение, синонимическая объективация этого концепта отличается **своеобразием,** синонимы своеобразно семантически иррадиируют друг на друга, образуют особый коннотативный сплав, отражающий характеристику Джулии как актрисы и женщины «критического возраста». Здесь важны не только отдельные лексемы, входящие в концепт “pretence” но также и контекстуальная сочетаемость лексем, вовлеченных в этот концепт на уровне предложений и коммуникативных ситуаций.

Своеобразие синонимического ряда, который закрепляет/опредмечивает концепт «притворство» в структуре романа (текста/дискурса) выглядит следующим образом – ***act, make-believe, performance, pretence, exaggeration, publicity, sham, play-acting, insincerity, exhibitionism, overacting, arts of cajolery, gift of mimicry, passing for somebody, (acting)technique, pretending.*** Лингводидактическая ценность заданий студентам существенно повышается при их самостоятельной и творческой работе над этим концептом в структуре произведения С. Моэма. При интерпретации текста романа студенты должны самостоятельно подойти к идее о том, что этот концепт является **предметом противоположных оценок и сложных, противоречивых отношений** между Джулией и ее сыном Роджером, с одной стороны, а также между Джулией и миром искусства в конкретных обстоятельствах – с другой.

Негативные коннотации лексем этого ряда в своей семантике не содержат для Джулии «преднамеренной нацеленности на обман и шарлатанство», «игры в обман как постоянной жизненной позиции», «лживой и неискренней театральности». Вся коннотативная основа лексем концепта “pretence” для героини не столь негативно-оценочна и категорична**,** поскольку их семный состав скорее сдвинут в сторону “imagination” + “hiding” + “real” + “feelings”. Это действительно вторая натура героини, она часто сама не замечает перехода из мира театра в мир реальных отношений и ситуаций, а мир «театрального притворства» для нее часто является естественным состоянием, миром реальности. Но отношение ее сына Роджера, выпускника Eton College, к концепту “pretence” и всей совокупности лексических средств, которые лингвистически «опредмечивают» этот концепт, **абсолютно** негативно и осуждающе, семантически эти лексемы стоят в совершенно иной оценочной плоскости, коннотативное поле здесь иное – “elaborate/deliberate” + “intention” + “deceit/insincerity”.

В парадигму лингводидактических инноваций представляется вполне обоснованным включить использование программ автоматизированного перевода (ПАП). Общеизвестно, что перевод представляет собой специфический вид коммуникативной деятельности, требующий постоянной координации двух языковых систем. По установившейся традиции, на неязыковых факультетах вузов студенты имеют дело с профессионально ориентированным учебным переводом, и он рассматривается в лингводидактическом плане как **средство, а не цель** обучения. Из двух взаимосвязанных, но обладающих своей спецификой этапов переводческого процесса – понимание текста и собственно перевод – обучение ИЯ на неязыковом факультете сосредоточено на первом, а второй обычно связывают с подготовкой «профессиональных переводчиков». В общеевропейской системе уровней владения иностранным языком умения и навыки перевода входят в список дескрипторов **социолингвистической компетенции** (уровень С2).

Развитие компьютерной/вычислительной лингвистики (computational linguistics) привело к существенному прогрессу в области машинного/автоматизированного перевода, появлению электронных словарей (например, серии LINGVO российской компании ABBYY) и программ перевода (например серии PROMT).

«Электронный перевод» следует рассматривать как своеобразный «переводной метаязык», или как «гибридный подъязык», который как бы «врастает» в родной язык, но в той или иной степени содержит неясности, буквализмы, несоответствия лексико-грамматическим нормам родного языка, контекстуально-ситуативную и функционально-стилистическую разноплановость и несовместимость (incompatibility) с языком оригинала. Однако ПАП могут быть **успешно** использованы при обучении иностранному языку студентов в вузе, если конечной целевой установкой является **постредактирование** (post editing) и **овладение методикой этого переводческого процесса**, поскольку при этом происходит постоянная и достаточно **высокоскоростная координация** двух языковых систем и эквивалентных фрагментов текстов, реализуется **задача идентификации переводческих ошибок** (error correction tasks) на любом уровне. Любые способы рационализации переводческого труда с помощью ПАП важны и методически необходимы на этапе вузовской подготовки по ИЯ: повышается мотивация обучения, существенно возрастает скорость обработки информации при решении разноуровневых задач, формируются не только специфические переводческие умения и навыки, но и углубляются практические знания в области родного и иностранного языка. Постредактирование начинает выполнять важную **лингвообразовательную** роль в профессиональной подготовке студента.

В процессе постредактирования может быть применен комплекс качественных и количественных **трансформаций** семантического и структурного характера: контекстуально обусловленное сужение и расширение значения, логическое развертывание понятий, опускание избыточных единиц, синонимические и антонимические замены, слияние и разделение предложений, структурно-синтаксические замены и перестановки, замена частей речи и т. д. Способность обучаемого произвести переводческую **трансформацию свидетельствует о более глубоком и достаточно свободном владении ИЯ и одновременно о достаточно успешном формировании лингвообразовательной компетенции.**

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 448 с.

2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: теория и методы [Текст] / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 330 с.

3. Гюббенет, И. В. Основные принципы филологической интерпретации литературно-художественного текста [Текст] / И. В. Гюббенет. – М., 1991.

4. Коротких, Г. И. Компьютерные программы автоматизированного перевода текста: реальные возможности и обучающий потенциал [Текст] / Г. И. Коротких, Гал. И. Коротких // Профессиональное лингвообразование: обучение иностранному языку в вузе и прикладная лингвистика. – Кемерово: КузГТУ, 2008. – С. 193 – 202.

5. Коротких, Г. И. «Концепт» в аспекте лингводидактической прагматики [Текст] / Г. И. Коротких, Гал. И. Коротких // Теоретические и практические аспекты лингвообразования: прикладная лингвистика и обучение иностранному языку в вузе. – Кемерово: КузГТУ, 2009. – С. 286 – 292.

6. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.

7. Лотман, Ю. М. Текст как семиотическая проблема [Текст] / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Таллин.: Александр, 1992. – Т. 1. – С. 129 – 243.

8. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

9. Полубиченко, Л. В. К обоснованию и развитию понятия вертикального филологического контекста [Текст] / Л. В. Полубиченко: автореф. дис. …канд. филол. наук. – М.: МГУ, 1979. – 12 с.

10. Maugham, Somerset. Theatre [Text] / Somerset Maugham. – М.: Высшая школа, 1985. – 223 с.

11. The New Roget's Thesaurus in Dictionary Form". Ed. by Norman Lewis // New York: G. P. Putnam's Sons, Inc. – 1972.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 140.8(470+571)"19"

ФОКУСНЫЕ ДИСКУССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX в.

В. И. Красиков

FOCUS DISCUSSIONS IN PATRIOTIC IDEA OF THE BEGINNING XX CENTURY

V. I. Krasikov

Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию

В статье анализируются наиболее значимые дискуссии начала XX в., в которых формировались основные позиции в отечественной философии того времени. Это широкие дискуссии – обсуждения знаменитых сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи». Также это академические дискуссии: обсуждение книг Н. Лосского и В. Савальского. Исследуется ход дискуссий, их состав и смысл.

Very important discussions in the Russian Philosophy of the Beginning of XX Century that formed main positions of intellectual field are considered. There are public discussions about prominent collections "Problems of Idealism" and "Vechi". There are also academic discussions about books of N. Lossky and V. Savalsky. There are showed a logics of discussions, its participants and its sense.

Ключевые слова: фокусные дискуссии, поле интеллектуального внимания, русская философия начала XX века.

Key words: focus discussions, field of intellectual attention, Russian philosophy of the beginning of XX century.

Известная расстановка сил в отечественной философии начала XX века сложилась в итоге публичных споров высокой эмоциональной интенсивности, оказывающимися в центре или в фокусе интеллектуального поля эпохи.

«Фокусными» мы называем их потому, что к ним стягивалось внимание образованной и общественно активной публики того времени, а их участники были «привилегированными спорщиками», т. е. людьми, имевшими авторитет и влияние на умы, формирование мнения своих современников. В них и они сами формируются в своих, позднее известных позициях и репутациях.

Их формат не был единым, как и их «резонансность» – разная степень общественной известности, благодаря которым мы знаем о них. Таковыми их делали каждый раз совокупность исторически обусловленных обстоятельств, выдвигавших на передний край общественного внимания тех или иных людей, те или иные вопросы, почему-то приобретавшие статус «злободневных». Задним числом мы горазды приписывать всему случившемуся строгую детерминацию, выстраивая его в виде рассказов о неизбежном ходе событий. Лучше же просто их констатировать в виде симптомов «вот так случившегося».

Можно выделить широко- и узкоформатные дискуссии. Первые характеризуемы общероссийской (две столицы) известностью благодаря будированию вопросов, на которые почти рефлекторно

реагирует национально сознание: «кто мы», «кто виноват» и «что делать». Их имманентная общественно-политическая и этическая подоплека обусловливают невысокий уровень абстракции и преобладание эмоционально заряженных образов и слоганов. Однако и здесь мы видим активную вовлеченность и чистых философов и философствующих публицистов. Узкоформатные дискуссии специалистов – характерны для философско-академической среды. Их особенность в описываемое время – вложенность в широкоформатные дискуссии, явная ангажированность ими. Так происходит не только в России, когда в периоды предреволюционного возбуждения умов люди начинают сильнее, нежели обычно, интересоваться абстрактными вопросами. Узкоформатные дискуссии характеризуемы высоким уровнем абстракции, но тем не менее также и высокой эмоциональной интенсивностью, явно инициированной их включенностью в широкоформатные дискуссии.

Далее, широкоформатные дискуссии могут быть подразделены на внутрифракционные – в одинаковой релевантности смыслов и значений, становящиеся известными людям других убеждений – скорее из-за имен спорщиков и их страстности; и межфракционные, наиболее продуктивные и конфигурирующие в целом поле интеллектуального внимания данного общества в данную эпоху. Последние становятся движителем интеллектуального развития при установлении консолидированных и отчетливых очертаний общественно поддерживаемых авторитетных позиций, которые, в свою очередь, кристаллизуются во внутрифракционных столкновениях.

Начало XX века приносит новые акценты в интеллектуальную жизнь России. Засилье материализма, нигилизма, позитивизма и атеизма, столь характерные для поколений 60 – 80 гг. XIX века, сменяется резкой сменой настроений. Часть бывших марксистов переходит на позиции идеализма, к ним примыкают университетские философы-идеалисты и этически настроенные юристы. Объектом их атаки были позиции западнически настроенной интеллигенции как марксистского, так и позитивистского толка, задававшей тон культурной жизни в обоих столицах. Это было по сути идеалистически-религиозное «восстание» против мейнстрима материализма, атеизма, прагматизма и индивидуализма. Речь идет о двух знаменитых полемических сборниках: «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909).

Первый коллективный манифест нового русского идеализма – сборника «Проблемы идеализма» (под редакцией П. Новгородцева и при участии двенадцати авторов) свидетельствовал, что «новое религиозное сознание» впредь будет разрабатываться не только в журнале «Новый путь» и в кругу четы Мережковских. Авторы явно стремились позиционировать себя как некое новое альтернативное философское движение. Отчасти это им удалось, отчасти нет – из-за разности взглядов авторов. Импульсы объединения, общий враг и точки соприкосновения – оказались сильнее.

Ему предшествовали материалы той части литературно-критического сборника «Литературное дело» (в общем-то, традиционной, реалистической ориентации, представленной произведениями Вересаева, Чирикова и др.), в которой выступили «легальные марксисты» С. Булгаков («Васнецов, Достоевский, В. Соловьев, Толстой») и Н. Бердяев («К философии трагедии – Морис Метерлинк»). Будущие вожди «неославянофилов» тогда еще настаивали на необходимости мистического синтеза марксизма с идеализмом. Подобные изыски радикальная критика их еще сотоварищей в лице А. Луначарского определила как идеалистическую «белую магию». Одновременно со статьями двух впоследствии ведущих философов XX века П. Струве напечатал книгу «На разные темы», в которой продемонстрировал свой отход от марксизма и позитивизма, уже не обнаруживая в них «всей истины». Наконец, предшественницей «Проблем идеализма» представала также работа С. Булгакова «Иван Карамазов как философский тип» (опубликованная в журнале «Вопросы философии и психологии»), в которой, согласно критическим отзывам, пророчески указывалось, куда ведет «атеистический аморализм» [1].

Особую интригу сборнику придало участие в нем недавних социал-демократов Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве и С. Франка. Ключевой тезис сборника – этический возвышенный идеализм, долженствующий стать основой нового общества, заменив экономический материализм марксистов. Идеализм же есть персонализм, а личность – конечная цель социального развития и его же регулятивный принцип. Статьи сборника подразделялись на критические, пересматривающие некоторые основоположения материализма и позитивизма, и те, в которых дается позитивная разработка основных проблем сборника.

Появление сборника вызвало большую критическую литературу [2]. С ортодоксальных марксистских позиций его критиковала Л. Аксельрод («О проблемах идеализма» // Против идеализма. М.; Л., 1935), с позиций марксиствующего позитивизма – А. Богданов (О «Проблемах идеализма» // Образование. 1903. № 3); Луначарский («Проблемы идеализма» с точки зрения критического реализма // Образование. 1903. № 2); Н. А. Рожков (Значение и судьбы новейшего идеализма в России. По поводу книги «Проблемы идеализма» // Вопросы философии и психологии. 1903. Т. 67). С позиций «нового религиозного сознания» к авторам «Проблем идеализма» обратился Д. Философов, призвав их «решиться перескочить через бездну... перестать испытывать Бога и обратиться к внутреннему мистическому опыту» (Литературная хроника // Новый путь. 1904. № 7. С. 235). С одобрением отозвались о сборнике православные публицисты, видя в нем свидетельство поворота русской интеллигенции к религии. Дальнейшая эволюция большинства участников сборника оправдала эти надежды.

Однако настоящий фурор и успех ожидал четверку наиболее знаменитых авторов спустя семь лет. Публикация «Вех» произвела эффект разорвав-

шейся бомбы. С одной стороны, книга вызвала небывалый интерес. Сборник несколько раз переиздавался, его тиражи исчислялись в 14 тысяч экземпляров, феноменально для России того времени, пять изданий за 12 месяцев. Во многих городах проводились специальные собрания для обсуждения идей «веховцев», количество статей, откликнувшихся на выход «Вех», – около 300 статей и пять специальных «анти-веховских» книг («В защиту интеллигенции», «Вехи как знамение времени», «Интеллигенция в России», «По «Вехам», «Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице», «Из истории новейшей русской литературы») [3, с. 108].

Состав авторов сборника сократился практически вдвое (с 12 до 7), хотя костяк участников «Проблем идеализма» остался. Главной темой «Вех» стало *критическое исследование особенностей креации национальных целей активистско-радикальной частью российской интеллигенции и требование полной перезагрузки процесса «конструирования» в противоположном направлении*. Удалось им это лишь отчасти, что способствовало формированию так называемого «либерально-консервативного» сознания. Перехватить духовное лидерство у радикалов так и не удалось – они традиционно были сильны в России, однако привлечь пристальное внимание к своим последующим уже чисто философским занятиям они (Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк) все же сумели.

Радикальная интеллигенция, плоть от плоти которой были и сами авторы, была буквально распята в «Вехах» [4]. Ее идеология – внутренне-ошибочная и практически-бесплодная (М. Гершензон). Интеллигенты лишены духовной независимости, они сами – рабы устоявшихся «прогрессивных» мнений, практически обожествившие народ и революцию, борьба с самодержавием стала для них тем критерием, при помощи которого оценивались любые явления (Н. Бердяев).

С. Булгаков предъявил радикальной интеллигенции обвинение в безоговорочном максимализме, переходящем в жестокую нетерпимость и узость мышления, увидел ребяческую неразвитость и некультурность ее сознания, незрелое преклонение перед романтикой смерти, оторванность от народных корней. Источник всех бед, по мнению философа, – атеизм, презрение к религии, распространенные уже среди нескольких поколений русских людей. Социологическая суть радикальной интеллигенции – отщепенство, отчуждение от государства и враждебность к нему (П. Струве). Определение интеллигента как «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия» (С. Франк) подводило итог всем многочисленным размышлениям о безрелигиозности и максимализме российского образованного общества.

Большая часть российской интеллигенции с возмущением отвергла предъявленные ей обвинения. Революционеры увидели в «Вехах» не размышления о российской интеллигенции, а осуждение революционного движения и истолковали книгу как простой призыв к отказу от революционной борьбы. Состоялся суд партийной непримиримости, крамольность их воззрений была установлена с военно-полевой скоростью и неблагонамеренность их провозглашена с торжественностью.

Пуще всего раздражало «ренегатство» авторов - эти русские интеллигенты, все бывшие радикалы, почти эсдеки, и во всяком случае шедшие далеко впереди и далеко левее Д. Мережковского, Д. Философова и В. Розанова, когда-то деятели и ораторы шумных митингов (С. Булгаков), вожди кадетов (П. Струве), позитивисты и марксисты [5]. «Ужасная фраза» М. Гершензона (о штыках, которые ограждают от народа) возмущенно повторялась и комментировалась. Знаменитое определение В. Ленина «энциклопедия либерального ренегатства» показывает отношение революционеров к своим бывшим собратьям. Впрочем, либералов «Вехи» возмутили ничуть не меньше. При всем их расхождении с революционерами народническая традиция значила для них не меньше, и они тоже в большинстве своем увидели в «Вехах» просто критику общественной борьбы, а вовсе не суровое моральное обвинение, предъявленное нескольким поколениям русских людей. Даже П. Милюков, лидер кадетов, постарался провести четкую грань между интересными и яркими мыслями знаменитых философов и политической программой партии, к которой они принадлежали.

Немногочисленные хвалебные отзывы, принадлежавшие философам В. Розанову, который уловил философскую суть продолжающейся полемики с марксистами и позитивистами: «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития» [6] и Е. Трубецкому, поэту Андрею Белому, просто утонули в море всеобщего возмущения.

Участие философов в столь шумных и знаменитых общественно-политических дискуссиях (хотя и с серьезной теоретико-методологической подоплекой) не случайно, а скорее закономерно для России. Культурный и медийный капитал, заработанный философами-веховцами в тех дискуссиях, как магнит притягивал к себе сторонников, учеников, спонсоров, меценатов, а журналы с их статьями охотно раскупались, – и стал основой формирования сильной позиции «русской религиозной философии». Но для этого ей было необходимо пройти еще одно, наиболее серьезное испытание со стороны вызова, брошенного ей молодыми «западниками» совершенно иной формации. Для тех это было условием прорыва в центр внимания уже оккупированного вошедшими в моду философами «нового религиозного сознания». Для последних – тест на прочность завоеванной позиции.

В начале XX века в России появился совершенно новый тип западнически ориентированных молодых философов. И раньше многие наши гостили и учились в Европе, особенно в Германии. Эти же обрели там настоящую инициацию, став не просто прилежными учениками, но и вполне своими там, что выразилось в теснейших дружеских узах не только с наставниками, но и с молодыми талантли-

выми, в будущем знаменитыми, немецкими философами (Р. Кронер, Н. Гартман, Г. Мелис и др.). Это говорит о достигнутом ими настоящем профессионализме и больших заявках на философскую оригинальность. Вернувшись в Россию, они установили контакты с философами, имеющими склонность к трансцендентализму в тех или иных его формах (А. Введенский, Н. Лосский, И. Лапшин, С. Франк, Л. Габрилович, Г. Шпет и др.), развили активную деятельность по пропаганде «настоящего научного философствования» (философские кружки С. Гессена и В. Сеземана) и не теряли своих связей с alma mater.

Знаменитый международный журнал «Логос» и возник с благословения Г. Риккерта. Пятеро философов стояли у его истоков: С. Гессен, Н. Бубнов, Г. Мелис, Р. Кронер и Ф. Степун. По рекомендации Г. Риккерта и, как это ни странно, З. и Д. Мережковских, Д. Философова, известный издатель П. Зибек согласился поддержать журнал в Германии, который в России стал финансировать Э. Меттнер.

Амбициозные молодые люди были озабочены не только просветительскими целями, но и настроены по-боевому: не много не мало – «постричь волосы и ногти московским славянофилам», выработать новый, а точнее, реформировать старый стиль русской философии, отвечать не на «Како веруеши?», а на: «Владеешь ли своим мастерством?»

Причем эти свои идеи и настроения они не считали нужным скрывать. Так, Н. Бердяев в разговоре с Ф. Степуном набросился на логосовцев: «Для вас религия и церковь – проблемы культуры, для нас же культура во всех ее проявлениях – внутрицерковная проблема. Вы хотите на философских путях придти к Богу, я же утверждаю, что к Богу придти нельзя, из Него можно только исходить: и лишь исходя из Бога, можно придти к правильной, т. е. христианской философии». Ф. Степун же в автобиографическом очерке писал: «Задачей русского «Логоса» было подведение методологического фундамента под научно, по нашему мнению, малоозабоченную русскую философию, как религиозно-интуитивного, так и марксистско-догматического характера» [7].

Первыми, однако, начали открытые боевые действия «путейцы», в лице их «Неистового Роланда» – В. Эрна. Сразу же после выхода первого номера «Логоса» он в своих постоянных устных и печатных полемически-критических выступлениях (начиная со знаменитой статьи «Нечто о Логосе, русской философии и научности», 1910) упорно проводил мысль, что апологеты научной философии, оторванные от антично-христианской традиции, не имеют права тревожить освященный Евангелием термин («логос»), еще не потерявший смысла для православного человека.

Именно он, а не его более утонченные и глубокие соратники, по сути, и создал простую агитационную черно-белую схему лозунгов и бренд всего направления, хотя концептуально ее ранее разработал Н. Бердяев. И он же затем, спустя четыре года, совместно с В. Розановым, устроил обструкцию истинному основателю – Н. Бердяеву, пытавшемуся говорить о живом, творческом православии и просвещенном национализме в духе В. Соловьева («Эпигонам славянофильства»). В направлении возобладали радикалы-консерваторы, что по сути означало бы его вырождение, если бы не последовавшие далее сильные социально-политические потрясения.

Черное в схеме В. Эрна – релятивизм, наднациональный, внерелигиозный европейский либерализм с его философией, отличающейся рационализмом, меонизмом, имперсонализмом и иррелигиозностью. Белое – «органичная», восточно-христианская культура, которой свойственны «логизм, онтологизм и существенный, всесторонний персонализм». Эти два начала (западное и восточное) непримиримы и «вселенская задача философии сводится к всестороннему и свободному торжеству одного из этих начал над другим».

В. Эрн, в отличие от его рефлексивно пытливых коллег, озабоченных серьезностью поисков сокровенной истины, сильно напоминает современного «медийного философа» (как и его собрат В. Розанов), у которых печатная и устная полемика, да и сами философские построения во многом – игра, средство привлечения к себе внимания, проявление желания иметь успех. Наиболее впечатляющий по своей демагогичности пример – скандально известная речь В. Эрна «От Канта к Круппу», в которой заявлялось об органичной связи немецкого трансцендентализма и прусского милитаризма, произнесенная перед многотысячной аудиторией, собравшейся в Московском Политехническом музее на открытом заседании МРФО в начале Первой мировой войны. Впрочем, необходимо отметить, что, в отличие от многих своих коллег, имевших источники постоянных доходов, они жили и содержали семью исключительно литературными гонорарами, и следовательно, от успеха их выступлений зависело и их благосостояние [8].

«Логосовцы» восприняли выступление «путейцев» как объявление войны, вызов был принят, и вскоре в их журнале появилась язвительная рецензия С. Гессена, содержащая резкую критику книги В. Эрна и обвинение ее автора в философском дилетантизме. Рецензия Ф. Степуна на книгу Н. Бердяева о А. Хомякове была тоже, по существу, разгромной. Из-за агрессивной манеры В. Эрна вести дискуссии, противостояние лишь усиливалось, превращаясь в открытую вражду. Нашелся свой «Роланд» и у «логосовцев». Им стал Б. Яковенко, чьи статьи о главных идеологах «неославянофилов» также отличались несправедливыми упрощениями, ярлыками и характеристиками на грани оскорблений. Он принял черно-белую схему В. Эрна, но, естественно, с кардинальным разворотом ценностных характеристик. «Православная философия» – схоластика и спесивый национализм, эклектика и иррациональные построения, выражение культурной дикости и нежелания учиться азам философского профессионализма. Учиться у немецкой философии – для того, чтобы создать свою, но по уровню мастерства – европейскую.

Исход дискуссии был предопределен ментальным пейзажем России. Проповеди Штольца мало влияют на Обломова. Слишком скучны были истины о кропотливой учебе и необходимой дисциплине ума, и слишком мало было профетизма в рассуждениях «логосовцев». Не помогли ни неуемный оптимизм С. Гессена, ни кипучие организаторские и полемические таланты Б. Яковенко. Русским нужны были завораживающие рассуждения об их исключительности, об органицизме их природы, катастрофизм и мессианство. Потому-то и осталась в истории русской философии одна лишь «русская религиозная философия». Справедливости ради здесь следует добавить, что «логосовцы» так и не оставили сколь-нибудь выдающихся позитивных (не критических или историко-философских) трудов, хотя бы по той же столь любезной их сердцу гносеологии. Профетизм и мессианизм – крайне полезные состояния для написания вдохновенных, хотя, возможно, и далеких от рациональных стандартов философствования, трудов.

Победа нашла свое выражение в распаде сильной было позиции «русского трансцендентализма», ренегатстве многих ее сторонников и сочувствующих, вставших – с разной скоростью – под знамена победившей фракции. Вместе с тем противники многое и взяли друг у друга, радикализм некоторых их лидеров существенно смягчился.

Отрадным для России начала XX века обстоятельством стало усиление внимания интеллектуальной публики и к специальным, узкоформатным, чисто философским дискуссиям, что свидетельствовало о существенном рефлексивном углублении ее умственного строя. Каковы же дискуссии, ставшие заметным явлением в академической среде и вехами уже в собственно чисто философском развитии отечественной мысли рассматриваемого периода?

Это прежде всего обсуждение серии гносеологических работ Н. Лосского. Начиная с защиты его докторской (1904), которую пришлось защищать в Москве, не по месту работы – из-за, мягко говоря, прохладного отношения к его идеям главного питерского университетского философа тех дней А. Введенского. Затем материалы диссертации были напечатаны под заголовком «Обоснование мистического эмпиризма» в 1904-1905 гг. в «Вопросах философии и психологии». И наконец, монография, как бы мы сказали сегодня, «Обоснование интуитивизма» выходит в 1906.

Идеи книги Н. Лосского прошли апробацию в весьма интересном интеллектуальном контексте и оказались в центре внимания главных философских фракций того времени. Уже наметились ростки вражды между московскими «метафизиками» и питерскими «сциентистами», куда включались и университетские профессора-кантианцы, и остатки позитивистов, и подтягивающиеся из-за рубежа молодые неокантианцы (в преддверии схватки «Логоса» и «Пути»). Столкновений, однако, еще не было – университетским профессорам было мало дела до богоискательства новых религиозных философов в их академической самодостаточности, будущая «логосовская» молодежь была еще в стадии идейного и организационного самоопределения. Обсуждение идей Н. Лосского активизировало процессы размежеваний и рефлексивных оформлений позиций посредством выражения своего отношения к ним. Фигура Н. Лосского оказалась весьма подходящей для заинтересованного и благожелательного (что удивительно в традициях обычных философских перебранок) обсуждения и возможного привлечения целого нового комплекса идей новейшей западной гносеологии (неокантианства, гуссерлианства), вводимых в отечественный интеллектуальный оборот под видом эклектического образования «мистического эмпиризма» (своего рода философское бракосочетание В. Соловьева и Э. Гуссерля). Однако как раз подобный эклектицизм, при высоком уровне философского профессионализма, оказался самым востребованным товаром – каждая фракция видела то, что ей и хотелось. Религиозным философам импонировала идеалистическая онтологическая начинка «мистического эмпиризма»: первичное универсальное сознание и всеединство, а неокантианцы были в восторге от ласкающих их слух новомодных и понятных им по заграничным стажировкам категориям «гносеологической координации», «имманентности опыта» и пр.

Как вспоминает сам Н. Лосский, его ключевое прозрение о том, что «все имманентно всему», пришло к нему в трамвае как визионерское ощущение своей слиянности-растворимости (вероятно, того, что З. Фрейд называл «океаническим чувством»), возникшего при лицезрении туманной белесости все окружающего – за стеклами трамвая, внутри его, и внутри самого Н. Лосского. Ему он и остался верен всю жизнь, все остальное время было посвящено отмежеванию от подозрительно сходных идей предшественников и современников, а также расхваливанию преимуществ своего интеллектуального товара. Однако несомненные синтетические способности, спокойствие и целеустремленность, потрясающая работоспособность сделали Н. Лосского значительной фигурой в рассматриваемых событиях, своего рода медиатором в отношениях между разными по позициям философами.

Его «мистический эмпиризм» утверждает возможность непосредственного знания не только окружающего нас чувственного мира, не только отвлеченно-рациональных форм – идеальных сущностей, сверхчувственных идей, но и мира сверхчувственных существ, или субстанций, которые суть конкретно-идеальное бытие. Последнее, то, что мы знаем как нашу неповторимую душевность, – исподнее, основа мира (единосущее), сливающееся, проникающее в нас, смыкающееся с нами как тот белесый туман в визионерском откровении автора, названный последним, вполне в духе времени, «гносеологической координацией». «Вследствие единосущия и гносеологической координации, – поясняет философ, – всякий элемент внешнего мира существует не только в себе и для себя, но также и для другого, которое есть индивидуум. Это первичное трансцендирование индивидуума за пределы себя,

связующее его со всем миром, есть не сознание, но что-то более первичное и более глубоко онтологичное, чем сознание; это – первичное существование всех элементов мира для меня; оно есть условие возможности развития сознания и может быть названо предсознанием» [9, с. 211-241].

Наиболее активное внимание к идеям, сочетавшими абсолютный идеализм и радикальный эмпиризм, было привлечено со стороны будущих «логосовцев» – Н. Бердяева и соратника по фракции персоналистов-неолейбницианцев С. Аскольдова. Несомненно, большое влияние идей книги на складывание последующей гносеологической концепции С. Франка.

Вот как об этом говорит Б. В. Яковенко в статье «Тридцать лет русской философии (1900-1929)»: «Но поистине событием был момент появления главной работы Н. О. Лосского, посвящённой теории познания, в которой впервые совершенно отчётливо прозвучало слово «интуитивизм», очень скоро ставшее паролем молодого философского движения в России» [8]. Подобный восторг объясняется, как уже отмечалось, скорее ощущением живительной грозы, разрывающей затхлую атмосферу догматического кантианства Питера и философско-религиозного самолюбования Москвы, наполняющую ее озоном новых тем и понятий.

Н. Бердяев в своей «Философии свободы» (1911) посвятил четвертую главу отчасти разбору концепции Н. Лосского, но более, что именно важно для выявления значений «фокусных дискуссий», разработке основных контуров своей (и всей фракции) будущей «онтологической гносеологии» [10].

Большая часть работы именно выстроена как критика рационализма, критицизма и сухого гносеологизма. Лейтмотив – поворот к бытию, органицизму, жизни – довольно популярные также темы тогдашней западной «философии жизни». Проницательный Н. Бердяев сразу ухватывает суть оригинальности идей Н. Лосского: соединение русского онтологизма a la B. Соловьев и последних разработок немецкой гносеологии, предсказывая успех и влияние книги именно из-за того, что она может устраивать противоборствующие стороны. Его критические замечания трояко рода.

Как главный идеолог соловьевского направления он говорит, что в гносеологии Н. Лосского все же мало «онтологизма», сам интуитивизм (мистицизм) не строится именно как интуитивизм, а является каким-то непонятным выбором в ситуации «как бы» классического гносеологического исследования.

Как философ высокой рефлексивной культуры Н. Бердяев делает довольно нелицеприятное замечание о том, что позиция Н. Лосского «не сознательная», все это получилось скорее случайно, и вообще его работа имеет скорее довольно сырой, или, более мягко, – «пропедевтический» характер.

Как философ-полемист, он выявляет главные бреши в концепции «все имманентно всему»: почему большая часть бытия все же постоянно «прячется» от нас, неужели в нашем познании нет никаких дефектов и как быть с ложью?

С. Аскольдов сразу по выходу книги Н. Лосского в рецензии и частых беседах с самим Н. Лосским, о которых последний вспоминал в своих мемуарах, а затем, суммативно, в своей монографии «Мысль и действительность» (1914) критиковал своего соратника по персоналистической фракции именно за то, за что хвалил Н. Бердяев, – за объективацию гносеологии и забвение принципа индивидуализма. В своем стремлении к гносеологической объективности, говорит С. Аскольдов, современные немецкие гносеологи (а также Н. Лосский) различают субъективный процесс познания и его логическую значимость. Подчеркивая прежде всего логическую значимость знания, они стремятся «депсихологизировать» живое сознание, подменяя индивидуальное конкретное сознание «сознанием вообще». «При этом, – пишет С. Аскольдов, – познание отрывается от своего психологического контекста, становится безличным и легко допускает подмену индивидуального сознания «сознанием вообще» [10].

И наконец, чисто академическая дискуссия, положившая, похоже, начало прямому противостоянию неокантианцев и метафизиков в преддверии «войны журналов» (журналов объединений «Пути» и «Логоса»), произошла в Московском университете в 1908 – 1909 гг. по поводу защиты диссертации В. Савальским и публикации на ее основе соответствующей книги.

Казалось бы – чего так волноваться из-за сугубо академической темы (этика и право у Когена и Наторпа)? Книга [11] представляла собой пересказ учений основоположников Марбургской школы Когена и Наторпа, а также использование этих идей для возрождения концепции «естественного права» в кантианском духе. Основные идеи В. Савальского просты и, я бы даже сказал, традиционны для просветительской традиции. Разум есть автономное нравственное начало личности и является единственным источником должного. Моральный закон представляет собой факт чистого сознания, безусловен и достоверен сам себе, независим от исторической необходимости, а принцип целесообразности и стремление к конечной цели являются наиболее значительными факторами в правоотношениях и поведении людей.

Однако и защита, и публикация наделали много шума, и разделили уважаемую университетскую публику на тех, кто оценил их положительно (Б. Фохт, В. Вышеславцев, Б. Яковенко и др.) и резко отрицательно (П. Новгородцев, С. Трубецкой, Л. Лопатин и др.). Более того, профессорские споры вышли и за стены университета и продолжились в кругу М. Морозовой. Естественно, что красной тряпкой для московских метафизиков были прежде всего сами имена новых кумиров (Когена, Риккерта) и тот восторг, который их идеи вызывали у молодежи, многие представители которой также были завсегдатаями Морозовских тусовок. Причем В. Савальский непосредственно примыкал к формирующейся группе будущего «Логоса», что все и объясняет.

Как вспоминал Андрей Белый: «В академической философии Московского университета был прежде кодекс приличий: преследовался всякий привкус неокантианства; философы, интересующиеся Когеном и Риккертом, рисковали не быть оставленными Трубецким и Лопатиным». Причем он же отмечал полное невежество последнего в этом вопросе: «Когена и Риккерта знал он лишь в пересказе профессора права, Хвостова; живали они летом в одной местности; бойкий Хвостов, дилетант в философии, старому, опытному, философскому «козлищу» свой итог чтения передавал на прогулках, а «козли ще», чтящее Лейбница, Лотце, Владимира Соловьева, остервенялось, ознакомляясь с ходом мысли философов: Когена, Риккерта, Наторпа …» [12].

Таким образом, выявленные дискуссии, как широкоформатные, так и более эзотерического плана, были не только ареной соперничества разных интересов, мирочувствований и амбиций. Они являлись и индикаторами интеллектуальных эволюций в московско-питерских образованных кругах, и, что важное всего, были эпицентрами общего (разделяемого) внимания, объединяющие разные локальные мировоззренческие культуры двух столиц.

Литература

1. Миливое Йованович (Белград). Русский модернизм: (по следам хроники литературных и художественных событий 1902 года). Публикация в двух частях: Часть 2-я. «Русская мысль». – Париж. – № 4400, 14 марта 2002 г. – Режим доступа: http://www.russianslavica.org/article55.html.

2. Проблемы идеализма. – Режим доступа: http://mirslovarei.com/content_fil/PROBLEMY-IDEALIZMA-15178.html.

3. Проскурина, В. Течение Гольфстрима: Михаил Гершензон, его жизнь и миф / В. Проскурина. – СПб: Алетейя, 1998.

4. Эйдельман, Т. Вехи и веховцы. Онлайн-энциклопедия Кругосвет / Т. Эйдельман. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/.

5. Интеллигенция в России (1910). Вокруг «Вех». – Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Themes/History/around_vekhi.html.

6. Чубаров, И. Зачалось и быть могло, но стать не возмогло... Философское наследие Федора Августовича Степуна. Предисловие к публикации / И. Чубаров. – Режим доступа: http://anthropology.rinet.ru/old/soder1.htm.

7. Иерархический персонализм Н. О. Лосского // «Владимир Соловьев и философия Серебряного века». – М., 2001.

8. Пушкарёв Вячеслав, протоиерей. Идеал-реализм Н. О. Лосского: логика становления и его основные положения / В. Пушкарев. – Режим доступа: http://www.bogoslov.ru/text/301976.html.

9. Бердяев, Н. Об онтологической гносеологии / Н. Бердяев // Философия свободы. Гл. 4. – Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1911_05_04.html.

10. Аскольдов, С. А. Компилейшн / С. А. Аскольдов. – Режим доступа: http://makekaresus.livejournal.com/30809.html.

11. Основы философии права в научном идеализме: Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. / В. А. Савальский. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. – 367 с. - репринтная копия http://www.bibliard.ru/vcd-680-5-793/goodsinfo.html

12. Дмитриева, Н. А. Борис Александрович Фохт: триумф нетипичности / Н. А. Дмитриева. – Режим доступа: http://ideashistory.org.ru/pdfs/12dmitrieva.pdf.

ХИМИЯ

УДК 178.147:47

ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ

В. Я. Денисов, Д. Л. Мурышкин, Т. Б. Ткаченко, Т. В. Чуйкова

INVOLVEMENT OF INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES INTO THE TEACHING OF THE COURSE “ORGANIC CHEMISTRY”

V. Ya. Denisov, D. L. Murishkin, T. B. Tkachenko, T. V. Chuykova

В статье рассматриваются вопросы использования инновационных образовательных технологий при изучении фундаментального курса органической химии и связанных с ней дисциплин: модульное построение курсов, рейтинговая система контроля и оценки знаний, позволяющая оценивать в баллах каждый вид учебной деятельности студента, а также применение информационных технологий на различных этапах учебного процесса.

The topic of this article is the application of innovation educational technologies during the studing of fundamental organic chemistry course: modal structure, reiting control system and also the application of informative technologies while different studies of teaching.

Ключевые слова: учебный модуль, рейтинговая система, информационные технологии, тесты, электронный учебный комплекс.

Key words: study module, rating system, information technologies, tests, electronic study complex.

Глубокая фундаментальная подготовка является главной и признанной традицией университетского высшего образования. Именно фундаментальная подготовка создает основу для усвоения последующего профессионально-прикладного учебного материала, развивает творческие способности, повышает уровень профессиональной культуры будущего специалиста.

Органическая химия и другие, тесно связанные с ней химические науки, например курсы «Высокомолекулярные соединения», «Химические основы жизненных процессов», принадлежат к числу фундаментальных химических дисциплин. Традиционно при изучении курса органической химии студенты выполняют три вида учебной работы: посещение лекционных занятий; разбор и анализ теоретических разделов при решении задач на семинарах и выполнение лабораторных работ. Основной упор должен быть сделан на приобретение фундаментальных знаний, развитие способности анализировать и решать разнообразные химические задачи как теоретически, так и экспериментально. Следует отметить, что главной проблемой качественного усвоения органической химии является противоречие между ускоряющимся почти в геометрической прогрессии объемом нового фактического материала и жестким регламентом образовательного стандарта. Совершенно очевидно, что для преодоления этой проблемы требуются существенные изменения методологии преподавания, форм организации учебного процесса, что возможно только при использовании современных информационных технологий.

Особую привлекательность с точки зрения восприятия информации представляет ее визуализация, что актуально в процессе преподавания органической химии и связанных с ней дисциплин, так как эта наука более других использует специфический графический язык структурных формул, изображений пространственной конфигурации гигантских полимерных молекул и пр. Важным принципом обучения является принцип наглядности. Безусловно, наглядно и эффективно преподнесенный материал в значительной степени улучшает восприятие и запоминание.

Технические средства презентаций позволяют расширить возможности лектора, перевести часть информационной нагрузки в визуальную область. Такие разделы, как механизмы органических реакций, динамическая стереохимия, вопросы самоорганизации биомолекул могут быть «оживлены» с помощью приемов анимации, что существенно облегчает их понимание и повышает комфортность обучения. С этой целью было осуществлено создание трех лекционных курсов в виде презентаций для студентов химического факультета, что позволило решить многие учебно-методические задачи, облегчить процесс преподавания, а также повысить эффективность усвоения учебного материала студентами.

Значительную часть подготовительной работы к лекции-презентации занимает анализ содержательной части лекции, определение, каким типом наглядности следует поддержать лекционный комментарий, создание своего рода «сценария» визуальной части лекции. Мультимедийное сопровождение позволяет продемонстрировать студентам множество интереснейших фактов и явлений, показать которые на обычной лекции абсолютно невозможно: фотографии, полученные с помощью электронного микроскопа, динамические модели органических молекул и т. д. Особенно широкие возможности открывает использование Интернет-ресурсов. Однако подготовка визуального материала требует от лектора и авторских решений, а не только использования пусть качественных, но готовых иллюстраций. В приложении к основному курсу органической химии на кафедре был создан комплект слайдов, демонстрирующих с помощью анимации механизмы основных типов органических реакций. Демонстрация анимационных слайдов всегда вызывает живой интерес аудитории, существенно облегчает понимание сложных химических процессов. Однако следует отметить, что использование анимационных «живых» картинок должно быть строго регламентировано и увязано со смысловой частью лекции. Лекция не должна превращаться в киносеанс, перегруженность содержания анимацией создает трудности для конспектирования. Соотношение визуальной, текстовой и звуковой частей лекции – сложная методическая задача при создании лекции - презентации.

Особое внимание уделяется композиции каждого слайда, при этом приходится решать не только методические вопросы, связанные с содержательной частью слайда, его информационной насыщенностью, но и вопросы психолого-эстетического плана: цвет фона, распределение цветовых акцентов, включение анимационных эффектов и их воздействие на восприятие. Непременным условием эффективного проведения лекции-презентации является предварительный хронометраж и корректировка количества слайдов, предназначенных для показа. Главным средством объединения слайдов является звуковой текстовый комментарий, который должен управлять ритмом восприятия презентации. Таким образом, презентация имеет свой выразительный язык, и этот язык не идентичен обычной лекции, он является своеобразным синтезом изображения и слова при явном приоритете изображения.

Текстовые слайды в презентации должны быть сведены к минимуму, иначе презентация превратится в статью на экране. Появление текста на экране должно нести особую смысловую нагрузку и включать в себя наиболее значимые понятия и термины.

Использование новых технологий в преподавании лекций требует и изменения системы восприятия студентами лекционного материала. Студенты не должны механически фиксировать весь учебный материал (часто это и технически невозможно), большую роль приобретает осмысление коммента-

рия лектора и закрепление этого осмысления путем дальнейшей проработки учебного материала после лекции. Для осуществления текущего контроля лекторами проводилось тестирование по основным разделам курсов, результаты которого подтвердили вполне успешное усвоение лекционного учебного материала. По окончании лекционных курсов были проведены опросы студентов, позволившие выявить их отношение к инновационным технологиям, используемым на лекционных занятиях. Около 70 % опрошенных положительно восприняли новые формы, однако опрос также показал, что у многих студентов пока отсутствуют навыки ведения конспектов лекций-презентаций, в связи с этим кафедрой осуществляется подготовка и издание конспектов, включающих основные информационные блоки лекций (формулы, графики), трудноперенос имые студентами с экрана в конспект.

Повышение посещаемости лекций, проводимых с использованием инновационных технологий, свидетельствует о росте познавательного интереса студентов. Несмотря на то, что подготовка лекций в новой форме требует серьезной подготовительной работы, следует признать, что такая форма лекционных занятий значительно облегчает труд лектора:

– уменьшается вероятность ошибок;

– лектор может больше времени уделять комментариям, так как не тратит времени на запись у доски;

– лекция становится более емкой и информационно насыщенной;

– качество наглядного материала, его разнообразие значительно облегчает восприятие, делает процесс обучения более комфортным для студентов.

Существенно возрастает роль самостоятельной работы студентов, эффективность которой может быть значительно повышена соответствующей организацией учебного процесса, направленной на стимулирование систематической текущей работы студентов.

В этом контексте актуальны и важны следующие задачи:

– повышение заинтересованности студентов в результатах своего труда в течение всего процесса изучения дисциплины, а не только в период сессии;

– использование разнообразных форм подачи учебного материала, повышение комфортности процесса обучения;

– обеспечение эффективного контроля качества усвоения материала.

На кафедре органической химии внедрена рейтинговая система контроля и оценки знаний, позволяющая оценивать в баллах каждый вид учебной деятельности студента на всех этапах текущего, промежуточного и итогового контроля. Наиболее примечательным изменением при этом является переход к модульному построению курсов.

Модуль – самостоятельный раздел курса, в котором рассматривается одно основное фундаментальное понятие учебного курса или группа родственных понятий. Каждый модуль снабжен комплектом индивидуальных домашних заданий, предназначенных для активного самостоятельного усвоения учебного материала. Уровень сложности заданий варьируется, что создает возможность обеспечить дифференцированный подход к студентам и построить для каждого свою индивидуальную траекторию обучения. По каждому модулю предусматриваются семинарские занятия, цель которых акцентировать внимание студентов на новых теоретических положениях данного модуля, достичь их активного усвоения, применяя новые знания в решении химических задач. Изучение каждого модуля завершается выполнением индивидуальной контрольной работы.

Таким образом, модульное построение курсов позволяет осуществлять регулярный контроль текущей работы студентов, оценивая ее в баллах в соответствии с рейтинговой системой. При этом существенная доля баллов, получаемая студентом именно по результатам текущего контроля, позволяет стимулировать познавательную активность студентов на протяжении всего периода изучения курса, а дополнительным стимулом является возможность получения итоговой оценки без экзамена студентам, набравшим высокий рейтинг. Кроме того, достаточно высокий рейтинг студентов, сдающих экзамены, не позволяет им «опуститься» ниже достигнутого балла, т. е. исключает случайности при сдаче итогового экзамена. Таким образом, решается задача стимулирования студентов к систематическому изучению курсов, преподаваемых на кафедре органической химии.

Эффективный контроль качества обучения в течение всего процесса – неотъемлемый атрибут рейтинговой системы. Следует отметить, однако, что осуществление его традиционными методами создает значительную перегрузку преподавателей. В связи с этим на кафедре разработан комплект тестов к каждому модулю курса, позволяющих осуществить тестирование в формате АСТ-тест не только в контролирующем, но и в обучающем режиме с анализом результатов. Конечно, разработка тестовых заданий по дисциплинам кафедры, освоение которых тесно связано со специфическими графическими приемами изображения изучаемых объектов – дело не из легких, но, с другой стороны, эта специфика позволяет значительно разнообразить форму тестовых заданий, включать в них графики, модели, анимацию и т. д.

Помимо традиционных контрольных и тестовых испытаний авторским коллективом предложен инновационный вид тестовых заданий по синтезу органических соединений, допускающих вариабельность решения. Задания предлагаемого теста представляют собой набор классических синтетических задач вида: «из соединения *A* получить соединение *X*». В распоряжении тестируемого имеется набор из 20 – 25 стандартных схем превращений, комбинируя которые можно достичь желаемого результата, определенного заданием, причем ответ может иметь несколько верных вариантов (синтетических схем).

Такая структура тестов позволит модульно охватить все разделы органической химии, а также позволит создать комплексные задания, необходимые студентам, например в ходе подготовки к курсовым и государственным экзаменам. Предлагаемые тестовые задания, по замыслу авторов, должны быть внедрены во все разделы разрабатываемого электронного учебника в качестве закрепляющих материал упражнений и снабжены разветвленной системой комментирующих гиперссылок по предлагаемому пособию и смежному рассматриваемой теме www-пространству.

Повышение роли самостоятельной работы требует от студентов умения находить необходимую информацию, а роль кафедры состоит в том, чтобы помочь им, предоставляя соответствующие учебные пособия. В этой ситуации существенную роль играет электронный учебный комплекс (ЭУК), создаваемый преподавателями кафедры. Его главное предназначение – тщательный отбор и оптимизация информации, составляющей содержание курсов, а также взаимосвязанность различных разделов: основные типы органических реакций, пространственное строение органических соединений, особенности строения и химические свойства природных биомолекул.

Все это позволяет использовать ЭУК не только при изучении органической химии, но и других дисциплин, преподавание которых осуществляется на кафедре органической химии: стереохимия органических соединений, химические основы жизни и др. Авторским коллективом кафедры создан полнофункциональный макет электронного учебника по органической химии. Использование в электронном пособии форматов, применяемых в web-приложениях, позволит осуществить интеграцию в www-пространство, привлечь дополнительные информационные ресурсы в области органической химии.

Таким образом, благодаря использованию современных информационных технологий, традиционная система обучения получает «второе дыхание», приобретая большую привлекательность как для студентов (предоставляет им более широкие возможности для эффективной самостоятельной работы), так и для преподавателей (избавляет их от рутинной работы и позволяет осуществлять эффективный контроль качества обучения).

УДК 547(075 .32)

ПОЛУЧЕНИЕ И СВОЙСТВА АЛКЕНИЛЗАМЕЩЕННЫХ АНТРАХИНОНОВ

В. Я. Денисов, Е. В. Стукалова, Т. В.Чуйкова

GETTING AND PROPERTIES OF ETHYLENE-MIXED ANTHRAQUINONES

V. Ya. Denisov, E. V. Stukalova, T. V. Chuykova

Статья посвящена изучению этиленовой конденсации галогенантрахинонов. Обсуждаются как синтетические возможности этого метода, так и его модификация, а также свойства алкенилзамещенных антрахинонов, в частности, их окисление в вицинальные дикетоны.

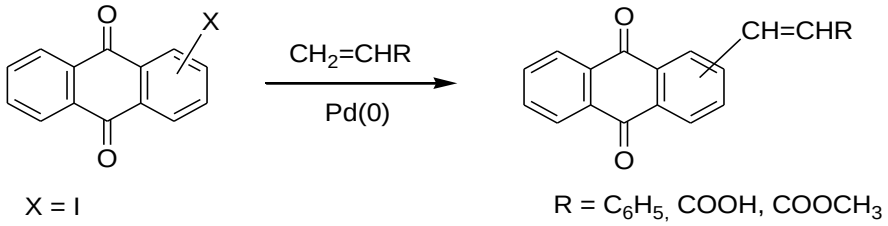
The topic of this article is investigation of ethylene condensation of halogenantraquinones. It is regarded as synthetic possibilities of this method and also its modification and properties alkenylantraquinones to α,β-dicarbnylderivatives of antraquinones.

Ключевые слова: этиленовая конденсация, палладиевый катализ, алкены, галогенантрахиноны.

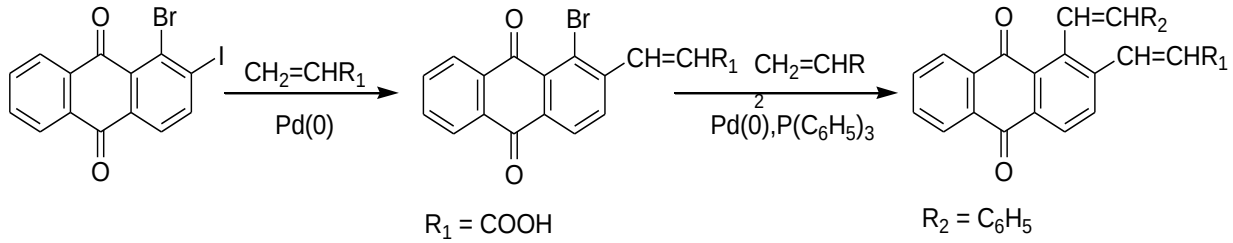
Key words: ethylene condensation, palladium catalysis, ethylenes, halogenanthraquinones.

Производные антрахинона, содержащие аннелированные с ядром антрахинона карбо- и гетероциклы, привлекают в последние годы внимание химиков, так как многие из них обладают фармакологической активностью. Синтез соединений подобного типа может быть осуществлен на основе алкил- или алкенилзамещенных антрахинонов. Однако известные методы синтеза производных антрахинона с углеродсодержащими заместителями достаточно сложны и многостадийны.

Авторами изучена возможность использования реакции этиленовой конденсации (т. н. реакции Хека), катализируемой комплексами нуль-валентного палладия в ряду иодзамещенных антрахинонов. Для 1- и 2-иодантрахинонов замещение атома йода на алкенильный остаток осуществляется достаточно гладко с разнообразными алкенами. Реакция может быть катализирована как ацетатом, так и хлоридом палладия [1], соотношение иодантрахинон: алкен: соль палладия составляет 1 : 2 : 0,002.



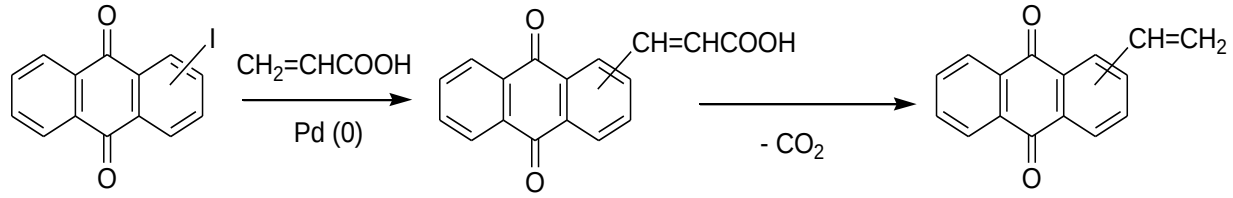
Атомы галогенов проявляют различную реакционную способность в условиях реакции Хека [2]: бромзамещенные антрахиноны вступают в реакцию только в присутствие трифенилфосфина, в то время как взаимодействие иодантрахинонов с алкенами происходит достаточно гладко без трифенилфосфина, что может быть использовано для последовательного введения разнообразных алкенильных групп в кольцо антрахинона.



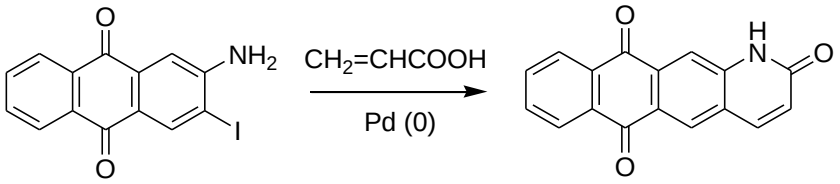
Использование бромиодзамещенных антрахинонов в реакции Хека позволило получить диалкенилзамещенные антрахиноны с различными алкенильными группами. Полученные результаты подтверждают возможность использования «смешанных» дигалогенантрахинонов для селективного замещения атомов галогена на различные алкенильные остатки и расширяют синтетические возможности этиленовой конденсации (реакции Хека) в ряду галогенантрахинонов.

Особый интерес представляет получение алкенилзамещенных антрахинонов, с различными функциональными группами в алкенильном фрагменте. В этом случае возможна дальнейшая модификация алкенильного заместителя.

Так антрахинонилакриловые кислоты, полученные при взаимодействии иодантрахинонов с акриловой кислотой в условиях реакции Хека, могут декарбоксилироваться, образуя соответствующие винилантрахиноны, выход последних зависит от природы, используемой в реакции соли двухвалентного палладия (хлорид палладия способствует возрастанию выхода винилантрахинонов).



Наличие карбоксильной группы в алкенильном фрагменте представляет особый интерес, т. к. позволяет надеяться на ее дальнейшее внутримолекулярное взаимодействие с имеющимся в *орто*-положении заместителем. Вовлечение в этиленовую конденсацию амино- и гидроксииодантрахинонов открывает перспективу синтеза на их основе гетероциклических антрахинонов, что было показано при взаимодействии 2-амино-3-иодантрахинона с акриловой кислотой.



Определенным недостатком данного метода синтеза является длительность его проведения (от 12 и более часов) и жесткий температурный режим, в результате чего реакция осложняется процессами дезиодирования. Условия этиленовой конденсации

удалось оптимизировать, используя катализаторы фазового переноса.

Проведение конденсации в условиях «классической реакции Хека», т. е. в присутствии основания (ацетата натрия), трифенилфосфина в полярном растворителе (ДМФА), но с добавлением тетраалкиламмонийбромида позволило существенно сократить время реакции (до 3,5 часов), снизить ее температурный режим от 120^0 до 70^0 С и избежать процесса дезиодирования.

Влияние катализатора фазового переноса, роль которого, по-видимому, выполняет тетраалкиламмониевая соль, может быть объяснена на основе общепринятой схемы реакции Хека [3], которая включает в себя несколько стадий:

- окислительное присоединение арилгалогенида к бис (трифенилфосфин) палладию;
- образование сигма-алкилпалладиевого комплекса с участием алкена;
- β-гидридное отщепление с образованием продукта алкенилирования;
- регенерация нульвалентного палладия из HPdX с помощью основания.

С учетом механизма реакции Хека, согласно которому на конечном этапе реакции образуется гидрид палладия – H-Pd-X, можно предположить, что тетра-*н*-октиламмонийбромид принимает участие в регенерации нульвалентного палладия по схеме [4]:

$$(C_8H_{17})_4N^+Br^- + AcONa \longrightarrow (C_8H_{17})_4N^+OAc^- + NaBr$$

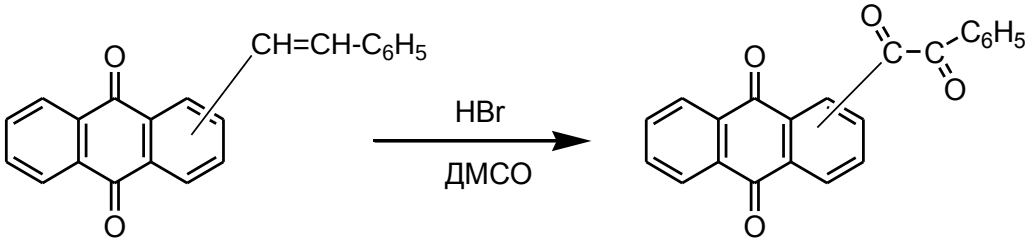
$$(C_8H_{17})_4N^+OAc^- + [H\text{-}Pd\text{-}I] \longrightarrow [Pd^o] + HOAc + (C_8H_{17})_4N^+I^-$$

Оптимизация условий этиленовой конденсации позволила осуществить реакцию с интернальными алкенами, которые были инертны в условиях «классической» реакции Хека.

Изучение реакции Хека в ряду йодантрахинонов открыло путь синтеза ранее труднодоступных алкенилзамещенных антрахинонов и позволило получить достаточно широкий ряд производных антрахинона с разнообразными алкенильными заместителями (-CH=CH-Ph, -CH=CH-COOH, -CH=CH-$COOCH_3$, -CH=C(CH_3)-$COOCH_3$). Изучение свойств этих производных практически до сих пор не проводилось, хотя реакции по двойной -C=C- связи могут быть использованы для получения новых производных антрахинона, представляющих практический интерес.

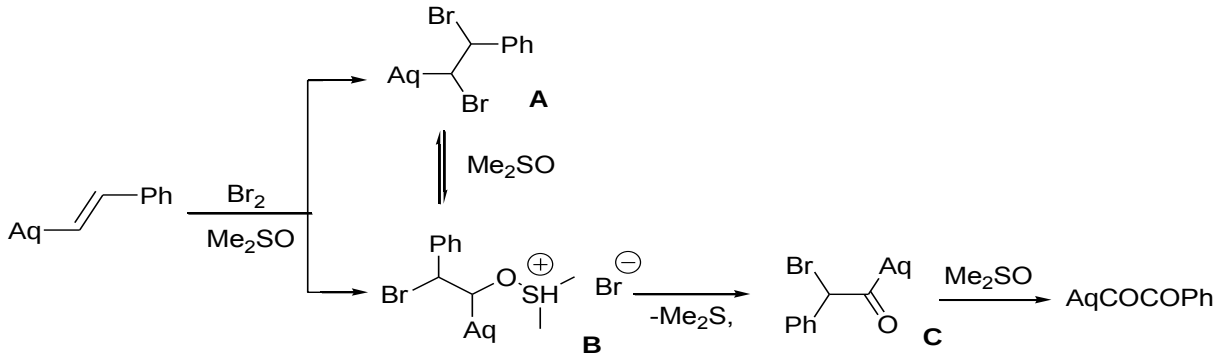
Особый интерес представляет изучение окисления ненасыщенных фрагментов до вицинальных дикарбонильных соединений. Это связано с тем, что такие соединения находят широкое применение в органическом синтезе, медицине и технике. Их используют как биологические ценные препараты, медицинские диагностикумы, люминофоры, мономеры для термостабильных полимеров и др. Синтетические возможности этих соединений в получении различных классов органических субстратов трудно переоценить, поскольку особый интерес к ним связан с возможностью синтеза на их основе новых гетероциклических фрагментов и их привлекательностью в качестве потенциальных биологически активных соединений.

На примере α- и β-стирилзамещенных антрахинонов была показана возможность их окисления в вицинальные дикарбонильные соединения в системе HBr/ДМСО.



Механизм окислительного действия ДМСО предложен авторами работ [5]. Возможно, что и в случае наших объектов окисление происходит в соответствии с предложенной схемой:

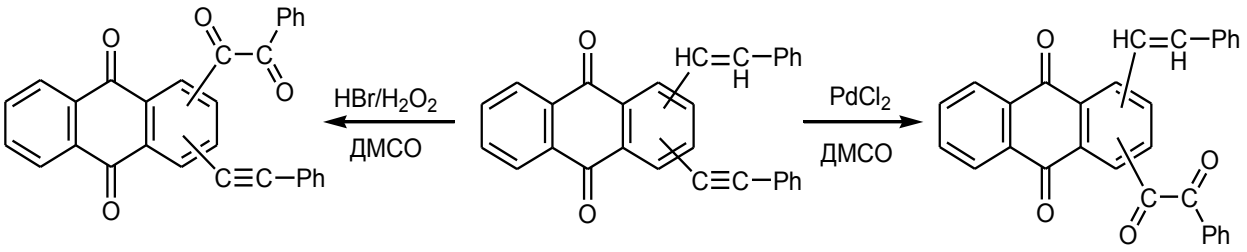
$2\,HBr + (CH_3)_2SO = Br_2 + (CH_3)_2S + H_2O$



Поскольку в антрахиноновой системе есть две карбонильные группы, которые являются акцепторами и тем самым снижают скорость окислительной реакции и выход продукта, эффективность окисления может быть усилена в присутствии перекиси водорода, которая способствует ускорению генерирования брома из бромистоводородной кислоты:

$$H_2O_2 + 2\,HBr \longrightarrow Br_2 + 2\,H_2O$$

Сопоставление условий окисления алкенилпроизводных антрахинона с таковыми для антрахинонов, имеющих углеродные заместители с тройной связью [ ], позволило выявить селективные методы окисления для двойной и тройной связей в антрахиноновых производных.



Таким образом, при совместном присутствии двойной и тройной связей в системе антрахинона может быть осуществлено их селективное окисление в различных условиях, что открывает новые синтетические возможности для получения замещенных антрахинонов.

Литература

1. А. с. № 1240014 СССР. В. Я. Денисов, Т. В.Чуйкова. Опубл. в Б. И. – 1984. – № 4.

2. Heck, R. Palladium-catalysed vinylic hydrogen substitution reaction with aryl, benzyl, sterylhalides / R. Heck, J. Nolly // J. Org. Chem. – 1972. – V. 27. – P. 2320 – 2325.

3. Афанасьев, В. В. Перспективы использования палладийкатализируемых реакций в тонком органическом синтезе: создание связи углерод-углерод / В. В. Афанасьев, Н. Б. Беспалова, И. П. Белецкая // Рос. хим. журнал. – 2006. – Т. L. – С. 81 – 92.

4. Jeffery, T. On The Efficiency of Tetraalkylammonium Salts in Heck Type Reactions / T. Jeffery // Tetrahedron Lett. – 1994. – V. 35. – P. 3051 – 3055.

5. Юсубов, М. С. Прямое превращение 1,2-дибром-1,2-диарилэтанов в ароматические дикетоны / М. С. Юсубов, В. Д. Филимонов // Журнал органической химии. – 1989. – Т. 25. – Вып. 7. – С. 1561 – 1563.

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

УДК 613.6

РОЛЬ ЗНАНИЙ О БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ

Л. О. Ковтун, Л. Г. Овчарова

THE ROLE OF KNOWLEDGE ABOUT HUMAN'S VITAL ACTIVITY IN HEALTH SAFETY

L. O. Kovtun, L. G. Ovcharova

В статье обосновывается роль знаний о безопасности жизнедеятельности человека в сохранении здоровья. На сегодняшний день формирование капитала здоровья – важнейший фактор профессионального роста. Рассмотрены связи между образованием и здоровьем индивидуума.

The role of knowledge of the safety of people's life with the maintenance of health is explained in the article. Nowadays the forming of capital of health is the most important factor of the professional growth. The bonds between education and individual's health were discussed.

Ключевые слова: здоровье, безопасность, знания.

Key words: health, safety, knowledge.

События, происходящие в нашей стране в последнее время, вызвали глубокие изменения во всех сферах общественной жизни. Увеличение частоты проявления разрушительных сил природы, опасных ситуаций социального характера, числа промышленных аварий и катастроф, отсутствие навыков правильного поведения в повседневной жизни, в различных опасных и чрезвычайных ситуациях пагубно отразились на состоянии здоровья и жизни людей.

Здоровье относится к высшим жизненным ценностям и провозглашается как безусловная норма жизни человека. Будучи качественной характеристикой личности, здоровье способствует достижению многих целей и удовлетворению различных потребностей человека, а в условиях сегодняшней экономической и социальной реальности выступает иногда как единственное средство достижения поставленных задач, что делает его в большей степени объектом эксплуатации, а его ценность становится все более инструментальной. Стратегия перехода человечества на путь устойчивого развития открывает перспективы новой системы общественных ценностей и моделей индивидуального поведения, где жизнь и здоровье человека в гармонии с окружающей природной средой является абсолютным приоритетом.

Выбор будущей профессии является одним из самых главных решений, которое приходится принимать человеку. Неудачный выбор профессии влечет за собой возрастание несчастных случаев и профессиональных заболеваний. Как известно, развитие профессиональных заболеваний обусловлено воздействием вредных производственных факторов (ВПФ), которые, согласно определению, будучи на производстве могут привести к развитию не только профессиональных заболеваний, но и к развитию или ухудшению течения любого заболевания и к снижению работоспособности. Стремление к сохранению здоровья, активной деятельности и долгой жизни является одной из важнейших функций и потребностей человека на всех этапах его эволюции. По значимости обеспечение безопасности всегда занимало и занимает второе место после первоочередной потребности человека в обеспечении себя и своих близких пищей, водой и воздухом.

Для достижения целей безопасности человеком на его историческом пути сделано много: созданы одежда, жилище, средства защиты от негативных воздействий природы и общества, разработаны безопасные приемы и условия деятельности, сформированы представления о здоровом образе жизни и многое другое.

Природа снабдила человека естественной системой защиты, направленной на сохранение здоровья и жизни. Естественную систему зашиты человека образуют: инстинкты, интуиция, нейрофизиологические процессы, органы чувств (анализаторы), мозг. Человек как биологический вид (Homo Sapiens) в результате эволюции достиг небывалого совершенства в своем развитии. Принципиальным отличием человека разумного от остальных биологических видов является его умение создавать новые объекты при помощи орудий труда. Человечество сделало очень много для безопасности людей: избавило от таких несчастий, как пандемии чумы, холеры, оспы; значительно увеличило среднюю продолжительность жизни людей; повысило уровень защищенности от природных и стихийных бедствий.

Небывалых высот достигли наука и техника. Созданы мощные искусственные системы защиты. В то же время продолжают происходить трагические события природного, техногенного и социального происхождения.

По данным Международной организации Труда (МОТ), Россия ежегодно теряет почти 2 % ВВП (более 500 млрд. руб.) из-за неудовлетворительных условий труда, травм и гибели работников на производстве.

Окружающая среда, состоящая из благоприятных или вредных для здоровья человека факторов, определенным образом влияет на профессиональную деятельность человека. Из факторов окружающей среды, влияющих на деятельность человека, выделяют природные и антропогенные. Как следствие, социально-экономические проблемы обеспечения жизнедеятельности человека можно рассмотреть на примере психофизиологических факторов.

Психофизиологические факторы обусловлены конкретным содержанием и характером определенного вида деятельности и соответствием ее физиологическим возможностям и психологическим особенностям организма человека. Среди опасных и вредных психологических факторов выделяют физические и нервно-психологические перегрузки, которые обусловливаются монотонностью труда и эмоциональными перегрузками. Так, характер деятельности рабочих, занятых добычей углей на шахтах, приводит к повышенному физиологическому и нервному утомлению, которое ослабляет психику человека, снижает чувственность органов зрения, слуха, ухудшает координацию движений, быстроту и точность ориентации, притупляет бдительность, снижает критический анализ видимых изменений обстановки и своих действий. Данные факторы среди прочих обусловили высокую «цену» кузбасского угля: 1 млн. т добываемого топлива «оплачивается» в среднем жизнью одного горняка. В связи с этим все положения безопасности жизнедеятельности в

сфере производства приобретают конкретность и определенность. Методы защиты работающих в условиях действия различных вредных факторов оговариваются в инструкциях по охране труда. Но количественной их оценки, как правило, не дается.

В процессе труда человек взаимодействует с такими элементами производственной сферы, как предметы и орудия труда, средства производства, продукты труда, организация производства и сам коллектив. Характер этого взаимодействия определяется различными их свойствами, последствия некоторых нежелательны для человека. Поэтому при планировании экономических показателей деятельности производства необходимо прежде всего исходить из условий труда, а не из средних показателей, достигнутых в данной отрасли за предыдущий период. Хотя условия труда оговариваются стандартами, нормами, правилами и т. д., но они должны «корректироваться» к каждому конкретному производству, учитывать реализации всех направлений научно-технического прогресса в отечественной и зарубежной практике. Учитывая это, надо отметить, что условия труда, оцениваемые с позиций охраны труда как благоприятные, нормальные или допустимые, могут быть далеки от совершенства. Естественно, следствием неблагоприятных условий труда является производственный травматизм.

Неслучайно в последнее время в различных отраслях экономики России возросло количество человеческих жертв. Техника и технология, обладая большим потенциалом, оказывают неблагоприятное воздействие на человека и могут служить источником аварий. Естественным средством в борьбе за безопасность труда всегда было стремление создать максимально безопасные орудия и средства труда. Но абсолютная безопасность, с точки зрения концепции социально приемлемого риска, на практике недостижима. Безопасная техника имеет определенные ограничения, которые очень изменчивы в определенных условиях места и влияния.

С учетом этих факторов риск не может быть сведен к нулю. В современных условиях абсолютная безопасность при использовании орудий и предметов труда технически не достижима. Однако то, что не удалось решить при создании техники, можно нередко компенсировать организационными мерами. В организации труда необходимо затрачивать достаточно много времени и денежных средств, чтобы реализовать принципы обеспечения безопасности.

Любое общество заинтересовано в создании благоприятных условий труда, которые способствуют повышению работоспособности, снижению потерь рабочего времени, снижению заболеваний и временной потери трудоспособности и уменьшению количества несчастных случаев.

Решающая роль в совершенствовании систем безопасности, бесспорно, принадлежит науке. Только на научной основе можно защитить людей от болезней, травм и преждевременной смерти. В этой связи возросла роль и ответственность системы образования за подготовку обучающихся по вопросам, относящимся к области безопасности жизнедеятельности, и выработку у них приверженности к здоровому образу жизни. Этой цели служит безопасность жизнедеятельности (БЖД) – область научных знаний, изучающая антропоцентрические (направленные на человека) опасности и разрабатывающая методы, принципы и средства защиты от них. Цель БЖД – сохранение здоровья и работоспособности человека в условиях техносферы.

Стратегические знания в области БЖД направлены на поиск путей и реализацию мер по сокращению смертности от внешних причин – принудительной смертности населения от нарушений здорового образа жизни, от травм и отравлений, от региональных и профессиональных заболеваний, обусловленных негативным воздействием техносферы и технических средств в повседневных и чрезвычайных ситуациях, а также от антропогенного влияния на техносферу и технические системы, приводящего к авариям и иным негативным последствиям.

Овладение знаниями по БЖД позволит каждому человеку свести к минимуму вероятность принудительной гибели. Для этого необходимо:

– соблюдать правила здорового образа жизни;

– всемерно следовать основам безопасности в быту, на производстве, на транспорте и других сферах деятельности и отдыха, а также при создании новой техники и элементов технологии;

– рационально выбирать виды деятельности и местожительство для себя и своей семьи, исходя из уровня безопасности сфер деятельности и качества окружающей среды.

Изучение дисциплины БЖД для студентов - будущих специалистов в различных областях деятельности протекает тем успешнее, чем более глубоко и всесторонне реализуются общие психолого-педагогические принципы:

– обеспечение единства обучения и воспитания;

– построение учебного процесса на основе сознательного и активного участия обучаемых;

– наглядность и доступность изложения учебного материала;

– систематичность, последовательность построения процесса подготовки;

– учет индивидуальных особенностей обучаемых;

– обеспечение контроля за прочностью усвоения и характером протекания профессиональной подготовки.

Профессиональная подготовка обязательно включает в себя теоретическое обучение, основная цель которого – формирование у обучаемого правильного понимания сущности предстоящей деятельности и усвоение им необходимых знаний. Теоретическое обучение сочетается или сменяется практической подготовкой, то есть собственно процессом тренировки, нацеленной на формирование у

обучаемого необходимой системы профессиональных умений и навыков.

Несовершенство профессиональной подготовки, просчеты, допущенные на этом этапе, могут повлечь за собой серьезные последствия для здоровья и даже жизни человека. Здоровье невозможно приобрести или восстановить за короткий срок. Более того, накопленный за длительный период капитал здоровья человека может быть мгновенно уничтожен в силу возникновения ряда непредвиденных чрезвычайных ситуаций.

Здоровье нельзя повысить выше определенного уровня, обусловленного наследственностью, предрасположенностью к определенным генетическим заболеваниям. Образование можно приобретать, расширяя свой кругозор, навыки и умения абсолютно неограниченно. В то же время при достижении баланса психофизических сил организма повышаются так называемые резервы здоровья человека, иными словами – максимальная производительность органов при сохранении качественных пределов их функций. Поэтому человеку необходимо больше заботиться об укреплении и развитии потенциала своего здоровья, а государству – сосредоточиться на организации системы профилактики заболеваний.

Здоровье является капиталом человека даже в том случае, если он не реализует его, то есть не занимается трудовой деятельностью. Образование, с точки зрения экономической науки, не может считаться капиталом человека, если оно не приносит дохода.

Здоровье – категория человеческого капитала, которая не подлежит обесцениванию. Капитал здоровья может быть исчерпан или истощен, однако своей ценности для человека он никогда не потеряет. Образование и полученные человеком знания могут потерять свою ценность в зависимости от времени и места его проживания.

В настоящее время человеческий капитал здоровья – ключевой инструмент экономической политики каждого государства, желающего поднять свою национальную конкурентоспособность на качественно новый уровень. Накопленные человеком знания, опыт и устойчивое здоровье позволяют ему повысить производительность своего труда. В национальном масштабе максимальное использование ресурсов человеческого капитала расширяет возможности его социально-экономической модернизации.

Состояние здоровья студентов наряду с профессиональным уровнем входит в число показателей качества подготовки специалистов высокой квалификации, определяющих экономическое процветание и социальное благополучие государства.

Каждый человек, переходя из состояния учащегося (после обучения в школе, лицее, вузе) в состояние работника-созидателя, должен знать и оценивать возможные последствия своих действий. Поскольку человек наделен разумом, он стремится к созидательной жизни, пытаясь, как правило, изменить окружающий его мир в свою пользу. К сожалению, это преобразование, кроме желаемого, создает неизбежно и негативные эффекты, порождая тем самым отрицательные воздействия на окружающий мир. Стремясь к комфорту, мы создаем техносферу, тем самым порождаем множество опасностей.

В своей деятельности человек участвует не один, он объединяется с другими людьми, образуя группы, коллективные сообщества, которые становятся все более многочисленными. В составе сообществ преобразующая деятельность человека возрастает весьма значительно.

В этих условиях человеку весьма важно правильно оценивать свою роль не только как созидателя, но и как творца опасностей, постоянно помня о возможных негативных последствиях своей деятельности для здоровья.

Овладение научными и практическими знаниями, навыками, необходимыми для безопасной жизнедеятельности в течение всей жизни человека для студентов всех вузов ведется на базе общепрофессиональной дисциплины «Безопасность жизнедеятельности». Основу научных и практических знаний, определяющих содержание дисциплины БЖД, составляют исследования, ранее излагавшиеся в отдельных курсах: «Охрана труда», «Охрана окружающей среды», «Гражданская оборона» и т. д. Целевое предназначение указанных курсов и их основное содержание сводилось к изучению средств и методов защиты человека и природной среды от негативных факторов техногенного происхождения. Дисциплина «БЖД» призвана интегрировать на общей методической основе в единый комплекс знания, необходимые для обеспечения комфортного состояния и безопасности человека во взаимодействии со средой обитания.

Литература

1. Лисицин, Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение / Ю. П. Лисицин. – М.: ГЭОТАР-МЕД 2002. – 159 с.

2. Русак, О. Н. Основы учения о безопасности человека. Приложение к журналу «Безопасность жизнедеятельности» / О. Н. Русак. – 2009. – № 8. – 24 с.

3. Никифоров, Г. С. Психология здоровья / Г. С. Никифоров. – СПб.: Речь, 2002. – 256 с.

УДК 613.9 (571.17)

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КУЗБАССА

Л. С. Хорошилова, Л. М. Табакаева, И. В. Трофимова

THE INFLUENCE OF ECOLOGICAL SITUATION ON MORBIDITY AND DEMOGRAPHIC INDEXES OF KUZBASS

L. S. Horoshilova, L. M. Tabakaeva, I. V. Trofimova

Состояние здоровья населения – это интегральный показатель благосостояния региона. Высокий уровень запыленности и загрязнения атмосферы, а также специфика заболеваемости однозначно свидетельствуют о влиянии угледобывающего производства на общую экологическую обстановку в регионе.

People's health is an intergral indicator of a region's welfare and prosperity. The level of dusted and polluted environment as well as specific morbidity are evident indicators of such influential factors as cool mining production upon regional oecological situation.

Ключевые слова: экология, здоровье, демография, численность, общая заболеваемость, смертность, продолжительность жизни.

Key words: ecology, health, demography, numbers, general morbidity, mortality, life duration.

Стратегической задачей устойчивого развития Российской Федерации является сохранение здоровья нации, повышение рождаемости, снижение уровня смертности, увеличение продолжительности жизни людей и преодоление демографического спада. Эффективным механизмом реализации этой задачи являются приоритетные национальные проекты и прежде всего приоритетный национальный проект в сфере здравоохранения.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тесная функциональная взаимосвязь между экологической обстановкой и уровнем здоровья различных групп населения, когда динамика изменения здоровья и особенности патологии человека рассматриваются как функциональный элемент единой антропо-экологической системы [1].

Выявлению наличия объективной связи между уровнем воздействия разнообразных факторов и состоянием здоровья человека, определению реально доказанного вклада факторов среды в нарушение здоровья популяции, различных ее групп и отдельных индивидов способствует применение новых гигиенических технологий, основными из которых являются примеры социально-гигиенического мониторинга, методология оценки риска здоровью и управления системой «среда – здоровье» [6].

На рубеже второго и третьего тысячелетий Кузбасс занял место одного из важнейших регионов России, обеспечивающих ее экономическую и стратегическую безопасность, но каковы бы не были природные богатства региона, необходимы еще и человеческие ресурсы, способные рационально и целенаправленно использовать недра.

На протяжении последних лет в Кемеровской области регистрируется самый низкий показатель рождаемости и наибольший уровень общей смертности населения, соответственно, самый низкий показатель естественного прироста населения среди регионов России и Сибирского Федерального округа.

Тревожной тенденцией является и снижение ожидаемой продолжительности жизни, родившихся в Кузбассе. В 2008 году средняя продолжительность жизни в Кузбассе составляла 64 года, в России – 67,9 года [2].

Кемеровская область является одним из экологически неблагоприятных регионов России. Большая концентрация предприятий угледобычи и углепереработки, черной и цветной металлургии, химии и углехимии, строительной индустрии и машиностроения, объектов теплоэнергетики на сравнительно небольшой территории, ошибки в их размещении, техническая отсталость и недооценка последствий хозяйственной деятельности для природы региона, узковедомственный, преимущественно потребительский, подход к использованию природных ресурсов нанесли непоправимый ущерб окружающей среде, создали экологически опасные условия жизни [3].

Чрезвычайно высокие техногенные нагрузки в регионе привели к загрязнению атмосферы, почв, поверхностных и подземных вод, нарушению ландшафта, скоплению большого количества промышленных, в том числе и токсичных отходов, истреблению на больших площадях лесов, деградации фауны и флоры, к высоким уровням заболеваемости и смертности населения.

Трансформация природы в регионе достигла таких пределов, что поставлен вопрос о признании Кузбасса зоной экологического бедствия. Экологические проблемы стали серьезным тормозом в дальнейшем развитии народного хозяйства области, нарушили биологическое единство человека с природой, естественные и динамические связи между отдельными составляющими экосистемы [4].

Самой актуальной экологической проблемой Кемеровской области является загрязнение атмосферного воздуха, которым в значительной степени определяются условия жизнедеятельности человека.

Объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух региона от стационарных источников в 2008 году составил 1503 тыс. тонн. В динамике за период с 2004 по 2008 гг. отмечается увеличение суммарного выброса на 336 тыс. тонн. Увеличение общей массы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух населенных пунктов области связан с тем, что после незначительного спада вновь наметилась тенденция к росту производства и, следовательно, к уровню загрязнения атмосферного воздуха.

Наибольший вклад в загрязнение атмосферного воздуха (по валовым выбросам) вносят предприятия угольной, топливной и химической промышленности, металлургии, энергетики, автотранспорт.

Наибольший объем валовых выбросов от стационарных источников регистрируется в городах: Новокузнецк, Междуреченск, Осинники, Мыски, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Белово, Кемерово.

Наиболее высокая степень улавливания загрязняющих веществ обеспечивается на предприятиях энергетики, химической промышленности и в производстве строительных материалов. Низкая степень улавливания загрязняющих веществ отмечается в угольной промышленности и на отопительных котельных жилищно-коммунального хозяйства [7].

Растет количество выбросов и от передвижных источников. Увеличение единиц автомобильного транспорта, прежде всего за счет подержанных иномарок, переход большей части предприятий, поставляющих в регион горючее топливо, в частные руки и снижение контроля за качеством поставляемого топлива привели к тому, что выбросы в атмосферу от предыдущих источников начинают занимать лидирующие позиции в общей структуре источников загрязнения атмосферы в населенных пунктах области. Так, источниками возникших в последние годы экстремальных загрязнений атмосферы в г. Кемерово после тщательного расследования были признаны выбросы автотранспорта на фоне штилевых ситуаций [5].

Анализ уровня загрязнения атмосферного воздуха административных территорий Кемеровской области показал, что выбросы диоксида серы, диоксида азота, оксида углерода, твердых веществ и углеводородов являются основными загрязнителями атмосферного воздуха и составляют 1694,214 тыс. тонн, или 98,7 % от общей массы зарегистрированных выбросов.

Центром по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды в Кемеровской области проводится многолетнее и систематическое наблюдение за содержанием в атмосферном воздухе химических веществ в трех городах области – Кемерово, Новокузнецк, Прокопьевск. В Кемерово и Новокузнецке контролируется концентрация двенадцати веществ на восьми стационарных постах в каждом городе и в г. Прокопьевске на двух стационарных постах отслеживается содержание восьми загрязнителей атмосферного воздуха.

По данным Кемеровского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, в г. Новокузнецке в 2007 г. среднегодовые концентрации загрязняющих веществ в атмосферном воздухе превышают ПДК и составляют: формальдегид – 5,0 ПДК, бенз(а)пирен – 5,0 ПДК, азота диоксид – 1,1 ПДК, взвешенные вещества – 1,5 ПДК. Среднегодовые концентрации фтористого водорода, азота оксида, серы диоксида, фенола, углерода оксида, аммиака, черного углерода, сероводорода и цианистого водорода не превышают ПДК. На стационарных постах г. Новокузнецка зарегистрировано 4 случая превышения ПДК более чем в 5 раз, из них 1 случай по фториду водорода (5,9 ПДК), 1 случай формальдегида (5,1 ПДК) и 2 случая по взвешенным веществам (6,0 и 6,8 ПДК).

Уровень загрязнения атмосферы г. Новокузнецка по критериям Росгидромета оценивается как очень высокий: СИ (стандартный индекс загрязнения – наибольшая измеренная разовая концентрация примеси, деленная на ПДК, определяемая из данных наблюдений на посту за одной примесью, или на всех постах района за всеми примесями за месяц или год) – 10,0 для бенз(а)пирена, НП (наибольшая повторяемость (%) превышения ПДК по данным наблюдений на посту за одной примесью или на всех постах района города за всеми примесями за месяц или за год) – 17,4 % для формальдегида, ИЗА (индекс загрязнения атмосферы) – 22,07.

В атмосферном воздухе г. Кемерово, по данным Кемеровского областного центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, зарегистрированы следующие среднегодовые концентрации загрязняющих веществ: формальдегид – 1,7 ПДК, азота диоксид – 1,4 ПДК, аммиак – 1,7 ПДК, бенз(а)пирен 2,5 ПДК. Более 5 ПДК зарегистрирован 1 случай загрязнения атмосферного воздуха бенз(а)пиреном – 5,5 ПДК. Среднегодовые концентрации азота оксида, черного углерода (сажи), взвешенных веществ, углерода оксида, фенола, анилина, диметиламина, серы диоксида, хлора не превышали ПДК. Загрязнение атмосферы города металлами невелико: средние значения из среднемесячных не превышают значений природного фона. В единичных случаях зарегистрировано превышение максимально разовых концентраций азота оксида (1,8 ПДК), взвешенных веществ (3,2 ПДК), углерода оксида (2,2 ПДК), фенола (2,2 ПДК), анилина (2,4 ПДК), диметиламина (2,2 ПДК), черного углерода (3,8 ПДК)

Уровень загрязнения атмосферы г. Кемерово в целом оценивается как высокий и определяется, согласно критериям Росгидромета, следующими значениями: СИ = 5,5 для бенз(а)пирена; НП = 11,6 % для аммиака, ИЗА = 8,71.

В г. Прокопьевске среднегодовые концентрации загрязняющих веществ в атмосферном воздухе превышают ПДК и составляют: бенз(а)пирен – 3,5 ПДК, взвешенные вещества – 2,8 ПДК, азота диоксид – 1,7 ПДК. Среднегодовые концентрации азота оксида, углерода оксида, черного углерода, сероводорода ниже 1 ПДК. Уровень загрязнения атмосферы г. Прокопьевска по критериям Росгидромета оценивается как высокий: СИ = 10,0 для бенз(а)пирена; НП = 33,0 % для взвешенных веществ; ИЗА = 11,49 [5].

По результатам наблюдений в водопроводной воде населенных пунктов Кемеровской области вещества санитарно-токсикологического показателя вредности 1, 2 и 3 класса опасности (мышьяк, ртуть, свинец, кадмий, никель, молибден, хлороформ, четыреххлористый углерод, бромдихлорметан, хлордибромметан, трихлорэтилен, тетрахлорметан, бромоформ, полиакриламид, циклогексанол, циклогексанон, анилин, бенз(а)пирен, бензол, нитробензол, метанол, бериллий, селен, барий, бор, фтор, хром, цианиды, роданиды, сурьма, ДДТ, 2,4-Д, ГХЦГ) не обнаружены или ниже ПДК. В единичных пробах

отдельных населенных пунктов зарегистрированы превышения ПДК алюминия, формальдегида, нитратов, аммиака. При этом, по данным лабораторных исследований, средние концентрации указанных веществ по населенным пунктам за 2007 г. не превышают ПДК.

Среднегодовые концентрации веществ, нормируемых по органолептическому показателю вредности, (минерализация, хлориды, сульфаты, полифосфаты, магний, pH, нитриты, медь, цинк, ПАВ, нефтепродукты), в 2007 г. не превышали ПДК по территориям области.

Содержание фенола в единичных пробах ряда водопроводов из р. Томи превышает ПДК. При этом среднегодовые концентрации фенола в водопроводной воде населенных пунктов не превышают ПДК. Среднегодовые концентрации химических веществ природного характера в водопроводной воде из подземных вод (железа, марганца, жесткости) по отдельным водопроводам населенных пунктов превышают ПДК.

В целом по области число проб почвы, несоответствующих по санитарно-химическим показателям в 2007 г., снизилось в 1,6 раза, в том числе по селитебной зоне на 3,2 % по сравнению с 2006 г.

На содержание пестицидов исследовано 106 проб, из них 1 проба (0,9 %), отобранная в месте применения пестицидов и минеральных удобрений в г. Новокузнецке, не соответствует гигиеническим нормативам.

На содержание солей тяжелых металлов исследовано 1052 пробы, из них в 53 (5,0 %) проб почвы в зоне влияния промышленных предприятий гг. Белово, Новокузнецк, Кемерово обнаружено превышение ПДК по свинцу и кадмию. Превышение ПДК содержания в почве никеля, марганца, хрома и ртути не обнаружено.

Оценка степени химического загрязнения почвы по суммарному показателю химического загрязнения (СПХЗ) по всем контролируемым веществам в различных функциональных зонах территорий оценивается как умеренно опасная и допустимая.

По микробиологическим показателям удельный вес проб выше ПДК снизился на 8 % и составляет 43 %.

На территории селитебной зоны отмечается улучшение качества почвы по микробиологическим показателям. Из 440 исследуемых проб – 179 или 40,7 % не соответствуют гигиеническим нормативам.

По паразитологическим показателям исследовано 3540 проб почвы, из них в 209 (5,9 %) обнаружены яйца гельминтов.

По энтомологическим показателям исследовано 879 проб. Несоответствующие гигиеническим нормативам пробы не зарегистрированы [5].

Неблагоприятные экологические факторы (загрязнение воздуха, воды, почвы) влияют на состояние здоровья населения. Состояние здоровья населения является своего рода индикатором, аккумулирующим влияние множества факторов (генетических, социальных, производственных, экологических) и отражающим качество жизни. На популяционном уровне характеристика состояния здоровья населения включает анализ показателей, определяющих уровень нарушения здоровья, таких как заболеваемость, инвалидность, общая и младенческая смертность.

За период, прошедший после переписи населения 2002 года, естественная убыль населения составила 104,2 тыс. человек. Однако, если в 2003 г. число умерших превышало число родившихся в 1,7 раза, то в 2008 г. – в 1,3 раза, что привело к сокращению естественной убыли населения в 2008 г. до 9,4 тыс. человек. Это наименьший показатель за последние 15 лет.

Позитивную динамику в последний межпереписной период демонстрируют показатели рождаемости. В 2008 г. родилось 36,7 тыс. детей, что на 2,5 тыс. человек (на 7 %) больше, чем в 2007 г. Суммарный коэффициент рождаемости составил 1,5 ребенка на женщину репродуктивного возраста, что является наибольшим показателем за период с 2000 г., когда в Кемеровской области (как и в России) началось увеличение уровня рождаемости [2].

Одна из серьезных проблем – высокий уровень смертности.

Некоторое снижение смертности в 1995 – 1998 гг. оказалось непродолжительным и стало результатом возрастных изменений в составе населения. С 1999 г. по 2005 гг. вновь наблюдался рост числа умерших, за последние три года – снижение. В 2008 г. по сравнению с 2007 г. число умерших уменьшилось на 1,5 % и составило 46,1 тыс. человек.

В структуре причин смерти наибольший удельный вес, как и прежде. Занимают болезни системы кровообращения (49,8 %), новообразования (13,5 %), внешние причины смерти (16,8 %). Уровень смертности женщин от всех основных групп заболеваний (кроме болезней органов кровообращения) значительно ниже, чем у мужчин: в 3,7 раза – от внешних причин смерти, в 2,9 раза – от болезней органов дыхания, в 1,4 раза – от новообразований, в 1,3 раза – от болезней органов пищеварения. Такие различия обусловливают разрыв в ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин. В настоящее время этот показатель у женщин почти на 14 лет больше, чем у мужчин, и составляет 71,7 года.

С 2000 г. продолжает сокращаться младенческая смертность. В 2008 г. ее показатель составил 8,7 умерших на 1000 родившихся живыми против 20,8 в 1999 г. Основными причинами смертности детей в возрасте до одного года являются состояния, возникшие в перинатальном периоде (30,7 % от общего числа умерших детей), врожденные аномалии (24,9 %), несчастные случаи (16,9 %), инфекционные и паразитарные болезни (6,4 %), болезни органов дыхания (1,3 %) [2].

Решение демографических проблем неразрывно связано с решением проблем в сфере охраны здоровья детей и родителей.

Заболеваемость новорожденных за последние годы характеризуется следующим: если в 2004 г. из 100 новорожденных 58 родились больными или заболели в первые дни, то в 2008 г. – 53.

Заболеваемость и смертность младенцев во многом зависит от состояния здоровья матерей. В 2008 г. 81,6 % женщин, закончивших беременность, имели различные патологические состояния, предшествовавшие или возникшие во время беременности. Удельный вес нормальных родов в 2008 г. снизился по сравнению с 2004 г. на 0,7 процентных пункта.

Растет гинекологическая заболеваемость. Так, в 2008 г. эндометриоз регистрировался на 24,7 % чаще, чем в 2004 г.; женщин, страдающих бесплодием, за этот период было на 62 % больше (с диагнозом, установленным впервые в жизни).

На репродуктивный потенциал и уровень репродуктивного здоровья женщин существенное влияние оказывает распространенность абортов. В 2008 г. на 100 родов приходилось 98,6 абортов. За прошедший год было произведено 35,5 тыс. прерываний беременности (включая и мини-аборты) или 46 на 1000 женщин фертильного возраста, в том числе 3,2 тыс. (9,1 %) у женщин моложе 20 лет. В последние годы отмечается положительная динамика данного показателя.

У детей в возрасте до 14 лет в 2008 году было зарегистрировано 782,5 тыс. заболеваний острыми и хроническими болезнями с впервые установленным диагнозом. В структуре первичной заболеваемости в расчете на 100 детей в сравнении с 2004 г. произошло увеличение врожденных аномалий (пороков развития), деформаций и хромосомных нарушений в 2,7 раза, заболеваний болезнями кожи и подкожной клетчатки – в 1,2 раза, новообразованиями – в 1,8 раза, нервной системы – в 1,6 раза.

В структуре общей заболеваемости детей, как и в предыдущие годы, ведущее место занимали болезни органов дыхания (54,8 %), нервной системы и органов чувств (9,7 %), кожи и подкожной клетчатки (5,3 %), костно-мышечной системы и соединительной ткани (2,5 %), некоторые инфекционные и паразитарные болезни (5,6 %), травмы, отравления и другие последствия воздействия внешних причин (6,5 %).

В течение 2008 года впервые были признаны инвалидами 1,5 тыс. детей, значительная часть из них (77,4 %) – городские дети.

В медицинских учреждениях области в 2008 году наблюдались 8,4 тыс. детей-инвалидов. Из заболеваний, обусловивших возникновение инвалидности у детей, 39,4 % составляли болезни нервной системы и органов чувств, 21,9 % психические расстройства и расстройства поведения, 22,7 % врожденные аномалии, 4,6 % болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ.

Повышение уровня заболеваемости детей связано с воздействием факторов среды обитания (врожденными аномалиями, болезнями нервной системы, новообразованиями).

Из общего числа больных с синдромом от алкоголя и употребляющих алкоголь с вредными последствиями в 2008 году женщины составили 14,9 % (в 2007 г. – 25 %, в 2005 г. – 25,3 %, в 2003 г. – 23,7 %). На конец прошлого года под медицинским наблюдением находились 4,2 тыс. детей и подростков в связи с расстройством здоровья, вызванным употреблением алкоголя.

Уровень заболеваемости женщин злокачественными новообразованиями (с диагнозом, установленным впервые в жизни) в 2008 г. составил 610 человек на 100 тыс. женщин против 558 – в 2004 г. В возрасте трудовой активности (20 – 54 года) находились 28 % заболевших в 2008 г. женщин.

Заболеваемость женщин активным туберкулезом характеризовалась увеличением уровня первичной заболеваемости по сравнению с 2004 г. на 4 %. В трудоспособном возрасте (18-54 года) находились 75,3 % заболевших в 2008 г. женщин.

Наблюдается снижение распространения среди женщин болезней, передаваемых половым путем. За период с 2004 г. число заболевших сифилисом и гонореей с диагнозом, установленным впервые, снизилось на 10 % [2].

Актуальными проблемами для Кемеровской области остаются высокие уровни заболеваемости туберкулезом, клещевым энцефалитом, ВИЧ-инфекцией, превышающие показатели по Российской Федерации. Актуальными остаются вопросы обеспечения населения области доброкачественной питьевой водой, снижения валового выброса вредных веществ в атмосферу, утилизации токсичных отходов.

Формированию физически развитого поколения, укреплению здоровья и приобщению к здоровому образу жизни может способствовать проведение в области физкультурно-оздоровительной работы.

Реализация мероприятий по вовлечению широких масс общества в активное занятие физкультурой и спортом формирует у подрастающего поколения потребность в таких занятиях, способствует появлению новых интересов и наполнению досуга полезными увлечениями.

В 2008 году 251,4 тыс. человек посещали учебные занятия по физкультуре в общеобразовательных учреждениях, 68,8 тыс. – в дошкольных образовательных учреждениях, 25,2 тыс. – в учреждениях начального профессионального образования, 31,8 тыс. – в учреждениях среднего профессионального образования, 26,8 тыс. – в вузах.

Литература

1. Гичев, Ю. П. Загрязнения окружающей среды и здоровье человека (печальный опыт России) / Ю. П. Гичев. – Новосибирск: СО РАМН, 2002. – 230 с.

2. Кузбасс 2009: стат. сб. / Кемеровостат. – Кемерово, 2009. – 284 с.

3. Мазикин, В. П. Региональные особенности перехода Кемеровской области на устойчивое развитие / В. П. Мазикин // Региональные проблемы перехода к устойчивому развитию: ресурсный по-

тенциал и его рациональное использование в целях устойчивого развития. – Кемерово, 2003. – С. 6 – 24.

4. Малахов, С. М. Экологические проблемы угледобывающей отрасли в регионе при переходе к устойчивому развитию / С. М. Малахов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 124 – 130.

5. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Кемеровской области в 2007 году: государственный доклад. – Управление Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Кемеровской области. – Кемерово, 2008.

6. Шеверева, М. П. О поэтапном развитии системы социально-гигиенического мониторинга // Медицина труда и промышленная экология. – 2001. – № 3. – С. 1 – 5.

7. Экология Кемеровской области «2004 – 2008 гг.»: стат. сб. / Федеральная служба гос. статистики. Территориальный орган по Кемеровской области. – Кемерово, 2009. – 184 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 330

О КОРРЕКТНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Л. Л. Зобова, С. А. Мухамедиева

ABOUT CORRECTNESS OF ECONOMIC TERMS USAGE IN ECONOMIC INVESTIGATIONS

L. L. Zobova, S. A. Mukhamedieva

В статье обосновывается необходимость использования различных терминов для описания процесса и состояния экономического явления

In article necessity of use of various terms for the description of process and an economic event condition is proved.

Ключевые слова: процесс и состояние экономического явления, обобществление и обобществленность, интернационализация и интернационализированность, интеграция и интегрированность.

Key words: process and condition of economic phenomenon, socialization, internalization, integration.

В экономических исследованиях можно встретить термины, которые имеют многозначное толкование и не столько раскрывают явление, сколько порождают дополнительные вопросы. Часто высказывается сожаление по поводу того, что отличие терминологии экономиста от терминологии обычного человека порождает путаницу относительно природы многих экономических явлений в экономической науке и препятствует общению с непосвященными. Так, например, один и тот же термин (или экономическая категория) употребляется для описания какого-либо процесса и его зафиксированного состояния. Но, поскольку существует начало какого-либо процесса и его развитие во времени, значит, должна существовать и его развитая форма, отличная от исходного состояния. Кроме того, процесс направлен на достижение какой-то конечной цели. Значит, процесс и конечное зафиксированное состояние должны иметь различное терминологическое определение. Однако до настоящего времени в научных дискуссиях не всегда присутствует различение процесса и состояния, касающегося каких-либо экономических явлений.

Примером может служить процесс конкуренции. В процессе совершенной конкуренции каждый субъект рынка делает то же самое, что и любой другой, где совершенно бессмысленно пытаться достичь чего-то лучшего, чем то, что делают другие. Й. Шумпетер рассматривал конкуренцию как процесс «созидательного разрушения» [10, с. 128].

При этом, как модель совершенной конкуренции, так и модель монополистической конкуренции страдают тем недостатком, что, будучи равновесными моделями, они представляют собой ситуации, в которых, как предполагается, уже достигнуты результаты соответствующих процессов. Работа Ф. Хайека утвердила в теории четкое различие между конкуренцией как процессом и конкуренцией как ситуацией, появляющейся в результате процесса [11].

При определенных условиях совершенная конкуренция может перерасти в свою несовершенную форму, апофеозом которой является монополия. Иначе говоря, мы видим, как развитие процесса перерастает в новое состояние, которое, в свою очередь, имеет новое качество, закрепленное терминологически.

В последние десятилетия во всемирном хозяйстве происходят сложные процессы сближения и взаимопроникновения национальных хозяйств нескольких стран, направленные на создание единого экономического пространства и получившее название международной экономической интеграции. Она пронизывает самые различные стороны экономической и политической жизни интегрирующихся стран.

В научной литературе содержание международной интеграции исследуется с 50-х годов XX века. За это время был предложен ряд определений международной интеграции, но общепринятого толкования нет.

Например, В. Я. Иохин трактует интеграцию как политико-экономический процесс по созданию единого экономического пространства стран, входящих в интеграционную группировку, с единым механизмом регулирования экономических и социальных отношений между ними [4, с. 615].

Содержание интеграции, по мнению А. Бэтлера, заключается в формировании тесно переплетенных экономических анклавов, то есть соединение всех циклов экономической деятельности в единое целое [3, с. 75].

Особое теоретическое и методологическое значение для исследования международной интеграции имеет положение о том, что интеграцию нужно анализировать как процесс и как состояние.

Одним из первых такой анализ предпринял Б. Баласса. Он полагал, что как процесс интеграция включает «меры, призванные устранить дискриминацию между хозяйственными единицами, относящимися к различным национальным государствам», при этом интеграция как состояние может быть «представлена как отсутствие различных форм дискриминации между национальными хозяйствами» [1, с. 147].

Этот тезис Б. Балассы является основой анализа всей западноевропейской теории экономической интеграции. Параллельно с Б. Балассой интеграцию как процесс и как состояние рассматривают и отечественные исследователи. Так, М. Максимова понимает интеграцию как результат формирования хозяйственного объединения. По ее мнению, интеграция представляет собой уже сложившуюся модель межгосударственной взаимозависимости – это «определенная степень зрелости процесса интеграции, когда им охвачены и производство, и обмен, и хозяйственные единицы, и государство, и экономика, и экономическая политика». Причем интеграция как процесс, по мнению М. Максимовой, это «стадия интеграции или когда одни тенденции, характерные для интеграции, проявляются, а другие нет, или это процессы, осуществляемые на уровне не национальных хозяйств в целом, а в масштабе определенных хозяйственных образований» [8, с. 108].

Таким образом, интеграция как процесс «устраняет экономические границы между двумя или более экономиками» [7, с. 2] и «представляет собой движение к формированию единых хозяйственных комплексов, к политическому, научно-техническому, информационному объединению, предполагающему рациональное международное разделение труда, интенсивную кооперацию» [9, с. 3]. При этом процесс интеграции развивается как «тенденция снижения экономического значения политических границ» [15]. Интеграция как состояние – это «кульминация процесса, когда интеграция завершена, и политические границы не имеют больше экономического значения» [15]. Приведенные примеры хорошо иллюстрируют странную ситуацию, при которой одним термином описываются процесс и новое состояние, возникающее в результате этого процесса.

Мы полагаем, что следует ввести в научный оборот понятие «международная интегрированность». И если интеграция – это процесс, то интегрированность – это результат процесса интеграции, то есть зафиксированное состояние в пространстве и во времени.

Развитие экономических явлений, предшествующих возникновению международной интеграции, мы также должны рассматривать с двух позиций: с позиции процесса и состояния.

В системе экономических отношений при развитии международной интеграции проявляются элементы, которые пронизывают всю вертикаль действующих отношений, начиная от непосредственного производства внутри отдельного предприятия (захватывая связи между хозяйствующими субъектами) до отношений между государствами, эти элементы выступают признаками процесса международного обобществления производства, который набирает свои темпы, проявляясь в новых формах развития производства.

Исходной предпосылкой процесса обобществления производства является изменение в материальных производительных силах под воздействием роста профессиональной компетентности рабочей силы и возможности использования научно-технического прогресса. Сопровождается процесс обобществления расширением и укреплением производственных связей и отношений на основе различных форм обобществления производства, то есть кооперации, специализации, комбинирования производства, или иначе – согласованием производственной деятельности.

Вначале это согласование происходит на уровне государственного взаимодействия хозяйствующих субъектов, а далее – на уровне мирового хозяйства, когда взаимодействуют производители территориально расположенные в разных странах, что является основой для согласования производственной деятельности этими странами и дает возможность развитию интеграционных процессов.

Мы считаем, как процесс, обобществление производства проявляется через развитие кооперации, централизации, концентрации, комбинирование производства.

Под международным обобществлением производства мы понимаем процесс согласования и обособления производственной деятельности вертикально-интегрированных хозяйствующих субъектов на международном уровне.

Как состояние обобществление производства проявляется в фиксации производственных отношений, на определенном качественном уровне развития взаимодействия хозяйствующих субъектов (уровень предприятия, уровень государства, международный уровень).

Для различения процесса и состояния предлагаем для характеристики зафиксированного состояния международного обобществления производства использовать термин «обобществленность производства».

Лидерами в реализации международного обобществления производства являются различные ФПГ, ТНК, ВИСы, которые при помощи прямых иностранных инвестиций формируют системы интегрированного международного промышленного производства, при этом развивается транснационализация производства, капитала, технологий, происходит обмен средствами производства и технологическими знаниями с использованием различных форм специализации и кооперации. Перечисленные формы взаимодействия реализуется через процесс интернационализации производства, который повышает эффективность производства, способствует ускорению распространения в мире научно-технических достижений.

По нашему мнению, основная возможность развития процесса интернационализации производства – это достижение определенного состояния обобществленности производства, то есть когда внутригосударственное опосредованное обобществление производства переходит в международное обобществление производства, формой которого является интернационализация производства.

Условиями развития этого процесса являются: во-первых, (уровень) степень свободы хозяйствующих субъектов в принятии решений; во-вторых, уровень открытости экономики страны; в-третьих, высокий уровень разделения труда и специализации; в-четвертых, высокий уровень производства экспортоориентированных отраслей.

По мнению Н. Косолапова, интернационализация предполагает «выход чего-то ранее сугубо внутреннего за начальные рамки; или же объединение действий нескольких субъектов мировой экономики и политики вокруг общих для них задач, целей, вида деятельности» [6, с. 11].

Отражая функцию развития интернационализации производства, следует отметить, что процесс интернационализации вносит существенный вклад в развитие мирового хозяйства по следующим направлениям:

во-первых, способствует оптимальному распределению всех видов ресурсов;

во-вторых, способствует оптимальному размещению производства;

в-третьих, способствует активному развитию международного производства, отсюда активно распространяются новые товары и новые технологии;

в-четвертых, способствует развитию и усилению конкуренции на мировом рынке, что расширяет международное сотрудничество.

В соответствии с указанными направлениями развития интернационализации современный этап этого явления отличается от предыдущих. Связано это с изменением самого характера вовлечения стран и предприятий в международное разделение труда, что проявляется в интернационализации научно-технического прогресса и процесса производства, когда мировой рынок фактически диктует стандарты качества и технико-экономические показатели продукции.

Проблема интернационализации сегодня и в последние годы привлекает все большее внимание ученых-экономистов, связано это прежде всего с корпоративной интернационализацией.

Наиболее точно, на наш взгляд, определяет интернационализацию производства С. Фомишин, который раскрывает механизм производственного процесса на мировом уровне, через соединение факторов производства разных стран.

С. Фомишин полагает, что, интернационализация производства «выражает внутренне необходимые, постоянные и существенные связи между процессом перерастания производством границ национальных стран, с одной стороны, и постепенным формированием механизма соединения личных и вещественных факторов производства на интернациональном уровне» [14, с. 141].

Это определение доказывает, что если в развитии интернационализации производства присутствует факт соединения факторов производства, значит, в этом процессе присутствует согласование производственной деятельности на наднациональном уровне, то есть присутствует международное обобществление производства.

И. Е. Козырская, определяя интернационализацию производства как международное обобществление производства, ставит знак равенства между ними. Она подчеркивает, что интернационализация производства есть «международное обобществление производства, то есть интернационализация производства – это обобществление производства в международном масштабе. Эти понятия тождественны» [5, с. 61].

Однако мы не можем согласиться с тем, что международное обобществление производства и интернационализация производства равнозначны.

Мы полагаем, что развитие международного обобществления производства принимает форму интернационализации производства.

Кроме этого, на первый взгляд, кажется, что в узком понимании интернационализация производства касается лишь процесса интернационализации опосредованного производства и соответствующих сторон экономических отношений, которые функционируют и развиваются в этой сфере. Но наш анализ показывает, что: на международном уровне, так же как и на внутригосударственном, обобществление производство может быть непосредственным – это деятельность горизонтально-интегрированных корпораций, и опосредованным – это деятельность вертикально-интегрированных структур.

В силу того, что процесс международного обобществления производства в форме интернационализации производства происходит одновременно в пространстве и во времени, мы считаем, что необходимо при рассмотрении интернационализации производства как состояния, использовать термин «интернационализированность производства».

Развивающийся процесс интернационализации производства не уничтожает национальные экономики, хотя способствует их трансформации и перестройке. При этом усиливаются тенденции к фор-

мированию новой системы производства. Неравномерность экономического и политического развития, региональные проблемы подталкивают к поискам стабилизации и приспособления к интернациональному производству, то есть к интеграции.

По мнению О. В. Бургунова период интеграции наступает тогда, когда «нормальное течение расширенного воспроизводства обеспечивается тесными связями с другими странами» [2, с. 16].

Важное теоретическое значение для осмысления взаимосвязи интеграции и интернационализации имеет тезис Ю. В. Шишкова: «Разделение интеграции от более ранних стадий интернационализации хозяйственной жизни и интеграционный комплекс – от остальной массы мирохозяйственных связей, происходит там, где производственно-техническая, экономическая, политико-правовая взаимозависимость национальных хозяйств переходит во взаимопроникновение и переплетение национальных процессов общественного производства» [10, с. 58].

А. Шурубович считает что, именно переплетение национальных воспроизводственных процессов является признаком интеграции, а достижение определенной степени такого переплетения можно рассматривать как вступление экономического взаимодействия стран того или иного региона в интеграционную стадию [11, с. 21].

Таким образом, А. Шурубович прямо указывает на то, что переплетение национальных воспроизводственных процессов по своей сути есть кооперация производства. В силу того, что производственная деятельность проходит, как правило, через ряд взаимосвязанных стадий, организованных в виде цепочки, и международное производство происходит посредством включения в одну из стадий. В результате продукт одного предприятия определенной страны является ресурсом для другого предприятия другой страны. Из этого следует, что масштабная концентрация и централизация капитала дает все больше возможностей для свободы передвижения факторов производства – все это является гранями интернационализации производства и возможностью для развития интеграционных процессов. Условиями перехода интернационализации в интеграцию, то есть когда интернационализация производства принимает форму международной интеграции, являются степень транспортной доступности, возможность создания единого рынка, одинаковый уровень институциональных форм, общие административные границы.

Таким образом, учитывая различия процесса и состояния обобществления, интернационализации и интеграции, мы предложили для описания зафиксированных состояний явлений использовать термины: «обобществленность производства», «интернационализированность производства», «интегрированность».

Для объективной оценки возможности развития реальной международной интеграции необходимо определить уровень развития международного обобществления производства. Поэтому нами предложена методика расчета показателя уровня обобществленности производства.

На основе международной обобществленности производства возможно рассчитать уровень интегрированности производства, что, в свою очередь, дает возможность определить направление развития международной экономической интеграции.

Высокий показатель уровня интегрированности характеризует высокий уровень взаимодействия хозяйствующих субъектов (обобществленности производства), что является возможностью для дальнейшего развития интеграционных процессов. Если же показатель низок, то ответ на вопрос о возможности развития интеграции должен быть отрицательным.

Литература

1. Баласса, Б. Экономическая интеграция [Текст] / Б. Балласа // Экономическая теория [пер. с англ.]; под ред. Дж. Итуэлла. – М.: Милчейта: П. Ньюмена; М.: ИНФРА, 2004.

2. Бургонов, О. В. Единство противоположностей интернационализации мировой экономики [Текст] / О. В. Бургонов: дис. … д-ра экон. наук: 08.00.01. – СПб., 1999.

3. Бэттлер, А. Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее [Текст] / А. Бэттлер // МЭ и МО. – 2002. – № 1.

4. Иохин, В. Я. Экономическая теория [Текст] / В. Я. Иохин. – М.: Экономисть, 2004.

5. Козырская, И. Е. Международное разделение труда и интеграция национальных экономик [Текст] / И. Козырская. – Иркутск: ИГЭА, 2001.

6. Косолопов, Н. Глобализация: территориально-пространственный аспект [Текст] / Н. Косолапов // МЭ и МО. – 2005. – № 6.

7. Коротченя, И. М. Экономический союз суверенных государств: стратегия и практика становления [Текст] / И. Коротченя. – СПб.: СПбУЭФ, 1995.

8. Максимова, М. К вопросу об отечественной теории интеграции [Текст] / М. Максимова // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 6.

9. Пелькман, Ж. Европейская интеграция: экономический анализ [Текст] / Ж. Пелькман. – М., 2000. – С. 2

10. Шишков, Ю. В. Отечественная теория региональной интеграции [Текст] / Ю. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 4.

11. Шурубович, А. Некоторые теоретические аспекты экономического взаимодействия стран СНГ [Текст] / А. Шурубович. – М.: ЭПИКОН, 2000.

12. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия [пер. с англ.] / Й. Шумпетер. – М.: Экономика, 1995.

13. Хайек, Ф. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. Хайек. – М.: Изограф, 2000.

14. Фомишин, С. В. Международные экономические отношения / С. В. Фомишин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.

15. URL: http: / onlaine.rae.ru / scinces / 7 /year – 2009.

УДК 378:339.138

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЫПУСКНИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ С УЧЕТОМ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Е. А. Лысенко

COMPETENCE MODEL FORMING OF GRADUATING STUDENT WITH ECONOMIC PROFILE TAKING INTO ACCOUNT THE CRISIS PHENOMENON

E. A. Lisenko

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся формирования модели компетенций выпускников высших учебных заведений. Модель компетенций представляет собой сочетание личностных качеств выпускника и его профессиональных навыков. В статье отражены сравнительные результаты исследования тенденций на рынке труда России и региональном рынке труда. Также проведено сравнение компетенций, которые считают важными выпускники, с набором компетенций, важными с точки зрения работодателей.

In article the questions, concerning formations of model competence graduates of higher educational institutions are considered. The model competence represents a combination of personal qualities of the graduate and its professional skills. In article comparative results of research of tendencies are reflected in a labour market of Russia and a regional labour market. Also comparison competences which are considered important by graduates, with a set competence, important from the point of view of employers is spent.

Ключевые слова: компетенция, востребованность выпускников, рынок труда, адаптация специалиста, требования работодателей, построение карьеры.

Key words: competence, graduating students' demand, labour market, specialist's adaptation, employer's requirements, career building.

Главной целью учебного заведения является подготовка конкурентоспособных, высокопрофессиональных специалистов, которые будут востребованы на рынке труда.

Однако существуют проблемы, связанные с наличием следующих факторов:

– факторы, связанные с личностными качествами выпускника;

– факторы, связанные с его профессиональными качествами;

– факторы, связанные с ситуацией на рынке труда.

На рынке труда в связи с кризисными явлениями появились новые запросы и требования со стороны работодателей к специалистам, в том числе и к выпускникам, выходящим на рынок труда. Необходимо сказать о том, что произошло ужесточение требований в наибольшей степени к молодым специалистам. Ниже приведены результаты исследований тенденций, существующих на российском и локальном рынках труда.

Основные тенденции на российском рынке труда:

1. Трансформация рынка труда в «рынок работодателя».
2. Переизбыток кадров.
3. Массовые сокращения (строительство, финансовый сектор, металлургия) – в основном в регионах, где находятся градообразующие предприятия.
4. Минимум предложений.
5. Снижение уровня оплаты труда.

Основные тенденции на рынке труда Кемеровской области:

1. Массовые сокращения (филиалы компаний различных сфер деятельности, финансовый сектор, промышленность в целом, строительство, оптовая, розничная торговля) – около 39 % компаний (октябрь 2008 – февраль 2009).
2. Сокращение вакансий по средне- и высококвалифицированным работникам.
3. Снижение уровня оплаты труда.
4. Сокращение бюджетов на проведение обучения сотрудников.
5. Совмещение функциональных обязанностей, должностей.
6. Ужесточение требований к лояльности сотрудников и трудовой дисциплине.

В целом можно сделать вывод, что массовые сокращения коснулись как конкретных отраслей, так и определенных профессий и должностей, в частности, экономического профиля. С другой стороны, ощущается нехватка специалистов технических, технологических специальностей. Ситуация на локальном рынке труда (Кемеровской области) в целом вписывается в общероссийскую тенденцию, хотя есть ряд особенностей:

– волнообразные сокращения персонала;

– снижение активности работодателей в поиске персонала, рост активности ищущих работу («рынок работодателя»);

– появление предложений о приеме на работу на высшие должности со стороны предприятий малого, среднего бизнеса, которые ранее не могли себе позволить высокооплачиваемых специалистов;

– рост спроса на «нишевые» специальности, связанные с поиском антикризисных решений;

– снижение уровня оплаты труда, прежде всего за счет различных дополнительных льгот, бонусов и пр.

– совмещение обязанностей как один из способов экономии;

– ужесточение требований к работникам, в частности, к их лояльности (приверженности) компании.

Для адаптации молодого специалиста на рынке труда в таких непростых условиях необходимо сформировать набор компетенций, которые реализовали бы личностные и профессиональные качества выпускников в полной мере и отвечали бы ситуации на рынке труда.

Под **компетенцией** понимается:

– личностная способность специалиста решать определенный класс профессиональных задач;

– формализованные требования к личностным, профессиональным качествам сотрудников.

В первом случае существует связь с личностными особенностями выпускника; во втором случае речь идет об оценке персонала работодателем. В рамках статьи мы будем рассматривать первый аспект компетенции.

Модель компетенции, по нашему мнению, формируется под влиянием специального образования, профессиональных навыков, опыта работы и постоянного повышения квалификации.

Структура модели:

1. Специальное образование в виде знаний, получаемых напрямую.
2. Профессиональные навыки, приобретаемые путем выполнения проектных заданий, в процессе решения поставленных в процессе обучения задач.
3. Опыт работы – получаемый частично в процессе обучения, путем участия в разного рода проектах, исследований и т. д.
4. Постоянное повышение квалификации, что обусловлено требованиями к специалистам.

Нами было проведено пилотное исследование, касающееся компетенций выпускника экономического профиля (исследование проводилось на базе экономического факультета Кемеровского госуниверситета в 2009 г.). Исследование ставило целью выяснить, как сами обучающиеся оценивают важность для себя тех или иных компетенций, и как происходит переоценка важности компетенций, когда выпускник приступает к работе по своему профилю.

Был отобран перечень компетенций, проведена оценка их с позиции обучающихся на разных курсах вуза, а также с позиции выпускников. Компетенции необходимо было проранжировать по степени их важности (рис. 1, 2, 3).

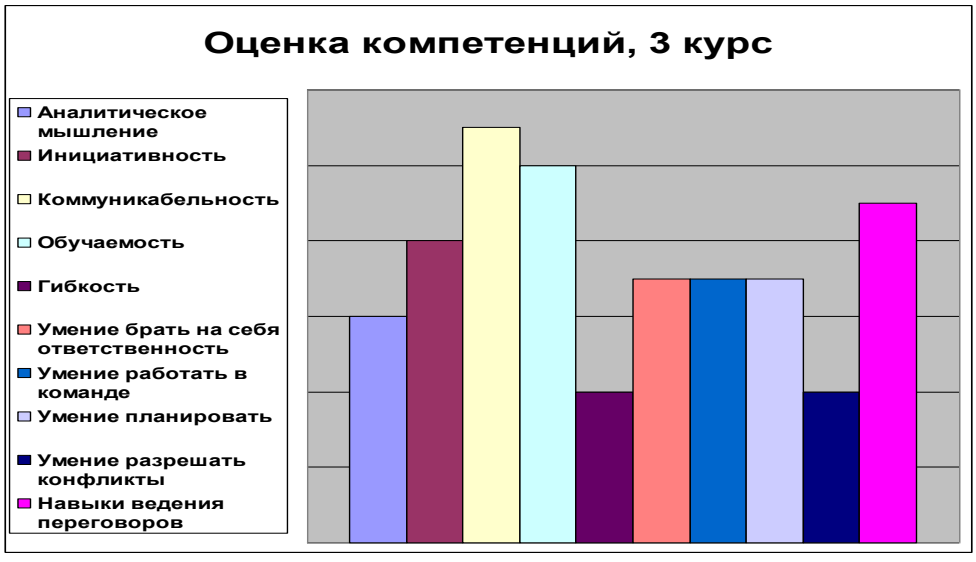


Рис. 1. ***Оценка компетенций по степени их важности для студентов 3 курса***

Таким образом, видно, что происходит трансформация степени важности компетенций. Обучаясь, студенты считают одними из важных качеств будущего специалиста коммуникабельность, обучаемость, навыки ведения переговоров. Однако в течение первых лет профессиональной деятельности на первый план выходят инициативность, аналитическое мышление, умение брать на себя ответственность и умение планировать.

Также были исследованы мнения по поводу влияния обучения в высшем учебном заведении на процесс формирования компетенций. Наибольшее влияние обучение оказывает на формирование таких компетенций, как умение работать в команде, коммуникабельность, аналитическое мышление.

Необходимо, чтобы представления выпускников о необходимых им компетенциях совпадало с мнением работодателей. В этой связи было проведено сравнение мнений выпускников и работодателей в части развития высшего образования, ключевых компетенций, характеристик для построения карьеры.

Тенденции развития высшего образования в России с точки зрения требований работодателей

(по данным исследования мнений работодателей 2005 – 2008 гг.):

1. Усиление практической направленности (узкая специализация и приобретение научных навыков).
2. В отраслевом аспекте: мобильность, обучаемость, готовность к любым формам работы; специализация, углубление, практические навыки.
3. В региональном аспекте: знание специфики региона

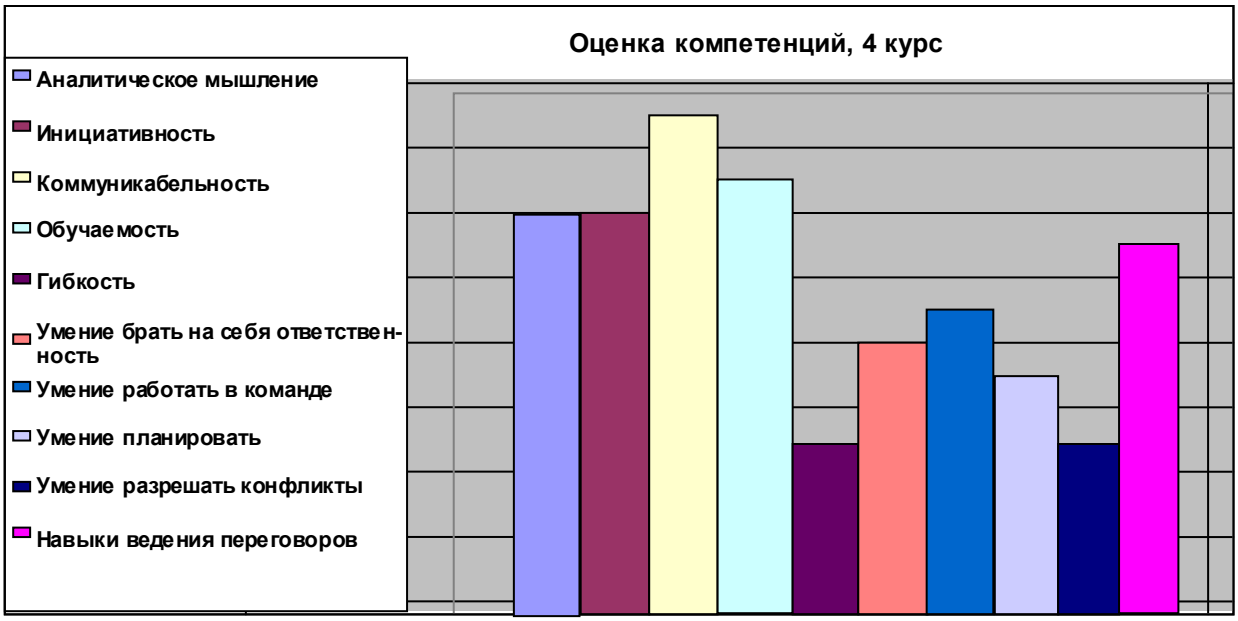


Рис. 2. ***Оценка компетенций по степени их важности для студентов 4 курса***

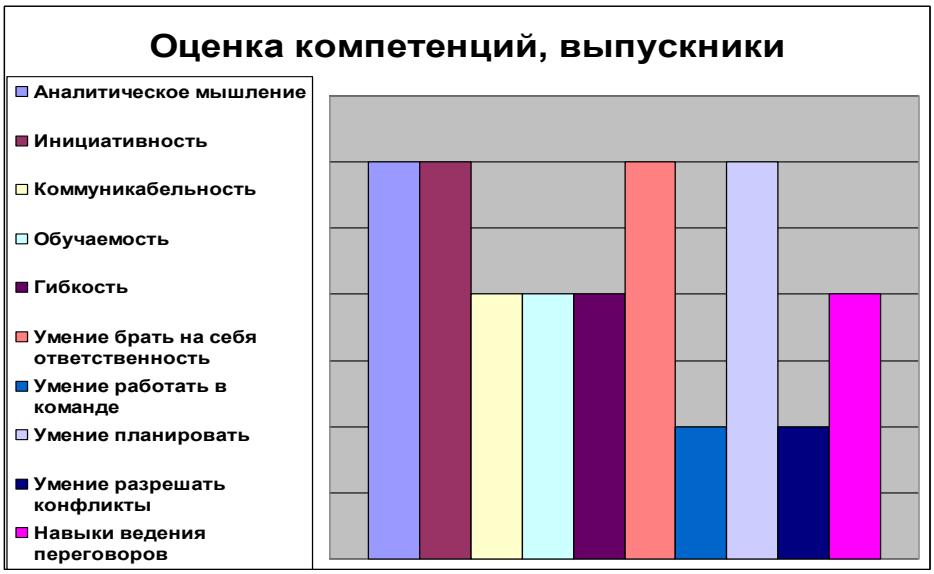


Рис. 3. ***Оценка компетенций по степени их важности для выпускников***

Рейтинг характеристик для построения карьеры

(с данными исследования мнений работодателей, 2005 – 2008 гг.):

1. Специальная профессиональная подготовка.
2. Умение применять на практике полученные знания, обрабатывать большие массивы информации (**аналитическое мышление**).
3. Личные качества: **коммуникабельность, инициативность.**
4. **Умение работать в команде.**
5. Нацеленность на карьеру, целеустремленность, адекватность самооценки.
6. Практический и проектный опыт, полученный во время обучения.

7. Базовые знания компьютерных программ и умение ими пользоваться.
8. Знание иностранного языка.
9. Вуз /факультет/, который окончил выпускник.
10. «Красный» диплом, отличная учеба в вузе.

Требования работодателей (Кемеровская область):

- **инициативность;**
- **умение брать на себя ответственность;**
- умение делиться знаниями и опытом;
- лояльность к компании;
- стремление к саморазвитию, совпадающему с развитием компании;
- **умение работать в команде;**
- ориентация на результат;
- работоспособность;
- стрессоустойчивость;
- креативность;
- дисциплинированность;
- уверенность в себе;
- **коммуникабельность;**
- **обучаемость** (внутренняя потребность в обучении);
- оперативность;
- положительный настрой.

Таким образом, видно, что некоторые компетенции, отмеченные обучающимися и выпускниками, также важны и для работодателя. Однако есть и такие компетенции, которые не попали в поле зрения выпускников и обучающихся, то есть существует расхождение между реальной ситуацией на рынке труда и подготовкой кадров. В этой связи работа по формированию гибкой модели компетенций представляется одним из важных направлений деятельности образовательного учреждения.

В заключение необходимо сказать о том, что на данный момент у выпускников, в силу сложившейся ситуации на рынке труда, есть определенные возможности, которые позволят им стать более востребованными:

- снижение уровня собственных запросов и ожиданий;
- активная позиция в поиске работы;
- использование своих сильных сторон;
- повышение уровня профессионализма (дополнительное образование, наработка опыта);
- мобильность.

Таким образом, в рамках вуза можно обеспечить формирование определенных компетенций, касающихся как личностных, так и профессиональных характеристик. Учреждения высшего профессионального образования не должны оставаться в стороне от процесса формирования модели компетенций, исходя из профиля специальности, а также участвовать в адаптации выпускника на рынке труда.

УДК 316.334; 330.341.2; 330.387

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ «ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ» В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

К. С. Саблин

FORMING OF REGIONAL "INSTITUTES OF DEVELOPMENT" IN ECONOMICS OF RUSSIA: PUTTING OF RESEARCHING PROBLEM

K. S. Sablin

Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (г/к № П 1893 от 28.10.2009 г.)

В статье ставится исследовательская проблема формирования региональных «институтов развития» в российской экономике. Предлагаются методологическая база для проведения исследования и возможные варианты становления «институтов развития», учитывающих особенности институциональной среды российской экономики и неоднородность субъектов Федерации.

The article is devoted to the research problem setting of regional «developmental institutions» formation in the Russian economy. Methodological base to conduct research and available variants to establish «developmental institutions» are proposed. It is supposed that «developmental institutions» should take into account the peculiarities of the Russian economy institutional environment and extreme differentiation of the Russian regions.

Ключевые слова: неоинституционализм, теория общественного выбора, региональные «институты развития», политический рынок, группы специальных интересов, статусная (бюрократическая) рента.

Key words: neo-institutionalism, theory of social choice, regional "institutes of development", political market, groups of special interests, status (bureaucratic) rent.

Введение

До настоящего времени эффективность функционирования отечественного хозяйства определялась экспортно-сырьевой моделью, которая основывалась на относительно низких ценах на природные ресурсы (газ, нефть, древесина, металлы) внутри страны при высоких ценах на сырье на мировых рынках, наличии незагруженных производственных мощностей, ресурсе квалифицированной и относительно дешевой рабочей силы. Однако исчерпание резервов свободных производственных мощностей и инфраструктурные ограничения роста новых производств, удорожание рабочей силы и недостаточная мобильность квалифицированных кадров с соответствующими последствиями (например, массовая депрофессионализация населения, утрата выгод от сделанных ранее образовательных инвестиций, общее снижение качества профессионального образования), усиление конкуренции на мировом и внутренних рынках товаров и услуг привели к тому, что дальнейшее развитие российской экономики за счет экстенсивной эксплуатации прежних экономических ресурсов стало практически невозможным.

В этой связи одним из аспектов модернизации отечественной экономики должно стать укрепление конкурентоспособности, которая является источником устойчивого экономического развития. Критическое значение для конкурентоспособности имеет скорость внедрения инноваций и освоение новых технологий. При этом вмешательство государства необходимо для формирования институтов, стимулирующих инновационную активность предпринимателей. Успешными образцами реализации подобного стимулирования являются «институты развития» экономики в зарубежных странах, например: Фонд Чили (Fundacion Chile), Венчурная программа Yozma (Израиль), Финский национальный фонд развития и исследований (SITRA), Корейский Институт развития (Korean Development Institute), Научный фонд Ирландии (Science Foundation Ireland). Однако во многих случаях успешные институциональные решения оказываются уникальными для той или иной страны. В этом контексте для России существенным является вопрос: какой должна быть национальная модель механизма запуска инновационного развития экономики.

Россия – страна с исторически сложившейся пространственной социально-экономической дифференциацией, которая предопределяет: (1) разные возможности для экономического развития регионов; (2) сегментированную институциональную среду, т. е. вариацию множеств фундаментальных политических, социальных и юридических основополагающих правил, которые регулируют экономическую и политическую деятельность в том или ином субъекте федерации; (3) локализованные институциональные соглашения, т. е. различные соглашения между экономическими единицами того или иного региона, которые регулируют способы координации или конкуренции этих единиц [5, с. 83]. При этом в межрегиональных отношениях ключевым становится проведение региональными властями институциональных изменений, благоприятных для ведения предпринимательской деятельности и привлечения инвестиций, поскольку регионы находятся в более жестких условиях, чем Центр, и испытывают давление как «по вертикали» – со стороны федеральных властей, так и «по горизонтали» – со стороны соседних территорий (республик, областей, краев).

Подобная особенность проявляется в крайней политической, экономической и ресурсной неоднородности субъектов Федерации и предопределяет формирование разнообразных «институтов развития» в российской экономике. Представляется, что региональный уровень может выступить в качестве экспериментальной «площадки», где будут осуществляться отбор и адаптация наиболее успешных образцов. Конкуренция между территориями за создание лучших институциональных условий благоприятствует процессу генерирования инноваций и экспериментированию с различными возможностями решения институциональных проблем (в данном случае интересен опыт Китая, когда институты «проходят» адаптацию сначала на локальном уровне, чтобы затем быть реализованными в общегосударственном масштабе) [1, с. 40].

Определение «институтов развития»

Особый интерес представляет проблема определения «институтов развития» экономики. Согласно данным национального доклада «Инновационное развитие – основа модернизации экономики России», институтом развития может быть любая социально обусловленная структура (инструмент, механизм), снижающая неопределенность в системе и стимулирующая более эффективную экономическую деятельность. При этом данная структура способна оказать позитивное влияние на экономический рост только при соответствии институциональной среды сложившемуся культурно-историческому и политическому контексту. В более узком понимании «институты развития» – это отдельные организации и процедурные механизмы. Таким образом, данные институты являются элементом среды и одновременно инструментом государственной политики развития [3, с. 87 – 88].

По нашему мнению, «институты развития» можно рассматривать как в *узком*, так и в *широком смысле*. В узком смысле «институты развития» предстают как организационно-экономические структуры (региональные венчурные фонды, фонды развития регионов, технопарки, промышленные парки, гарантийно-залоговые фонды) с жесткой внутренней структурой, являющиеся ключевым элементом создаваемой инновационной инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

В широком смысле мы определяем «институты развития» как новые «правила игры», по которым взаимодействуют представители государственного аппарата и частнопредпринимательского сектора (при этом данные «правила» могут быть как формальными, так и неформальными). В этом случае «институты развития» выступают в качестве важнейшего элемента институциональной среды того

или иного региона, которые призваны предоставить предпринимателю - инноватору прибыль, недостижимую в старой институциональной структуре [9, с. 6].

Методология исследования процесса становления региональных «институтов развития»

Исследование процесса формирования региональных «институтов развития» проводится в рамках неоинституционального направления экономической теории и исходит из его методологических основ. Неоинституционализм опирается на принцип *«методологического индивидуализма»*, который признает реально действующими участниками социального процесса не группы или организации, а **индивидов**. Согласно этому принципу, коллективные общности (например фирмы или государство) не обладают самостоятельным существованием, отдельным от составляющих их членов, и поэтому должны объясняться с точки зрения *целенаправленного поведения* отдельных индивидов (например чиновников, образующих бюрократический аппарат, или предпринимателей, которые руководят фирмами). Как отметил Л. фон Мизес: «Думает только индивид. Рассуждает только индивид. Только индивид действует. Для коллективных форм нет иной реальности, кроме действий индивидов как членов общества» [6, с. 11 – 12].

Поведенческие предпосылки неоинституционального анализа выражают понятия *ограниченной рациональности* и *оппортунистического поведения*. Знания, которыми располагают люди, всегда неполны, их счетные и прогностические способности не беспредельны, поэтому для совершения логических операций требуются время и усилия. В связи с этим решения экономических агентов являются рациональными лишь до известных пределов, которые задаются неполнотой доступной им информации и ограниченностью их интеллектуальных возможностей. Иными словами, возможность человека решать сложные задачи и объем средств, которые нужно мобилизовать для их решения, зависят от эффективности использования человеческого интеллекта, который является ограниченным ресурсом [12, с. 33].

Оппортунистическое поведение определяется как «преследование собственного интереса, доходящее до вероломства» и к нему относятся любые формы обмана (ложь, воровство, мошенничество) и нарушения взятых на себя обязательств [15, с. 688]. В общем случае оппортунизм означает предоставление неполной или искаженной информации, особенно в случаях введения в заблуждение или сокрытия информации. Отметим, что один из факторов возникновения оппортунизма – ограниченная рациональность участников взаимодействия, из-за которой они не в состоянии в полной мере предугадать поведение партнеров.

Базовыми моделями исследования являются модели политического и институционального рынков, поскольку они могут выступать в качестве альтернативных механизмов формирования региональных «институтов развития» в российской экономике. При этом различия между механизмами политического и институционального рынков сводятся к тому, что через политический рынок вводятся (или запускаются) правила, результаты использования которых хозяйствующими субъектами приносят ту или иную выгоду игрокам политического рынка, в то время как на институциональном рынке имеют хождение (используются) правила экономического поведения, результаты следования которых оцениваются как выгодные самим хозяйствующим субъектам. Поэтому на этапе распространения («вживления», «укоренения») нового института важно выделить два механизма: государственное принуждение к использованию, предполагающее выбор нового института через механизм политического рынка, и добровольное принятие хозяйствующими субъектами нового правила через механизм рынка институтов [14, с. 49].

Запуск институциональных инноваций через механизм политического рынка является *централизованным* в силу того, что государство (в лице Федерального центра), взаимодействуя с группами специальных интересов (как правило, это крупные компании, тяготеющие к монополии или олигополии), формулирует правила поведения для экономических агентов, исходя из своих предпочтений. В противоположность к данному механизму, институциональный рынок представляет собой «площадку», на которой происходит непрерывный *децентрализованный* процесс выбора экономическими агентами различных форм институтов – норм и правил ведения ими своей хозяйственной деятельности.

В рамках неоинституционализма исходной точкой в исследовании является теория общественного выбора. В формировании региональных «институтов развития» экономики заинтересованы как государственные органы власти, так и частные хозяйствующие субъекты. Данная теория исходит из того положения, что нет непреодолимой грани между политикой и бизнесом. Политика принятия экономических решений рассматривается как процесс торга между различными заинтересованными группами. Иными словами, теория изучает различные способы и методы, посредством которых люди используют правительственные учреждения в собственных интересах. Государство является «площадкой» для конкуренции хозяйствующих субъектов за влияние на принятие решений, за доступ к распределению ресурсов, за правительственные привилегии, за позицию (положение) на иерархической лестнице, которая дает возможность извлекать бюрократическую (статусную) ренту [2, с. 207 – 445; 4; 7, с. 69 – 81].

В рамках теории общественного выбора применяются теория рентоориентированного поведения, теория бюрократии (экономика бюрократии) и теория коллективного действия. Распределительные коалиции («перераспределительные синдикаты») сокращают потенциал общества для распространения новых технологий и инноваций, снижая темп экономического роста. Извлечение политической и бюрократической ренты может привести к сниже-

нию эффективности внедрения институциональных нововведений [10, с. 111; 13, с. 201 – 204].

Возможные варианты становления «институтов развития» в российской экономике

В силу неоднородности экономического пространства России и сложившихся политических и культурно-исторических традиций, мы выделяем два возможных варианта становления «институтов развития» в российской экономике:

1) централизованный,

2) децентрализованный.

Централизованному варианту характерна доминирующая роль Федерального центра, который берет на себя ответственность за проведение модернизации национальной экономики. Он формирует общенациональные (федеральные) «институты развития», например: ОАО «Российская венчурная компания», ГК «Российская корпорация нанотехнологий», Инвестиционный фонд РФ, ОАО «Особые экономические зоны» др., которые аккумулируют средства для реализации крупных инфраструктурных проектов. Их основными задачами являются: стимулирование инноваций, содействие несырьевому экспорту, сокращение региональных диспропорций, развитие аграрного сектора и др. Инструментами реализации активной структурной политики также являются федеральные и ведомственные целевые программы, стратегии развития ключевых отраслей промышленности и «национальные проекты». Однако *отсутствие* конкретных *механизмов партнерства* между государством и бизнесом, а также заведомо неравные их позиции на федеральном уровне могут породить риск того, что государство само будет выбирать проекты и назначать тех, кто будет эти проекты финансировать и реализовывать.

Эффективность подобного варианта ставится под сомнение в силу нескольких причин: непрозрачность государственных корпораций, возможность получения ресурсов не самыми эффективными хозяйствующими субъектами через механизм политико-бюрократического рынка, сильная зависимость от мировой конъюнктуры, стремление федеральных чиновников извлечь бюрократическую ренту. Сохранение неконкурентной экономической и политической среды способствует тому, что крупные компании, заняв доминирующие позиции, могут также извлекать ренту из своего «статуса» или доли на рынке, закрывать доступ к ресурсам для потенциальных конкурентов.

В силу разнообразия условий, в которых находятся субъекты Федерации, происходит формирование разнообразных «институтов развития» экономики. Данное предположение обосновывает второй возможный вариант становления «институтов развития».

Децентрализованный вариант является многоуровневым и исходит из разграничения (децентрализации) полномочий центра и регионов, их целевых функций и формирования сети «институтов развития»:

1) федеральный уровень определяет приоритетные направления развития национальной экономики, создавая комплекс финансовых (Инвестиционный фонд, ОАО «Российская венчурная компания», ГК «Банк развития» и др.) и нефинансовых (ОАО «Особые экономические зоны», центры трансфера технологий, «центры превосходства» и др.) «институтов развития», которые выполняют координирующую (вспомогательную), а не основополагающую (доминирующую) роль;

2) региональный уровень «институтов развития» экономики (например, гарантийные фонды, региональные венчурные фонды, фонды прямых инвестиций, технопарки, промышленные парки и др.) основывается на *конкуренции* между территориями.

Региональный уровень предполагает конкурентное взаимодействие территорий, которое в будущем может трансформироваться в конкуренцию самих «институтов развития» на институциональном рынке. В условиях подобного конкурентного рынка среда заставляет хозяйствующих субъектов искать способы снижения издержек или поиска новых рыночных ниш, тем самым подталкивая их к инновациям. До тех пор, пока эти нововведения не будут переняты другими участниками рынка, их инициаторы могут рассчитывать на получение инновационной ренты, стимулирующей дальнейшую разработку новых продуктов. При этом речь идет не только о технологических, но и об организационно-управленческих инновациях. Подобные нововведения тесно связаны с накоплением специфических знаний, например в рамках человеческого и культурного капитала, и возможны в любых секторах экономики (*культурный капитал* представляет собой совокупность накопленных практических знаний, позволяющих предпринимателю распознавать стратегии и принципы действия других хозяйствующих субъектов, а *человеческий капитал* – это совокупность накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации) [11, с. 24 – 26]. При этом региональные власти способны оказать организационную и политико-правовую поддержку крупным компаниям, способным укрепить конкурентоспособность не только отдельной территории, но и национальной экономики в целом.

Отметим, что, помимо возможности извлечения инновационной ренты предпринимателями «шумпетерианского» типа, существует риск того, что региональные чиновники, политики и «рентоориентированные» предприниматели смогут извлечь политическую и бюрократическую ренту.

Предпосылки извлечения политической ренты возникают в тех случаях, когда отдельный участник рынка через взаимодействие с региональной администрацией может искусственно ограничивать доступ на локальный рынок для новых экономических агентов и получать ресурсы, не соответствующие его уровню экономической эффективности. Подобное доминирование стремлений к извлечению политической ренты приведет к общему падению эффективности системы перераспределения ресурсов на макроуровне. Данный кризис может открыть возможности для продвижения более эффективных экономических агентов, однако существует вероят-

ность того, что система снова вернется в состояние «плохого равновесия». Поэтому для того, чтобы она вышла из «порочного круга», необходимо стимулировать формирование институтов и механизмов, поддерживающих конкуренцию и инновации. При этом возможны различные варианты возникновения новых институтов в результате столкновения новых и старых, формальных и неформальных правил.

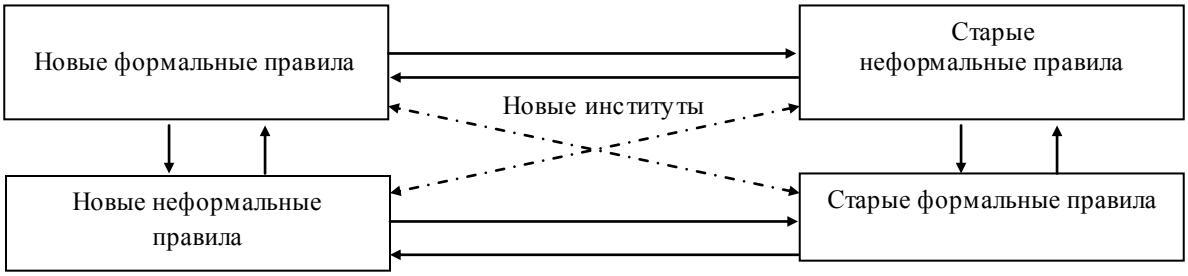


Рис. 1. ***Новые институты как результат столкновения новых и старых*** **правил** [8, с. 29]

Одними из таких институтов могут стать региональные «институты развития» национальной экономики. Они выступают как некоммерческие структуры (классический пример), которые привлекают федеральные ресурсы (здесь проявляется вспомогательная роль федеральных финансовых «институтов развития») для поддержки территориальных (республиканских, краевых, областных) инновационных проектов развития. В данном случае основная проблема заключается в налаживании трехсторонней связи между региональным и федеральным уровнями власти, а также предпринимательским сообществом того или иного субъекта Федерации. В целом, как показывает международный опыт, успешными оказываются «институты развития» экономики, в которых: (1) доля государства не превышает 40 – 50 %; (2) существует прозрачная схема управления данными «институтами»; (3) государство играет роль субъекта, дающего первоначальный импульс для дальнейшего развития.

Представляется, что следующие элементы являются определяющими для формирования региональных «институтов развития»:

– институциональный потенциал, который раскрывает степень развития ведущих институтов рыночной экономики территорий, а также качество «правил игры», в соответствии с которыми строятся взаимоотношения между основными участниками процесса становления региональных «институтов развития» в российской экономике;

– инновационный потенциал, т. к. «институты развития» рассматриваются как неотъемлемый элемент формирующейся модели экономического развития, основанной на технологических, организационных и институциональных инновациях;

– инфраструктурный потенциал, поскольку становление региональных «институтов развития» обусловлено особенностями экономического пространства России, и экономико-географическое положение территорий может выступить в качестве одного из источников модернизации национальной экономики.

Выводы

При формировании «институтов развития» экономики необходимо учитывать их особенность: институциональные изменения (трансформации) очень длительны по времени. Нельзя будет также избежать рисков при «выращивании» новых инновационных бизнесов – вместо эффективного государственного стимулирования может возникнуть желание извлечь политическую ренту. Более того, активное использование административного капитала в частных целях как инструмента извлечения политической ренты может усилить переговорные позиции отдельных групп интересов, участвующих в процессе формирования региональных «институтов развития», на политико-бюрократическом рынке.

Литература

1. Айхелькраут, С. Институты, инновации и экономическая политика [Текст] / С. Айхелькраут // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2009. – Т. 1. - № 1. – С. 36 – 43.

2. Бьюкенен, Дж. Сочинения [Текст]. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. / Фонд экономической инициативы; Дж. Бьюкенен. – М.: Таурус Альфа, 1997. – 560 с.

3. Инновационное развитие – основа модернизации экономики России [Текст]: национальный доклад. – М.: ИМЭМО РАН, ГУ ВШЭ, 2008. – 168 с.

4. Кордонский, С. Теневая экономика в теневом обществе [Текст] / С. Кордонский // Пределы власти. – 1994. – № 4.

5. Левин, С. Н. Конструирование конституционных правил в транзитивной экономике России: взгляд из региона [Текст] / С. Н. Левин // Постсоветский институционализм – 2007: варианты институционального развития России: предпосылки,

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Антипов Александр Геннадьевич - доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ **89**

e-mail: sante3@yandex.ru
тел.:.8(3842) 58-27-45

Балабаева Наталья Алексеевна - психолог социологической лаборатории КемТИПП **53**

тел.:.8(3842) 73-40-72

Белогай Ксения Николаевна - кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ **60**

тел.:. 8(3842)58-12-90

Блинова Нина Геннадьевна - кандидат биологических наук, профессор кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ **87**

e-mail: valeol@kemsu.ru
тел.:.8(3842) 58-35-15

Блинова О. И. - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ТГУ **47**

e-mail: blinova_11@mail.ru
тел.:. 8(3822) 53-40-77

Бобнихов А. И. - аспирант института развития образовательных систем Российской академии образования, начальник военной кафедры № 2, ТГУ **28**

тел.:.8(3832) 41-12-01

Булгакова Ольга Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ **93**

e-mail: kafritor2005@yandex.ru
тел.:. 8(3842) 58-27-45

Булгакова Ольга Николаевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры аналитической химии КемГУ **32**

e-mail: chemdek@kemsu.ru
тел: 8(3842) 58-06-05

Бушев А. Б. - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тверь **96**

e-mail: alex.bouchev@list.ru

Варич Лидия Александровна - кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ **47**

e-mail: valeol@kemsu.ru
тел.:. 8(3842) 58-35-15

Васина Евгения Владимировна - специалист лаборатории развития личности ЦДП КемГУ **47**

e-mail: fdp@kemsu.ru
тел.:. 8(3842) 58-05-96

Воротилов А. А. - аспирант Института угля и углехимии СО РАН **21**

e-mail: zee2006@inbox.ru
тел.:.8(3842) 54-27-70

Галаганова Людмила Егоровна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ **36**

e-mail: lexis@kemsu.ru
тел.:.8(3842) 58-3397

Губкина Людмила Михайловна - соискатель кафедры культурологи КемГУКИ **15**

тел.:. 8(3842) 64-30-31

Денисов Виктор Яковлевич - доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой органической химии КемГУ **141, 144**

e-mail: chemdek@kemsu.ru
тел: 8(3842) 58-06-05

Ефремова Галина Викторовна - кандидат биологических наук, доцент, декан биологического факультета КемГУ **5**

e-mail: efremova@kemsu.ru

тел: 8(3842) 58-01-66

Зеленский Евгений Евгеньевич - кандидат физико-математических наук, доцент кафедры вычислительной математики КемГУ **21**

e-mail: zee2006@inbox.ru
тел.:.8(3842) 54-27-70

Зобова Людмила Львовна *e-mail: ecos@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-31-97*	- доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории КемГУ	**155**
Зубко Кирилл Сергеевич *e-mail: efremova@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-07-46*	- инженер кафедры зоологии и экологии КемГУ	**5**
Иванова Наталья Владимировна *e-mail: chemdek@kemsu.ru* *тел: 8(3842) 58-06-05*	- кандидат химических наук, доцент кафедры аналитической химии КемГУ	**32**
Ильичева Неля Ивановна. *e-mail: lexis@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-3397*	- доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ	**36**
Калягин Юрий Сергеевич *e-mail: efremova@kemsu.ru* *тел.:8(3842) 58-07-46*	- кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии КемГУ	**5**
Кишина Елена Валерьевна *e-mail: kishina@mail.ru* *тел.:.8(3842) 58-27-45*	- кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка КемГУ	**99**
Ковтун Любовь Онуфриевна *e-mail: bgd.kemsu@mail.ru* *тел.:.8(3842) 58-05-00*	- старший преподаватель межфакультетской кафедры безопасности жизнедеятельности КемГУ	**147**
Корнев Евгений Сергевич *тел.:.8(3842) 54-33-90*	- кандидат физико-математических наук, ведущий инженер кафедры матанализа КемГУ	**25**
Коротких Геннадий Иванович *e-mail: korotkih@kemsu.ru*	- кандидат филологических наук, доцент межфакультетской кафедры иностранных языков КемГУ	**131**
Коротких Галина Ивановна. *тел.:.8(3842) 58-34-97*	- старший преподаватель кафедры английской филологии № 2 факультета романо-германской филологии КемГУ	**131**
Костюченко Тамаря Яковлевна *e-mail: tamara@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-34-97*	- кандидат культурологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ	**44**
Кочетова И. В. *e-mail: irinka@yandex.ru*	- аспирант ТГУ	**103**
Кошко Наталья Николаевна *e-mail: fdp@kemsu.ru* *тел.:. 8(3842) 58-05-96*	- специалист лаборатории развития личности ЦДП КемГУ	**47**
Красиков Владимир Иванович *e-mail: krasikov1958@yahoo.com* *тел.:.8(3842) 72-77-75*	- доктор философских наук, профессор межфакультетской кафедры философии КемГУ	**135**
Лежнина Галина Викторовна *e-mail: lexis@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-3397*	- старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ	**36**
Лесникова Светлана Леонидовна *e-mail: fdp@kemsu.ru* *тел.:. 8(3842) 58-05-96*	- кандидат педагогических наук, доцент, зав. лабораторией развития личности ЦДП КемГУ	**47**
Леухова Мария Геннадьевна *e-mail: fdp@kemsu.ru* *тел.:. 8(3842) 58-05-96*	- кандидат исторических наук, доцент, директор Центра довузовской подготовки КемГУ	**47**
Лысенко Елена Александровна *e-mail: economfakultet@kemsu.ru* *тел.:.(3842) 36-85-02*	- старший преподаватель кафедры маркетинга КемГУ	**159**

Макарчева Елена Борисовна *тел.:.8(3843) 74-46-78*	- кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Новокузнецкого филиала-института КемГУ, г. Новокузнецк	**10**
Марченкова Е. Г. *e-mail: spf@kemsu.ru* *тел.:. 8(3842) 58-12-90*	- аспирант кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	**60**
Маслова Елена Аркадьевна *тел.:. 8(3842) 73-40-72*	- инженер социологической лаборатории КемТИПП	**53**
Михайлов Юрий Иннокентьевич *e-mail: itk@historu.kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-05-87*	- доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры КемГУ	**15**
Михайлова Валентина Платоновна *e-mail: psychology@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-38-38*	- кандидат психологических наук, доцент межфакультетской кафедры психологии КемГУ	**53**
Мурышкин Дмитрий Леонидович *e-mail: murdl@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-07-55*	- кандидат химических наук, доцент кафедры органической химии КемГУ	**141**
Мухамедиева С. А. *e-mail: ecos@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-31-97*	- старший преподаватель кафедры экономической теории КемГУ	**155**
Николаева Евгения Александровна *тел.:.8(3842) 58-31-95*	- аспирант кафедры теоретической физики КемГУ	**83**
Овчарова Лариса Германовна *e-mail: bgd.kemsu@mail.ru* *тел.:.8(3842) 58-05-00*	- старший преподаватель межфакультетской кафедры безопасности жизнедеятельности КемГУ	**147**
Осборн О. *e-mail: oosborne@mail.ru*	- доктор филологических наук, профессор, университет Нового Южного Уэльса, Сидней, Австралия	**107**
Поплавной Анатолий Степанович *e-mail: popl@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-31-95*	- доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики КемГУ	**83**
Порхачева Любовь Васильевна *e-mail: phil@kemtipp.ru* *тел.:.8(3842) 73-41-83*	- кандидат исторических наук, доцент кафедры философии КемТИПП	**53**
Пыхтина Т. Л. *тел.:.8(3842) 58-27-45*	- студентка 2 курса филологического факультета КемГУ	**99**
Рабкина Надежда Владимировна *e-mail: modesta@kemsity.ru* *тел.:.8(3842) 58-34-97*	- ассистент кафедры английской филологии №1 КемГУ	**124**
Ревенко И. В. *e-mail: inna.revenko@mail.ru*	- кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Красноярск	**111**
Ростова Алевтина Николаевна *e-mail: rosrov@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-27-45*	- доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ	**114**
Ростова Наталья Николаевна *e-mail: naniros11@rambler.ru* *тел.:.8(3842) 73-27-11*	- кандидат философских наук, доцент кафедры социологии КГМА	**117**
Саблин Кирилл Сергеевич *e-mail: ecos@kemsu.ru* *тел.:.8(3842) 58-31-97*	- аспирант межфакультетской кафедры экономической теории КемГУ	**162**
Сарамотина Л. Х. *e-mail: l.saramotina@yandex.ru*	- студента 5 курса филологического факультета КемГУ	**122**

тел.:.8(3842) 58-27-45

Семенкова Татьяна Николаевна - кандидат педагогических наук, доцент, проректор КемГУ по довузовскому образованию и работе с филиалами **47**

e-mail: vik@kemsu.ru
тел.: 8(3842) 58-33-98

Силинин Антон Владимирович - кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики КемГУ **83**

e-mail: silinin@kemsu.ru
тел.:.8(3842) 58-31-95

Стукалова Е. В. - аспирант кафедры органической химии КемГУ **144**

e-mail: chemdek@kemsu.ru
тел: 8(3842) 58-06-05

Табакаева Людмила Михайловна - кандидат медицинских наук, доцент межфакультетской кафедры безопасности жизнедеятельности КемГУ **150**

e-mail: bgd.kemsu@mail.ru
тел.:.8(3842) 58-05-00

Тиунова Светлана Павловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии №1 КемГУ **124**

e-mail: Rosalina@gmail.ru
тел.:.8(3842) 58-34-97

Ткаченко Татьяна Борисовна - кандидат химических наук, доцент кафедры органической химии КемГУ **141**

e-mail: chemdek@kemsu.ru
тел: 8(3842) 58-06-05

Трофимова И. В. - аспирант межфакультетской кафедры безопасности жизнедеятельности КемГУ **150**

e-mail: bgd.kemsu@mail.ru
тел.:.8(3842) 58-05-00

Трубина А. А. - аспирант Московского государственного университета **19**

Устюганов А. А. - аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ **69**

e-mail: spf@kemsu.ru
тел.:.8(3842)58-12-90

Фалилеев Вячеслав Васильевич - кандидат философских наук, доцент кафедры социальной педагогики КемГУКИ **74**

e-mail: SP@kemguki.ru
тел.:. 8(3842) 35-80-15

Халфина Полина Даниловна - старший преподаватель кафедры аналитической химии КемГУ **32**

e-mail: chemdek@kemsu.ru
тел: 8(3842) 58-06-05

Хорошилова Лилия Семеновна - доктор географических наук, заведующая межфакультетской кафедрой безопасности жизнедеятельности КемГУ **150**

e-mail: bgd.kemsu@mail.ru
тел.:.8(3842) 58-05-00

Черева Татьяна Николаевна - соискатель межфакультетской кафедры психологии КемГУ **79**

e-mail: ahl_nb@kemsu.ru
тел.: 8(3842) 58-14-26

Чуйкова Татьяна Влаимировна. - кандидат химических наук, доцент кафедры органической химии КемГУ **141, 144**

e-mail: chemdek@kemsu.ru
тел: 8(3842) 58-06-05

Шрайбман Галина Николаевна - кандидат химических наук, доцент кафедры аналитической химии КемГУ **32**

e-mail: chemdek@kemsu.ru
тел: 8(3842) 58-06-05

Щитова Н. В. - аспирант Томского государственного университета **128**

e-mail: partiZZanka@sibmail.ru

AUTHORS OF THE EDITION

Antipova A. G.	- the doctor of science-philology, professor of the stylistics and rhetoric chair, KemSU	**89**
Balabaeva N. L.	- the psychologist of the sociological laboratory , KemTIFI	**53**
Belogay K. N.	- the candidate of science-psychology, associate professor of the general psychology and the psychology development chair, KemSU	**60**
Blinova N. G.	- the candidate of science-biology, professor of the human and animals' physiology and valeology chair, KemSU	**87**
Blinova O. I.	- the doctor of science-philology, professor of Russian language chair, TSU	**47**
Bobnichov A. I.	- the post-graduate student of the educational systems development of Russian Academy of Education, head of the military chair № 2, TSU	**28**
Bulgakova O. A.	- the candidate of science-philology, associate professor of the stylistics and rhetoric chair, KemSU	**93**
Bulgakova O. N.	- the candidate of science-pedagogics, associate professor of the analytical chemistry chair, KemSU	**32**
Bushev A. B.	the candidate of science-philology, associate professor of humanitarians, Tver	**96**
Chereva T. N.	- the post-graduate student of inter-department chair of psychology, KemSU	**79**
Chuykova T. V.	- the candidate of science-chemistry, associate professor of the organic chemistry chair, KemSU	**141, 144**
Denisov V. Ya.	- the doctor of science-chemistry, professor, head of the organic chemistry chair, KemSU	**141, 144**
Efremova G. V.	- the candidate of science-biology, associate professor, dean of biological department, KemSU	**5**
Falileev V. V.	- the candidate of science-philosophy, associate professor of the social pedagogics chair, KemSUC&A	**74**
Galaganova L. E.	- the candidate of science-pedagogics, associate professor of the foreign languages chair of history and international relations department, KemSU	**36**
Gubkina L. M.	- the post-graduate student of the culture chair, KEMSUC&A	**15**
Halfina P. D.	- the assistant professor of the analytical chemistry chair, KemSU	**32**
Horoshilova L. S.	- the doctor of science-geography, head of inter-department chair of vital activity safety, KemSU	**150**
Ilyicheva N. I.	- the associate professor of the foreign languages chair of history and international relations department, KemSU	**36**
Ivanova N. V.	- the candidate of science-chemistry, associate professor of the analytical chemistry chair, KemSU	**32**
Kalyagin Yu. S.	- the candidate of science-biology, associate professor of the zoology and ecology chair, KemSU	**5**
Kishina E. B.	- the candidate of science-philology, associate professor, head of the Russian language chair, KemSU	**99**
Kochetova I. V.	- the post-graduate student, TSU	**103**
Kornev E. S.	- the candidate of science-physics & mathematics, the leading engineer of the math-analysis chair, KemSU	**25**
Korotkikh G. I.	- the candidate of science-philology, associate professor of inter-department chair of foreign languages, KemSU	**131**
Korotkikh Gal. I.	- assistant professor of the English philology chair # 2 of Romance and Germanic Philology Department, KemSU	**131**
Koshko N. N.	- the specialist of the personality development laboratory of the CPP, KemSU	**47**
Kostuchenko T. Ya.	- assistant professor of the English philology chair # 2 of Romance and Germanic Philology Department, KemSU	**44**
Kovtun L. O.	- the assistant professor of the inter-department chair of vital activity safety chair, KemSU	**147**
Krasikov V. I.	- the doctor of science-philosophy, professor of the inter-department chair of philosophy, KemSU	**135**
Lejnina G. V.	- the assistant professor of the foreign languages chair of history and international	**36**

	relations department, KemSU	
Lesnikova S. L.	- the candidate of science-pedagogics, associate professor, head of personal development laboratory CPP, KemSU	**47**
Leukhova M. G.	- the candidate of science-history, associate professor, director of the Center of Pre-university Preparation (CPP), KemSU	**47**
Lisenko E. A.	- the assistant professor of the marketing chair, KemSU	**159**
Makarcheva E. B.	- the candidate of science-history, associate professor of the history chair of Novokuznetsk KemSU Branch, Novokuznetsk	**10**
Marchenkova E. G.	- the graduating student of the general psychology and psychology development chair, KemSU	**60**
Maslova E. A.	- the engineer of the sociological laboratory, KemTIFI	**53**
Mikhaylov Yu. I.	- the doctor of science-history, professor of the history and culture theory chair, KemSU	**15**
Mikhaylova V. P.	- the candidate of science-psychology, associate professor of inter-department psychology chair, KemSU	**53**
Mukhamedieva S. A.	- the assistant professor of economic theory chair, KemSU	**155**
Murishkin D. L.	- the candidate of science-chemistry, associate professor of organic chemistry chair, KemSU	**141**
Nikolaeva E. V.	- the post-graduate student of theoretical physics chair, KemSU	**83**
Osborn O.	- the doctor of science-philology, professor of the University of New South Wales, Sydney, Australia	**107**
Ovcharova L. G.	- the assistant professor of inter-department chair of vital activity safety, KemSU	**147**
Pihtina T. L.	- the second-year student of philological department, KemSU	**99**
Poplavnoy A. S.	- the doctor of science-physics & mathematics, professor, head of the theoretic physics chair, KemSU	**83**
Porhacheva L. V.	- the candidate of science-history, associate professor of philosophy chair, KemTIFI	**53**
Rabkina N. V.	- the assistant of the English philology chair № 1, KemSU	**124**
Revenko I. V.	- the candidate of science-philology, associate professor pf Russian language chair, Krasnoyarsk	**111**
Rostova A. N.	- the doctor of science-philology, professor of the Russian language chair, KemSU	**114**
Rostova N. N.	- the candidate of science-philosophy, associate professor of the sociology chair, KSMA	**117**
Sablin K. S.	- the post-graduate student of economic theory chair, KemSU	**162**
Saramotina L. H.	- the five-year student of philological department, KemSU	**122**
Semenkova T. N.	- the candidate of science-pedagogics, associate professor, vice-rector on study-organizing work, KemSU	**47**
Shcitova N. V.	- the post-graduate student of Tomsk State University	**128**
Shraybman G. N.	- the candidate of science-chemistry, associate professor of the analytical chemistry chair, KemSU	**32**
Silinin A. V.	-the candidate of science-physics & mathematics, associate professor of the theoretical physics chair, KemSU	**83**
Stukalova E. V.	- the post-graduate student of the organic chemistry chair, KemSU	**144**
Tabakaeva L. M.	- the candidate of science-medicine, associate professor of the inter-department chair of vital activity safety, KemSU	**150**
Tiunova S. P.	- the candidate of the English philology chair № 1, KemSU	**124**
Tkachenko T. B.	- the candidate of science-chemistry, associate professor of the organic chemistry chair, KemSU	**141**
Trofimova I. V.	- the post-graduate student of the inter-department chair of vital activity safety, KemSU	**150**
Trubina A. A.	- the post-graduate student of Moscow State University	**19**

Utuganov A. A.	- the post-graduate student of the psychology and psycho-social technologies chair, KemSU	**69**
Varich L. A.	- the candidate of science-biology, associate professor of the human and animals' physiology and valeology chair, KemSU.	**47**
Vasina E. V.	- the specialist of the personality development laboratory of the CPP, KemSU	**47**
Vorotilov A. A.	- the post-graduate student of the coal and coal chemistry Institute of Siberian Department Russian Academy of Science	**21**
Zelenskiy E. E.	- the candidate of science-physics & mathematics, associate professor of the calculus mathematics chair, KemSU	**21**
Zobova L. L.	- the doctor of science-economics, professor of the economic theory chair, KemSU	**155**
Zubko K. S	- the engineer of the zoology and ecology chair, KemSU	**5**

Правила оформления статей в «Вестник КемГУ»

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала.

Со второго полугодия 2004 г. производится подписка на журнал (индекс 42150 по каталогу «*Пресса России»,* 51944 по каталогу российской прессы «Почта России»*)*. Электронная версия журнала и правила оформления статей представлены на сайте http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm. С 2008 г. полнотекстовая версия журнала в открытом доступе представлена в Научной Электронной Библиотеке eLIBRARY.RU и включена в реферативную базу данных «**Российский индекс научного цитирования»** (РИНЦ).

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2003 или последующих версий, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте gos@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения за основу берется печатный вариант.
2. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.
3. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционного совета журнала.
4. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.
5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.
6. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.
7. Не допускается свыше двух публикаций одного автора в одном номере журнала.
8. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*
9. Сторонние авторы оплачивают публикацию статьи только после получения от редакции согласия на публикацию.
10. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК);
2. Название статьи;
3. Инициалы и фамилия автора (авторов);
4. Аннотация/реферат;
5. Ключевые слова;
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами;
7. Список литературы;
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ПРАВИЛА К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1, поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация - книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе - автоматический.
2. В верхнем левом углу указывается индекс УДК.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках, прописными буквами, размер шрифта – 10, жирный, по центру.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую) - строчными буквами, размер шрифта 10, полужирный, курсив.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами (рекомендуемое количество ключевых слов - 5-7) на русском и английском языках.
6. При вставке формул использовать только Microsoft Equation (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например,

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \mathrm{Re}(z_1 / z_2) i + \mathrm{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \dfrac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

7. Рисунки, вставленные в документ, должны допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров. Допустимо представление рисунков отдельными файлами формата *.jpg*. Рисунки необходимо представлять в черно-белой палитре. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника. Нумерация - подрисуночная по центру.

Например,

Рис. 5. Элементарная ячейка кубического перовскита

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной:

Таблица 1

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках (ГОСТ 7.0.5.2008).

Например,

Ссылка на полный текст документа [6]

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24-28].

10. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.12-93. Допускается использование аббревиатур.

11. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется по ГОСТ 7.1-2003. Под одним номером допустимо указывать только один источник.

12. Примечания оформляются в виде концевых сносок.

13. В конце текста статьи указываются: полное название учреждения, где выполнено исследование, фамилии, имена и отчества (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов (на русском и английском языках).

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 4-7 страниц компьютерного набора формата А4 (210×297 мм).

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 140.8(470+571)”19”

ФОКУСНЫЕ ДИСКУССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX в.
В. И. Красиков

FOCUS DISCUSSIONS IN PATRIOTIC IDEA OF THE BEGINNING XX CENTURY
V. I. Krasikov

В статье анализируются наиболее значимые дискуссии начала XX в., в которых формировались основные позиции в отечественной философии того времени. Это широкие дискуссии – обсуждения знаменитых сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи». Также это академические дискуссии: обсуждение книг Н. Лосского и В. Савальского. Исследуется ход дискуссий, их состав и смысл.

Very important discussions in the Russian Philosophy of the Beginning of XX Century that formed main positions of intellectual field are considered. There are public discussions about prominent collections “Problems of Idealism” and “Vechi”. There are also academic discussions about books of N. Lossky and V. Savalsky. There are showed a logics of discussions, its participants and its sense.

Ключевые слова: фокусные дискуссии, поле интеллектуального внимания, русская философия начала XX века.

Key words: focus discussions, field of intellectual attention, Russian philosophy of the beginning of XX century.

Текст...

Литература

Красиков Владимир Иванович - доктор философских наук, профессор межфакультетской кафедры философии КемГУ

e-mail: krasikov1958@yahoo.com

тел.:.8(3842) 72-77-75

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Почтовый адрес: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ)
650043, Кемерово, ул. Красная, 6,
Редакция журнала «Вестник КемГУ»
Электронный адрес: gos@kemsu.ru
Телефон: (3842) 58-28-39

ПОДПИСКА – 2010

на январь – декабрь по Объединенному каталогу «Пресса России».

На почте с января 2010 г. проводится подписная кампания на журнал

«Вестник Кемеровского государственного университета»

по Объединенному каталогу Пресса России «ПОДПИСКА-2010»
по индексу **42150**
Условия оформления подписки (аннотация, индекс, стоимость)
Вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!